

STEPHANOS

СТЕΦΑΝΟΣ

2019

№5 (37) || Сентябрь

#5 (37) || September

ISSN 2309-9917

DOI 10.24249/2309-9917-2019-37-5-1-208

Stephanos

Сетевое издание

Рецензируемый мультиязычный научный журнал

Электронный проект

филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Главный редактор:

докт. филол. наук профессор М.Л. Ремнёва

Редакционная коллегия:

докт. филол. наук профессор Е.Л. Бархударова

докт. филол. наук старший научный сотрудник А.В. Злочевская

доктор искусствоведения доцент РАНХиГС Д. Красовец

ассистент кафедры русистики и лингводидактики PhD Карлов университет в Праге Якуб Конечны

докт. культурологии, профессор М.М. Лоевская

доктор филол. наук, профессор, декан философского факультета университета им.

Палацкого г. Оломоуц Зденек Пехал (Чешская республика)

канд. филол. наук, редактор Е.В. Раздобурдина

докт. филол. наук старший научный сотрудник В.В. Сорокина

докт. филол. наук профессор А.Г. Шешкен

канд. филол. наук доцент А.В. Уржа

канд. филол. наук научный сотрудник Е.А. Певак (отв. секретарь)

Программное обеспечение и техническая поддержка проекта:

старший научный сотрудник А.М. Егоров

Редакционный совет:

Александра Вранеш, докт. филологии, проф., *Белградский университет (Сербия)*

Екатерина Федоровна Журавлева, проф., председатель Всегреческой ассоциации преподавателей русского языка и литературы, *Западно-Македонский университет Греции (Греция)*

Мария Леонидовна Каленчук, доктор филологических наук, проф., зав. отделом фонетики, зам. директора по научной работе, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Россия)*

Максим Каранфиловский, докт. филологии, проф. Почетный проф. МГУ имени М.В. Ломоносова, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Македония)*

Леонид Петрович Крысин, докт. филол. наук, проф., зав. отделом современного русского языка, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН (Россия)*

Весна Мойсова-Чепишевская, докт. филологии, проф., зав. кафедрой македонской и южнославянских литератур филологического факультета им. Блаже Конеского, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Македония)*

Джей Паджет, докт. филол. наук, проф., *Университет Калифорнии Санта Круз (США)*

Иво Поспишил, докт. филол. наук, проф., зав. Институтом славистики, *Университет им. Т.Г. Масарика, Брно (Чехия)*

Елена Стеръёпулу, проф., *Национальный Афинский Университет им. Каподистрии (Греция)*

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77–53145 от 14.03.2013

© 2013–2019. Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

© 2013–2019 Stephanos

Stephanos
Network Edition
Peer reviewed multilingual Scientific Journal
Electronic Project
of Lomonosov Moscow State University Philological Faculty

Editor-in-chief:
Doctor of Philology Professor M.L. Remneva

Editorial Board:
Doctor of Philology Professor E.L. Barkhudarova
Doctor of Philology Senior Researcher A.V. Zlochevskaya
Doctor of History of Arts Docent D. Krasovec
Lector of Russian & Language Teaching Methodology PhD Charles University in Prague Jakub Konecny
Doctor of Culturology Professor M.M. Loyevskaya
Candidate of Philological Sciences E.V. Razdoburdina
Doctor of Philology Senior Researcher V.V. Sorokina
Doctor of Philology Professor A.G. Sheshken
Candidate of Philological Sciences Docent A.V. Urzha
Doctor of Philology Professor Zdeněk Pechal
Candidate of Philological Sciences Research Associate E.A. Pevak (Executive Secretary)

Software and Technical Support for the Project:
Senior Researcher A.M. Yegorov

Advisory Council:

Maria Kalenchuk PhD, Prof., Head of the Department of Phonetics, Deputy of the Director for Science,
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)
Maxim Karanfilovsky PhD, Prof. *University Sts. Cyril and Methodius University in Skopje,*
Honorary Prof. of *Lomonosov Moscow State University (Macedonia)*
Leonid Krysin PhD, Prof., Head of the Department of the Contemporary Russian Language
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)
Vesna Mojsova-Chepishavska PhD, Prof., Head of the Chair of the Macedonian and South Slavic
Literatures Philological Faculty «Blaj Koneski» *University Sts. Cyril and Methodius in Skopje*
(Macedonia)
Jaye Padgett PhD, Prof., Linguistics Stevenson Faculty Services *University of California Santa Cruz*
(USA)
Ivo Pospíšil, PhD, Prof., Head of the Institute of Slavic Studies, *University of TG Masaryk, Brno*
(Czech Republic)
Helen Stergiopoulou PhD, Prof. *School of Philosophy. Faculty of Slavic Studies National and*
Capodistrian University of Athens (Greece)
Alexandra Vranesh PhD, Prof., *University of Belgrade (Serbia)*
Ekaterina Zhuravleva PhD, Prof., Chairman of the Panhellenic Association of Teachers of Russian
Language and Literature *University of Western Macedonia Greece (Greece)*

Содержание

Статьи

- Солнцева Н.М. (Москва, Россия) «Песнь о великой матери» Н.А. Клюева: мистика и реальность в истории о «внучке Аввакума»*..... 7
- Молнар А. (Дебрецен, Венгрия) Тургенев и Толстой. Мотивы ревности в «Песни торжествующей любви» И.С. Тургенева и в «Крейцеровой сонате» Л.Н. Толстого* 23
- Браксаторис М. (Братислава, Словакия) Образ гуситов как предшественников словацких евангеликов в трудах словацких писателей*..... 35
- Сергеева А.Б. (Москва, Россия) Креативность современного французского языка: конкуренция двух систем*..... 45
- Петров И.Ф. (Краснодар, Россия) Аксиологический аспект кризиса постсовременной культуры* 53

Фундаментальные исследования

- Волошина О.А. (Москва, Россия) Об особенностях древнеиндийской лексикографической традиции (на материале глоссария Нигханту и словаря Амаракоша)*..... 61

Материалы и сообщения

- Пауткин А.А. (Москва, Россия) Слово и изображение. Борисоглебские миниатюры Радзивилловской летописи и Сильвестровского сборника* 78

К 90-летию юбилею Александра Флакера

- Шешкен А.Г. (Москва, Россия) Вклад Александра Флакера в изучение и развитие русско-хорватских научных и культурных связей* 85
- Злыднева Н.В. (Москва, Россия) Флакер и «Понятийник» русского авангарда* 91
- Vlašić-Anić A. (Zagreb, Hrvatska) Aktualizacija Aleksandride Kafkinom strategijom paradoksa «odсутности»* 96
- Užarević J. (Zagreb, Hrvatska) Bibliografija Aleksandra Flakera (izbor)*..... 118
- Мухина А.А. (Москва, Россия) Зоя Космодемьянская – Груня Фридрих – Христина Орлецова: трансформация советского мифа в драме и романе Бориса Пастернака* 130

Библиографии

- Воропаев В.А. (Москва, Россия) Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (1917–1928)*..... 139

Программы

- Николенкова Н.В. (Москва, Россия) Программа учебной дисциплины «История русского научного текста»*..... 187

Критика. Библиография

- Алпатов С.В., Кузнецова О.А. (Москва, Россия) Проблемы польско-русских литературных связей в изданиях серии «Biblioteka przekładow rosyjskich XVII–XVIII wieku z literatury staropolskiej»* 200

Contents

Articles

- Solntseva N.M. (Moscow, Russia)* “The Saga about the Great Mother”
by N.A. Klyuyev: Mysticism and Reality in the History
about the “Granddaughter of Avvakum” 7
- Molnar A. (Debrecen, Hungary)* Turgenev and Tolstoy.
Motives of Jealousy in Turgenev’s “The Song of Triumphant Love”
and Tolstoy’s “The Kreutzer Sonata” 23
- Braxatoris M. (Bratislava, Slovakia)* The Image of Hussites as Predecessors
of Slovak Evangelicals in Works of Slovak Writers 35
- Sergeeva A.B. (Moscow, Russia)* The Deceptive Pliability of Modern French:
Two Systems’ Competition 45
- Petrov I.F. (Krasnodar, Russia)* The Axiological Aspect of The Crisis
of Post-Modern Culture 53

Fundamental Research

- Voloshina O.A. (Moscow, Russia)* On the Specifics of the Ancient Indian
Lexicographic Tradition (on the Glossary Nighantu
and Dictionary Amarakosha) 61

Communications and Materials

- Pautkin A.A. (Moscow, Russia)* Word and Image. Borisoglebsk Miniatures
of Radziwiłł Chronicle
and Sylvester Compilation (Silvestrovsky Sbornik) 78

To the 90th anniversary of Alexander Flaker

- Sheshken A.G. (Moscow, Russia)* Contribution of Alexander Flaker to the Study
and Development of Russian-Croatian Scientific
and Cultural Connections 85
- Zlydneva N.V. (Moscow, Russia)* Flaker and the ‘Glossary’
of Russian Avant-Garde 91
- Vlašić-Anić A. (Zagreb, Croatia)* Actualisation of the Aleksandria
with Kafka’s Strategy of Paradox “Absences” 97
- Uzharevich J. (Zagreb, Croatia)* Bibliography of Alexander Flaker (selected).... 118
- Mukhina A.A. (Moscow, Russia)* Zoya Kosmodemyanskaya – Grunja Friedrich –
Christina Orletsova: Transformation of the Soviet Myth
in the Drama and in the Novel of Boris Pasternak 130

Bibliography

- Voropaev V.A. (Moscow, Russia)* The Bibliography of N.V. Gogol’s Works
and Literature about Him in Russian (1917–1928) 139

Programs

- Nikolenkova N.V. (Moscow, Russia)* The Program of the Academic Discipline
“The History of the Russian Scientific Text” 187

Critique. Bibliography

- Alpatov S.V., Kuznetsova O.A. (Moscow, Russia)* Problems of Polish-Russian
Literary Relations in Series “Biblioteka przekładów rosyjskich XVII–XVIII wieku
z literatury staropolskiej” 200

Статъи

Articles

Н.М. Солнцева (Москва, Россия)

**«Песнь о великой матери» Н.А. Клюева:
мистика и реальность в истории о «внучке Аввакума»**

Аннотация: Затемненность смысла мотивов и образов поэзии Клюева объясняется редкими книжными источниками, малоизвестной читателю мифологией Поморья и аксиологией старообрядчества, густотой тропов, сращением мистики и реальности. В статье представлен опыт комментирования сюжета о харизматичной поморке в поэме «Песнь о великой матери», предложены версии происхождения образов. Толкование ряда фрагментов основано на реальной биографии матери Клюева – визионерки и начетчицы, олонецкой староверки из рода протопопа Аввакума, на обращении к специфике норм жизни старообрядцев-беспоповцев, идеологии сектантов – серафимовцев, скопцов. Используются письма Аввакума, труды Н. де Лира, В. Даля, Н. Надеждина, В. Ясевич-Бородаевской и др. Описана сакрализация матери в произведениях Клюева, указано на роль матери в становлении его интеллекта, показано ее место в образотворчестве поэта. Проведена параллель мотивов поэмы и кондаков Романа Сладкопевца. Истории влюбленности героини в святого Феодора Стратилата придан литературный контекст. Приведены сведения об отношениях Клюева и Г. Распутина – персонажа поэмы. Поставлен вопрос о достоверности и вымысле в мемуарных свидетельствах Клюева.

Ключевые слова: Аввакум, мать, мистика, Поморье, Распутин, Роман Сладкопевец, секта, старообрядцы, Феодор Стратилат, Цветаева

N.M. Solntseva (Moscow, Russia)

**“The Saga about the Great Mother” by N.A. Klyuyev:
Mysticism and Reality in the History about the “Granddaughter of Avvakum”**

Abstract: Darkness of the sense of the motives and images in Klyuyev’s poetry is due to the rare book sources, little-known to the reader the mythology of Pomorje and the axiology of the old believers, the density of metaphors, the synthesis of mysticism and reality. The article presents the experience of commenting on the plot of the charismatic Pomor woman in the poem “The Saga about the Great Mother”, offers a version of the origin of images. The interpretation of fragments is based on real Klyuyev’s mother story – the Olonets visionary of the protopope Avvakum’s family, on the appeal to the specificity of old believers-“bespopovtsy” life norms, the ideology of sectarian – “serafimovtsy”, eunuchs. Avvakum’s letters,

the works of N. de Lira, V. Dahl, N. Nadezhdin, V. Yasevich-Borodaevsky etc. are used. The sacralization of the mother in the Klyuyev's works, the mother's role in his intelligence, her place in the poet's images are described. A parallel is made of the poem and kondaks by Roman Sweetsinger. The story of the heroine's love Saint Theodore Stratilat has a literary context. The article provides the information about the relationship between Klyuyev and Grigory Rasputin – the character of the poem. The problem of authenticity and fiction in Klyuyev's memoirs is regarded.

Key words: Avvakum, mother, mystery, Pomorje, Rasputin, Roman Sweetsinger, sect, old believers, Theodore Stratelates, Tsvetaeva

Поэма Н. Клюева «Песнь о великой матери» (между 1929 и 1934) была начата в год великого перелома; она не завершена: автора арестовали в 1934 г., сослали в Нарымский край, в 1937-м расстреляли. Из ссылки он писал 25 июля 1935 г. В.Н. Горбачевой, жене С.А. Клычкова, о своей тревоге за судьбу поэмы. Р.В. Иванов-Разумник¹ сообщал о том, что и в ссылке Клюев продолжал писать «Песнь о великой матери», но он же считал, что она безвозвратно пропала. В. Шенталинский² в архиве КГБ обнаружил автограф поэмы, и она была опубликована в одиннадцатом номере журнала «Знамя» за 1991 г.

В поэме 3918 строк – плетения словес и тайнописи. Как справедливо отмечает М. Никё, затемненность поэтического языка Клюева – от его читательских предпочтений (здесь и древнехристианские апокрифы, и тибетские мистики), от окружающей его материальной и духовной культуры русского Севера, мифологии, хлыстовской символики, даже «гомозротизма»³ [Никё 2017: 128]. Кроме того, его поэзия выстраивалась на густоте тропов, аллюзиях на малоизвестные источники, скрещении старообрядческих и лапландских реалий. Опять же согласимся с М. Никё: образотворчество Клюева близко поэтике В. Хлебникова. Еще Э. Райс отметил, что «по метафорической насыщенности» с Клюевым «никто не может сравниться, кроме Хлебникова» [Райс 1969: 75]. Хлебников-теоретик как раз писал о словотворческой потенции русской деревни («Курган Святогора», 1908), двойственности отношения между звуком и разумом («О современной поэзии»),

¹ Первая часть «Песни о великой матери» хранилась в доме Иванова-Разумника: «В моем личном архиве хранилась объемная папка – свыше ста писем и пятидесяти стихотворений Клюева эпохи 1933–1937 годов, в том числе и список первой части “Песни о Великой Матери”. Папка эта вместе со всем моим архивом погибла в Царском Селе зимой 1941–1942 года» [Иванов-Разумник 2000: 67]. Вторую часть поэмы Клюев из ссылки (так свидетельствует Иванов-Разумник) переслал близкому другу – Н.И. Архипову (с 1924 г. хранитель Петергофских дворцов и музеев, с 1926 г. заведующий управлением Петергофских дворцов и парков), тот спрятал ее на верху одной из кафельных печей дворца, но в 1938-м Архипова приговорили к пяти годам заключения, во время войны дворец был разрушен фашистами.

² Как рассказал мне В. Шенталинский, в рукописи не было титула, но с первых строк стало ясно, что перед ним – «Песнь о великой матери»; внутри текста была запись с планом продолжения и первым названием – «Последняя Русь». Приведем опубликованное свидетельство В. Шенталинского: «Что представляет собой рукопись? Это папка больших листов разного формата, исписанных рукой поэта, его своеобразным почерком, со всеми следами мук творчества – исправлениями, вычеркиваниями, вариантами, пометками. Поэма огромная – около четырех тысяч строк. Пришлось сначала собирать ее, составлять по листочку из вороха разнообразных бумаг. Немалое время ушло на расшифровку, переписку и анализ текста, выяснение темных мест, работу со словарями... Впрочем время и место для работы на Лубянке, в архиве КГБ (где рукопись пролежала с грифом “Совершенно секретно” пятьдесят семь лет!) – было предоставлено...» [Шенталинский 1999: 282]. См. также: *Шенталинский В. Песня Гамаюна: Николай Клюев // Шенталинский В. Рабы свободы. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. С. 255–290.*

³ М. Никё ссылается на: *Солнцева Н.М. Странный эрос: Интимные мотивы поэзии Николая Клюева. М.: Эллис Лак, 2000.*

1919), о заумных словах народного языка, о власти над человеком непонятных слов заговоров и заклинаний («<О стихах>», 1919–1920). В самом начале поэмы говорится о ее «тайнах», «притчах», «вестях», «страницах», которые «испить до дна не всякий может» [Клюев 1999: 701–702], что созвучно утверждению Я. Бёме («Аврора, или Утренняя заря в восхождении») о том, что не всякому дано понять и его мысли, и его язык. Клюев хорошо знал тайнописные тексты Бёме¹.

Основу поэмы составляет история жизни матери Клюева Прасковьи Дмитриевны (1851–1913). Литературный образ матери в «Песни о великой матери», в поэтическом цикле «Избьяные песни» (1914–1918), в записанных за Клюевым снах, в его воспоминаниях беспрецедентен.

По происхождению Прасковья Дмитриевна из крестьян, но на фотографии конца 1870-х – начала 1880-х гг. она в красивом городском платье, с крупными серьгами, голова покрыта изящным убором. Рядом в кресле ее муж Алексей Тимофеевич Клюев, о котором также идет речь в поэме.

Прасковья Дмитриевна – олонечкая староверка из рода протопопа Аввакума². Ее отец Митрий Андреевич – выходец из знаменитой Выговской пустыни, где под руководством Андрея и Семена Денисовых были созданы признанные всеми старообрядческими согласиями «Поморские ответы» (1723). Коштугский приход (Клюев родился в деревне Коштуги) Вытегорского уезда относился к филипповскому согласию. Но принадлежала ли Прасковья Дмитриевна к филипповскому согласию или поморскому³ – вопрос, порождающий те или иные комментарии к текстам Клюева. В любом случае оба согласия – беспоповские («Мужицкой верой беспоповской, / Мой стих в апостольник обряжен» [Клюев 1999: 806]. Дед Клюева, по-видимому, играл значительную роль в контактах старообрядцев: в его доме останавливались кавказские, австрийские (буковинские), персидские единоверцы. Бабушка Клюева по материнской линии из рода боярина Серых («Праотцы», <1924>). Дядя Прасковьи Дмитриевны, Кондратий, был самосожженцем.

Будучи староверкой, Прасковья Дмитриевна, судя по записям Клюева 1919 г., имела отношение еще и к серафимовцам («во чину серафимовского православия» [Клюев 2003: 30]). По учению иеромонаха Серафима, люди погрязли в грехах, потому истинного православия нет, ученые и благородные покорились антихристу, грядет скорое второе пришествие Христа. Серафимовцы помимо своих молелен посещали храмы, но считали, что священники – еретики, идущие к вратам ада. Аскетизм серафимовцев проявлялся, например, в том, что «желающие вступить в их секту должны в продолжение трех дней молиться Богу, полагая от 300 до 3000 поклонов» [Булгаков 1993: 1654]. Нет единого мнения о причастности матери Клюева к секте. Р. Вроон («Старообрядчество, сектанство и “сакральная речь” в поэзии Николая Клюева», 1997) развивает сказанное Клюевым об отношениях матери и серафимовцев; С. Ку-

¹ См.: Солнцева Н.М. Слово в воззрениях Я. Бёме и Н. Клюева // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. 2019. № 4. С. 22–36.

² Клюев о себе в автобиографии (1923 или 1924): «...родом я по матери прионежский» [Клюев 2003: 43]. Скорее всего, нет серьезных оснований считать мифом принадлежность матери Клюева к «корню» Аввакума. Клюев передал ее признание: «Как сквозь сон помню, поскольку ребячий разум крепок, приходила к нам из Лексинских скитов старица в каптыре, с железной панагией на персях, отца моего Митрия в правоте утверждать и гостила у нас долго... Вот от этой старицы и живет памятование, будто род наш от Аввакумова корня повелся...» [Клюев 2003: 44].

³ В 1739 г. в Выговской пустыни, центре поморского согласия, под давлением властей было введено моление за государя, что стало причиной отделения части старообрядцев во главе со старцем Филиппом в самостоятельное согласие. См: Мальцев А.И. Проблемы взаимоотношений старообрядцев филипповского и поморского согласий во второй половине XVIII в. // Источники по русской истории и литературе: Средневековье и Новое время. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. С. 139–153.

няев («Николай Клюев», 2014) сомневается в следовании Прасковьи Дмитриевны учению Серафима, но допускает ее знакомство с идеями серафимовцев и знание их гимнов. Мы полагаем, что она не входила в их сообщество, будучи замужем: женщины секты должны были «обручаться кольцом – в знак всегдашнего незамужества, замужние – в знак оставления супружества» [Булгаков 1993: 1654]. Также, по словам Клюева, мать знала «Шестокрыл», входивший в круг чтения русских чернокнижников. Интерес матери к сектантской аксиологии объясняет погруженность самого Клюева в идеи и поэзию сектантов.

Мать и сын были близки мистически. В раннюю пору жизни Клюеву были видения, но и матушке в отрочестве привиделся дуб, на нем птица с ликом Параскевы-Пятницы служила канон трем звездам, что на плате Богородицы. Прасковья Дмитриевна, несомненно, была начетчицей и обладала визионерским даром. На протяжении всей жизни Клюева она была его наставницей и утешительницей. После своей смерти родительница (так он называл ее в воспоминаниях, письмах) явилась ему, «окруженная светлым облаком»; при этом он видел себя четырех-пятилетним, она взяла его на руки, полетела с ним над огненными бурями, пропастями, ветрами, чудовищами; он оказался в «чудном, тихом, благоуханном месте – и перед широкой беломраморной лестницей, уходящей в необозримую высь», но поднялся лишь на несколько ступеней и услышал: «– Не готов!» [Христофорова-Садомова 2010: 545]. В 1925 г. ему снилось, как казаки-персы на пиках подняли его в самую высь, где мать ждала его с горой оладушек. В его сне начала 1930-х годов он и она наблюдают спор священника и диакона у самого алтаря, и она ведет его вон из храма, в котором нет благодати. Во сне после пасхальной службы 1932 г. мать предсказала, что у него отнимутся ноги, и с ним это случилось в ссылке. Н.Ф. Христофоровой-Садомовой он писал из Томска 24 октября 1934 г. о своих скитаниях в поисках ночлега, о том, как неожиданно незнакомец его впустил к себе со словами: «Провидение послало нам гостя!» – а на утро рассказал следующее: «Пришла, – говорит, ко мне красивая, статная женщина в старообрядческом наряде, в белом платке по брови: прими к себе моего страдальца – обратилась она ко мне с просьбой – я за него тебе уплачу – и подает золотой. <...> Моя родительница упреждает пути мои» [Клюев 2003: 340–341]. Тогда же Клюев чудом нашел в своем мешке пятирублевый золотой. В письме к ней же от 23 февраля 1936 г. он сообщал, как напек оладий, заварил настоящего чая, позвал к чаю своих «любимых», и «первой явилась маменька – как бы в венчальной фате» [Клюев 2003: 373]. В письме к Н.Ф. Христофоровой-Садомовой от 10 августа 1936 г. он рассказал о своих посещениях церкви восемнадцатого века, где ему были чудесные явления матери: «Не знаю, в теле или без тела, наяву или во сне, но мне в этой церкви – на фоне северной резьбы и живописи – несколько раз являлась моя покойная мать, – вся как лебединое перышко в синеватых радугах, утешала меня и утирала мои слезы неизреченно ароматным и нежно-родимым платочком» [Клюев 2003: 380]. Проникновение ирреального в действительность положено в основу сюжета «Песни о великой матери».

Имя героини поэмы – Параша, Паша. Повествование начинается с мотива памяти о ней, ее лик предстает Клюеву купавой (кувшинкой) «среди могильных повилик» [Клюев 1999: 712]. В поэме поначалу она влюбленная восемнадцатилетняя девушка, затем – «светлая мама» [Клюев 1999: 712] и харизматичная поморка.

В сюжете о влюбленности Параша узнаваемая реальность сплетена с метафизикой. Девушка влюбляется в святого Феодора Стратилата, чей лик изображен

на «венецийском складне» [Клюев 1999: 715]. Клюев не первый описал влечение к избраннику иного мира, как не была первой и М. Цветаева («Молодец», 1922, изд. 1924). Параша полюбила святого, тогда как Маруся Цветаевой – упыря, и жертвами ее преступной страсти стали брат, мать, душа самой Маруси. В литературе 1920-х сложились варианты странных личных связей персонажей с миром горным и преисподним. Крестьянка из романа С. Клычкова «Князь мира» (1927) по неведению прижила младенца от черта. А. Чаянов в «Венедиктове, или Достопамятных событиях жизни моей» (1921) описал тоску влюбленного демона по девушке, чью душу он выиграл у лондонских дьяволов. В лирическом цикле Клюева «Спас» (между 1916 и 1918) развернут мотив кощунственного эротического экстаза по отношению к Спасителю, в поэме «Мать-Суббота» (<1922>) есть некорректные страстные аллюзии на Богородицу. Религиозное чувство уживается с влюбленностью и вождением к Деве Марии в стихотворениях А. Блока «Глаза, опущенные скромно...» (1909), «Благовещение» (1909). Л. Карсавин («Ночь восьмая» в «Noctes Petropolitanae», 1922) в чувственном желании невест Христовых соединиться духовным браком с Иисусом Сладчайшим увидел прельщение, эротику. В его «Основах средневековой религиозности в XII–XIII веках» (1915) сделан акцент на податливости, впечатлительности средневекового сознания, на понимании любви как страстного томления, мучительной надежды на поцелуй Небесного Жениха, в чем проявляется не мужская деятельная страсть, а пассивное внутреннее женское горение без пламени. В экстазе мистиков П. Бицилли («Элементы средневековой культуры», 1919) также видел черту средневекового миропонимания: «При таком сближении субъекта и Божества Божество снисходит до субъекта и до известной степени деградирует <...>. Мистик скоро утрачивает ощущение зависимости от Бога», «Сын Божий заслоняется сыном Марии» [Бицилли 1995: 33–34, 37], а обращение к лексике «Песни Песней» или Овидия тем более приводит к вытеснению идеи Бога вочеловечившимся Небесным Женихом. Бицилли эмоционально нейтрален, когда констатирует частотность изображений Иисуса-младенца и Иисуса страдающего, подчеркивающих Его интимность, человечность, но Бицилли жестко писал о психозе визионеров и визионерок. В ряде эпизодов он ссылался на точку зрения Карсавина.

Влюбленность Параша в святого лежит в поле сознания, но не подсознания, не инстинкта. Тональность ее отношения к святому не имеет ничего сходного с экстазом лирического героя Клюева в «Спасе» и «Матери-Субботе». Обратимся к утверждению Б.П. Вышеславцева: «Подсознание есть понятие наших дней. Прежнее понятие души исчерпывалось сознанием, тем, что лежит в светлом поле переживания, что сознается. Подсознательные влечения ап. Павел не мог назвать “душою”, потому что они инстинктивны, бессознательны, не лежат в светлом поле сознания» [Вышеславцев 1994: 43]. Чувство Параша целомудренно, «лежит в светлом поле переживания». Феодор Стратилат (его изображение украшено топазами и бирюзой) вызывает в Параше любовь, побуждает ее к этому мистическая сила: «Тут ясный Сирий не стерпел / И на волхвующей свирели, / Как льдинка в икромет форели, / Повывел сладкое “люблю”» [Клюев 1999: 715]. Девушке необходимо поделиться своей тайной с подругой Аришей, и она в сопровождении матери отправляется в дальний и опасный путь. Клюев обстоятелен в описании поморского бытия, в котором быт мифологизируется, деталь наделяется обрядовым и символическим смыслом. Отец благословляет дочь Одигитрией. Лошадки запряжены гусем («Здесь нужен гусь, езда продолом, / В снегах и по дремучим

долам, / Где волок верст на девяносто» [Клюев 1999: 718]. Параша в собольей шубке; собраны наряды (сарафаны, сорочки, атласный плат и проч.), уложены утиральники – с чужими утиральниками ее красота перейдет к другим; в подушки защит афонский ладан. Кибитка минует скит, где Параша «жарко» молится «перед иконой огнепальной»; далее путь лежит к «морозному погосту», у которого вырастает крин (лилия) с «финифтяным павлином», его взор зовет ее в «горнее» [Клюев 1999: 719], и это чудо воспринимается ею как знак Феодора Стратилата; далее кибитка едет лесом, во сне и Параше, и матушке видится леший, но дурной сон сменяется благодатной явью – кибитка приближается к церкви Покрова; далее взору Параша открывается картина поморской деревни – «милого Поморья, / Где пряха тянет волокно, / Дозоря светлого Егорья / В тысячелетнее окно! / Прискочет витязь из тумана, / Литого золота шелом, / Испепелить Левиафана / Двоперстным огненным крестом, / Чтоб поболонь текли просонки, / Медведи-ночи, лоси-дни» [Клюев 1999: 721]; далее путешественниц преследуют «стада ночных нетопырей», их страшит «безглазая тьма болот», они опасаются «адских врат», но свыше приходит защита – огненный «двоперстный крест» [Клюев 1999: 721, 722] святого Егория в виде молнии. Неспешно изображается быт в избе Ариши – «сдобном рае» [Клюев 1999: 723] с древними иконами, среди них образ Феодора Стратилата. Итак, героине поэмы открыта магическая реальность, и она принимает чудесное как данность.

В повествовании появляются два персонажа, напрямую связанные с историей Парашиной любви. Во-первых, отец Ариши – морской волк, китобоец, вдовец. Во-вторых, сын нерполова, его зовут, конечно, Федор. Так метафизика сплетается с насущной явью. Федор – статный молодец, его рубаха расшита лопарским швом, у него знатные пимы. Он и Параша знакомятся на посиделках – в беседном танце, как и цветаевская Маруся выбирает себе молодца-незнакомца на гулянке. Параша, как и Маруся, танцует красивее других, вообще они обе краше других, но Параша скромна, тогда как в Марусе бушует стихия чувств. Федора Клюев сравнивает с влюбленным в зарю лосенком, в цветаевском молодце – демоническая страсть. Федор тронул сердце Параша, но она смущена, она корит себя за танец с ним. Чтобы разрешить свои сомнения, она отправляется к старцу Нафанаилу¹ с Соловков. Как в первом путешествии, так и сейчас Параша преодолевает великие трудности и проявляет сильный характер, «как Морозова Федосья»; Клюев пишет: «Бесстрашна внучка Аввакума» [Клюев 1999: 727]. Верующий человек, она знает, как противостоять напастям, например осеняет волка нательным крестом, и тот «завыл, скликав бесов полк, / И в миг издох...» [Клюев 1999: 728].

Старец раскрывает ей ее будущее, и в нем нет сына нерполова. Ранее прозвучавшая на посиделках песня девушек о сизом селезне, убитом злым кречетом, также аллегорическое предсказание о невозможном счастье с Федором. Действительно, юноша гибнет в битве с медведем, спасая Парашу, – она провалилась в берлогу. Этот эпизод в деталях совпадает с реальным случаем. Познакомившись в ссылке с В.В. Ильиной («Воспоминания о Николае Алексеевиче Клюеве», изд. 1986, 2010), женой репрессированного геолога Р.С. Ильина, Клюев рассказал ей о матери следующее: хорошо образованная, знающая греческий и арабский, она, дочь знаменитого помора, полюбила бедного молодого человека, что вызвало не-

¹ Нафанаил – апостольское имя. Иисус Христос о Нафанаиле: «вот подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства» (Ин. 1:47). После воскресения Спаситель явился на Галилейском озере семерым ученикам, среди них Нафанаил.

довольство отца; она тайно отправляется на богомолье в Царьград, в лесу замечает дымок, ошибочно решает, что набрела на жилище отшельника, и в итоге проваливается в берлогу. Ее спасает случайно оказавшийся поблизости возлюбленный, но сам гибнет – медведь буквально вырывает его грудную клетку. История вполне правдоподобная: появление молодого человека в нужном месте в нужное время – одно из чудес, которыми отмечена жизнь Прасковьи Дмитриевны.

Вернемся к сюжету. Перед кончиной Федор и Параша венчаются по уговору («<...> Братец милый, / Коль сердце не остыло, – / Христос венчает нас!» [Клюев 1999: 758]), он благословляет ее на вдовство. На выросшем из сугроба крине появляется малиновый павлин с лицом Федора, что символично: девушка как бы мистически венчается со святым. Венчание Параша и Федора убедительно, если иметь в виду, что описан мир старообрядцев-беспоповцев. Венчальный обряд в среде беспоповцев совершался мирянами¹.

Цветаевская Маруся, скорее всего, тоже из старообрядцев: девушки упрекают ее за двуперстную гордыню. Тем не менее она поступает вопреки вере и здравому смыслу – и в конце концов вместе с упырем несется в ад. Параша поступает так, как должна поступать благочестивая староверка, хотя ей это дается непросто. От старца Нафанаила она слышит второе предсказание: суженый Параша – отец Ариши. Сон говорит Параше совсем о другом: она видит себя Софией Палеолог – цареградской невестой, она по-прежнему хочет верить, что ее суженый – Феодор Стратилат. Но и лопарь-ведун пророчит о браке с вдовцом. Параша смиряется: Феодор Стратилат – ее жених и брат, они встретятся в раю, в этой жизни она отдаст себя китобойцу. Наконец все встало на свои места: святому – дух, смертному – плоть². Однако девушка все же тайно (как Прасковья Дмитриевна) отправляется в Царьград; по дороге она попадает в красивые, благоуханные палаты и узнает в хозяйке Богородицу («И Утоли Печали / В хозяйке узнает!» [Клюев 1999: 741]), которая показывает ей горницы святого Миколы, преподобного Варлаама с

¹ Такие семьи были лишены гражданских прав. Спор поморских староверов о бессвященнословном – без священника – браке имеет свою историю; в итоге на Соборе в Выговском общежительстве в 1798 г. был учрежден брачный чин. Вопрос о бракосочетании рассматривался в обращении московских поморцев к выговцам и в ответах выговских беспоповцев. Возглавлявший московскую поморскую старообрядческую общину Василий Емельянов (XVIII в.) указывал на то, что брак совершается Господом, и полагал приоритетным в бессвященнословном браке объявленное при свидетелях согласие жениха и невесты, благословение родителей. См.: *Мальцев А.И.* Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII – начале XIX в. Новосибирск: ИД «Сова», 2006 (гл. «Проблема брака во внутренней полемике поморского согласия»). Также: *Агеева Е.А.* Старообрядческий полемический сборник XIX века: К вопросу о браке у старообрядцев // *Вестник церковной истории.* 2011. № 3/4. С. 191–218; *Нильский И.* Семейная жизнь в русском расколе. Исторический очерк раскольнического учения о браке. Вып. 1: От начала раскола до царствования императора Николая I. СПб., 1869; *Нильский И.* Семейная жизнь в русском расколе. Исторический очерк раскольнического учения о браке. Вып. 2: Царствование императора Николая I. СПб., 1869.

² Отец поэта А.Т. Клюев – полицейский урядник, отставной фельдфебель. Владел домом в Вытегре. Оставив полицейскую службу, стал сидельцем винной лавки в деревне Желвачево. Его натура, по оценке С. Есенина (письмо С. Есенина к Н. Клюеву 1916 г., июль-август), «богаче всех наших книг и прений» [Сергей Есенин 1995: 61]. Судьба отца, описанная в поэме, далеко не во всем соответствует действительности. Однако знакомым поэт рассказывал об отце то, что составило сюжетную линию отца-персонажа. Н.Ф. Христофоровой-Садомовой («Воспоминание о поэте Клюеве Николае Алексеевиче») он описал отца как поморского рыбака, который владел своими лодками, был домовладельцем; под пятьдесят лет он женился на бедной поморке-старообрядке, которая вышла за него, чтобы помочь семье; вскоре после появления сына он погиб: был затерт льдами на промысле. В.В. Ильиной («Воспоминания о Николае Алексеевиче Клюеве») он рассказал о том, что охота отца на кита завершилась трагедией, но отец все же добрался до дома; малолетний Николушка смотрел на умирающего отца и вдруг за дверью увидел черта – тот на самом деле был с рогами и хвостом.

Хутыня¹, преподобного Иона Яшезерского², благочестивого отрока Артема³, протопopa Аввакума. Рядом, в светлице, Богородица размещает Парашу и говорит о сходстве земного пути Своего и ее («Как я, вдовцом укрыта, / Ты росною раки-той / Под платом отцветешь») и о рождении «сына-сладкопевца» [Клюев 1999: 742]. Отметим, что Клюев высоко ценил поэтический дар константинопольского преподобного Романа Сладкопевца: «Любимые мои поэты Роман Сладкопевец, Верлен и царь Давид», «Учился – в избе по огненным письмам Аввакума-протопopa, по Роману Сладкопевцу <...>» [Клюев 2003: 46, 47]. Свой талант Роман Сладкопевец получил от Богородицы.

Для темы материнства в поэме Клюева значимо содержание поэм (кондаков) Романа Сладкопевца «Мария и волхвы», «Мария у Креста», в которых описаны материнские чувства Богородицы, Ее опасение за жизнь Сына и тревога по поводу Иродова коварства, Ее сопричастность страданиям Сына, идущего на казнь. Даже когда Сын говорит Ей, всеумудрой, не уподобляться в своем горе обычным матерям, не оплакивать Его, Она напоминает Ему, что выносила и вскормила Его молоком, как всякая мать. В упомянутом выше эпизоде встречи Параша и Богородицы акцент сделан как раз на близости их судеб. Возможно, то, что на оборотной стороне поморских богородичных икон изображалась Параскева-Пятница, побудило Клюева показывать в своих текстах мать при Богородице. 8 июля 1925 г. ему приснилось, как «материнский скорбящий лик богородичной иконой стал» [Клюев 2003: 93], в начале 1930-х гг. он видит во сне, как из всех святых в России осталась только Богородица в образе странницы, и ей маменька рассказывает, как странницы носят сумки, как надевают лапотки. В «Избятных песнях» вознесшаяся в горний мир мать становится нянюшкой Иисусу Христу.

Богородица в «Марии у Креста» Романа Сладкопевца печалится по поводу того, что со смертью Сына прервется Ее духовная связь с Ним. В поэзии Клюева постоянна тема его духовной связи с матерью при ее жизни и после ее смерти. В «Песни о великой матери» описано, как Прасковья Дмитриевна выстраивала свои отношения с сыном. Судьба дает Марусе шанс: она вновь является в этот мир, выходит замуж за барина, живет строгой затворницей, тешится с сыном, – но до рокового момента, когда оставляет мужа и сына ради упыря. В образе Параша, напротив, выражены высокие представления Клюева о материнстве. Мать охраняет сына от напастей, например вплетает в его поясок молитву; она его просвещает – и его дар развивается в русле старообрядческой веры, под влиянием интеллекта поморов-начетчиков; она внушает ему принимать «мир Божьего сиянья», любить «рублевские заветы» [Клюев 1999: 772], красоту поморского искусства. Клюев во многом благодаря матери развил свой мистицизм, стал интеллектуалом, создателем необычного для литературы 1910–1930-х гг. поэтического словаря. В письме к А. Блоку конца ноября 1913 г. он назвал мать былинщицей, в письме к В. Брюсову от 2 марта 1914 г. – песельницей и былинщицей.

¹ Варлаам Хутынский жил в XII в., в десяти верстах от Новгорода построил церковь Преображения Господня, основал монастырь. Среди его обращений к мирянам наставление быть всегда кротким, что отвечает характеру Параша.

² Жил в XVI в.; ученик Александра Свирского; основал Благовещенский Иона-Яшезерский монастырь на Новгородчине. Иона Яшезерский знал о времени своей кончины, что соотносится с историей Прасковьи Дмитриевны, также знавшей день своей кончины.

³ Праведный Артемий Веркольский жил в XVI в. в селе Верколе на Пинеге (Архангельская губерния), погиб в отрочестве от удара молнии, после смерти – чудотворец, от его мощей миряне получали исцеление.

Прасковья Дмитриевна, по-видимому, обладала особой речью, «в которой звон цветет знаменный, крюковой, скрытный, столбовой» [Клюев 2003: 30], и феноменальной памятью: «Памятовала она несколько тысяч словесных гнезд стихами и полууставно, знала Лебеда и Розу из Шестокрыла, Новый Маргарит – перевод с языка черных христиан, песнь искупителя Петра III, о христовых пришествиях из книги латинской удивительной, огненные письма протопopa Аввакума, индийское Евангелие и многое другое, что потайно осоляет народную душу, – слово, сон, молитву, что осоляло и меня до костей, до преисподних глубин моего духа и песни...» [Клюев 2003: 30]. Чтение запрещенного «Шестокрыла» Эммануэля-бар-Якоба (XIV в.) мы объясняем не сочувствием ереси жидовствующих, а визионерским интересом к истолкованиям небесных явлений, к астрологическим прогнозам будущего (к вычислению времени затмения и проч.), к шести астрономическим таблицам (крылам). Примечательно, что в семье Клюевых пользовались русским вариантом издания сочинений Иоанна Златоуста, отличным от традиционного «Маргарита». В состав «Нового Маргарита», помимо переводов князем Андреем Курбским текстов Иоанна Златоуста, было включено составленное Эразмом Роттердамским житие, а также текст самого Курбского, сведения из хроники церковного писателя-историка Никифора Каллиста. Под «песнью искупителя Петра III» скорее всего имеется в виду скопческий духовный стих о Петре III, которого скопцы почитали искупителем и именем которого назывался их лидер Кондратий Селиванов; по скопческой мифологии, Петр III – воплощение Христа (В. Даль – «Исследование о скопческой ереси», 1844; Н. Надеждин – «Исследование о скопческой ереси», 1845). Скопчество – эпизод в жизни юного Клюева. Мы не можем судить о степени достоверности рассказов о его подготовке к оскотлению и бегстве из общины, его встрече в составе ходоков-скопцов с Л. Толстым, его послушании («О послушании моем в яслях и купелях скопческих в Константинополе и Смирне» [Клюев 2003: 31]), но созданное между 1916 и 1918 г. экстатическое стихотворение «О скопчество – венец, золотоглавый град...» – убедительная поэтическая рецепция его пребывания среди скопцов. Возможно, упомянутая латинская книга – это латинский теологический трактат XIV в. «Доказательство пришествия Христа» францисканца Николая де Лира, переведенный на церковнославянский в начале XVI в. Если это так, то рассуждения средневекового писателя о природе Христа («Сам Он является и истинным Богом и истинным Человеком» и проч. [Лира 199: 155]) входят в контекст (помимо скопческих, хлыстовских идей) темы божественной и плотской сути Иисуса Христа в текстах Клюева 1910–1920-х гг. Индийским евангелием, очевидно, названо апокрифическое тибетское евангелие «Жизнь св. Иссы», написанное в I в. С детства благодаря матери сознание Клюева было подготовлено к интерпретациям христианской аксиологии, расширительному толкованию истории христианства. Например, в тибетском евангелии говорилось о жизни Иссы в Непале и Индии, и в данном случае не имеет значения, понимаем мы его как подлинный артефакт или мистификацию. К слову, этот же источник объясняет евразийство зрелого Клюева, его желание видеть в России Белую Индию, высказанную в поэме мысль о том, что поморская изба «покумится» с «востоком, где Брама спит» [Клюев 1999: 732]. В записях Клюева 1919 г. есть обмолвка: «Меня вводили в воинствующую вселенскую церковь...» [Клюев 2002: 30]. К пятнадцати годам, как сказано в поэме, он освоил «Щит веры» – 382 вопроса старообрядцев-поповцев и ответы старообрядцев-беспоповцев, нравственные наставления XIII в. «Златая

чепь» сочинения Иосифа Флавия, «Аврору» Я. Бёме, духовную грамоту Кирилла Белозерского (XIV–XV вв.) и многое другое: «И в кельице до синей мглицы, / До хризопразовой звезды, / Цвели словесные сады» [Клюев 1999: 755]. Но все же Параша, как Прасковья Дмитриевна, отдает сына на выучку «Под соловецкий омофор» [Клюев 1999: 757] – в Соловецкий монастырь, где все еще сохранялся старообрядческий дух («А в Соловках я жил по два раза. В самой обители жил больше года без паспорта, только по имени – это в первый раз; а во второй раз жил на Секирной горе», «Вериги я на себе тогда носил девятифунтовые <...>. Без 400 земных поклонов дня не кончал» [Клюев 2003: 32, 33]).

Параша предстает в поэме заступницей Святой Руси. Еще старец Нафанаил предрек катастрофу страны: «В царьградской шапке Мономаха / Гнездится ворон – вестник страха, / Святители лежат в коросте, / И на обугленном погосте, / Сдирая злать и мусику, / Родимый сын предаст Россию / На ключья, вервие, колеса!..» [Клюев 1999: 727]. Он же предсказал, что сын Парашаи доживет «до сатанинского покоса» [Клюев 1999: 729]. О близкой гибели Святой Руси говорит девушке Богородица. Распространенное среди старообрядцев и упомянутое в поэме «Сказание о двенадцати снах царя Мамера» (XV–XVII вв.) также содержало пророчество о пришествии антихриста.

В реальности Клюев с ранних лет чувствовал в Прасковье Дмитриевне победительницу дьявола: «Глядит, бывало, мне в межбровья взглядом неколебимым, и весь облик у нее страсотерпный, дьявола побеждающий» [Клюев 2003: 44]. Прасковья, героиня поэмы, в разные концы света тайно направляет вестников-бегунов из старообрядцев-беспоповцев со свитками – своими посланиями братьям и сестрам по вере о том, что «от Норвеги до Китая / Железный демон тризну правит» [Клюев 1999: 758]. Она собирает «две тысячи отцов и жен» [Клюев 1999: 759]. На собор она призывает еще и суфиев, а также хлыстов, скопцов, что требует объяснения. Мы не причисляем мать Клюева к серафимовцам, но все же отметим, что их задачей было собиране «избранного стада из всех христиан» и его приготовление «к достойному сретению небесного Судьи» [Булгаков 1993: 1653]. Скорее всего, объединение староверов и сектантов обусловлено их общей маргинальностью по отношению к Церкви и государству. Свобода веры официально была разрешена лишь в апреле 1905 г. манифестом «О свободе вероисповедания», тогда же была образована официальная церковная организация старообрядцев. Клюев ассоциирует инициативу великой матери с ролью в истории христианства направленного против арианства никейского Вселенским собором 325 г.: «Так мамины гласили свитки – / Громов никейских пережитки» [Клюев 1999: 758].

Мы не знаем, были ли в основу этого фрагмента поэмы положены факты из жизни Прасковьи Дмитриевны, но его содержание соответствует представлениям поморов о духовном водительстве женщины-староверки. В основу сто первого ответа «Поморских ответов» положена мысль о том, что Церковь заключена не в стенах, а в Писании. Там сказано: «Сколько мест и городов после апостолов было по случаю гонений без священников, когда крестили и мужчины, и женщины <...>» [Поморские ответы 2016: 305]¹. О допустимости крещения женщиной говорится и в сто втором ответе; в сто третьем и сто четвертом – о допустимости крещения без миропомазания, без причастия. Поморские беспоповцы опирались на слова апостола Павла в первом послании коринфянам о том, что Господь ут-

¹ В «Гагарьей судьбине» (1922) сказано о том, что бабушка Соломонида, опасаясь гибели Клюева-младенца, крестила его в хлебной квашонке. Позже его окрестили в Сретенской церкви.

вердил в Церкви апостолов, пророков, учителей из мирских людей. Насущным было положение о женщинах, которые «действовали и как священники, и как не-священники» [Поморские ответы 2916: 304]. Как примеры харизматичных верующих женщин упоминаются четыре дочери-пророчицы апостола Филиппа, святая равноапостольная Фекла, которая крестила себя и других, святая Мариамия – она многих крестила и проповедовала слово Божие. В.И. Ясевич-Бородаевская («Борьба за веру: Историко-бытовые очерки и обзор законодательства по старообрядчеству и сектантству в его последовательном развитии», 1912) утверждала, что именно староверы впервые заговорили о равноправии женщин; при этом она опиралась на опыт поморских старообрядцев, в частности – женских скитов на реке Лексе. Как пишет современный исследователь старообрядчества, старообрядка «могла стать наставником, т. е. духовным руководителем общества, иметь свою молитвенную избу и отправлять разные религиозные требы, в том числе исповедь, крещение, похороны и т. д.» [Тикас 2011: 20]¹. Особым авторитетом пользовались женщины от 41 до 70 лет. К этому добавим пояснение Клюева, данное В.В. Ильиной: земляки шли к его матери за советом, потому что «в Поморье был обычай считать заместительницей Богородицы на земле какую-нибудь мудрую и благочестивую женщину. За такую ее и принимали» [Ильина 2010: 624]. Клюев видит родительницу в иконном, богородичном, образе – «Владычицей Семиозерной» [Клюев 1999: 787]². Письма Аввакума («Отцам святым» и «Преподобным маткам», старице Каптелине, двум девам, боярыне Федосье Морозовой и княгине Евдокии Урусовой и др.) говорят о великом уважении протопопа к староверкам. Так, он сообщает, что пошел к старицам в кельи за благословением. Он сравнивает своих духовных дочерей Морозову и Урусову с Енохом и Илией, пишет о том, что они отложили женскую немощь и восприняли мужскую мудрость, победили дьявола, посрамили мучителей своей готовностью идти ко Христу. Писатели XVIII в. Семен Денисов («Виноград российский», 1730–1733), Иван Филиппов («История Выговской старообрядческой пустыни», изд. 1862) сообщают о старицах, вдовах, девицах, чьи труды по устройению, совершенствованию общины равны мужским. Наконец, на втором всероссийском съезде поморов (1911) было решено, что женщины могут быть наставницами, могут крестить, участвовать в соборах.

Возглавляет собор Макарий с Алтая. Клюев мог иметь в виду либо покойного первоапостола Алтая преподобного Макария Алтайского (1792–1847), в чем нет ничего странного, поскольку вселенская церковь, к которой он себя причислял, вмещала в себя живых и мертвых, к тому же в поэме выразительна мистическая линия повествования, либо святитель Макарий Невский (1835–1926), также алтайский миссионер. Его сопровождают двенадцать медведей-апостолов: «Две-

¹ См.: *Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б.* Женщина в православии. Церковное право и российская практика. М.: Кучково поле, 2011 (гл.: «Женщина-старообрядка в XX в.: ненаписанная страница истории»); *Зенковский С.А.* Русское старообрядчество. Минск: Белорусский Экзархат, 2007; *Керов В.В.* Место женщины в старообрядческом сообществе и предпринимательстве // Женщина в старообрядчестве: Материалы междунар. науч.-практ. конференции, посв. 300-летию основания Лексинской старообрядческой обители / Сост. А.В. Пигин, И.Н. Ружинская. Петрозаводск: ПетрГУ, 2006. С. 14–23; *Смирнов П.С.* Значение женщины в истории русского старообрядческого раскола. СПб.: Тип-я А.П. Лопухина, 1902; *Тикас Ч.О.* О степени самостоятельности женщины в старообрядческом обществе (по материалам Новгородской губернии XIX в.) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2011. Вып. 2. С. 60–65; *Тикас Ч.О.* Женщина в беспоповском старообрядческом сообществе во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам Санкт-Петербургской, Новгородской, Вологодской и Олонецкой губерний): Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.

² Семиезерная икона Божией Матери (Смоленская Одигитрия) исцеляет от смертельной болезни; считается, что в XVI в. она спасла от чумы всю страну.

надцать вещей медведей / С Макарием – лесным Христом» [Клюев 1999: 759], «И с ним апостолы-медведи – / В убрусах из закатной меди, / Венцы нездешней филиграни» [Клюев 1999: 761], «К святым собратиям в соседи / Нас поведут отцы-медведи» [Клюев 1999: 762]. Этимология этого образа неясна, но можно предположить, что Клюев опирался на эпизод из жизнеописания Макария Алтайского: преподобному, его преемнику по алтайской миссии о. Стефану (Ландышеву), толмачу, мальчику-келейнику, направлявшимся вдоль горной реки в алтайскую глушь крестить аборигенов, ночью встретились медведи. Мифологизированный медведь – частый образ в поэзии Клюева.

Макарий обращается к собору со словами, в которых звучит та же мысль, что в свитках Прасковьи: «И сатана в мужицких снах / Пасет быков железнорогих. / Полесья наши, нивы, логи / Ад истощает ясаком» [Клюев 1999: 761]. Причем Макарий выступает как миссионер: «За остяка, араба, финна / Пред вечным светом Русь порука» [Клюев 1999: 761]. В самом Клюеве не было национальной замкнутости, он называл себя «потомком лапландского князя» («Я потомок лапландского князя...», 1917 или 1918; [Клюев 1999: 367]), в «Песни о великой матери» дан образ кроткой Лапландии с огнями ее чумов, тундровой зарей, полярной березкой и с угличской иконой Спасителя. Такой толерантности есть объяснение: ради сохранения веры старообрядцы преодолевали огромные расстояния, заселяли чужие земли, включая само Поморье.

Клюев описывает крушение цивилизации: ад высылает в Россию змея, в мир приходит «лобасто-рыжий и смердящий» кот – «убийца матери великой» (здесь образ великой матери Клюева соотносится с великой матерью Россией); «в мертвой тине» Арал, «скрипят подземные рули» [Клюев 1999: 764] в Сарове, горят леса по Керженцу, мелеет Волга, экологическая трагедия разрастается в Суздале, на Украине, в Моздоке. Макарий видит родину в огне и призывает оставить ее, говорит о «нерушимых Гималаях»: «Под океан, тропинкой малой, / Отбудем мы в алмазный город, / Где роковой не слышен молот» [Клюев 1999: 762]. Тема исхода звучала в позднем творчестве Клюева: об исходе святых из России говорится в «Погорельщине» (1928), в одном из «снов» Клюева от российского берега отчаливают праведники, святые, страстотерпцы.

Прасковья «мается маемой всемирной» и предчувствует, что скоро она «отчалит в Русь в ладье сосновой» [Клюев 1999: 791]. Прасковья Дмитриевна знала час своей смерти, заранее распорядилась, где ее похоронить, прочла по себе сорокоуст, на сороковой день прочла отходную и спокойно умерла (об этом Клюев пишет в «Гагарьей судьбине»). В поэме описано, как перед смертью к родительнице являются три старца из Персидской земли, их дары (коты, венец, саван) предвещают долгожданную чудесную встречу: «Казалось, фатою брачной / Ее покроет Стратилат, / Чтоб повести в блаженный сад» [Клюев 1999: 792]. Святой сходит с божницы, встает рядом с Прасковьей, «Чтоб положить скитской начал / Перед отбытьем в путь далекий» [Клюев 1999: 793].

И в реальности, и в художественном сознании Клюева родительница – сама святая. В «Гагарьей судьбине» он пишет: «Мамушка лежала помолодевшая, с неприкосновенным светом на лице. Так умирают святые, лебеди на озерах, богородицына трава в оленьем родном бору...» [Клюев 2003: 37]. В поэме описано усупение матери: проплывают города, годы, свет исходит от Божьего Цареграда, ее провожает коленопреклоненная толпа, в том числе орочены, остяги, прибывают китежане. Отходную поют суфии. И. Грабарю Клюев рассказывал, что отходную по Прасковье

Дмитриевне справили семь мудрецов из Индии, они знали, что она отмечена Богом и носила на себе сорочку протопопы Аввакума – «обрела на том самом месте, где преподобный Аввакум живым на небо был взят» [Грабарь 2010: 564].

После смерти великой матери осуществляются мрачные предчувствия: «народишко чалый», «домишки гноятся сивухой», «столица – железная клеть», звучит «Пролетарии всех стран...» [Клюев 1999: 798] и проч. Морок страны персонифицирован в Распутине. Он демоничен и противоположен матери-спасительнице. Отношение Клюева к Распутину неровное. Появившийся в петербургских салонах, он был воспринят как еще один Распутин, о чем свидетельствуют его стихотворение «Меня Распутиным назвали...» (<1917>), воспоминания современников, например Н.В. Плевицкой («Мой путь с песней», изд. 1930), дневниковая запись М. Кузмина за 25 сентября 1915 г.; А. Толстой и П. Щёголев работали над пьесой о Клюеве и Распутине (И. Дункан, А.-Р. Макдугалл – «Русские дни Айседоры Дункан и ее последние годы во Франции», <1929>). «Клюевщину» ассоциировали с распутинщиной (В. Ходасевич – «Есенин», 1926). Поначалу отношение Клюева к Г. Распутину уважительное. Описание в «Гагарьей судьбине» их встречи 1915 г. начинается так: «Семнадцать лет не видались, и вот Бог привел уста к устам приложить. Поцеловались попросту, как будто вчера расстались», но Клюев подметил, что иконы у Распутина «не истинные, лавочной выработки», что он отчужден от мистических сект – уже не понимает «потайного» языка Клюева и обратился к «жесткому православию» [Клюев 2003: 40, 41]. Однако темы их разговоров насущные: старец пророчит катастрофические последствия войны, говорит о необходимости отдать землю крестьянам. Впечатление от Распутина выражено в сравнении его с Иоанном Новгородским, заклявшим беса. Но в «Господи, опять звонят...» (1916 или 1917) Распутин сам бесноват: «пляшет в жгучих, похотливых сапогах» [Клюев 1999: 349] на плате с частицей мощей; в «Жильцы гробов, проснитесь!..» (<1918>) сказано о возмездии за то, что «чумазый Распутин / Плясал на иконах и в чашу плевал...» [Клюев 1999: 379]; в «На ущербе красные дни...» (1918 или начало 1919) Распутин стучится в ад. В их отношениях допускают некоторое соперничество. Когда С. Городецкий («Из бесед», изд. 2010) в шутку заметил Клюеву, не пора ли ему Распутина свергать, тот ответил (в шутку? всерьез?) утвердительно, и это как-то поясняет предостережение Распутина, обращенное к Клюеву во время упомянутой выше встречи, – не пророчествовать в царской семье. Как своеобразный откуп можно интерпретировать подарок Распутина Клюеву – перстень Алексея Михайловича (И.Б. Западалов – «Воскрешение Китеж-града», изд. 1992; Б.Н. Кравченко – «Через мою жизнь», изд. 1991).

В «Песни о великой матери» отношение к Распутину выражено в строке «Я тебя содрагаюсь, Распутин» [Клюев 1999: 800]. В Распутине «с дитятей голубится черт», он говорит: «Я Богородицу люблю, / Как подколенную змею, / Что в сердце мне сосет всечасно!», «Самосожженческие срубы / Годятся Алексею в сказки» [Клюев 1999: 800, 801]. Он пляшет с неким козлом – сатиром, «козлообразом»: «Руно по бедра, грудью гол, / С погуслым золотом на рожках...» [Клюев 1999: 804, 803]. Его образ выстраивается на контрасте с образом государя («Он тихо шел окрай пруда», «Но ласков, в кителе простом», «Царь говорил тепло, с развальцем», «Простой, по-юношески гибкий». [Клюев 1999: 803, 804]. В то же время Распутин дарит поэту серебряный крест с колдовским, приворотным корнем, его сила – во влиянии на людей, он – «любезный братец» и даже «учитель

светлый» [Клюев 1999: 807]. Успению матери противоположна гибель Распутина, которого поэт видит дымящимся над полыньей.

Итак, в сюжете и образах поэмы срослись вымысел и факт, мистика и реальность. Сама метафора в его художественном сознании – мифологема. Но вводя в изображение жизни то, чего быть не могло, Клюев хотел верить в скрытую реальность или верил в нее. Его тексты целостны и не раздробляются на явь и онейросферу. Даже несомненный вымысел, выдаваемый поэтом за реальность, современники слушали с наслаждением, в чем признался И. Грабарь. Он же подметил в клюевских историях сочетание лукавства и наивности. Приведем цитату: «Слушая Клюева, неискушенный человек мог поклясться, что он верит сам в свои “сказы”, я же успел его изучить и знал, что он лукавит, как лукавил и в своей цветистой поэзии, хотя его светло-зеленые глаза при этом производили впечатление детски-чистых, наивных. Думается, что в портрете мне удалось схватить эту смесь лукавства и наивности» [Грабарь 2010: 564]. Полагаем, то было не лукавство, а плен образотворчества. Иначе истории Клюева воспринимал живописец, график М.П. Иванов-Радкевич. Ему Клюев рассказал, как матушка привела его на берег Белого моря, к берегу прибило пльвун, на котором сидел старец в белом – сто лет назад он таким же образом появился в тех местах. Иванов-Радкевич резюмирует: «Сказка, конечно, но, слушая Н.А., казалось, что он сам во все это верит безоговорочно» [Иванов-Радкевич 2010: 567].

ЛИТЕРАТУРА

- Бицилли П.* Элементы средневековой культуры. СПб.: Мифрил, 1995. XXVIII + 244 с.
- Булгаков С.В.* Настольная книга священно-церковно-служителей: В 2 ч. Ч. II. М.: Моск. отделение ВООПИИК, 1993. 1772 с.
- Вышеславцев Б.П.* Этика преображенного Эроса / Вступ. ст., сост., коммент. В.В. Сапова. М.: Республика, 1994. 368 с.
- Грабарь И.* Воспоминания и характеристики // Николай Клюев. Воспоминания современников / Вступ. ст., коммент. Л.А. Киселевой; сост. П.Е. Поберезкиной. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. С. 563–564.
- Иванов-Радкевич М.П.* Из воспоминаний о Н.А. Клюеве // Николай Клюев. Воспоминания современников / Вступ. ст., коммент. Л.А. Киселевой; сост. П.Е. Поберезкиной. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. С. 564–569.
- Иванов-Разумник Р.В.* Писательские судьбы // Иванов-Разумник Р.В. Писательские судьбы. Тюремь и ссылки / Вступ. ст., сост. В.Г. Белоуса. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 25–90.
- Ильина В.В.* Воспоминания о Николае Алексеевиче Клюеве // Николай Клюев. Воспоминания современников / Вступ. ст., коммент. Л.А. Киселевой; сост. П.Е. Поберезкиной. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. С. 622–627.
- Клюев Н.А.* Песнь о великой матери // Клюев Н.А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Предисл. Н.Н. Скатова, вступ. ст. А.И. Михайлова; сост., подгот. текста и примеч. В.П. Гарнина. СПб.: РХГИ, 1999. С. 701–816.
- Клюев Н.* Словесное древо. Проза / Вступ. ст. А.И. Михайлова; сост., примеч. В.П. Гарнина. СПб.: Росток, 2003. 688 с.
- Лира Н. де.* Доказательство пришествия Христа / Пер. на рус., предисл., аналитический обзор, указ. слов и словоформ Е.В. Федоровой. М.: Просветитель, 1999. 283 с.

Никё М. От тайноведения к тайнописи: эзотеризм поэзии Николая Клюева // *Paroles étranges. Mélanges offerts à Jean-Claude Lanne / Ed. Natalia Gamalova. Modernités russes. Numéro spécial hors série.* Lyon: Université Jean-Moulin Lyon-3, 2017. С. 127–140.

Поморские Ответы: В 2 кн. Кн. 2. М.: Криница, 2016. 407 с.

Райс Э. Николай Клюев // *Клюев Н. Соч.: В 2 т. / Под общ. ред. Г.П. Струве, Б.А. Филиппова.* Т. 2. Мюнхен: A. Neumanis, Buchvertrieb und Verlag, 1969. С. 51–111.

Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы / *Общ. ред. Н.И. Шубниковой-Гусевой; сост. С.П. Митрофановой-Есениной, Т.П. Флор-Есениной.* М.: Республика, 1995. 607 с.

Тикас Ч.О. Женщина в беспоповском старообрядческом сообществе во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам Санкт-Петербургской, Новгородской, Вологодской и Олонецкой губерний): Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. 27 с.

Христофорова-Садомова Н.Ф. Воспоминания о поэте Клюеве Николае Алексеевиче // *Николай Клюев. Воспоминания современников / Вступ. ст., коммент. Л.А. Киселевой; сост. П.Е. Поберезкиной.* М.: Прогресс-Плеяда, 2010. С. 540–551.

Шенталинский В. Песнь о великой матери // *За что? Проза, поэзия, документы / Сост. В. Шенталинский, В. Леонович.* М.: Ключ, 1999. С. 285–382.

REFERENCES

- Bicilli P. (1995) *Elements of Medieval Culture.* St.-Petersburg. Mifril Publ. XXVIII + 244 p.
- Bulgakov S.V. *A Handbook of Sacred-Church-Servants: In 2 parts. Part II.* Moscow. Moscow Regional Office All-Russian Society for Protection of Monuments of History and Culture Publ. 1993. 1772 p.
- Vysheslavtsev B.P. (1994) *Ethics of the Transformed Eros / Introd. article, comp., comments by V.V. Sapova.* Moscow. Respublika Publ. 368 p.
- Grabar I. *Memories and Characteristics.* In: *Nikolay Klyuyev. Memoirs of Contemporaries / Introd. article, comments by L.A. Kiseleva; comp. by P.E. Pobereskina.* Moscow. Progress-Pleyada Publ. 2010, pp. 563–564.
- Ivanov-Radkevich M.P. *From Memories on N.A. Klyuyev.* In: *Nikolay Klyuyev. Memoirs of Contemporaries / Introd. article, comments by L.A. Kiseleva; comp. by P.E. Pobereskina.* Moscow. Progress-Pleyada Publ. 2010, pp. 564–569.
- Ivanov-Razumnik R.V. *Writer's Destinies.* In: *Ivanov-Razumnik R. V. Writer's Destinies. Prisons and Exile / Introd. article, comp. by V.G. Belous.* Moscow. Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. 2000, pp. 25–90.
- Ilyina V.V. *Memories of Nikolai Alekseevich Klyuyev.* In: *Nikolay Klyuyev. Memoirs of Contemporaries / Introd. article, comments by L.A. Kiseleva; comp. by P.E. Pobereskina.* Moscow. Progress-Pleyada Publ. 2010, pp. 622–627.
- Klyuyev N.A. *Saga About the Great Mother.* In: *Klyuyev N.A. The Heart of a Unicorn / Preface by N.N. Skatova, introd. article by A.I. Mikhailov; comp. by V.P. Garnin.* St.-Petersburg. Russian Christian Institute of Humanities Press. 1999, pp. 701–816.
- Klyuyev N. (2003) *Wordy Tree. Prose / Introd. article by A.I. Mikhailov; comp. by V.P. Garnin.* St.-Petersburg. Rostok Publ. 688 p.
- Lyra N. de. (1999) *The Proof of the Coming of Christ / Introd. article, analytical review by E.V. Fedorova.* Moscow. Prosvetitel Publ. 283 p.
- Nicker M. (2017) *From Sacred Wisdom to Cryptography: The Esotericism of Poetry of Nikolay Klyuyev.* In: *Paroles étranges. Mélanges offerts à Jean-Claude Lanne / Ed. Natalia*

Gamalova. Modernités russes. Numéro spécial hors série. Lyon. Université Jean-Moulin Lyon-3, pp. 127–140.

Pomor Answers: In 2 books. Book 2. Moscow. Krinitza Publ. 2016. 407 p.

Rice E. Nikolay Klyuyev. In: Klyuyev N. Works: In 2 vols. / General ed. by P. Struve and B.A. Filippov. Vol. 2. Munich: A. Neymanis, Buchvertrieb und Verlag. 1969, pp. 51–111.

Sergey Yesenin in Poetry and Life. Letters. Documents / General ed. by N.I. Shubnikova-Guseva; comp. by S.P. Mitrofanova-Yesenina, T.P. Flor-Yesenina. Moscow. Respublika Publ. 1995. 607 p.

Tickas Ch.O. The Woman in the Old Believers' Community in the second half of the 19th – the beginning of the 20th centuries (On materials of St.-Petersburg, Novgorod, Vologda and Olonets provinces). Thesis. PhD. History Sciences. SPb., 2011. 27 p.

Christoforova-Sadomova N. F. Memories on the Poet Nikolay Alekseevich Klyuev. In: Nikolay Klyuyev. Memoirs of Contemporaries / Introd. article, comments by L.A. Kiseleva; comp. by P.E. Pobereskina. Moscow. Progress-Pleyada Publ. 2010, pp. 540–551.

Shentalinsky V. The Saga about the Great Mother. In: What for? Prose, Poetry, Documents / Comp. by V. Shentalinsky, V. Leonovich. Moscow. Klyuch Publ. 1999, pp. 285–382.

Сведения об авторе:

Наталья Михайловна Солнцева,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Natalia M. Solntseva,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
natashasolnceva@yandex.ru

А. Молнар (Дебрецен, Венгрия)

Тургенев и Толстой.
Мотивы ревности в «Песни торжествующей любви» И.С. Тургенева
и в «Крейцеровой сонате» Л.Н. Толстого¹

Аннотация: Предложенный в статье сопоставительный анализ «Песни торжествующей любви» И.С. Тургенева и «Крейцеровой сонаты» Л.Н. Толстого способствует выявлению значимых переключек в повестях, что позволяет по-новому осмыслить их содержание. Особое внимание уделено позиции персонажей, для выражения которой Тургенев и Толстой используют слова-метафоры, и значительную роль играет звуковая форма этих слов. Звук становится индикатором мотива, отражая особый ритм и тональность текста. Толстовская теория любви и ревности посредством музыки проецируется на тургеневский текст таким образом, что внимание читателя фокусируется как на новой семантике высказывания, так и на фантастическом элементе, возникающем на основе вполне реалистической ситуации. Итак, кроме сходства сюжетов повестей Тургенева и Толстого, рассматриваются текстовые выражения взаимодействующих смысловых полей и общих мотивов – измены и убийства.

Ключевые слова: Тургенев, Толстой, песнь, музыка, любовь, ревность, нож

A. Molnar (Debrecen, Hungary)

Turgenev and Tolstoy.
Motives of Jealousy in Turgenev's "The Song of Triumphant Love"
and Tolstoy's "The Kreutzer Sonata"

Abstract: The article presents a comparative analysis of "The Song of Triumphant Love" by Ivan Turgenev and "The Kreutzer Sonata" by Leo Tolstoy which defines significant points of specific intertexts of the stories, revealing new meanings. Attention is paid to the words-metaphors presented in the text through their sonic shells. Thus the sound becomes the basis of the text-forming as an index of a motive, reflecting the particular rhythm and tone of the text. Tolstoy's theory of love and jealousy through music is projected onto Turgenev's text that focuses on the new discourse and semantics and the ways of creation the fiction on realistic basis. In addition to the similarities of plots in Turgenev' and Tolstoy stories the text figures interacting semantic fields and common motifs such as betrayal and murder are regarded.

Key words: Ivan Turgenev, Leo Tolstoy, song, music, love, jealousy, knife

¹ Статья написана на основании доклада, представленного на международной научной конференции «Поздний Тургенев: тексты, события, оценки, проблемы наследия: научная конференция к 200-летию со дня рождения писателя» (филологический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова).

Некоторые поздние произведения И.С. Тургенева характеризуются специфической модальностью, создающей неопределенность и «видимость» действия, образов и явлений, что отличает их от почти натуралистического реализма отдельных повестей и рассказов Л.Н. Толстого. Поиск определения этого особого дискурса у Тургенева ведется исследователями творчества писателя много лет; в этой связи изучаются и вопросы использования им фантастического элемента¹. Известно, что, вслед за Вл.С. Соловьевым, Цветан Тодоров определяет суть фантастического как неоднозначность, колебание, вытекающее из двойственности восприятия. Фантастика предполагает наличие персонифицированного рассказчика, что позволяет читателю идентифицировать себя с персонажем². Фантастический элемент, привнесенный Тургеневым в повествование, стал основой поэтики «таинственного». Герои его поздних повестей испытывают неосознанную тревогу, сталкиваясь с тайной. Они «видят» невидимое, хотят узнать непознанное, и для этого им необходимо расшифровать свои сны и видения³.

В «Песни торжествующей любви» нарратор читает рукопись одной хроники времен итальянского Ренессанса, таким образом выстраивая повествование, которое неожиданно обрывается незавершенной фразой. Венгерский исследователь творчества Тургенева Янош Шельмеци подошел к «тайне», представленной в повести, как явлению, которое ведет субъекта к самопониманию. Она не исчерпывается сюжетом, но раскрывается в поэтическом дискурсе. Шельмеци считает сон Валерии главным компонентом повести, так как фантастические элементы сновидений Валерии, составляющие синтагматический ряд, помогают просыпающейся героине выйти за пределы неопределенного, фантастического и, оказавшись в сфере реального, забеременеть. Во время сна Валерия дистанцируется от легенды о Святой Цецилии, преображаясь и создавая свою собственную историю. Новые черты обретают в сновидении Валерии и двойники – проекции Муция и Фабия. Таким образом, сон становится в повести Тургенева одновременно и историей героини, и ее символическим самоопределением⁴.

Мы же остановимся в «Песни торжествующей любви» на ситуации измены как воображаемом поступке, исследовав ее и на уровне текста, и в реальном событийном ряду. Здесь и обнаружится сходство с повестью Толстого «Крейцера соната». Несмотря на то что мы пока не нашли твердых доказательств того, что Л. Толстой читал «Песнь торжествующей любви» (1881), явные переклички между сочинением Тургенева и «Крейцеровой сонатой» (1889) заставляют нас считать это предположение вполне обоснованным. Рассмотрим, как развивается по-разному воплощаемая у Тургенева и Толстого связанная с музыкой тема ревности, а также определим общие для их произведений языковые и тематические мотивы.

В повести Тургенева «Песнь торжествующей любви» между двумя мужскими персонажами усматривается общее как в судьбе, так и в выборе возлюбленной – Валерии. Однако и «торжество любви» (в данном случае мы подразумеваем выполне-

¹ *Зельдхейн-Деак Ж.* «Таинственные повести» Тургенева и русская литература XIX века // *Studia Slavica*. Т. 19. Budapest, 1973. С. 347–364; *Кишцова Д.* Стиль модерн в «Песни торжествующей любви» И.С. Тургенева // *Тургенев И.С. Жизнь, творчество, традиции.* Будапешт, 1994. С. 121–130; *Муратов А.Б.* Повесть И.С. Тургенева «Песнь торжествующей любви» // *Studia Slavica*. Т. 21. Budapest, 1975. С. 123–137.

² *Todorov T.* Bevezetés a fantasztikus irodalomba. (Ford. Gelléri Gábor.) Budapest: Napvilág Kiadó, 2002. (См. также: *Соловьев Вл.С.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 9. Брюссель, 1966).

³ См. также: *Тодоров В.Н.* Странный Тургенев. М.: Изд-во РГГУ, 1998.

⁴ *Selmeczi J.* A titok-próza Turgenyev elbeszélő költészetében: Doktori disszertáció / Eötvös Lóránt Tudományegyetem. Bölcsészettudományi Kar. Budapest, 2011. С. 23.

ние Муцием «функции» мужа) подчеркивает это двойничество. Подобная ситуация, с небольшими оговорками, возникает и в повести Толстого (см. Позднышев и Трухачевский). У Тургенева взаимодополняемость образов, воплощающих «рыцарскую угодливость и щедрость», проявляется и в их контрастной характеристике: «Муций занимался музыкой, Фабий – живописью» (стр. 47)¹. У Муция «лицо смуглое», черные волосы, в то время как Фабий описан светлыми красками. Как уже неоднократно отмечалось в тургеневоведении, в образах художника Фабия и музыканта Муция и в двух сюжетных линиях, связанных с ними, кодируются атрибуты Аполлона и Диониса и присвоенные им типы творческих актов. Муций и до основных сюжетных событий не отличался особой разговорчивостью и наводил робость на Валерию. Героине вообще свойственна боязливость, и она тоже не слишком общительна; однако подчеркивается ее приятный голос, любовь к пению и музыке: «ранним утром любила напевать старинные песни, под звуки лютни, на которой сама играла» (стр. 48). В этой сфере и устанавливается ее связь с Муцием, с которым «она занималась музыкой; но разговаривала больше с Фабием» (стр. 48). Интересно, что в латинской транскрипции Муций созвучно с музыкой – *Muzio* (ср. с «музицированием» в «Крейцеровой сонате»). Мужчины становятся соперниками: сначала Муций не может «быть свидетелем торжества своего друга» (стр. 50), затем Фабий следит за ним с опасением и в припадке ревности вонзает в Муция кинжал. Перед нами любовный треугольник, подобный тому, какой мы видим в повести Толстого.

У Тургенева мотив сна имеет прямое отношение к мотиву предполагаемой измены. Брачная жизнь Фабия и Валерии определяется как «блаженный сон» (стр. 50). Однако смерть матери Валерии и возвращение Муция влекут за собой «тяжелые сны», как в прямом, так и переносном смысле, ибо чувства Муция не ослабевают, и он возвращается, все еще сохранив «следы страсти» (стр. 50). Таким «следом» («тяжелым», «странно теплым», как и сон) является ожерелье, которое он собственноручно возлагает на шею Валерии и которое «так и прильнуло к коже» (стр. 51). Станным становится и то, что в первый же вечер у Муция развязывается язык, и он как будто занимает место более общительного Фабия. К тому же его рассказы словно гипнотизируют слушателей: «Чудны были его рассказы! Как очарованные, слушали его и Фабий и Валерия» (стр. 52). Тело героя транслирует его намерения: «движения рук» «утратили развязность» (стр. 52). Голос героя тоже становится более сосредоточенным, подобным музыке, звучит «глуше и ровнее» и действует на слушателей, как обворожительная песня. Муций посредством музыки управляет чувствами и чувственностью женщины. Как покорны звукам его музыки змеи, так и потаенные страстные чувства Валерии он выводит на поверхность ее подсознания: «он принялся вызывать, насвистывая на маленькой флейте, из закрытой корзины ручных змей», «шевелия жалами, показались из-под пестрой ткани их темные плоские головки» (стр. 52). Это приводит Валерию в ужас (наводит на нее страх – ср.: страсть), но она старается скрыть свои тайные желания, возбуждаемые Муцием, который использует и другое средство: он угощает Валерию «ширазским вином», над которым произносит заклинания. Красное вино «очень сладко и пряно», от него клонит ко сну, оно вызывает «ощущение приятной дремоты» (стр. 52).

Свою последнюю песню Муций играет на индийской скрипке. Ее страстное звучание уподобляется гипнотизирующим движениям змей, огню и вызывает слезы у

¹ Здесь и далее в скобках приводятся страницы по следующему изданию: *Тургенев И.С. Песнь торжествующей любви* // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 10. М.: Наука, 1982. С. 47–66.

слушателей, а у самого музыканта бледнеют губы. У Тургенева даже вещь – неодушевленный алмаз – будто оживает, искрится и светится, «как бы тоже зажженный огнем той дивной песни» (стр. 53), а игра на скрипке описывается как сексуальный акт: когда «Муций кончил», «уронил руку, державшую смычок» (стр. 53). Заметно сходство в описании воздействия страстной музыки на героиню с произведением Толстого. Об этом сходстве говорит и мотив конца (см. ниже). Определение любви в связи с песней (слово «торжествующая») в толковании героя Тургенева становится синонимом «счастливой, удовлетворенной». Это опять же относится скорее к физической стороне любви. Как и предметы (см. ожерелье), так и действия, жесты Муция, направленные на обольщение Валерии, напоминают движения змей (дурман, оглушение, заклинание, окружение, захват, давление): в голове женщины «слегка звенело... от странного того вина, как она полагала, а может быть, и от рассказов Муция, от игры его на скрипке...» (стр. 54). Музыка здесь действует буквально так же, как это воображает Позднышев в повести Толстого, однако у толстовского героя нет никаких доказательств телесной близости между женой и музыкантом.

У Тургенева же всё физическое переносится в мир тайны и первое сближение героев определяется как «необычайный сон». Валерия вступает в «просторную комнату с низким сводом», уставленную дымящимися курильницами в виде «чудовищных зверей» (стр. 54). Комната без окна – нет отверстия, через которое в нее мог бы поступать свет. Закрытая пологом, чернеет дверь, и еле заметное движение ткани уподобляется змее: полог «тихонько скользит, отодвигается» (стр. 54). Это сравнение мотивировано тем, что когда в дверном проеме появляется Муций, он также движется змееобразно: «Его жесткие руки обвивают стан Валерии; его сухие губы обожгли ее всю», и Валерия «падает навзничь» (стр. 54). Проснувшись, Валерия видит рядом с собой спящего мужа, который похож на мертвеца: «лицо его, при свете круглой и яркой луны, глядящей в окна, бледно, как у мертвеца... оно печальнее мертвого лица» (стр. 54). Луна светит ярко, становясь пособником обольстителя. Не случайно в описаниях сомнамбулических походов Муция и Валерии автор именует их «лунатиками». Очевидна тесная связь между мотивами сна и луны: луна заходит и небо становится темнее параллельно тому, как замирают звуки и супруги засыпают.

Слова песни соотнесены с основными мотивами повести, объясняют действия ее исполнителя и раскрывают суть происходящего. После произошедшего во сне соития Муций, все еще находясь в забытии, вновь исполняет эту песню. Ее звуки позволяют Фабию догадаться, что Муций удовлетворил свою страсть и что к этому причастна его жена, Валерия. Строчку песни «Месяц стал, как круглый щит» (стр. 59) можно сопоставить с сегментом нарративного текста «лунный, до жесткости яркий свет обливал все предметы» (стр. 58) и лунатиков, приближающихся друг к другу. Следующая фраза – «Как змея, река блестит...» (стр. 59) – явно отсылает к змее как символу искушения. При встрече любовники орошаются легким дождиком как в прямом, так и в переносном смысле. «Друг проснулся, недруг спит» (стр. 59) – эта фраза характеризует ситуацию и отношения Фабия и Муция. Фраза «Ястреб курочку когтит...» представляет сексуальный акт (стр. 59) – подобно тому, как хищник овладевает беззащитной жертвой. «Помогай! – бормочет Муций нараспев, как бы в забытии» (стр. 59). Муций исполняет песню на скрипке точно так же, как и музыкант в повести Толстого. Жена Позднышева аккомпанирует Трухачевскому на пианино. У Тургенева помощь жене оказывает муж, который впоследствии, когда он уже убеждается в правильности своих догадок, разрешает конфликт путем убийства своего соперника.

Во время второй встречи Фабий уже прерывает своего соперника, не давая ему рассказывать, т. е. обвораживать, устанавливая невидимую связь с Валерией, и целеустремленно выводит его на чистую воду. Фабий переживает в этот момент странное чувство. Видя состояние своей жены, он испытывает эмоции, которые сопутствуют ревности, как и толстовский Позднышев: «постоянный страх, и гнев, и боль неопределенных подозрений...» (стр. 59). Сначала Фабий не признается даже самому себе в том, что ревнует жену, но он испытывает робость перед своим загадочным другом. Когда выясняется, что Муций видел тот же удивительный сон, что и Валерия, ревность мужа усиливается. Ему всё больше хочется разгадать тайну отношений Валерии и Муция.

Итак, в повести Тургенева отношения мужчины и женщины окутаны тайной, и в этом ее сходство с сюжетом повести Толстого. Позднышев должен разобраться не только в своих супружеских отношениях, но и в отношениях, которые возникают между его женой и музыкантом. Отметим, что как у Тургенева герой сам становится виновником сближения своей жены с музыкантом, поскольку именно он приглашает Муция к себе в дом, так и Позднышев у Толстого становится инициатором сближения своей жены с Трухачевским.

В поведении Валерии отчетливо проявляется намерение утаить свою догадку: она только слушает песню, но не хочет ничего видеть, не хочет говорить о происходящем со своим мужем, неохотно отвечая на его вопросы: «она закрыла глаза, отвернулась» (стр. 55). Героиня ничего не рассказывает мужу о своем сне. Доказательством совершенного акта является «довольное», «веселое» лицо Муция. Его изменившийся внешний облик обнажает тайные чувства Валерии, и читатель понимает: ей страшно за содеянное. Статуя мраморного сатира со «злоградской усмешкой» (стр. 56), под которой сидит задумчивая Валерия, напоминает как малайца, который насмеяется над обманутым мужем, – и не случайно он назван идолом (малаец глядит на Фабия, как истукан, затаив усмешку на своем бронзовом лице), – так и Муция: «недвижное лицо его смеется при свете луны, как у малайца» (стр. 61). Муций играет на флейте, вызывая из корзины змей, – и сатир прикладывает «к свирели свои заостренные губы» (стр. 56). Есть созвучие в имени героя-соблазнителя (Муций) и в слове «малаец». Подчеркивается сходство немотой обоих, причем у малайца отсутствие речи (у него вырезан язык) компенсируется его великой силой – способностью воскрешать мертвых. Безъязыкость малайца можно интерпретировать как знак кастрации – неспособность к оплодотворению. Вспомним: когда хозяин малайца, молчаливый Муций, превращается в разговорчивого транслятора песни, он обретает эту способность.

Валерия вербализует сексуальный акт: для нее происходящее – зверское насилие, поскольку ее «хотело растерзать», по ее словам, «какое-то чудовище» (стр. 57). Стыд и страсть героини выражаются в использовании метафоры огня (например: она «скрыла в подушки свое пылавшее лицо», стр. 57). Отметим, что связанный с огнем темно-красный цвет доминирует в описаниях Муция и малайца (например: их кровь, красная шаль). Оттенки красного появляются и там, где речь идет об отношениях Фабия и Валерии: супруги смогли заснуть только к утру, когда яркий свет луны сменился красным цветом зари – «Ранним отблеском утра заалелись стекла окон, когда она [Валерия] наконец задремала» (стр. 59) в объятиях мужа. Супруги ищут друг в друге спасения, но столь же важно для них найти слова, с помощью которых они могли бы описать происходящее: они не в состоянии вербализовать то, что характеризуется в тексте метафорой «туча»:

«что-то темное нависло над их головами... но что это было – они назвать не могли» (стр. 57). И у Муция нет теперь необходимости использовать слова: он добился цели и «рассказывал мало», «теперь уже не нужно» было и вина (стр. 58).

Таинственность, чудеса, странности, формирующие образ Муция, – всё то, что составляет фантастическое в повести Тургенева, получает простое объяснение духовного отца, который утверждает, что Муций и раньше «не совсем был тверд в вере» и, возможно, из темных стран, «не озаренных светом христианства» (стр. 60), привез тайны магии.

Использованный в повести Тургенева мотив света раздваивается: есть светочность образа святой Цецилии-Валерии – и есть яркий свет луны, сопровождающий любовные свидания: «вместе с ее лучами, сквозь полупрозрачные стекла окон, со стороны павильона стало вливаться дуновение, подобное легкой, пахучей струе» (стр. 61). Появляющееся в описании картины лунной ночи «дуновение» дополняется «страстным шептанием» (там же) – тихим и страстным словом. Лунатизм героев, идущих по дороге, залитой яркими лунными лучами, отражается в едва различимых словах и как будто нереальных встречах любовников.

Реакция тургеневского героя на мистическую связь жены с Муцием напоминает отношение Позднышева к «роману» его жены с музыкантом. Тургенев использует для выражения чувства злобной ревности традиционную метафору грозящей гибелью водной стихии: «Несказанное бешенство залило грудь Фабия внезапно нахлынувшей волной» (стр. 61), и в речи его появляется что-то звериное. В отличие от героя толстовской повести, Фабий не анализирует свое состояние в момент вспышки ревности, и смертельный удар Фабий наносит своему другу, а не жене: «и, схватив Муция одной рукою за горло, он нащупал другою кинжал в его поясе – и по самую рукоятку воткнул лезвие ему в бок» (стр. 61). Как и Трухачевский у Толстого, Муций убегает: «Пронзительно закричал Муций и, притиснув ладонью рану, побежал, спотыкаясь, назад в павильон...» (стр. 61). Валерия реагирует на поражение так, будто у них с Муцием одно тело и душа: «Но в самый тот миг, когда его ударил Фабий, так же пронзительно закричала Валерия и, как подкошенная, упала на землю» (стр. 61).

В отличие от Муция, однако, ее не приходится «воскрешать». Другими словами, убийство мужем любовника позволяет жене освободиться от чар и вернуться к своему прежнему состоянию, к своей прежней жизни, «прерывисто и радостно, как человеку, только что спасенному от неминуемой смерти» (стр. 61). Теперь она открывает свои глаза, «страстно» радуется мужу и погружается в безгрешный сон: «увидала мужа – и, обвив его шею руками, прижалась к его груди» (стр. 61); «заснула крепким, но не тяжелым сном» (стр. 62). Фабий же думает о необходимости официально заявить о содеянном («если он убил Муция, то нельзя же это скрыть! Следовало довести это до сведения герцога, судей...», стр. 62). Точно так же и Позднышев понимает, что нужно признаться полиции. Проблема у тургеневского героя тем не менее возникает из-за его неспособности вербализировать совершенное: «но как объяснить, как рассказать такое непонятное дело?» (стр. 62). Фабию сложно описать словами фантастическую историю – это может сделать фиктивный автор рукописи, который напишет впоследствии повесть, сохранив в тайне то, что нельзя выразить словами, сознавая, что многое нельзя и понять до конца.

Муций, исполнив свою роль в оплодотворении Валерии и зародив в ней новую жизнь, теряет силы. Фабий убивает его, и теперь уже он, Муций, а не муж Валерии, «кажется мертвецом»: «Лицо его, желтое, как воск» (стр. 62). Малаец «воскрешает» Муция, т. е. с помощью целебного растения, «похожего на папоротник», возвращает

ему признаки жизни. Во время таинства воскрешения факел горит «зеленоватым огнем», освещая комнату. Беззвучные «слова» немого тоже действуют целительно. Малаец ударил «веткой по окровавленному лезвию» кинжала, которым Фабий поразил своего друга (стр. 63), и как будто очистил его от греха и защитил от смерти.

Фабий продолжает следить за своим другом через «потаенную дверь». Открытие двери – жест, в котором высказывается любопытство мужа (ср. аналогичное действие Позднышева в толстовской повести) и его желание разгадать тайны, а их в повести немало. Это подаренное Валерии ожерелье, которое надо бросить в колодезь, чтобы оно очистилось от чар; это само «воскрешение» Муция, для чего используется темная жидкость, имеющая «почти удушливый запах, запах мускуса» (стр. 64); это змейка, которая свернулась «вокруг каждой чашки», тоже наделенная исцеляющей силой. Это малаец, который управляет Муцием, как при лунатизме и месмеризме, и, держа в руках вожжи, заставляет голову Муция двигаться. Чародей словно помощник в сказках, который с помощью живой воды воскрешает мертвого царевича. Здесь жидкость темна и закипает, чашки издают звуки – «тонкий звон», а «медные змейки волнообразно» изгибаются. Позже мертвец демонстрирует главный признак вернувшейся к нему жизни – у него открылись глаза: «показались тусклые, как свинец, зеницы» (стр. 65). Части тела, органы Муция действуют будто по чужой прихоти – не случайно герой назван мертвецом.

В тексте повести помимо эпитета, характеризующего любовь, семантика «торжества» повторяется только в этом эпизоде воскрешения: малаец гордо радуется своему умению, успеху, что выражается в преодолении им немоты. Он издает звук, который описан так, что вызывает ассоциации с ревом зверя: «из самой глубины его гортани с усилием вырвался протяжный вой...» (стр. 65). Мертвец откликается на этот призыв: «Губы Муция раскрылись тоже, и слабый стон задрожал на них в ответ тому нечеловеческому звуку...» (стр. 65). Герои теперь издают мертвые звуки. И Фабий «закричал и бросился бежать без оглядки домой» (стр. 65). При этом он произносит слова молитвы, чтобы отогнать от себя дьявольское наваждение. Тургенев оставляет читателя в неизвестности: всё происходящее представлено через восприятие героя, а Фабий не в состоянии решить, обратил уезжающий Муций к нему свой взор или нет. Фабий старается разгадать смысл увиденного и «погружается в думу» (стр. 63), но даже свет солнца не может прояснить его мысли.

После отъезда Муция Валерия успокаивается. Она уверена, что больше не увидит его и «те сны не повторятся» (стр. 64). Фабий и Валерия «ни единого звука» не проронили о Муции, а его дальнейшая судьба «для всех остается тайной» (стр. 66). Собственно, Муций и есть та тайна, раскрыть которую, сознательно или бессознательно, пытаются герои. Слово «тайна» непосредственно в тексте закреплено и за Валерией, особенно в ситуациях, когда героиня отказывается объяснить случившееся. Важно, чтобы они с мужем больше не говорили о произошедшем, которое для нее табуировано: Валерия «притаила дыхание, глаза ее прищурились, точно она ожидала удара... И Фабий ее понял: он не нанес ей этого удара» (стр. 66). Метафора удара активизирует возможную ситуацию убийства – убийства ножом. Но герой Тургенева (даже вербально) не поступает так, как Позднышев, который смертельно ранил жену ножом. Спустя время Фабий снова находит в чертах Валерии выражение вновь обретенной чистоты, которое лишь на время было затуманено присутствием Муция, – теперь Фабий может завершить работу над ее портретом.

Освободившаяся от тайной страсти героиня снова наделяется атрибутами света и святости: она «радостно вздохнула», у нее «блаженная улыбка» (стр. 64), а после отъезда Муция она может петь (ср.: свет и благодать появляются в описании внешнего облика жены Позднышева после музыкальной игры). Тайна воплощается в том, как воспроизводится песня, и в том, как зарождается новая жизнь во чреве Валерии. Героиня в этот момент играет на органе: «Внезапно, помимо ее воли, под ее руками зазвучала та песнь торжествующей любви, которую некогда играл Муций, – и в тот же миг, в первый раз после ее брака, она почувствовала внутри себя трепет» (стр. 66). Как указывает Янош Шельмеци, здесь дублируется музыкальный ряд – и благодаря песне о любви словесный текст становится музыкальным. Добавим от себя: у Толстого в повести происходит то же самое, только речь идет, соответственно, о сонате. Соната и песня в повестях Толстого и Тургенева оказываются музыкальными эквивалентами словесного текста, который в «Песни торжествующей любви» возникает подобно тому, как в рамках личного пространства героев рождается новая человеческая жизнь и сопутствующая этому мелодия «торжествующей любви».

Обратимся теперь подробнее к «Крейцеровой сонате» Толстого и рассмотрим, какие единицы этого текста могли быть заимствованы из «Песни торжествующей любви» Тургенева. В первую очередь это относится к вопросу о том, на какой основе строятся отношения влюбленных или супругов – духовной или материальной. Позднышев, опираясь на свой жизненный опыт, отрицает возможность «духовного общения» в браке. Будучи еще женихом и невестой, герои Толстого с трудом находят тему для разговора, и в этом проявляется отсутствие духовного родства между ними. Если до брака им говорить «ужасно трудно» («сизифова работа», стр. 144¹), в браке – сложно, то, оставшись без жены, Позднышев с упоением предается бесконечным разглагольствованиям. До женитьбы мужчину занимает мысль о скором овладении женщиной, что, в общем-то, и не предполагает словесного общения. В браке отвергающему «духовное общение» герою тоже не нужны слова. Только после убийства жены Позднышеву необходимо высказать все то, что он так и не смог сказать раньше. Семейные ссоры – как взрослые и жестокие «игры» супругов – переходят в музыкальную игру с предполагаемым любовником жены. Ввиду этого можно говорить о параллели между супружескими отношениями и музыкой, которую проводит Позднышев в качестве субъекта создаваемого им текста. Общим моментом становится игра взаимного обманывания: с точки зрения ревнующего героя, каждый участник («игрок») треугольника только делает вид, что не причастен к происходящему. Позднышев возвращается к своей главной теме, его слова проходят лейтмотивом: «жена заманчива, беспокояще красива». Женщина, обольщающая своей красотой, ведет себя в отношении мужчин так, словно она играет на фортепиано или на скрипке (громко – с мужем и тихо – с любовником). Отметим, что в этом также отражается структура сонаты. Важно и указание на то, что между женой и музыкантом «игра долго не ладилась» (стр. 172). Если проецировать это на отношение героев к музыке, то всё выглядит так: музыкант был «сильнее жены и помогал ей» (там же). Муж, страстно любящий как жену, так и музыку, здесь невольно выполняет функцию помощника: он «сочувствовал их игре, устраивал ему пюпитр, переворачивал страницы» (там же).

В воспоминаниях жена представляется Позднышеву ненатуральной, скучной, как семейный обед. Так же ненатурально она ведет себя, когда садится за инструмент: «села за фортепиано с притворно равнодушным видом». Позднышев, однако,

¹ Цитируется по следующему изданию: *Толстой Л.Н. Крейцеровая соната // Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 12. М.: Худ. литература, 1982. С. 123–196.* Здесь и далее с указанием страниц в скобках.

добавляет, что жена таким образом просто «скрывала большую робость» (стр. 178). Готовясь к игре, фортепиано и скрипка налаживали диалог, затем и музыканты наконец-то «взглянули друг на друга». У Позднышева ревность возникает потому, что жена находит общий язык с другим мужчиной в музыке: «рояль ответил» скрипке (стр. 179). Трухачевский во время исполнения музыки полностью преобразается: «у него сделалось серьезное, строгое, симпатичное лицо» (стр. 179).

Как своей новой красотой жена стала «раздражать» Позднышева, так и музыка только «раздражает, не кончает» (стр. 179). Между тем повторяется мысль о необходимости разрешения невыносимой ситуации любовного треугольника, только на этот раз в связи с музыкой. *Обвиняется музыка*, которая только играет с человеком, особенно когда она соединяется с энергетикой, исходящей от декольтированных дам: «Разве можно играть в гостиной среди декольтированных дам это престо?» (стр. 180). В представлении героя музыка должна подталкивать к «важным поступкам»: «Эти вещи можно играть только при... значительных обстоятельствах, и тогда, когда требуется совершить известные, соответствующие этой музыке важные поступки» (там же). То есть сила музыки в том, что она предуготовляет людей к совершению того, на что она настроила.

Вспоминая первое престо, Позднышев даже в настоящем не может сдержать крика. Он помнит, что тогда установилось духовное родство между ним и композитором: музыка перенесла его «в то душевное состояние, в котором находился тот, кто писал музыку». «Я сливаюсь с ним душою» (стр. 179), – признается герой. Позднышев знает, что человеку может быть легко, весело, когда он видит всё в другом свете; он испытывал подобное чувство, возвращаясь однажды домой из поездки. Герой осознает, что и он, и его жена, исполняющая музыку, переживают общие эмоции и что музыка могла бы помочь им обрести духовное родство, – но героиня отвечает в музыкальном диалоге не ему, а другому мужчине. О ней сказано: «блестящие глаза», «значительность выражения, пока она играла», «растаянность», «слабая, жалкая и блаженная улыбка после того, как они кончили». В тот момент мужу кажется, что жена «испытывала то же», что и он (стр. 180). От музыкальной игры, аудиального воздействия Трухачевского все они получают удовольствие. Но Позднышев опасается, что под влиянием музыки между женой и музыкантом может что-то произойти (см. выше у Тургенева). Позже он вспомнит эту сцену и увидит в ней доказательство тайного общения жены с музыкантом. Рассказывая о случившемся, Позднышев многократно повторяет признаки, свидетельствующие, по его мнению, об измене жены, например: «она слабо, жалобно и блаженно улыбалась». Белый цвет, символизирующий чистоту, противопоставляется в его наррации красному цвету – цвету огня и страсти. После игры жена утирает пот (*вода*) «с покрасневшегося лица». Музыкант наливает ей *воды*, и только после этого они осмеливаются взглянуть друг на друга и улыбнуться. Так они словно освобождаются от влияния музыки (см. связь красного и белого цветов у Тургенева).

Добавим, что воздействие музыки на человека подобно сну и связано с воображаемым актом измены. Сон неожиданно и непривычно овладевает героем Толстого, когда тот находится в уезде. Повторяется мотив электрического тока («толчок электрический»), однако в данном случае он связан не с музыкой, но с мыслью о жене. Позднышев пытается освободиться от мучительных подозрений и хочет вернуть себе способность мыслить рационально: «стал образумливать себя» (стр. 182). Квазиэтимологическое тождество слов «соната» и «сон», существующее на уровне текста, отражается и в мире повести, так как герой долго не в состоянии понять,

являются ли произошедшие события (предполагаемая измена, то, что он бьет жену в лицо, и убийство) сном, или это было наяву¹. Сам Позднышев засыпает после совершенного преступления, и во сне ему представляется, что ничего не случилось. Собеседник тоже не знает, что сказать на первое заявление Позднышева о том, что он убийца, и притворяется спящим. Вместо слов наступает квазисон. Настоящее слово образуется после исповеди Позднышева, когда он в ходе своего повествования осознает истинный смысл своего поступка и издает звук – рыдание. А молчание *я-повествователя* – его жалость к убийце и прощение.

Вернемся к акту убийства (поражения) жены. Психоаналитический разбор произведения раскрывает параллелизм между сексуальным актом и убийством жены. Позднышев выбирает «кривой дамасский кинжал», который висит у него на стене над диваном. Кинжал еще «девственен», т.е. «ни разу не употреблявшийся и страшно острый» (стр. 190). В этих определениях также наблюдается психосексуальная коннотация вещи: в отличие от многократно и до брака участвующего в сексуальных актах мужа, оплодотворяющего жену в браке, нетронутая, «девственная» вещь может принести ей смерть. Отметим, что здесь наблюдается серьезное различие между повестями Тургенева и Толстого. Позднышев настолько хладнокровен, а его разум настолько ясно мыслит, что он припоминает, где можно найти упавшие кинжальные ножны после убийства. О последствиях своего поступка он, однако, не думает. Не желая быть услышанным и для того, чтобы укрепиться в своих догадках, он снимает сапоги и «в одних чулках» крадется в зал. Отворив дверь, он видит «выражение ужаса», страха на лице музыканта, что и вызывает в нем мучительную радость, как у победителя. В лице жены ему чудится забота о любовнике и «огорченье, недовольство тем, что нарушили ее увлечение любовью и ее счастье с ним». Позднышеву кажется, будто лицо музыканта выражает вопрос: «можно лгать или нет?» (стр. 190). Ложью он считает улыбку музыканта и «до смешного» равнодушный тон, а также отговорку, что они «музицировали» (см. выше созвучие этого слова с именем Муция). Слова жены окончательно выводят Позднышева из себя, и он теряет способность мыслить: «то же самое бешенство» (стр. 191). Он не дает ей досказать фразу, считая ее заранее ложной, и не позволяет музыканту защитить жену. Герой не ожидает храбрости от трусливого (см. внутреннюю форму фамилии) Трухачевского, не верит, что тот сможет помешать ему нанести удар жене (Позднышев несколько раз называет место удара – «под ребрами»²). Но музыкант хватается Позднышева за руку (ср.: рука – супруг) и выкрикивает: «Опомнитесь!» (стр. 191). Однако имя – Трухачевский – в конце концов оправдывает себя: красные губы музыканта теряют цвет вина или страсти, бледнеют, «как полотно», и он убегает – «шмыгнул под фортепиано, в дверь», чего от него «никак не ожидал» даже Позднышев (стр. 191). Жена старается защитить музыканта, пытаясь удержать мужа, однако именно ее действия усиливают его ревность и гнев: «тяжесть и ее отвратительное мне прикосновение еще больше разожгли меня» (стр. 191). Он ударил ее локтем в лицо.

Обращаем внимание на соединение рук супругов в акте убийства: жена начала хватать мужа «рукой за руку с кинжалом» (стр. 192), а он сначала пытается задушить жену, как Отелло, но ее отпор, «жесткая шея» не позволяют реализовать это книжное действие. Затем он «изо всех сил ударил ее кинжалом в левый бок, ниже ребер». Жена старается помешать ему: «схватила руками за кинжал, обрезала

¹ *Téren G. Narráció és motivika Lev Tolsztoj prózájában // A szótól a szövegig és tovább... / Red. A. Kovács. Budapest: Argumentum, 1999. S. 469.*

² см.: *Téren G. Narráció és motivika Lev Tolsztoj prózájában.*

их» (стр. 192), т. е. она ранит себе руку, в то время как муж вонзает кинжал в ее тело, которое она ему отдала, вступив с ним в брак. Даже корсет не может ее защитить, и «погружение ножа в мягкое» (стр. 192) происходит довольно быстро, хотя сам акт умирания длится долго.

Позднышев, с одной стороны, ведет себя как безумный, с другой – он хладнокровно и по-деловому приказывает сообщить о произошедшем в полицию. Его рассказ о случившемся ведет к полному переосмыслению им своей истории: становится не важно, оправдан ли его поступок, главное, что в определенном смысле он убил себя и что его жены больше нет.

Отметим в этой связи, что на уровне наррации в повести Тургенева странная история о предполагаемой измене воплощается вербально – автором рукописи, которую, в свою очередь, переписывает рамочный повествователь. Субъектом текста создается фантастический текст, где тайной становится само созидание нового слова – истории об оболыщении замужней женщины посредством песни, убийстве и воскрешении исполнителя этой песни. В повести же Толстого *я-повествователь* обрамляет рассказ героя, в котором измена жены уже не считается тайной, а чем-то само собой разумеющимся.

Итак, и Толстой, и Тургенев выбирают музыку в качестве «помощницы» для вербального развертывания темы убийства как следствия любви и ревности, однако если первый свидетельствует об аннигиляции человека, то второй, окутывая тайной страшное преступление, оставляет человеку возможность вернуться к свету.

ЛИТЕРАТУРА

Зельдхейн-Деак Ж. «Таинственные повести» Тургенева и русская литература XIX века // *Studia Slavica*. Budapest, 1973. Т. 19. С. 347–364.

Кишицова Д. Стиль модерн в «Песни торжествующей любви» И.С. Тургенева // Тургенев И.С. Жизнь, творчество, традиции. Будапешт, 1994. С. 121–130.

Муратов А.Б. Повесть И.С. Тургенева «Песнь торжествующей любви» // *Studia Slavica*. Budapest, 1975. Т. 21, С. 123–137.

Толстой Л.Н. Крейцерова соната // Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 12. М.: Художественная литература, 1982. С. 123–196.

Топоров В.Н. Станный Тургенев. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1998. 192 с.

Тургенев И.С. Песнь торжествующей любви // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 10. М.: Наука, 1982. С. 47–66.

Selmeczi J. A titok-próza Turgenyev elbeszélő költészetében. Doktori disszertáció. Budapest: Eötvös Lóránt Tudományegyetem, Bölcsészettudományi Kar, 2011. 164 s.

Téren G. Narráció és motivika Lev Tolsztoj prózájában // *A szótól a szövegig és tovább... / Red. Á. Kovács*. Budapest: Argumentum, 1999. S. 449–479.

Todorov T. Bevezetés a fantasztikus irodalomba / Transl. Gelléri Gábor. Budapest: Napvilág Kiadó, 2002. 170 s.

REFERENCES

Kshitzova D. Style “Modern” in I.S. Turgenev’s “The Song of Triumphant Love” // I.S. Turgenev: Life, Work and Traditions. Budapest. 1994, pp. 121–130.

Muratov A.B. I. S. Turgenev’s Long-short Story “The Song of Triumphant Love”. *Studia Slavica*. Budapest, 1975. Vol. 21, pp. 123–137.

Tolstoy L.N. The Kreutzer Sonata”]. In: Tolstoy L.N. Collected Works: In 22 vols. Vol. 12. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1982, pp. 123–196.

Toporov V.N. (1998) Strange Turgenev. Moscow. Russian State University for the Humanities Press. 192 p.

Turgenev I.S. The Song of Triumphant Love. In: Turgenev I.S. The Complete Works and Letters: In 30 vols. Vol. 10. Moscow. Nauka Publ. 1982, pp. 47–66.

Selmezi J. (2011) A titok-próza Turgenev elbeszélő költészetében. Doktori disszertáció. Budapest. Eötvös Lóránt Tudományegyetem, Bölcsészettudományi Kar. 140 s.

Téren G. Narráció és motivika Lev Tolsztoj prózájában. A: A szótól a szövegig és tovább... / Red. Á. Kovács). Budapest: Argumentum. 1999, pp. 449–479.

Todorov T. (2002) Bevezetés a fantasztikus irodalomba / Transl. Gelléri Gábor. Budapest: Napvilág Kiadó. 170 s.

Zöldhelyi-Deák Zs. Mysterious Long-short Stories by Turgenev and the Russian Literature of the 19th century]. *Studia Slavica*. Budapest, 1973. Vol. 19, pp. 347–364.

Сведения об авторе:

Ангелика Молнар,
dr. habil.
доцент
Институт славистики,
Дебреценский университет
(Дебрецен, Венгрия)

Angelika Molnar,
Dr. habil.
Associate Professor
Institute of Slavistic,
University of Debrecen
(Debrecen, Hungary)

manja@t-online.hu

М. Бракторис (Братислава, Словакия)

Образ гуситов как предшественников словацких евангеликов в трудах словацких писателей¹

Аннотация: Начиная с XVIII века словацкие евангелические авторы включают феномены гуситства, искровцев и братьев в историю евангелической церкви. Статья посвящена дихотомии историко-фактографического и символического планов и определяющим признакам символического понимания указанных темы гуситско-евангелической преемственности в Словакии в исторических трудах и трактатах словацких евангелистов.

Ключевые слова: гуситы, Словакия, евангелизм, преемственность

M. Braxatoris (Bratislava, Slovakia)

The Image of Hussites as Predecessors of Slovak Evangelicals in Works of Slovak Writers

Abstract: Since the 18th century, Slovak Evangelical authors include the phenomena of the Hussite movement and of Jiskra and bratrik movement into Evangelical ecclesiastical history. The paper focuses on the dichotomy of the historical-factual and symbolic planes and on the constitutive signs of symbolic grasping of the theme of Hussite-Evangelical continuity in Slovakia in Historical Works and Tracts of Slovak Evangelicals.

Key words: Hussites, Slovakia, Evangelicalism, continuity

Исследуя образ гуситов в исторических работах и трактатах словацких евангеликов, мы часто сталкиваемся с дихотомией исторических фактов и определенного символического комплекса, вследствие этого элементы текстов получают целый спектр новых качеств и значений. Этот комплекс связан с характером исторической памяти. В связи с этим мы постараемся определить *фактографический* и *символический уровни* исследуемых текстов. Примером является включение гуситов, наемников Яна Искры (в дальнейшем будем говорить об «искровцах») и братьев («bratříci»; буквально «братишки») в Гемере, Малохонте и Новограде в историю евангелической церкви. Поиски начал и корней словацкой реформации в эпоху Яна Искры представляют собой часть традиции, функции которой в прошлом заключались в защите законности и пространства для развития евангелических традиций.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта VEGA 2/017/17 «Príležitostná básnická tvorba Juraja Palkoviča, Bohuslava Tablica a Pavla Jozefa Šafárika».

ВЫБОР ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТОВ

В данной статье мы сосредоточим внимание на литературных памятниках, которые претендуют на историчность представленной ими точки зрения, хотя критерий историчности во время их возникновения понимали иначе. Выборка охватывает различные произведения евангелических писателей с первой половины XVIII в. до первой половины XX в. Приблизительно на рубеже XIX и XX столетий мы не будем затрагивать научно-литературный дискурс, а тексты будем рассматривать с точки зрения развития научного мышления в современном смысле. В связи с критериями выбора работ вне нашего поля зрения осталось много прозаических и поэтических произведений, которые непосредственно не касаются деятельности гуситов на территории Словакии («Картина преобразований чешских евангелических церквей в процветающем Чешском Королевстве» Якоба Якобеуса, проповеди Яна Коллара, частично также «Ладислав» Карла Кузмани), тексты, которые изначально рисуют художественный образ тех событий («Вальгата» Людовита Кубани), а также произведения, к которым относятся обе эти характеристики («Бомбура» Сама Халупки, «Кто за правду горит» Карола Кузмани). В нашей статье основное внимание будет уделено «традиционно гуситскому» региону Гемера и Малохонта и не будут подробно рассматриваться тексты, касающиеся других регионов (Бело Клайн-Тесноскальского «Картины из истории прешовских евангеликов», Карола Александра Модрани «Описания словацких краев», Богуслава Носака-Незабудова «Потисские воспоминания» и др.). Вне поля нашего зрения останутся беллетристические произведения чешской литературы («Братство» Алоиса Ирасека), однако к анализу будут привлечены научные точки зрения Яна Палацкогo, Йозефа Добровского, Яна Коулы и Эмила Эдгара Кратохвила в связи с их влиянием на взгляды словацких авторов.

Гуситские учения могли быть отражены в словацкой литературе уже во времена Яна Гуса и гуситских войн, хотя, естественно, пока еще не могла идти речь об их рефлексии со стороны евангеликов. Среди чешских гуситов было определенное количество словаков, некоторые были литературно активны (см.: [Petrík 1969: 40–41; Varsík 1965: 164; Veselý 2004: 45–46]). Станислав Шматлак в связи с этим пишет, что хотя информация об их существовании сохранилась, «но это только отдельные лица, причем их “гуситская” литературная активность связана с пребыванием в чешской среде» [Šmatlák 1988: 135]. Большинство словаков при этом контактировали с гуситскими идеями во время обучения в Праге и частично в Кракове.

Если в XV столетии идеи, связанные с творчеством Яна Гуса, проникали в словацкое литературное творчество лишь незначительно, то в XVI столетии в словацкой литературной жизни они проявились более интенсивно. И хотя гуситская (утраквистская) религиозность в XV в. имела средневековый католический характер [Kratochvíl 1912: 9], продолжение гуситских идей в XVI в. уже отличалось реформаторским духом. При этом она была связана, в частности, с чешским новоутраквизмом и Чешскими братьями – течениями, на которые повлияли идеи Мартина Лютера или Жана Кальвина, постепенно, в ходе сложного развития, сблизившиеся в совместной борьбе за свои религиозные права. Специфика утраквизма в рамках чешской реформации состояла, кроме прочего, в его законном положении, вытекающем из базилианских компактов, что, с одной стороны, было практическим препятствием для сближения с Чешскими братьями, а с другой стороны, оно позволило большому количеству лютеран, в том числе священникам, «укрыться

под каликстинским плащом». В связи с влиянием чешской реформации в Словакии Эуген Паулини указывает, что в XVI в. «чехи, как и словаки, приезжающие после обучения или проживания и работы в Чехии, приносят к нам утравкистские, лютеранские и братские песенники, молитвенные и богослужебные книги и популяризируют их использование» [Pauliny 1983: 106]. Однако эти обстоятельства нельзя переоценивать; Ян Петрик на основании изучения евангелических церемониальных книг указывает, что «у нас нет ни малейшей записи или документа о том, что использовалась какая-либо богослужебная книга гуситская или братская. И все попытки, даже целые рукописные богослужебные книги, которые появлялись на территории Словакии с конца XVI столетия, подтверждают их зависимость от богослужебного направления виттенбергского» [Petřík 1948: 38]. Независимо от этого, литературная жизнь Словакии находилась под существенным влиянием реформаторских идей, в большей или меньшей степени связанных с гуситами. В контексте упомянутого влияния стоит вспомнить Якоба Якобеуса, который в 1618 г. был посвящен в утравкистского священника, перед эмиграцией в Чехию он служил утравкистским капелланом, а позже – приходским священником; на венгерском этапе своей жизни он работал в нескольких местах в качестве евангелического священника. Через чешских протестантов в используемые в Словакии песенники попало также несколько гуситских песен [Petřík 1969: 42].

Гуситские учения и присутствие гуситов, искровцев и братьев в значительной мере нашли отражение в словацкой литературе только во время Реформации, и особенно в период Просвещения и Национального Возрождения. Речь идет об отражении событий, которые относятся к двум историческим периодам: к периоду до битвы у Липан в 1434 г. и к периоду деятельности войск Яна Искры из Брандыса в Венгрии на рубеже третьего и четвертого десятилетия XV в. [Varsík 1932: 9]. Литературные тексты, развивающие тему присутствия гуситов, искровцев и братьев в Словакии, как правило, в большей степени представляют второй (послелипанский) период.

ГУСИТСКО-ЕВАНГЕЛИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Связь с гуситами, искровцами и братьями в период Просвещения и Национального Возрождения характеризуется значительной символизацией исторического материала, которая является частью евангельской литературной традиции и исторической памяти. Гуситы становятся символом начала Реформации, литургических обычаев, чешской литературной культуры и т. д., с которого берут начало способы их тематизации в литературных текстах. При этом упомянутая традиция характеризуется наличием нескольких составных элементов, часть которых мы рассмотрим ниже.

С *исторической и фактической стороны* гуситы, искровцы и братья представляют собой (несмотря на взаимное «переплетение») разные исторические явления. Братья и искровцы в определенный период даже были врагами, находившимися на противоположных сторонах баррикад. Сами отряды искровцев были этнически и конфессионально неоднородными [Kratochvíl 1912: 16; Varsík 1932: 16]. Например, сам Ян Искра, согласно части источников, был католиком [Kvačala 1935: 16; Varsík 1932: 16]; в других источниках указывается, что он был представителем компромиссного направления в рамках утравкизма, причем многие проводители были католиками [Kratochvíl 1912: 17]. Кроме того, напомним, что с искровцами и братьями часто входили в сговор негуситы из местного населения.

Однако эти различия, как правило, не переносятся в *символическую плоскость*; поэтому в указанных ниже текстах упоминаются в основном только гуситы, как синоним используется термин «искровцы». В данном случае можно отметить значительное *размытие понятий гуситы, искровцы и братья, отражающих их синкретическое понимание* (далее мы будем писать только о «гуситах»). Тенденция к их дифференциации восходит в Словакии к рубежу XIX–XX вв. и к первой половине XX в.

Символическое понимание «гуситов» характеризует образ их *идиллического сосуществования и слияния с местным населением*, что позволяет включить их в тематические отношения в качестве элемента с большим положительным воздействием на культуру и духовную жизнь в регионе. С этой идеей тесно связан образ масштабной колонизации и воздействия чешских гуситов на словацкое население, что поддерживает представление об укоренении гуситских традиций в Словакии как предпосылке для дальнейшего распространения Реформации. Такое утверждение можно найти у многих евангельских авторов, причем их источником были работы Маттиаса Бела и Ладислава Бартоломеидеса. Благодаря своему авторитету значительную роль сыграли также работы более ранних авторов, особенно Антонио Бонфини и Иоанна из Турца. У Маттиаса Бела мы находим утверждение о том, что после получения прав горожан чехи осели в Венгрии [Belivs 1746: §XII]. Идеи, связанные с представлением о том, что «гуситы» колонизировали словацкие территории, оседая на них и сливаясь с местным населением, развивает со ссылкой на Иоанна из Турца Павел Йозеф Шафарик, который добавляет, что после разрешения короля Матвея (I Корвина) оставаться в Венгрии, их потомки живут там по сей день ([Schaffarik 1826: 373–374]; ср. [Palacký 1857: 449]). Концепцию обширной чешской колонизации Словакии развивает также Ян Коллар в своих поэтических произведениях [Kollár 1845: 406]. Подобным образом события описывают Людовит Штур в «Лекциях по истории славян» [Štúr 1956: 45] и Йозеф Милослав Гурбан в труде «Словакия и ее литературная жизнь» [Hurban 1846: 29]. Зрелым романтическим представителем формирующейся традиции подобного символического понимания «гуситов» является Само Томашик, в творчестве которого мы находим подобные идеи, возможно, даже в наиболее яркой форме [Tomášik 1921: 51; Tomášik 1971: 101].

Значительный отклик среди евангелистских авторов нашел взгляд Ладислава Бартоломеидеса, который в духе вышеописанных концепций утверждает, что, когда гуситы постепенно сливались с местным населением, король Матвей (I Корвин) позволил им спокойно обустраивать свои жилища, и их многочисленные потомки живут там и поныне [Bartholomaeides 1783: 4]. В упомянутой работе в качестве доказательства чешской колонизации Малохонта приводятся примеры диалектных слов якобы чешского происхождения; с этими утверждениями соглашались и более поздние авторы. Например, Юлиус Ботто, ссылаясь на Бартоломеидеса, пишет, что «словаки, населяющие Малохонт и соседние деревни... это потомки чешских гуситов, смешанных с местным населением» [Botto 1886: 85]. На рубеже XIX и XX вв. и в первой половине XX столетия *символическое понимание* Бартоломеидесом темы влияния «гуситов» критически пересматривается, что приводит к устранению их атрибутов как символического элемента. Йозеф Добровский касательно указанных примеров якобы чешских слов пишет, что они не чешские [Patera 1906: 111]; его оценка нашла положительный отклик в Словакии [Škultéty 1915: 296]. Среди первых словацких скептиков, оценивающих масштабы чешско-гуситского популяционного (и религиозного) влияния в Словакии, были

Ян Моцко и Павол Крижко [Križko 1897: 153–178], серьезную оппозицию традиционной интерпретации истории представляли взгляды Йозефа Шкультети. Стимулом, активизирующим дискуссию¹, стало издание «Братства» Алоиса Ирасека.

В работах первой трети XX столетия указывается, что населенные пункты, возникновение которых приписывают чешской колонизации во времена Искры, появились либо раньше, либо позже нее [Varsik 1932: 25]. Характеризуя дальнейшую деятельность словацких и чешских авторов после ликвидации последствий действий Искры, подчеркивают, что к тому времени «в Венгрии остались только группы братьев» [Varsik 1932: 19], «часть которых Матиаш включает в свои войска, делая их неопасными... а Владислав II в 1501 году отдал приказ изгнать гуситов из всех государственных учреждений, посадить их в тюрьму, а если они не откажутся от своей ереси, умертвить» [Kratochvíl 1912: 20]. Что касается оценки фактического сосуществования искровцев и братьев с местным населением, то в первой половине XX столетия в работах евангелистских авторов в определенной степени делается акцент на негативном влиянии, которое искровцы (и братья) оказывали на словацкое и немецкое население указанных регионов из-за причиненного им вреда ([Škultéty 1915: 296; ср. с работой иностранного автора [Meltzer 1931]; ср. также с работой католического автора [Špirko 1937: 136]). Значительный отклик в Словакии имели взгляды Ф. Палацкого [Palacký 1857: 446, 456].

Важной характеристикой «гуситов» как элемента *символического плана* является то, что через них в период после Липан в *Словакии должен был укорениться чешский – как культурный и литургический язык*. Таким образом, гуситы символически выступают источником, из которого развивается традиция использования чешского как культурного и литургического языка словацких евангеликов (см., напр.: [Hurban 1846: 29]). Символизации «гуситов» как источника экспансии чешского языка в Словакию восходит к Маттиасу Белу, который пишет, что «вихрь гуситов» способствовал «красоте и славе» чешского языка в Венгрии и привел к «процветанию нации, а также зрелости и благозвучности» языка [Belivs 1746: §XII].

Павел Йозеф Шафарик, ссылаясь на П. Долежала и Б. Таблица, указывает, что «гуситы как предшественники немецких реформаторов вызвали интерес к протестантскому учению... у словаков в Венгрии» и что с помощью их книг «чешское наречие стало литературным языком словаков» [Schaffarik 1826: 380–381]. Аналогично Людовит Штур пишет, что благодаря именно гуситам, преследуемым в Чехии, «речь чешская стала письменной у словаков» [Štúr 1956: 45]. Также Михал Милослав Годжа объясняет принятие чешского языка как культурного и литургического языка словаков тем, что чехи, осев среди словаков, стали распространять между ними святыне книги [Hodža 1970: 78].

Что касается *фактографической стороны*, можно сказать, что хотя пребывание искровцев и братьев в определенной степени могло повлиять на процессы, связанные с положением чешского языка в Словакии, однако на основании продолжительности влияния искровцев и братьев, диапазона процессов колонизации (см. выше) и степени конфессиональных влияний (см. ниже) можно предположить, что вышеупомянутый фактор не стоит переоценивать. Как видно из следующего отрывка, критический взгляд снова появился в первой половине XX столетия: «Письменный чешский язык у словаков не был плодом деятельности искровцев в Верхней Венгрии; это было бы невозможно из-за короткого периода времени.

¹ Особого внимания заслуживает дискуссия Йозефа Шкультети и Юлиуса Ботто в журнале «Slovenské pohľady» («Словацкие взгляды»).

Гуситские движения могли способствовать распространению у нас письменного чешского языка, однако он является плодом более длительного периода, насчитывающим как минимум полтора столетия, начиная с правления Карла IV, с момента основания Пражского университета» [Škultéty 1915: 296–297].

Следующей особенностью «гуситов» как элемента *символической плоскости* является их связь с *активным прозелитизмом, а также со строительством костелов и чаш*. Образ «гуситов» как строителей церквей, вероятно, основан на неопределенной формулировке в работе А. Бонфини «*Rerum Ungaricarum decades*» [Bonfinius 1744; ср. Koula 1901: 132–133]. Данные о предполагаемых гуситских церквях и чашах приводит Л. Бартоломеидес в работе «*Comitatus Gömöriensis notitia historico-geographico statistica*» [Bartholomaeides 1808: 8; ср. Varsik 1932: 23–24]. Упоминания о гуситских церквях, используемых в качестве фортификационных сооружений, и о чашах в Гемере мы находим, например, у С. Томашика [Tomášik 1971: 101].

В первой половине XX столетия мы наблюдаем интенсивное переосмысление символического понимания темы. Из работ этого периода мы, например, узнаем, что церкви, которые «искровцы использовали в качестве крепостей, они не строили сами. О некоторых церквях существует конкретная информация, что искровцы их лишь занимали и превращали в крепости» [Varsik 1932: 22]. В оборонительных целях они также использовали камни существующих католических костелов [Kratochvíl 1912: 17]. Что касается распространения веры, с фактографической точки зрения походы и нашествия гуситов в период до Липан, возможно, имели подобные цели, однако вследствие краткосрочности их пребывания в Словакии они не добились большого успеха [Kratochvíl 1912: 15; Varsik 1932: 9]. Дискуссионным остается вопрос, насколько долго сохранялось их влияние, поскольку после битвы при Липанах они вывели все свои отряды из Словакии. В период после Липан прозелитизму могли посвятить себя представители гуситов из подразделений искровцев. Для реконструкции степени их религиозного влияния, вероятно, важное значение имеет письмо от 1449 г., в котором венгерский сейм сообщает Риму о распространении «гуситской ереси» и о том, что в Спише и Шарише в нескольких приходах используются причастия под обоими видами [Petřík 1969: 41; Varsik 1932: 17; Kratochvíl 1912: 19]¹. Однако целью этого документа было спровоцировать ответ церковного верховенства, поэтому его достоверность касательно упомянутой угрозы следует воспринимать критически [Varsik 1932: 17]. С фактографической стороны даже в Гемере, Малохонте и Новограде, которые считались традиционно гуситскими, конкретные исторические документы о переходе местного населения к утраквизму отсутствуют [Varsik 1932: 16]. Утраквисты во времена искровцев имели серьезные проблемы, обусловленные отсутствием должным образом рукоположенных священников [Kratochvíl 1912: 17] и недостатками в области организации церковной жизни [Špirko 1937: 136]. Сами при этом они считали себя частью католической церкви [Kratochvíl 1912: 11, 21] и часто, казалось, довольствовались положением, когда католический священник совершал Евхаристии в двух вариантах. От римской церкви они отличались прежде всего богослужением на чешском языке, причащением мирян под обоими видами и причащением младенцев. Поэтому трудно говорить о широком распространении их церковных структур и веры.

¹ Ян Петрик в качестве документа, свидетельствующего о распространении утраквизма, приводит также письмо Иоанна Капистрана, сообщавшего римскому папе о большом количестве тайных еретиков среди католиков [Petřík 1969: 41]. Данная часть письма, однако, согласно толкованию первой трети XX столетия, говорит скорее о необходимости гуситам скрываться в католической среде, после того как Искра покинул Венгрию. См.: [Kratochvíl 1912: 19].

На то, что традиционные представления о строительной деятельности «гуситов» в ряде случаев не совпадают с реальной датой возникновения церквей, указывают уже некоторые выводы Л. Бартоломеидеса¹. Я. Коула, который очень осторожно полемизирует с этой традицией и, никоим образом не преуменьшая авторитетность Бартоломеидеса², заключает, что в интерьерах «гуситских» церквей он не нашел никаких гуситских элементов; художественные формы в них восходят, по его мнению, к XVII в. [Koula 1901: 144]. В работах словацких и чешских авторов первой половины XX в. уже отмечалось, что церкви, которые традиционно приписывались гуситской строительной деятельности, как правило, были возведены в период до гуситов или после гуситов [Kvačala: 1935: 16, 21; Varsik 1932: 21; Kratochvíl 1912: 22; Koula 1901: 135], или же просто отсутствуют какие-либо указания на то, что они были построены гуситами [Varsik 1932: 136]. Доказано, что и чаши в церквях во многих случаях появились в более поздний период; это евангелическое выражение духовной связи с утраквизмом и близости к причастию под обоими видами; это, очевидно, касается и чаши в тисовском костеле, о которой, как и о чаше в костеле в Ратковой, Бартоломеидес говорит, что речь идет о чашах гуситского происхождения ([Bartholomaeides 1808: 277]; ср.: [Varsik: 1932: 23–24]). К действительно гуситским чашам, возможно, относится чаша в селе Раткова [Mikitová-Ďurinda 2015: 72, 74].

Как мы уже отметили, предыдущие способы *символического понимания* присутствия искровцев и братьев в Словакии подчиняются функции защиты гуситско-евангелической преемственности. Особенности такого восприятия в определенной степени связаны с феноменом так называемого мифа о золотом веке. Характеризуя способ, который применяли в Словакии в период Просвещения и Национального Возрождения в конце XVIII в. для поисков смысла прошлого, идеи и программы будущего, Бранислав Варсик указывает, что «католическая Словакия, обращаясь к прошлому, находит контакт, находит идеи, на которых может далее строить, в идее кирилло-мефодиевской, в империи Великоморавской» [Varsik 1932: 49], и далее: «...евангелическая Словакия, исследуя прошлое своих предков... не могла не увидеть вершину своей исторической славы в славном гуситском периоде... даже если бы нити начала Реформации не достигали непосредственно гуситского периода, то несомненно его достигали основы их культуры» [Varsik 1932: 50]. В словацком культурном контексте мы находим множество свидетельств связи евангеликов с Яном Гусом и гуситами. Особенно отчетливы они в области основ сакральной культуры, в причастии мирян под обоими видами, в критике негативных явлений в деятельности церкви и в попытках их исправить, а также в использовании чешского как культурного и литургического языка. Известно также позитивное отношение Лютера к взглядам Яна Гуса [Petřík 1969: 38]. В то же время выявляется символический способ поиска «нитей» начала Реформации, когда «гуситы» изображаются как элемент, создавший условия для быстрого распространения Реформации в Словакии, особенно в Гемере и Малохонте (см., напр.: [Bartholomaeides 1808: 277]; ср. [Varsik 1932: 81]). Такой подход стал отправной точкой и конечной целью ранее сформировавшихся представлений о роли «гуситов», бытующих в литературных текстах словацких евангеликов в период Просвещения и Национального Возрождения.

¹ Эти выводы положительно оценивает Коула, когда пишет, что «Бартоломеидес правильно делает, когда лишь некоторые из костелов относит к гуситской эпохе, а другие считает более древними» [Koula 1901: 136].

² На точку зрения Коулы, вероятно, опирался и Алоис Ирасек при создании романа «Братство», [Urbánek 1921: 93].

Поиск нитей, ведущих от словацких евангеликов непосредственно к гуситам, в работах евангелистских авторов имеет специфический генезис. Например, Даниэль Крман в рукописной работе «Hungaria evangelica» 1718 г. делит евангелическую церковную историю на два этапа: от апостольского периода до Яна Гуса и от Яна Гуса до Жилинского синода [Kvačala 1935: 8]. Такое деление материала имеет, несомненно, *символический характер*, поскольку Гус и гуситы причисляются в данной работе к той же эпохе, что и Реформация. Но здесь, в полном соответствии с *фактографической плоскостью*, мы не находим включения гуситской традиции в собственно евангелическую церковную историю и поиска начал Реформации в рамках гуситства; первооткрывателей словацкой Реформации Крман видит в немецких магнатах ([Varsik 1932: 48]; ср. также [Kvačala 1935: 52]). Однако позже образ гуситско-евангелической преемственности в работах словацких евангеликов становится все более значимым. Богуслав Таблиц в «Краткой истории Аугсбургского исповедания» высказывает мысль о том, что гуситы подготовили почву для немецких реформаторов [Tablic 1808: 47]. Шафарик называет гуситов предшественниками «немецких реформаторов», которые «вызвали интерес к протестантскому учению не только у чехов, но и у словаков в Венгрии» [Schaffarik 1826: 382]. Ян Чаплович пишет, что учение гуситов «у нас проложило дорогу лютеранству, принесенному в Венгрию чешскими эмигрантами» [Čaplovič 1975: 228]. Само Томашик считает, что гуситы проложили дорогу к немецкому протестантизму [Tomášik 1971: 101] и что «свои религиозные книги они носили с собой, и их учились читать и понимать словаки, как и проповеди гуситских священников; они часто имели возможность слушать, посещая их богослужения, и это стало причиной того, что потом Реформация на удивление быстро распространилась среди словаков» [Tomášik 1921: 52]. В символической плоскости не отражается тот факт, что Реформация находила отклик в среде этнических немцев и распространялась прежде всего через аристократию (ср. [Kvačala 1935: 40, 52]), а не через оставшихся словацких и чешских утравкистов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках исторических работ словацких евангеликов с XVIII столетия заметно включение феномена гуситства, искровцев и братьев в историю евангелической церкви. Такие литературные тексты представляют символический комплекс, составными элементами которого являются: синкретическое понимание гуситов, искровцев и братьев; идеализация их сосуществования с местным населением, рассуждения о колонизации чехами соседних территорий в Словакии, об укоренении чешского языка в Словакии благодаря гуситам, об успешном прозелитизме и строительстве церквей, в конце концов, о гуситско-евангелической преемственности, который является отправной точкой и целью предыдущих усилий. Основной функцией, соответствующей тому времени, была защита законности и пространства для развития евангелических традиций. На рубеже XIX и XX вв., и прежде всего в первой половине XX в., такие интерпретации интенсивно критически осмысляются и пересматриваются, причем внимание акцентируется не на исторической преемственности, а на духовной связи, – хотя в некоторой степени и на исторической преемственности, опосредованной процессами, протекающими на чешской территории. Традиционные интерпретации под сомнение ставят сначала чешские авторы: Франтишек Палацкий, Йозеф Добровский, Ян Коула, Эдгар Крадохвил. Эти критические взгляды на рубеже XIX–XX вв. и в первой половине XX столетия в Словакии попали на плодородную почву (Ян Моцко, Павол

Крижко, Йозеф Шкультеты и на качественно новом уровне – историки Бранислав Варшик, Ян Квачала и др.), что связано с утратой символическим комплексом своей функциональности в связи с современными социальными потребностями данного сообщества и особенно с широким распространением позитивистской методологии в исторической науке. В этот период завершается данная традиция в истории литературной рефлексии и исторического понимания проблематики гуситов, искровцев и братьев.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Bartolomaeides L. (1783) *De Bohemis Kishontensibus antiquis et hodiernis commentario historica, qua res patriae illustrare volvit Ladislaus Bartolomaeides Hungarus*. Wittenbergae. Litteris Adami Christiani Charisii. 18 p.
2. Bartholomaeides L. (1805–1808) *Incltyi superioris Ungariae comitatus Gömöriensis notitia historico-geographico statistica: Cum tabella, faciem regionis, et delineationem cavernarum ad Agtelek, exhibente*. Leutschoviae. Mayer. 782 p.
3. Belius M. Praefatio. Lectori benevolo S.P.D. Matthias Belius. In: Doleschalius P., Belius M.: *Grammatica Slavico-Bohemica: in qua, Praeter Alia, Ratio Accuratae Scriptionis & Flexionis, quae in hac Lingua magnis difficultatibus laborat, ex genuinis fundamentis, demonstratur ut et discrimen inter dialectum Bohemorum & Cultiorum Slavorum in Hungaria insinuat; cum appendice, Quae, tum....* Poniumum. Typis Royerianis. 1746. 321 p.
4. Bonfinius M.A. (1744) *Rerum Ungaricarum decades IV. cum dimidia seu libri 45 gesta Hunnorum et Ungarorum á primis... complexi*. 6. editio. Posenii. [S.N.]. 643 p.
5. Botto J. Starí a terajší husiti gemersko-malohontskí. *Slovenské pohľady*. Ročník VI. Rok 1886, ss. 85–89.
6. Čaplovič J. (1975) *O Slovensku a Slovákoch*. Bratislava. Tatran. 267 s.
7. Hodža M.M. (1970) *Dobruo slovo Slovákom súcim na slovo*. Bratislava. Tatran. 133 s.
8. Hurban J.M. Slovensko a jeho život literárni. V: *Slovenskje Pohľadi na Vedi, Umeňja a Literaturu*. Diel I., zv. 1 / Odpovední Redaktor a Vidavatel M.J. Hurban. V Skalici. V Tlačjarni Fraňa Xaviera Škarnicla a Sinou. 1846, ss. 14–36.
9. Kollár J. (1845) *Díla básnická Jana Kollára we dwau djljch*. W Budíně: wytištěna literami Gyuriána a Bagó. [328], 58, [2] s.
10. Koula J. Příspěvek k poznání “husitských” kostelíků na Slovensku. V: *Slovensko. Sborník statí věnovaných kraji a lidu slovenskému*. Praha. Umělecká Beseda. 1901, ss. 132–144.
11. Kratochvíl E. (1912) *Protestantismus a architektura*. Praha. Šolc. 117 s.
12. Križko P. Stredoveké národnostné pomery na Slovensku. V: *Sborník Muzeálnej slovenskej spoločnosti II/2*. Turčiansky Sv. Martin. Muzeálna slovenská spoločnosť. 1897, ss. 153–178.
13. Kvačala J. (1935) *Dejiny reformácie na Slovensku [1517–1711]*. Lipt. Sv. Mikuláš. Tranoscius. 303 s.
14. Meltzer V.F. (1931) *Das Hussitentum in der Zips und seine Bedeutung für die Reformation dieser deutschen Sprachinsel*. Triltsch. 55 s.
15. Mikitová M., Ďurinda M. (2015) *Ratková v historických a archívnych retrospektívach*. Martin. Vydavateľstvo Matice slovenskej. 160 s.
16. Palacký F. (1857) *Dějiny národu českého. Díl IV, částka 1*. Praha. Bedřich Tempský. 482 s.
17. Patera A. (ed.) *Korrespondence Josefa Dobrovského. IV díl. Vzájemné listy Jos. Dobrovského a Jiř. Řibaye z let 1783–1810*. Praha. Česká akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění. 1906. 406 s.

18. Pauliny E. (1983) Dejiny spisovnej slovenčiny od začiatkov po súčasnosť. Bratislava. SPN. 248 s.
19. Petřík J. (1948) Chrámové agendy slovenskej evanj. a. v. cirkvi. Liptovský sv. Mikuláš. Tranoscius. 177 s.
20. Petřík J. (1969) Kapitoly z domácich cirkevných dejín. Bratislava. Slovenská evanjelická bohoslovecká fakulta. 277 s.
21. Schaffarik P.J. (1826) Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Ofen: Mit kön.ung. Universitäts Schriften. 548 s.
22. Škultéty J. Myjava / Sost. J. Bodnár. *Slovenské Pohľady*. Sošit 4–5. Rok 1915, ss. 291–304.
23. Šmatlák S. Dejiny slovenskej literatúry od stredoveku po súčasnosť. 1. vyd. Bratislava: Tatran, 1988. 623 s.
24. Špirko J. (1937) Husiti, jiskrovci a bratrci v dejinách Spiša (1431–1462). Spišská Kapitula: Spišský dejepisný spolok v Levoči. 146 s.
25. Štúr L. (1956) Dielo v 5 zväzkoch. Slovania bratia. Bratislava. SVKL. 443 s.
26. Štúr L. (1956) Dielo v 5 zväzkoch. Slovania bratia. Bratislava. SVKL. 443 s.
27. Tablic B. Kratičká Hystorie Augsspurského Wyznánj. V: Augsspurská Konfessý, aneb, Wyznánj Wjry Neygasněgssjmu Cýsaři Karlowi Vtému, od Knjžat a měst Německé Řžjsse čistého včenj ewangelického se přidržegjých, na sněmě Augsspurském Léta Páně 1530 podané, nynj znouu přehlédnuté, a s některými přjdavky wydané od Bohuslawe Tablice. We Wacowě. 1808, ss. 1–253.
28. Tomášik S. (1971) Ohne na Muráni / Prekladateľ, autor záverečného článku dr. Milan Pišút. Bratislava. Tatran. 548 s.
29. Tomášik S. (1921) Pamätnosti Gemersko-Malohontské. Rimavská Sobota. Miestny odbor Matice slovenskej. 111 s.
30. Urbánek R. Jirásek a doba poděbradská. V: Alois Jirásek. Sborník studií a vzpomínek na počest jeho sedmdesátých narozenin / Ed.: M. Hýsek, Mádl K. Boromejský. Praha. Jan Otto. 1921, ss. 32–133.
31. Varsík B. (1932) Husiti a reformácia na Slovensku do Žilinskej synody. Sborník filoz. fakulty UK. Roč. VIII. Č. 62(3). Bratislava: Tlačou "Universum", Účast. tlačiaren v Bratislave. 228 s.
32. Varsík B. (1965) Husitské revolučné hnutie a Slovensko. Bratislava. Vydavateľstvo Slovenskej Akadémie Vied. 374 s.
33. Veselý D. (2004) Dejiny kresťanstva a reformácie na Slovensku. Liptovský Mikuláš. Tranoscius. 382 s.

Сведения об авторе:

Мартин Браксаторис,
доктор философии
научный сотрудник
Институт словацкой литературы
Словацкая Академия наук

Martin Braxatoris,
Doctor of Philosophy
Researcher
Institute of Slovak Literature
Slovak Academy of Sciences

braxatoris@mail.ru

А.Б. Сергеева (Москва, Россия)

Креативность современного французского языка: конкуренция двух систем

Аннотация: В современном французском обществе широко распространено мнение о том, что родной язык разрушается, отступает под натиском языка-конкурента, а именно, английского. Ясность и точность французской аналитической структуры приносятся в жертву лаконичной эффективности английской синтетической модели. Частотными становятся явления, затрагивающие «основное ядро» французской морфосинтаксической системы, такие, к примеру, как препозиция определяющего, модель беспредложной синтаксической связи, инверсированный словоупотребление в создании композитов. В статье развивается тезис о том, что изменения в инструментах языковой креативности, связанные с освоением языком заимствованных синтетических моделей и новых возможностей словоупотребления, говорят не о деградации и «порче» языка, а о его гибкости, способности к обновлению и динамичному развитию.

Ключевые слова: конкуренция систем, англицизмы, аналитизм, синтетическая модель, словоупотребление, композиты, языковая креативность

A.B. Sergeeva (Moscow, Russia)

The Deceptive Pliability of Modern French: Two Systems' Competition

Abstract: In modern French society, it is widely spread that the native language is being destroyed, receding under the onslaught of a competitor language, namely, English. The lucidness and precision of the French analytical structure are sacrificed to the laconic effectiveness of the English synthetic model. The corrections of the “main core” of the French morphosyntactic system (such as, for example, the preposition of the determinant, the model of the syntactic communication without preposition, the reverse word order in the creation of composites) become frequent. The article elaborates the thesis that changes in the tool-kit of linguistic formation associated with the mastering the foreign language patterns and new word production features, do not reveal the degradation and “spoilage” of the language, but for its flexibility, capacity to update and development.

Key words: systems' competition, anglicisms, analyticism, synthetic model, word order, composites, “pliability” of the modern French

Несмотря на восходящую еще к эпохе Возрождения идею «защиты и прославления великого французского языка» и традиционную гордость, испытываемую французами за свой язык, в современном французском обществе широко распространено мнение о том, что родной язык разрушается, отступает под натиском языка-конкурента, а именно, английского. Не рассматривая подробно объективных экстралингвистических причин современной экспансии английского: в первую очередь необходимости новых номенклатурных номинаций в различных областях, таких, к примеру, как передовые технологии, информатика, бизнес, музыка, спорт и др., а также увеличения контактов между странами, факторов престижа и моды, – мы хотели бы остановиться на собственно лингвистических аспектах подобной экспансии.

Первые тревожные сигналы об опасности английской агрессии стали раздаваться в середине XX в. Тревога за состояние родного языка уже тогда выливалась в гневные заявления видных французских лингвистов, призывавших к активному противодействию английскому влиянию. Так, О. Соважо писал (цит. по: [Hagège 1987: 141]: «[Le] trouble peut aller si loin que nous ayons affaire à une transformation complète de la structure de la langue française et par conséquent de la mentalité française. Dans ces conditions, il faut réduire les emprunts»). Ощущение опасности от экспансии английского языка усилилось в 1960-е гг., когда вышла книга-памфлет Р. Этьямбля «Parlez-vous franglais?», в которой автор представляет и описывает le franglais как самостоятельный, автономный язык со своей морфосинтаксической структурой, воспринимая его распространение как свидетельство «обеднения» родного языка, как серьезную угрозу, ведущую к утрате общих ценностей и национальной идентичности [Etiemble 1964]. Таким образом, уже в книге Этьямбля затрагивался вопрос не только о собственно лексических, естественно, самых заметных, заимствованиях из английского и американского языка, но и о более «скрытом» влиянии английской языковой системы, о ее ползучем проникновении в область французской фонетики, орфографии, морфологии и синтаксиса.

Новое телескопное наименование – le franglais – вскоре стало общеупотребительным, и, начиная с этого периода, французское лингвистическое сообщество разделилось на два лагеря. Одни, призывая к защите от **деградации** некогда великого французского языка, ратуют за «объявление войны» англицизмам. Французский язык тяжело болен, утверждают они, его надо спасать от «патологического» влияния английского, и, продолжая использовать медицинскую метафорику, призывают «anesthésier» le français, «éliminer le virus étranger», «pourchasser le cancer» [Etiemble 1964; Merle 2007; Gilder 1993; Noguez 2000].

Сторонники более спокойного и реалистичного взгляда на проблему воспринимают английские заимствования как естественный процесс **обогащения** словаря, свидетельствующий об эволюционном развитии и жизнеспособности языка, которая проявляется, в частности, в том, что заимствованная единица начинает подчиняться правилам, свойственным именно французской, а не английской языковой системе. Так, например:

– образование глаголов от английских заимствованных единиц происходит по продуктивному во французском языке способу конверсии (N.>V.) при помощи глагольных окончаний регулярного спряжения на -er: англ. to clash > фр. clash, n.m. (конфликт, резкая размолвка, разрыв) > *clasher* (... *quelque part, il fallait bien que les Beatles finissent par clasher...*); англ. cocoon > фр. *cocooner*, а также *googler*, *tweeter*, *surfer*, *looker*, *flipper*, *pitcher* (faire le résumé d'une histoire, d'une aventure) и многие другие. Затем образованный по французской модели глагол становится словообра-

зовательной основой для дальнейшей деривации: *looker* > *looké*; *flipper* > *flippé*, *flippant,e*; *cocooner* > *cocooneur*;

– возвратное значение глаголов, образованных от английских единиц, реализуется по правилам французской грамматики: англ. *to crash* > фр. *crash*, n.m. (обвал, крушение) > *se crasher*; англ. *to relax* > фр. *se relaxer*;

– на основе английских заимствований появляются новые единицы с французскими префиксами: *La journée a été stressante, je n'ai pas envie de restresser ce soir*; *Je suis surbooké*; *surspeedé*; *bogue* > *boguer* > *déboguer*;

– агентивные значения существительных и отыменные прилагательные образуются при помощи французских суффиксов: *tagueuse*, *rappeur*, *zappeur*; англ. *folk* > фр. *folkeux*;

– происходит восстановление французского словоупотребления: *un reportage (disque, spectacle, musique) live*; *la presse people*;

– усваиваемые языком английские структурные кальки порождают ряды оригинальных французских единиц: *prêt-à-porter* (англ. *ready-to-wear*) > *prêt-à-jeter*; *prêt-à-enseigner*; *prêt-à-jouer*; *prêt-à-penser*; *prêt-à-voter* и т. д.;

– с семантической точки зрения заимствованная единица лишь частично конкурирует с аналогичным существующим французским словом, поскольку очень редко англицизм заимствуется во всех своих значениях. К примеру, заимствованный глагол «*se crasher*» не угрожает французскому «*s'écraiser*», поскольку *se crasher* не покрывает всех значений *s'écraiser*. Англицизм не изгоняет исконное французское значение, с которым слово продолжает употребляться, а, напротив, является источником обогащения, способствующим развитию полисемии французского словаря. Так, английское значение существительного *réhabilitation* – «реставрация обветшалых зданий, старых кварталов» – не вытесняет его французского значения «реабилитация», с другой стороны, и слово «*restauration*» продолжает употребляться как в значении «реставрации бывшего политического режима», так и в значении «реставрации древних памятников»;

– в процессе адаптации происходит дальнейшее семантическое развитие заимствованных единиц: *surbooking* > *surbooké* («переполненный» > «перегруженный делами, работой»: *aujourd'hui, je suis surbooké*); *squatter* («занять незаконно заброшенное помещение» > «остановиться у кого-то»: *je vais squatter chez Marc* > «захватить чье-то место»: *le chat a squatté mon fauteuil*).

Без сомнения, приведенные факты свидетельствуют о живучести французской словообразовательной и синтаксической системы, о развитии ее семантического потенциала, а значит, и о жизнеспособности языка. Подобную точку зрения разделяют многие французские исследователи, такие, например, как Анриетт Вальтер, Марина Ягелло и Клод Ажеж. Главное, указывает М. Ягелло, «что лексические заимствования не нарушают **синтаксической структуры** французского языка» [Yaguello 1991: 50]. Поскольку структуры языка, продолжает К. Ажеж, остаются незыблемыми – признак того, что основное ядро французского языка (*le noyau dur du français*), а именно – его морфология и синтаксис, остается не затронутым. В своей известной книге «*Le français et les siècles*» автор пытается объяснить, что даже в случае проникновения во французский язык некоторых синтаксических моделей, свойственных английскому языку, это не свидетельствует о «заражении» французского языка англо-американскими структурами, это говорит лишь о том, что подобные конструкции были ранее свой-

ственны старофранцузскому и что они вернулись в современный французский через посредничество родственного английского языка, «возрождая иссохшие со временем истоки» [Hagège 1987: 61].

Тем не менее нельзя не заметить, что современный язык изобилует примерами «нарушений» этих ядерных морфо-синтаксических структур. Частотными становятся такие явления, как: препозиция определяющего (*les éventuels problèmes, un possible candidat, l'actuel gouvernement, une rapide solution*), использование прилагательных в наречной функции «на английский манер» (*he can do it easy – Il peut le faire facile*, а также: *Il est arrivé facile (=sans difficulté); Je vois triste; Il pense plus large et plus profond*), инверсированный словопорядок в создании композитов (*vidéosurveillance, fraisiculture*), – и прочие случаи, которые будут рассмотрены нами далее. Насколько деструктивны для французской языковой системы подобные нарушения? С чем связано их распространение? И насколько можно разделять пессимистические взгляды на судьбу французского языка?

На наш взгляд, примеры использования английских синтаксических структур для лексических нужд французского языка являются не столько результатом конкурентного столкновения двух языков, «вытеснения» и «разрушения» одного языка другим, и даже не столько возвращением к своим историческим возможностям, сколько **новым современным** источником языковой креативности для французского языка, *расширяющего* потенциал своей собственной системы.

Известный постулат о «ясности» французского и «эффективности» английского связан с выраженными тенденциями к аналитизму первого и синтетизму второго. Так, аналитический по своей природе французский язык использует прогрессивный словопорядок, идущий от определяемого к определяющему: *pluie acide*, где идея «вида» естественным образом предшествует ассоциативной характеристике. И напротив, синтетический английский нарушает естественный словопорядок, как бы перевертывая ассоциативно-логическую последовательность, перемещая определяемое в постпозицию: *acid rain*. Для связи двух понятий в единую номинацию французская аналитическая система требует присутствия связующего предлога: *boîte aux lettres, lettre d'information*. Функция предлога – уточнить природу отношений между компонентами. Это последующее уточнение и есть проявление аналитизма. Однако английский язык чаще всего обходится беспредложной связью, сопоставляя два имени в «регрессивном» порядке «определяющее → определяемое» и нарушая тем самым естественную синтаксическую последовательность: *mailbox* (амер.), *letterbox* (англ.), *newsletter*.

Важно то, что эта беспредложная связь оказывается крайне эффективной для языковой креативности. Полагаем, что именно эта облегченность номинации служит источником динамичного пополнения словаря, что и проявляется во французском языке в настоящее время в связи с возросшей потребностью в новых номенклатурных обозначениях. И современная лексическая гиперактивность французского проявляется не только в массивных потоках лексических заимствований из английского, типа *newlook, happy-end, serial killer, sex(e)-symbol(e), top secret, big boss, First Lady* и пр., но и в первую очередь – что важно! – **в собственно французских образованиях**, французских неологизмах, строящихся по заимствованной «синтетической» модели, что существенно расширяет словообразовательные возможности родного языка.

Под **синтетической моделью** мы понимаем конструкцию, которая – по морфологическим особенностям (например, по причине отсутствия артикля и предлога) – нарушает привычный синтаксис фразы. При сравнении таких композитов, к примеру, как *potte de terre, machine à coudre*, с одной стороны, и *appareil-photo*,

pause-café – с другой, становится очевидно, что первые обязаны своим появлением узусу, привычному воспроизведению синтаксически правильного высказывания, тогда как вторые фиксируют нарушение привычного синтаксиса, что связано с невыраженностью синтаксических связей между компонентами: *appareil (de) photo, pause (pour le) café*. Первые созданы в соответствии с аналитической моделью, тогда как вторые – с синтетической. Все, что порывает с правилами «естественного» синтаксиса фразы, требующими точного и дифференцированного выражения отношений между словами, предстает в виде синтетической по своей природе модели. Аналитическая система французского языка приспособлена к созданию «естественных» для его структуры композитов, типа *romme de terre*, так же как и для восприятия английских калек с легко восстанавливаемым прогрессивным словопорядком типа *gel nucléaire (nuclear freeze), marée noire (black tide)*, не влияющих каким-либо особым образом на язык. Однако насущная необходимость в быстром номенклатурном обогащении, ощущаемая в наше время, и влияние конкурирующей языковой системы подталкивают французский язык к эволюции, идущей вразрез с присущими ему морфо-синтаксическими механизмами креативности. И если на пути своего исторического развития для пополнения словаря французский язык традиционно обращался к синтетическим возможностям классических языков, черпая в них не только словообразовательные форманты, но и правила синтаксической связи компонентов, то сегодня к этому источнику заимствований добавились эффективные для словотворчества и более экономичные синтетические возможности английского.

К примеру, широкое распространение получает словообразовательная модель *Nom + Nom*, содержащая в основе эллипсис предлога, который в традиционном французском синтаксисе является необходимым показателем подчинительной связи между элементами целого: *assurance vie, rayon femme, crédit-vacances, nuit-cinéma*. Ту же тенденцию обнаруживают существительные, выступающие по конверсии в роли сложных прилагательных: *missile air-mer, dialogue Nord-Sud, formule location-vente*. Данные Словаря современных слов П. Жильбера ([Gilbert 1980]) говорят о том, что количество именных сложений по модели *N.+N.* более, чем в 10 раз превышает количество глагольно-именных образований [Халифман, Макеева, Раевская 1983: 86]. Такие композиты свободно образуются в речи, и их сочетаемость практически не ограничена (*les usagers TGV, le problème Japon, l'année Van Gogh* и т. д.).

В рамках той же модели *N.+N.* расширяется возможность использования второго именного компонента в разных синтаксических позициях (*un livre événement, un journaliste éponge, un spectacle salade, un maquillage-minute, le vote Mitterrand...*), о формальном статусе которых (приложение, определение, именная часть сказуемого или дополнение) ведутся непрекращающиеся дискуссии и споры [Picone 1991; Picone 1992; Brunet 1996: 156–159; Slakta 1991; Noailly 1990].

Широта распространения в современном языке синтетической беспредложной модели иногда даже связывается некоторыми лингвистами со старофранцузским наследием, а именно, с использованием *le génitif de juxtaposition* в конструкциях типа *hôtel-Dieu, la feste Saint-Michel* («la fête de Saint-Michel») и с «возрождением» этой модели в наше время в таких выражениях, как, например, *Air France, voiture Renault, prix Carrefour* [Picone 1992: 18].

Мы полагаем, что привлекательность беспредложной именной модели, ее актуальность для современного языка связаны с быстро возрастающей потребностью в новых емких и кратких номинациях. Сжатость формы (*les années Cigale, l'immigra-*

tion-invasion), ее неполная, по сравнению с аналитической конструкцией, «ясность» и однозначность будят воображение, стимулируют быстрое и легкое порождение новых соположений, столь востребованных в наше время в медийном пространстве: «Comment gérer son capital jeunesse»; «Contrex, mon partenaire minceur»; «Le Débat analyse avec sobriété une “victoire problème”, alors que d’autres assurent que des faux chômeurs encombrant les stages parkings»... Привлекательность «сжатых» и кратких моделей с прямым соположением компонентов способствует их проникновению в язык рекламы, изобилующий конструкциями, представляющими собой смесь английских и французских морфосинтаксических черт: *étoile cuisine, soleil bar, éclair service, agence flash, Arras Film Festival, Stop Protect rhume*... – и доминированию. С другой стороны, надо заметить, что навязчивое использование беспредложных моделей в языке рекламы вызывает бурные протесты «потребителей» этой рекламы – самих французов, активно высказывающихся в сети Интернета против скрытого английского влияния, нарушающего ясность и точность французской аналитической системы: «*Stop Protect rhume*!» Quand la langue de Molière reste soucieuse de faire ressortir les relations entre les choses, celle de Shakespeare ne recule pas devant la simple juxtaposition, et débrouillez-vous, les gars!»; «*Arras Film Festival*»... Pauvre France! – сокрушаются французские блогеры: ça en devient lassant! Французская исследовательница М. Ноайи высказывается более категорично, говоря о возможном «завершении» аналитического пути французского языка и о его «возвращении» на путь синтетизма, о попытках перехода к формам «более общим, более первичным, примарным», с меньшим количеством артиклей, суффиксов и предлогов: «Notre langue, parvenue au bout de son chemin “analytique”, reprendrait la route en sens inverse et s’essaierait à des formes syntaxiques plus brutes, plus primaires, plus immédiates, avec moins d’articles, moins de suffixes, moins de prépositions» [Noailly 1990: 13].

Приведенные примеры выявляют еще одну новую заметную черту в образовании композитов, а именно, стремление к **обратному**, по сравнению с соответствующими словосочетаниями, **словопорядку**: *Sud-américain* vs de l’Amérique du Sud, *filoguidé* vs guidé par un fil, *tennis-club* vs club de tennis. Эта новая синтетическая модель позволяет исследователям видеть в явлениях такого рода проявление глубинных изменений системы французского языка. Такой точки зрения придерживается М.-Д. Пикон, выявляя тенденцию движения французского языка в сторону синтетизма, связанную с влиянием англо-американского языка [Picone 1991].

Полагаем, что импульсом к отмеченной современной тенденции в словосложении может быть сочетание сразу двух факторов: лаконичной эффективности английской системы и традиции использования классических образцов, дающих в распоряжение французскому языку определенное количество структурных моделей, в результате чего язык начинает прибегать к регрессивному словопорядку **как к новой продуктивной возможности словотворчества**.

Так, в настоящее время активное пополнение словаря происходит в области так называемых «научных композитов», появляющихся в результате заимствования отдельных формантов из древних языков – латыни и греческого – и строящихся по классическим структурным моделям.

Традиционно «научные» сложные слова создаются при помощи латинских или греческих корней. Часто соединяются элементы, происходящие из одного источника: греческого, с соединительной гласной -o- (*antropologie, thalassothérapie, chronomètre, hydrogène*), или латинского, с соединительной гласной -i- (*multicolore, homicide, calorifère, viticole*). Иногда композиты имеют гибридный характер (лат. + греч.): *génocide, monocle, apithérapie*.

Новой тенденцией современного языка является производство сложных слов путем соединения латинских или – чаще – греческих элементов с *исконными французскими основами*, и эта модель становится все более продуктивной: *iconothèque, écomusée, agroalimentaire, hydrocarbure, narcotrafiquant, véliplanchiste* и т. д. Наличие соединительных гласных «-i-» (по латинской модели) и «-o-» (по греческой модели) облегчает процесс создания новых единиц. Большинство таких слов не являются заимствованиями, так как не существовали в древнем языке-источнике, их называют «*les récomposés*», т. е. «восстановленными» из древних форм словами, или же «*les composés néoclassiques*», «неоклассическими композитами». Все они результат **современного французского словопроизводства**, активно использующего для пополнения своего словаря существовавшие в классических языках синтетические модели.

Иногда происходит и объединение двух исконных французских основ: *riziculture, placoplâtre*. Важно то, что модель соединения двух элементов нового композита остается «научной» в том смысле, что порядок их следования инверсирован по сравнению с прогрессивным словопорядком в соответствующем словосочетании: *riziculture* vs *culture du riz; placoplâtre* vs *plâtre en plaques*.

Многочисленные «гибридные» композиты приводят к появлению новых элементов сложных слов, проявляющих тенденцию к обособлению и дальнейшей словообразовательной продуктивности. К примеру, активно используется элемент *moto-*, обособившийся от «*moteur*» (*motocycle, mototracteur...*), вычленяются элементы *euro-* из «Europe» (*euroseptique, euro-optimisme, eurodéputé*), *toxico-* от «*toxique*» (*toxicomane*), *séro-* от «*sérum*» (*séropositif, sérodiagnostique*). Креативную способность приобретают и другие форманты: *narco-* (*narcotrafiquant*), *véli-* (*véliplanchiste*), *fraisi-* (*fraisiculture*), *techno-* (*technopôle*), *éco-* (*écomusée*), *api-* (*apithérapie*), *vidéo-* (*vidéosurveillance*).

По примеру классических образцов производства «научных» сложных слов в современном языке появляется новая модель, использующая в качестве словообразовательного форманта усеченную форму исконно французского слова «наподобие» латинского форманта. Так, слово *publicité* усекается до «псевдолатинского» элемента *publi*, дающего возможность для дальнейшего словопроизводства с регрессивным словопорядком, например: *publireportage, publipostage*, заменяющее англ. *mailing*. То же явление наблюдаем и в следующих случаях: *information > info > infopanneau; cinéma > ciné > ciné-club*.

Вышеизложенное с очевидностью демонстрирует, что строгие французские правила образования сложных слов начинают расшатываться, а словообразовательные механизмы высвобождаются из сдерживающих рамок.

В этой связи отметим еще одну новую возможность возросшей языковой креативности, связанную со словообразовательной активностью префиксальных элементов (префиксоидов или псевдопрефиксов, по терминологии П. Жильбера и М. Пикона). Если традиционно функция частеречной транспозиции закреплялась за суффиксами (*vendre > vendeur, glace > glacial*), а префикс приносил в семантику словообразовательной основы лишь незначительные модификационные изменения (за редкими исключениями типа *lit > aliter, rouille > dérouiller*), оставляя производное в том же лексико-грамматическом разряде слов, что и производящее (*lasser > délasser, producteur > coproducteur*), то сейчас все чаще префиксальные элементы, такие как, например, *anti-, multi-, micro-, omni-, tout-* и пр., проявляют способность к транспозиционному переносу производных существительных в класс прилагательных: *peinture antirouille, système antiviol, four micro-ondes, voi-*

ture *tout-terrain*, *palais omnisports* и т. д. Эта новая возможность деривации свидетельствует о существенном изменении представления о префиксальном словообразовании, которое традиционно противопоставлялось по функции суффиксальной деривации [Guilbert 1986].

Описанные нами важные изменения в инструментах языковой креативности, связанные с освоением языком новых синтетических моделей и новых возможностей словопроизводства, говорят не о деградации и «порче» языка, а о его гибкости, способности к обновлению и динамичному развитию, свидетельством чему является бурная неологическая активность французского языка в настоящее время.

В этой связи уместно привести в заключение высказывание французской исследовательницы С. Брюне, оптимистический взгляд которой на современное состояние языка мы разделяем: «La langue française n'est pas condamnée [...], elle fait face grâce à des mécanismes vitaux sans cesse renouvelés qui lui permettent de s'accroître là où personne ne l'attend...» [Brunet 1996: 8].

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Халифман Э.А., Макеева Т.С., Раевская О.В. Словообразование в современном французском языке. М.: Высшая школа, 1983. 128 с. / Khalifman E.A., Makeeva T.S., Rayevskaya O.V. (1983) Word Formation in Modern French. Moscow. Vysshaya Shkola Publ. 128 p.
2. Brunet S. (1996) Les mots de la fin du siècle. P.: Belin. 255 p.
3. Etiemble R. (1964) Parlez-vous français? P.: Gallimard. 382 p.
4. Gilbert P. (1980) Dictionnaire des mots contemporains. P.: Les usuels du Robert. 739 p.
5. Gilder A. (1993) Et si l'on parlait français? P.: Le Cherche-Midi éditeur. 114 p.
6. Guilbert L. De la formation des unités lexicales. En: Grand Larousse de la langue française, tome 1. P.: Larousse, 1986. P. XLIV.
7. Hagège Cl. (1987) Le français et les siècles. P.: Odile Jacob. 317 p.
8. Merle P. (2007) Le français mal-t-à-propos. P.: l'Archipel. 255 p.
9. Noailly M. (1990) Le substantif épithète. P.: PUF. 221 p.
10. Noguez D. Une crise du français?. En: «Tu parles!?» P.: Flammarion, 2000, pp. 39–48.
11. Picone M.-D. L'impulsion synthétique: le français poussé vers la synthèse par la technologie moderne. *Le français moderne*. P., 1991. No 59, pp. 148–163.
12. Picone M.-D. Le français face à l'anglais: aspects linguistiques. Cahiers de l'AIEF. P., 1992. No 44, pp. 9–23.
13. Slakta D. Gauche caviar et couscous pacha. *Le Monde*. 1991. 8 nov.
14. Yaguello M. (1991) En écoutant parler la langue. P.: Le Seuil. 134 p.

Сведения об авторе:

Александра Борисовна Сергеева,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexandra B. Sergeeva,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
ab-sergeeva@mail.ru

И.Ф. Петров (Краснодар, Россия)

Аксиологический аспект кризиса постсовременной культуры

Аннотация: Парадокс эпохи модерна заключается в том, что с утверждением в обществе ценности индивида как субъекта бытия проявляется тенденция его «выравнивания» социальными институтами общества и антропогенной реальностью. В статье говорится о том, что современная культура западной цивилизации в определенном смысле противостоит традиционному обществу и его культуре. Заменяя традиционную, техногенная цивилизация изменяет и духовный контекст. И самым важным здесь является появление иной системы ценностей. В культуре постиндустриального общества человек больше не «мера всех вещей» – мерой становятся ценности иного порядка. Многие исследователи духовный кризис культуры связывают с массовой культурой, но это не причина, а лишь следствие рационализма в культурно-историческом развитии, форма, которую принимают культурные артефакты в контексте реплицированной универсальности.

Ключевые слова: культура, массовая культура, духовный кризис, модерн, ценности, человек, цивилизация

I.F. Petrov (Krasnodar, Russia)

The Axiological Aspect of The Crisis of Post-Modern Culture

Abstract: The paradox of the modern era is that with the assertion in society of the value of the individual as a subject of being, there is a tendency of its “alignment” by social institutions and the anthropogenic reality. The article explains that the modern culture of Western civilization in a particular sense is opposed to the traditional society and its culture. Replacing the traditional civilization, technogenic one also changes the spiritual context. And the most important thing here is the emergence of a different system of values. In the culture of the post-industrial society, the man is no longer a “measure of all things”, but the measure of values of a different order. Many researchers associate the spiritual crisis of culture with the mass culture, which is not the cause, but only the consequence of rationalism in cultural and historical development, the form that cultural artifacts take in the context of replicated universality.

Key words: culture, mass culture, spiritual crisis, art Nouveau, values, man, civilization

Современная культура западной цивилизации в определенном смысле противостоит традиционному обществу и его культуре. Заменяя традиционную, техногенная цивилизация изменяет и духовный контекст. И самым важным здесь является появление иной системы ценностей.

Культурная форма техногенной цивилизации начала свое развитие в семнадцатом веке. Ее развитие можно разделить на три этапа: доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный. Рациональное начало становится важнейшим принципом жизнедеятельности, который обуславливает развитие технологий за счет генерирования новых знаний и их практического применения в производственных процессах. В общественном сознании происходят радикальные изменения. С эпохи Возрождения независимость личности становится одной из важнейших ценностей, что, как мы помним, необычно для традиционного общества. М. Фуко отмечает: «Человек, как без труда показывает археология наших мыслей, – это изобретение недавнее. И конец его, быть может, недалек»¹.

В традиционных представлениях индивидуум «осуществляется» только через принадлежность к определенной корпорации, являясь неотъемлемой частью системы внутренних корпоративных отношений. Если человек не входит в какую-то корпорацию, то он не является личностью. Открывшиеся возможности Нового времени воодушевили человека. Он уверен в себе, доверяет своим способностям, смело смотрит в будущее. И хотя личность изначально все еще ограничена классовыми, национальными и другими условностями, она уже безгранична в своих потенциях². Гегель превозносит человеческий разум до Абсолюта. А постклассические модернисты, глубоко разочаровавшись в возможностях разума, тем не менее остались с человеком: экзистенциализм, анализирующий человеческую субъективность, и доминирующий антропоцентризм во всей философии двадцатого века.

Парадокс эпохи модерна заключается в том, что с утверждением в обществе ценности индивида как субъекта бытия проявляется тенденция его «выравнивания» социальными институтами общества и антропогенной реальностью. Причину этого Т. Адорно и М. Хоркхаймер видели в подавлении ума, «репрессии разума». Они отождествляли рационализацию мира с «волей к власти» над всем³. Если в начале Нового времени чувства, ум, вера взаимодействовали между собой и дополняли друг друга, то впоследствии разум подавляет все остальное и начинает доминировать. А.Ф. Лосев отмечал, что если в основании всего лежит разум, «то ясно, что всё не укладывающееся в границы и схемы этого разума отбрасывается как обуза и рассматривается только как чистый вымысел, субъективное человеческое построение. Таким образом, весь мир становится бездушным и механическим, он превращается в субъективную деятельность души»⁴.

Главной культурной доминантой в новоевропейской культуре становится деятельностное отношение к миру. Это актуально и сегодня. Причем человеческая деятельность направлена прежде всего вовне, на трансформацию и изменение внешнего мира, природы, которые выступают полем приложения его сил⁵. Деятельностная па-

¹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. С. 403.

² Петрова С.И. Понимание «потребность» в социологии и других науках // Наука без границ. 2017. № 6(11). С. 165–169.

³ Адорно Т., Хоркхаймер М. Дialeктика Просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб.: Медиум, Ювента, 1997.

⁴ Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 215.

⁵ Петрова С.И. Динамика культурных процессов и ее детерминанты // Вопросы культурологии. 2010. № 4. С. 25–30.

радикала взаимоотношений человека с природой переносится со временем и на социум. Человек превращается из невольника естественных и социальных обстоятельств в их хозяина, а процесс этой трансформации воспринимается как доминирование над природой и движущими силами общества.

Ожидание перемен влияет на социальный прогресс и формирует стремление к лучшему будущему, которое понимается как более счастливый миропорядок, обеспечиваемый цивилизационными успехами. В итоге появляется четкое направление прогресса, ориентированного на позитивное будущее. Следует отметить, что в традиционных культурах существовали другое понимание перемен. Так, например, считалось, что мир всегда возвращался к первоначальному состоянию, подчиняясь цикличности времени, или что «золотой век» человечества давно прошел, образцы поступков, которым необходимо подражать, созданы героями прошлого. Активное отношение к миру, которое является родовым признаком человека, оценивалось в традиционных представлениях с других позиций¹. Консерватизм, обуславливающий и регламентирующий виды деятельности, а также ограничивающие обычаи – все это серьезно мешало преобразующей деятельности человека.

Так как основой нового европейского мировоззрения стал разум, самосознание как формирующий принцип мира, человек занял место субъекта бытия – и наука переместилась в иерархии ценностей на лидирующие позиции. Э. Мольнар отмечает: «Нас отличает от человека доренессансного периода и жившего также на более ранних этапах истории то, что человек современный не рассматривает себя более как микрокосм, погруженный в макрокосм. Он не верит ни в то, ни в другое»². Иначе говоря, он верит в науку. В новой европейской культуре и в дальнейшем категория научности приобретает своего рода символическое значение и считается необходимым условием процветания и прогресса.

Престиж науки стимулирует ее развитие и обеспечивает технологические достижения, которые меняют социальную жизнь. Получив право определять мировоззрение, она транслирует свою картину мира. Именно этот «образ мира» внедряется в сознание масс в процессе образования. Не только религия и философия, но и мораль не смогли устоять под напором науки, начав имплицитно подстраиваться под нее.

Началась «диктатура лабораторий»³. Д.С. Мережковский на заре двадцатого века писал: «...небывалое развитие опытных знаний наложило своеобразную печать на умственный строй современного человека, породило непреодолимое инстинктивное недоверие к творческой способности духа... В поэзию, в религию, в любовь, в отношение к смерти и к жизни проникает особенное трезвое отношение лабораторий, научных кабинетов и медицинских клиник»⁴. К сожалению, эта фундаментальная установка оказалась для европейской традиции доминантной. «Если я не знаю основ нравственности, – отмечал Б. Паскаль, – наука об окружающем мире не принесет мне утешения в тяжкие минуты жизни, а вот основа нравственности утешает и при незнании науки о предметах внешнего мира»⁵.

В культуре постиндустриального общества человек больше не «мера всех вещей» – мерой становятся ценности иного порядка: шокирующие массовые дей-

¹ Петрова С.И. Становление категории «потребность» // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2012. № 11(74). С. 224–227.

² Цит. по: Губман Б.Л. Современная философия культуры. М., 2005. С. 199.

³ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Психология масс. Самара, 1998. С. 197–200.

⁴ Мережковский Д.С. Эстетика и критика: В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 123.

⁵ Паскаль Б. Из мыслей // Суждения и афоризмы / Франсуа де Ларошфуко. Блез Паскаль. Жан де Лабрюйер. М., 1990. С. 160.

ствия, дизайнерские объекты, «интеллектуальные эксперименты». Искусство постиндустриального общества часто безлично и не нацелено на конкретного индивида. Оно не пропорционально человеку, его чувствам, интуиции, его внешнему виду, культурным традициям о красоте и подлинности. Мир, возникающий в произведениях массового искусства, лишен не только целостности, но и самого важного – катарсиса, изменяющего внутреннее состояние человека с помощью искусства.

Технократия привела мир на грань выживания, где «самым уязвимым существом на Земле оказался сам человек. Созданная им цивилизация никак не соотносилась с возможностями самого человека выжить, сохранить свой потенциал. Под угрозой оказался сам человек»¹. Стоит согласиться с И.А. Ильиным, по мысли которого культура Западной Европы – это прежде всего техническая культура, которая рациональна, но не искренна: «...бессердечная культура подрывает сама себя: в изобретении атомной бомбы она дошла до вселенского самоубийства, а изобретение это, наверное, не составляет последнего слова разрушительной техники»². Таким образом, повышается возможность самоуничтожения всего человечества. Из чего следует вывод: необходимо пересмотреть основы современной культуры и ее источники.

Другой не менее острой проблемой является растущий глобальный экологический кризис. Старая парадигма, будто природа является бесконечным хранилищем запасов для деятельности человека, оказалась ложной. Человек сложился в рамках биосферы, появившейся в ходе эволюционного развития Земли. Природа не только внешняя среда и поле приложения сил человека, но и единая целостная система, и человек включен в нее в качестве характерной подсистемы. Деятельность человека постоянно меняет динамику биосферы. И на нынешнем этапе развития цивилизации влияние человека настолько негативно, что биосфера как целостная экосистема начинает разрушаться.

Некоторые исследователи считают, что причины экологического кризиса кроются в христианской религии, оставившей свой след во всей европейской культуре и повлиявшей на понимание роли личности в истории. «Согласно главе I, стихам 26–30 “Книги Бытия”, – отмечает А. Тойнби, – Бог отдал все свое дочеловеческое творение в распоряжение своей человеческой креатуре для того, чтобы человек эксплуатировал ее тем способом, которым он сможет это сделать. Человек у иудеев был оторван от своей естественной среды, которая лишилась своей прежней ауры божественности»³. Именно потому некоторые ученые считают, что для преодоления кризиса человечество должно пересмотреть не только принципы рационализации и научной этики, но и некоторые толкования религии.

Еще одна не менее важная проблема, которую мы не можем обойти своим вниманием, – это сохранение личности человека на фоне возрастающих многогранных отчуждающих процессов. С усложнением мира появляются тенденции, которые, с одной стороны, являются чуждыми самой природе человека, а с другой, они перестают ему подчиняться, он уже не в состоянии их контролировать. Чем больше мир трансформируется под напором человека, тем больше появляется социальных факторов, которые решительно изменяют его бытие, причем очень часто не в лучшую сторону. По мнению М. Хоркхаймера и Т. Адорно к самоуничтожению человека и общества ведет прогресс, основанный на идеях Просвещения: «...рост экономиче-

¹ Гуревич П.С. Антропологическая катастрофа // Свободная мысль. 1997. № 11. С. 34.

² Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 296.

³ The Toynbee-Ikeda Dialogue: Man Himself Must Choose. Tokyo; N.Y., 1976.

ской продуктивности, с одной стороны, создает условия для более справедливого мира, с другой стороны, наделяет технический аппарат и те социальные группы, которые им распоряжаются, безмерным превосходством над остальной частью населения. Единичный человек перед лицом экономических сил полностью аннулируется¹. Таким образом, формируется единое «экономическое лицо человека», в основе которого лежат знания и все другие формы освоения мира, которые важны в той мере, в какой они экономически выгодны. Следствием и идеологическим обоснованием этого является экономический материализм – доминирующая философия политической экономики.

Экономизм выступает не только и не столько как специфическая модель хозяйствования, сколько как аксиологическая модель современного общества, включающая в том числе коммерциализацию культуры. Одним из последствий постиндустриального развития является появление «одномерного человека», детерминированного массовой культурой². В цивилизации происходит синтез техники и господства научной этики, что в итоге приводит к появлению репрессивного технологического способа мышления и действия.

Массовая культура обладает огромными возможностями для манипулирования сознанием. Показательно, что и манипуляторы и манипулируемые оказываются «заложниками» массовой культуры, становясь участниками игры с созданными человеком симулякрами.

В техногенном обществе обладателем культуры является не элитарная группа созидателей, а обезличенные социальные институты (средства массовой информации, учреждения образования). Культурная элита сохраняет монополию только на определенном, более высоком уровне культурных моделей, обслуживая, вне их рамок, массовую культуру.

Начавшаяся в эпоху Просвещения десакрализация культуры приводит к тому, что эталоном ценности становится не авторитет, творящий образ Человека в его идеале, а «человек средней массы». Массовая культура, обслуживая массового потребителя, в то же время формирует его всеми имеющимися средствами.

На любом массовом рынке, в том числе и массовом культурном потребительском рынке, средний потребитель является главным лицом, несмотря на невысокие потребности, интересы и вкусы. Поэтому в произведениях, создающихся для подобного рода потребителей, специально снижается художественный уровень, адаптируясь к ожиданиям массы. В таком усредненном искусстве нет живого человека, а есть штампы, отвечающие ожиданиям масс.

Многие исследователи духовный кризис культуры связывают с массовой культурой, – но это не причина, а лишь следствие рационализма в культурно-историческом развитии, форма, которую принимают культурные артефакты в контексте реплицированной универсальности. И что очень важно, возможность выхода из кризиса находится в самой массовой культуре, демонстрирующей способность к трансформации и сближению с традиционной культурой с появлением нового субъекта культурного процесса. И этим субъектом должна стать сама «масса» – как носитель «культуры масс» и «сознания масс», преобразовавшись в нечто иное, объединившись на основе ценностей гуманизма и терпимости к различным религиозным и идеологическим взглядам.

¹ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М., 1997. С. 12.

² Маркузе Г. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: Рефл-бук, 1994.

ЛИТЕРАТУРА

- Губман Б.Л. Современная философия культуры. М., 2005. 536 с.
- Гуревич П.С. Антропологическая катастрофа // Свободная мысль. 1997. № 11. С. 34–45.
- Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. 431 с.
- Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. 525 с.
- Маркузе Г. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриально-го общества. М.: Рефл-бук. 1994. 368 с.
- Мережковский Д.С. Эстетика и критика: В 2 т. Т. 1. М.; Харьков, 1994. 669 с.
- Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Психология масс. Самара, 1998. С. 197–200.
- Паскаль Б. Из мыслей // Суждения и афоризмы / Франсуа де Ларошфуко. Блез Паскаль. Жан де Лабрюйер. М., 1990. С. 190.
- Петрова С.И. Динамика культурных процессов и ее детерминанты // Вопросы культурологии. 2010. № 4. С. 25–30.
- Петрова С.И. Становление категории «потребность» // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2012 № 11(74). С. 224–227.
- Петрова С.И. Понимание «потребность» в социологии и других науках // Наука без границ. 2017. № 6(11). С. 165–169.
- Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. 408 с.
- Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М., 1997. 312 с.
- The Toynbee-Ikeda Dialogue: Man Himself Must Choose. Tokyo; N.Y., 1976. 348 p.

REFERENCES

- Adorno T., Horkheimer M. (1997) Dialectic of the Enlightenment. Philosophical Fragments. Moscow; St.-Petersburg. Medium, Juventa Publ. 312 p.
- Foucault M. (1977) Words and Things. The Archeology of the Humanities. Moscow. 408 p.
- Gubman B.L. (2005) Modern Philosophy of Culture. Moscow. 536 p.
- Gurevich P.S. An Anthropological Catastrophe. *Svobodnaya Mysl*. 1997. No 11, pp. 34–45.
- Ilyin I.A. (1993) The Way to Evidence. Moscow. 431p.
- Losev A.F. (1991) The Philosophy. Mythology. Culture. Moscow. 525 p.
- Marcuse G. (1994) One-Dimensional Man: Study of the Ideology of the Developed Industrial Society. Moscow. Refl-buk Publ. 368 p.
- Merezhkovsky D.S. Aesthetics and Critique: In 2 vols. Vol. 1. Moscow; Kharkov. 1994. 669 p.
- Ortega y Gasset H. Uprising of the Masses. In: Psychology of the Masses. Samara. 1998, pp. 197–200.
- Pascal B. Some Thoughts. In: Judgments and Aphorisms / François de La Rochefoucauld. Blaise Pascal. Jean de La Bruyère. Moscow. 1990, p. 190.
- Petrova S.I. Dynamics of Cultural Processes and Its Determinants. *Voprosy Kulturologii*. 2010. No 4, pp. 25–30.
- Petrova S.I. Formation of the Category “Potrebnost”. *Krasnoyarsk State Agrarian University Bulletin*. 2012. No 1(74), pp. 224–227.

Petrova S.I. Interpretation of the “Potrebnost” in Sociology and Other Sciences. *Nauka bez Granic*. 2017. No 6(11), pp. 165–169.

The Toynbee-Ikeda Dialogue: Man Himself Must Choose. Tokyo; N.Y., 1976. 348 p.

Сведения об авторе:

Игорь Федорович Петров,
доктор философских наук
профессор
Академия маркетинга
и социально-информационных технологий

Igor F. Petrov,
Doctor of Philosophy
Professor
Academy of Marketing
and Social-Information Technologies

IgorPetroff@yandex.ru

Фундаментальные
исследования

Fundamental
Research

О.А. Волошина (Москва, Россия)

Об особенностях древнеиндийской лексикографической традиции (на материале глоссария Нигханту и словаря Амаракоса)

Аннотация В статье сопоставляется принцип подачи материала в древнеиндийском глоссарии Нигханту и словаре-тезаурусе Амаракоса. В обоих словарях группировка слов по лексико-семантическим группам отражает своеобразную языковую картину мира, воплощенную в конкретных текстах. Сравнение структуры словарей и перечня лексем позволяет предположить, что Нигханту представляет семантическое поле гимнов Ригvedы, а Амаракоса – корпус классических древнеиндийских текстов, сложившийся к VI в. Принадлежность двух сравниваемых словарей к разным эпохам предопределила различное функционирование Нигханту и Амаракоса.

Ключевые слова: глоссарий Нигханту, словарь-тезаурус Амаракоса, структура и функционирование словаря

О.А. Voloshina (Moscow, Russia)

On the Specifics of the Ancient Indian Lexicographic Tradition (on the Glossary Nighantu and Dictionary Amarakosha)

Abstract: The article compares the principle of the arrangement of the material in the ancient Indian glossary Nighantu and the dictionary-thesaurus of Amarakosha. In both dictionaries the grouping of words into lexical-semantic groups reflects a peculiar picture of the world. Comparison of the structure of dictionaries and the list of lexemes suggests that Nighantu is the semantic field of the hymns of the Rigveda, and Amarakosha represents the classical Indian texts.

Key words: glossary Nighantu, thesaurus dictionary Amarakosha, the structure and functioning of the dictionary

Идея сравнить принцип устройства и возможное функционирование в древнеиндийском социуме двух знаменитых словарей Нигханту и Амаракоса возникла благодаря как явному наблюдаемому сходству, так и не менее очевидному различию этих памятников индийской лексикографии. Реконструкция задач, стоящих перед составителями словарей, позволит, как представляется, говорить о предопределенности состава и структуры глоссария запросами породившей его эпохи.

Прежде чем мы приступим к сравнению названных словарей, следует сделать несколько оговорок. Во-первых, говорить о традиции, опираясь всего на два текста, разделенные тысячелетием, можно лишь с большой долей условности. Однако это сравнение представляется не только возможным, но и плодотворным для выявления новых принципов составления текстов, инкорпорированных в культурно-исторический контекст. Во-вторых, применительно к индийским словарям трудно говорить о лексикографической традиции в узком смысле этого слова, ведь, как известно, древнеиндийские тексты бытовали в устной форме и получили письменную фиксацию довольно поздно. Это были устные тексты, письменная форма которых (собственно графическая традиция) первоначально не предполагалась вовсе. Тексты создавались как элемент устного дискурса, чем, вероятно, объясняются их структурные и функциональные особенности.

Сравниваемые словари представляют собой списки слов, сгруппированных похожим образом. Во-первых, и в Нигханту, и в Амаракоше слова перечисляются не в алфавитном порядке, а организуются по лексико-семантическим рядам, которые, в свою очередь, структурированы иерархически и располагаются по принципу идеографического словаря, т. е. классификация слов отражает систему понятий, представляет фрагмент окружающего мира. Во-вторых, в обоих словарях не предлагается объяснение значений слов, отсутствуют дефиниции или примеры контекстного употребления слов – это перечни слов, которые, однако, объединены по семантическому принципу и могут быть интерпретированы как своеобразные тезаурусы, отражающие картину мира. Однако мировоззрение, воплощенное в списках Нигханту, и картина мира, представленная в Амаракоше, существенно отличаются. Сравнение их кажется нам особенно интересным, так как не только поможет выявить разное видение мира, отраженное в двух словарях, но и позволит говорить о различном характере текстов, представленных в словарях, о развитии лексикографической традиции, об изменении принципов составления словарей в древней Индии.

В данной работе мы предлагаем поочередное описание устройства сначала Нигханту, а затем Амаракоши, сравнение же двух словарей по отдельным пунктам (композиция, объем слов, структура, семантические группы и т. п.) представляется менее удачным.

НИГХАНТУ (NIGHAṆṬU)

Определить авторство и время создания древнейшего глоссария Нигханту, как и многих других архаичных памятников древнеиндийской литературы и науки, не представляется возможным. Очевидно, что Нигханту был составлен до появления трактата Яски Нирукта (V в. до н. э.), поскольку Нирукта является комментарием к Нигханту. Автор Нигханту неизвестен, предположение о том, что сам Яска является составителем словника, вряд ли оправданно, так как некоторые слова Нигханту Яска прокомментировать не может: они, вероятно, уже вышли из употребления, значение их Яске неизвестно.

Нигханту представляет собой перечень примерно 1000 слов, разбитых на 5 неравных разделов. Первые три главы традиционно называются *naighantuka*, так как являются собранием близких по значению слов или слов одной лексико-семантической группы (например, в одной группе могут быть перечислены слова, называющие море или реку, а далее следуют названия ручья, водопада, болота и т. п., т. е. перечисляются как слова, которые можно считать синонимами, так и слова, называющие объекты или абстрактные понятия той же тематической груп-

пы). В трех первых главах сгруппированы слова, которые описывают мир богов и героев Ригvedы: земля и небо, пространство и стихии, битвы и название оружия и т. п. В четвертой главе (небольшой по объему) перечисляются слова, которые встречаются только в Ригvedе (naigama), а пятая глава содержит имена богов индийского пантеона и слова теологического характера (daivata).

Нам уже приходилось писать о своеобразной выборке и группировке слов в Нигханту, в частности, о том, что семантический принцип объединения слов в Нигханту, являясь, без сомнения, главным, структурообразующим, тем не менее не всегда строго выдержан [Волошина 2017: 192–208]. В контексте сравнения Нигханту с Амаракoшей важно обратить внимание на то, что Нигханту не является тезаурусом, последовательно отражающим представление о мире. В Нигханту существует своеобразный подбор семантических групп: нет, например, названий одежды, украшений, музыкальных инструментов и т. п., но есть многочисленные группы названий воды, горы, оружия, битвы, сильных эмоций (ярость, смелость, отвага и т. п.). Есть семантические области, которые неоднократно и очень подробно отражены в Нигханту, а есть очевидные пробелы – фрагменты действительности, которые глоссарий как будто не замечает. В частности, во второй книге, описывающей землю и людей, кажется, должны быть перечислены названия животных, растений, птиц и т. п., однако мы не видим последовательного описания, например, различных животных. В словаре есть несколько слов, называющих коня, корову и некоторых других, но нет исчерпывающего перечня названий многочисленных животных, обитающих на полуострове Индостан. Составитель Нигханту, очевидно, не стремился перечислить слова определенной семантической группы, его задача была другой: Нигханту описывает представление о мире, но это своеобразный мир архаичного сакрального памятника, это тезаурус одного текста. Нигханту отражает не строгую логику классификации понятий, а своеобразную «картину мира», воплощенную в сакральных гимнах Ригvedы.

Так, в первой книге содержится семантическая группа слов, называющих коня, масть и окрас лошадей. Многие слова этой группы входят также в ряды слов, называющих солнце, солнечный луч и т. п. Поскольку конь интерпретируется как символ солярных божеств, в Нигханту приводятся названия коня, которые характеризуют животное как героя мифических сюжетов. В частности, огненные кони, запряженные в колесницу, везут по небу Сурью – бога солнца, поводыя этих коней – солнечные лучи [Nighaṅṭu 1967: 50]. В частности, семантическая группа имен, называющих коня, включает могучего небесного коня Таркшью *tārksya* (m) (это слово встречается в Нигханту дважды: в группе слов, называющих коня [Nighaṅṭu 1967: 50], и в перечне имен богов [Nighaṅṭu 1967: 70]). Впоследствии Таркшью начинает идентифицироваться с огненной птицей Гарудой, ведь и Таркшья, и Гаруда – воплощение солнца. Гаруда как солярный герой находится в вечном противостоянии со своим хтоническим противником – змеем (эпитеты Гаруды – Нагантака, Сарпарати *уничтожитель змей*). Таким образом, Нигханту фиксирует не общее представление о лошади, характеристики и функции животного, а, скорее, роль коня в мифических сюжетах и ритуальной символике ведийских текстов.

Значимую роль в мифологической картине мира, отраженной в Ригvedе, играет корова, поэтому слов, называющих корову, в Нигханту много: *usrā* (f) – *корова, утренняя звезда, молоко*; *usrīya* (f) – *свет, рассвет, корова*; *mahī* (f) – *корова, земля, страна пространство, воды, реки*; *go* (f) – *корова (как дающая полезное), земля (как дающая полезные плоды), небо (как дающее полезные плоды)*; *jagatī* (f) –

корова, земля, мир, все живое; aditi (f) – корова, молоко, земля, речь, свобода; ilā (f) – корова, речь, земля и др. [Nighaṅṭu 1967: 54]. Слова, называющие корову, могут употребляться в гимнах для обозначения утренней звезды, рассвета, облака, земли и даже речи. Причудливые связи между словами, возможно, объясняются тем, что в мифическом мире сакрального текста корова может олицетворять собой освобожденных Индрой коров-туч, дающих живительную влагу, может символизировать сакральную речь, а количество ног коровы – различные стихотворные размеры, используемые в гимнах Ригведы¹.

Таким образом, многозначное слово, актуализируя разные значения в определенных контекстах, способствует образованию перекрестных связей между словами разных семантических групп, причем семантические связи различных значений слов могут быть неочевидными и весьма причудливыми.

Например, в отдельную семантическую группу слов, называющих *облако*, наряду со словами vṛaja (m), varāha (m), adri (m), parvata (m), giri (m), megha (m) и др. [Nighaṅṭu 1967: 47], входит слово vṛtra (m) – *туча*. Однако это же слово встречается в группе слов, называющих *гору* vṛtra (m): букв. *закрывающий (свет), прекращающий (дождь)*. Туча похожа на огромную гору, содержащую в себе воду, заключающую воду, не позволяющую воде пролиться на землю долгожданным дождем. Не случайно этим же словом называется исполинский змей Вритра – символ засухи. Громовержец Индра побеждает Вритру, разбивая исполинскую гору-тучу, освобождая воды. Амбивалентность змея как доброй и злой силы, с одной стороны, как хранителя вод, хозяина мирового океана, проводника в подземные миры, а с другой стороны – как насылающего губительную засуху демона, послужило источником различной трактовки образа змея в индийской мифологии. «Образ змея как символа засухи (сосуществующий с водной символикой змея) получит разветвленное развитие в индуистском пантеоне, причем с наибольшей красочностью в самой ранней его части, в ведийский период (Борьба Индры и Вритры). Таким образом, уже здесь проявляется отмеченная двойственность змея: если змея является охранительницей вод, откуда же появляется мотив борьбы со змеей во имя получения дождя? Дело в том, что змей, управляющий водами, злоупотребляет своей властью, удерживает драгоценную влагу и создает засуху, означающую гибель для земледельца» [Маретина 2005: 12–13].

Тесная связь змея с водной стихией отражается и в том, что именно на поверхности безбрежного мирового океана, свернутый кольцами, спит огромный змей Шеша, на котором покоится великий Вишну. Водная природа змея отражается и в системе наименований: слово ahi (m) значит *вода, дождевое облако*, однако в контексте сакральных гимнов Ригведы ahi часто значит *змей* – покровитель водной стихии.

¹ Например, гимн 164 первой мандалы Ригведы построен на игре значениями многозначных слов **pada** (*стопа, нога, стихотворная строка*) и **akṣara** (*слог, слово*), в результате чего создается двойная семантика гимна. Полу жирным шрифтом в тексте выделены слова (и части сложных слов), на базе которых строится языковая игра:

gauṛīr mimāya salilāni takṣaty
ekapadī dvīpadī sā catuspadī /
aṣṭapadī navapadī babhūvuṣī
sahasrākṣarā parame vyoman //

«Буйволица замычала, создавая потоки воды, / Став одноногой, двуногой, четырехногой, / Восьминогой, девятиногой, тысячесложной на высшем небе» (I. 164. 41) [Ригведа 1999а: 204]. Буйволица (корова) в этом контексте – священная Речь, ноги коровы – это стихотворные строки, состоящие из разного количества слогов. Комбинации различных слогов создают метрические размеры, из которых складываются сакральные гимны.

Таким образом, мифический сюжет, неоднократно упомянутый в гимнах Ригведы, связывает слова *туча, гора, пещера, змей, Вритра* и др., что позволяет включать эти слова в разные тематические группы Нигханту. Такие перекрестные ссылки являются, как представляется, важной особенностью группировки слов в глоссарии.

Естественно предположить, что составление словаря Нигханту преследовало особые цели. В связи с этим интересно отметить, как использовались цитаты из гимнов Ригведы на самом раннем этапе формирования корпуса ведийских текстов (Яджурведы, Самаведы, Брахман и др.). Гимны Ригведы в контексте ритуала редко воспроизводились целиком, чаще из текста гимна выбирались опорные цитаты, произносилась одна или несколько строчек и объяснялось ее использование в конкретных ритуальных действиях. Поскольку гимны Ригведы жрецы знали наизусть, каждое слово сакрального текста вызывало в памяти другие варианты его употребления, допуская одновременное участие в ритуальном действии множественных контекстов и разнообразных смысловых связей слов. На первый план могли выходить слова общей лексико-семантической группы, слова с близким значением, потому что одно слово неизбежно вызывало в памяти другое слово и другой контекст. Кроме того, сакральное слово могло наделяться символическим значением, становясь заместителем другого слова, действия или мысли.

Например, в Белой Яджурведе (редакция *Vājasaneyī saṁhitā*) подробно описан процесс возведения алтаря для жертвенного огня при проведении ритуала агничаяна (*agnīcaуana возведение алтаря огня*). Опорные кирпичи для алтаря получали специальные названия и соотносились с тремя видами ритуальных формул из текстов священных самхит: рич – цитата гимна из Ригведы, яджус – цитата из Яджурведы и саман – фрагмент из Самаведы. Кроме того, кирпичи служили символами пластины-основы, первочеловека пуруши, из которого возник весь мир, и священного лотоса. Возводя алтарь, жрец произносил: «Вот этот Агни (-алтарь) состоит из трех кирпичей: рич – один (кирпич), яджус – один и саман – один. Какой бы (кирпич) он ни укладывал в него с ричем, опорой ему (служит) именно (круглая золотая) пластина (-рукма). И какой бы с яджусом (ни укладывал), опорой ему (служит) именно (сделанный из золота) пуруша. И какой бы с саманом (ни укладывал), опорой ему (служит) именно лист лотоса. Так (Агни-алтарь) делается состоящим из трех кирпичей»¹ [Шатапатха-брахмана 2010: 131–132].

Таким образом, в контексте ритуала оказывались причудливым образом совмещены слова, называющие отдельные предметы и священные понятия, ведь при проведении жертвоприношения предмет (или слово) мог служить символом другого предмета или понятия.

Создается впечатление, что глоссарий Нигханту был не столько перечнем ключевых слов самого текста Ригведы, сколько опорой цитат из Ригведы, произносимых во время ритуала. Слово сакрального гимна можно было интерпретировать лишь путем привлечения других слов, обозначающих близкие понятия и создающих общее семантическое поле, в рамках которого конструировался смысл ритуального текста.

Иногда сближение различных слов (и, соответственно, включение их в общую семантическую группу) происходило на основе сходного значения или общей функции в определенном контексте или на основе фонетического сходства сравниваемых слов. Объединение слов в одну группу строилось на своеобразных, ча-

¹ *sá eṣā trīṣṭakò ḡnīḥ ṛgékā yájurékā sāmaikā tadyāṁ kām cātrarcòpadádhati rukmá eva tásyā āyátanamátha yām yájuṣā púruṣa eva tásyā āyátanamátha yām sámnā puṣkaraparṇámeva tásyā āyátanamevām trīṣṭakáh* (X.5.2.21).

сто сложно выявляемых связях слов, основанных на близком значении или на общем контексте, на сходстве фонетического облика целого слова или его частей. Связь слов оказывалась основой глубинной связи называемых этими словами явлений и понятий.

В текстах Брахман проявляется пристальное внимание индийцев к этимологии слова: авторы используют многочисленные этимологические фигуры для объяснения связи понятий и предметов друг с другом. Эти своеобразные этимологические разыскания объясняются «постоянно демонстрируемой готовностью творцов брахманической прозы к своеобразным «филологическим играм», за которыми стояла глубочайшая убежденность в том, что в самом названии предмета скрыта его сущностная природа. Следует при этом особо подчеркнуть, что распространялась подобная убежденность не только на слова, но даже и на отдельные слоги, составляющие их» [Романов 2009: 357]. Такой подход позволил выработать своеобразный «расчленяюще-этимологический» прием, в результате которого слово членилось на сегменты, используемые при интерпретации значения исходного слова. Этот «этимологический» анализ слов, весьма произвольный и субъективный, позволял авторам текстов Брахман отождествлять разные понятия путем соотнесения называющих их слов (или частей слов), выстраивая причудливые формально-семантические соответствия.

Например, Шатапатха-брахмана сообщает: «Лежал, поистине, Вритра, покрыв собой все здешнее, которое между небом и землей. Из-за того, что лежал он, покрыв (vṛ) все здешнее, имя ему – Вритра»¹ (ШБр. 1.1.3.4) [Шатапатха-брахмана 2009: 122]. Брахманы как тексты, не только регламентирующие проведение ритуала, но и поясняющие, комментирующие действия и слова жрецов, проводящих ритуал, объясняли (или пытались объяснить) сложные связи между ритуальными действиями, жестами, словами и символами. Жрецам необходимы были не только инструкции проведения ритуалов, но и объяснения филологического характера, комментирующие сакральные слова и цель их произнесения во время жертвоприношения.

Интересно отметить, что не только лексическое значение, но и некоторые грамматические характеристики (принадлежность к определенной части речи, к типу склонения или грамматическому роду) также учитывались при группировке слов в Нигханту. Основной объем словника Нигханту составляли имена существительные, а глаголы и наречия объединялись в отдельные группы. Также представляется важным отметить значимость отнесения существительного к грамматическому роду.

В Шатапатха-брахмана, например, слова, произносимые при проведении ритуала, могут сопоставляться по характеризующему их грамматическому роду. Например:

1.4.4.3. Ковшиком масла (адхварью) совершает то возлияние, которое совершает Уму, Ведь и в самом деле и (слово) «Ум» – мужчина, и «ковшик» – мужчина.

1.4.4.4. Ложкой масла он совершает то возлияние, которое совершает Речи.

Ведь и в самом деле и (слово) «Речь» – женщина², и «ложка» – женщина³ [Шатапатха-брахмана 2009: 179].

¹ vṛtró ha vā idam sárvaṃ vṛtvá çīçye

yádidamántareṇa dyāvāpṛthivī sa yádedaṃ sárvaṃ vṛtvá çīçye tásmādvṛtro náma (1.1.3.4).

² В Нигханту также слова, называющие речь, маркируются женским родом: vipā (f), galdā (f), kaçā(f), dhiṣaṇā (f), vāk (f) – речь [Nighaṇṭu 1967: 47].

³ 1.4.4.3. sruvéṇa tamāghārayati

yaṃ mánasa āghārayati vṛṣā hi máno vṛṣā hi sruvāḥ

1.4.4.4. srucā tamāghārayati

yāṃ vāca āghārayati yóṣā hi vāgyóṣā hi srúk

Часто слова одной семантической группы в Нигханту характеризуются мужским, женским или средним родом. В частности, самая первая семантическая группа представляет собой перечень слов, называющих *землю* (22 синонимичных наименования): kṣmā (f), kṣamā (f), kṣiti (f), kṣoṇī (f), pṛthivī(f), mahī (f), aditi (f), bhū (f), bhūmi (f), avani (f), urvī (f), ilā (f) и др. [Nighaṅṭu 1967: 45], причем все перечисленные слова относятся к женскому роду. Это неудивительно, поскольку земля персонифицировалась и обожествлялась, а в сознании людей земля – плодородная, дарующая блага, рождающая и кормящая – отождествлялась с богиней.

Слова, называющие воду, как правило, относятся к среднему роду: ambu (n), jala (n), nīra (n), vāri (n), sarva (n), udaka (n)¹, и только лексема āras маркирована женским родом. Т.Я. Елизаренкова обращает внимание на частотность употребления в текстах Ригvedы лексемы āras (более 500 раз, тогда как другие обозначения воды встречаются от 5 до 20 раз во всем корпусе Ригvedы) и объясняет частотность употребления слова āras именно принадлежностью лексемы к женскому роду [Елизаренкова 1999^a: 153].

Представляется, что родовая характеристика существительных также играла роль при классификации слов, при попытке объединить или противопоставить слова, представить картину мира, отраженную в ведийском. Классификация существительных по родам, очевидно, учитывалась древнеиндийскими языковедами при попытке интерпретации предметов и явлений действительности, при обнаружении связей между словами. Глубокая лингвистическая рефлексия, свойственная индийским мыслителям, не могла оставить без внимания грамматическую категорию рода, такую важную и насыщенную в символическом плане.

Итак, Нигханту представляет собой первую попытку собрания и классификации ключевых слов к гимнам Ригvedы. Устная традиция бытования священных текстов способствовала развитию мнемонических техник. Представляется, что список ключевых слов к тексту тоже функционировал как попытка установить некоторые мнемонические ориентиры, опираясь на которые брахман мог излагать, комментировать текст или грамотно использовать цитаты из текста при проведении ритуала. Необходимость сохранения и правильного использования сакрального текста породила глубокую и плодотворную лингвистическую рефлексия, результатами которой явились лингвистические трактаты Веданги и глоссарий Нигханту. Нигханту собрал опорные слова Ригvedы, а специальный филологический трактат Нирукта Яски описал метод семантического этимологизирования, благодаря которому оказалось возможным объяснить причудливые семантические связи произносимых в контексте ритуала слов. Очевидно, что Нирукта Яски как следующая ступень в создании механизма семантического анализа слов сакральных текстов служила описанием и своеобразным объяснением к выборке и классификации ключевых слов Ригvedы. Нигханту представляет семантический каркас Ригvedы, а «Яска стремился создать модель языка, соответствующую Ведам или, что то же самое, представить смысл Вед как языковой объект... Этим, согласно Яске, можно было обеспечить на прагматическом уровне сохранность в чистоте, равно как и воспроизводство в культуре, не только текста Вед, но и его функций» [Зильберман 1998: 200–201].

Авторитет Нигханту, без сомнения, был огромен, так как на протяжении последующего тысячелетия создаются словари, так или иначе опирающиеся на принцип группировки слов, разработанный в Нигханту. Семантический принцип группировки слов, впервые предложенный в Нигханту, сохраняется и в знаменитом словаре VI в. Амарakoша.

¹ [Nighaṅṭu 1967: 48].

АМАРАКОША¹ (АМАРАКОṢА)

Амаракоша является самым знаменитым индийским словарем, традиционно трактуемым как словарь синонимов, однако на самом деле Амаракоша совмещает два типа лексикографического описания: словарь-тезаурус и словарь синонимов (или слов с близким значением). Со времен Нигханту традиционным способом подачи лексического материала для индийцев становится тезаурусный тип словаря (греч. *θησαυρός* – *сокровище, богатство, клад, запас*), при котором лексика структурируется по семантическим полям, отображая своеобразную картину мира. Однако Амаракоша представляет четче структурированный и более полный перечень лексико-семантических групп, чем Нигханту.

Словарь Амаракоша значительно превосходит глоссарий Нигханту по объему (содержит более 10 тысяч слов) и состоит из трех книг.

«Книга о небесных и подземных мирах» (1) посвящена описанию мест пребывания сверхъестественных существ – богов и демонов.

«Книга о земле» (2) описывает мир человека и состоит из 10 глав.

«Сборная книга» (3) наиболее разнородна по составу, о чем свидетельствует ее название. Если в целом Амаракоша – это перечень существительных, то в третью книгу включены прилагательные и неизменяемые слова (наречия, частицы и междометия). Кроме того, в третьей книге излагаются правила определения грамматического рода имен существительных.

Амаракоша имеет подзаголовок «Намалинганушасана» (*Nāmalīṅgānuṣāsanam*) – «*Наставление о существительных и грамматических родах*». Не случайно из всех грамматических категорий именно категория рода специально рассматривается в словаре: приводятся правила отнесения существительных к тому или иному роду по формальному признаку, – однако, учитывая идею Амаракоши как словаря идеографического, можно предположить, что родовая принадлежность существительных также является яркой чертой картины мира, воплощенной в санскрите.

Каждой теме в структуре словаря Амаракоша посвящен специальный раздел – варга², объединяющий слова определенной тематики, т. е. представляющий лексико-семантическую группу слов. Например, первая книга объединяет варги, которые включают имена богов индийского пантеона, названия неба, солнца, планет, звезд, времени суток и т. п.

Рассмотрим, например, фрагмент тезауруса, включающий имена индийских богов. Важно отметить, что пантеон богов в Амаракоше уже более четко структурирован по сравнению с глоссарием Нигханту. Кроме того, Амаракоша, как словарь более поздний, отразил изменения в пантеоне индийских богов, когда некоторые ведийские боги (например, Рудра, Сома, Чандра или Ушас) сменились другими богами, получившими в индуизме конкретные функции; в словаре Амаракоша появляются новые божества, например Ганеша, Кама или даже Будда, которых не было в Нигханту. Таким образом, Амаракоша отражает религиозные представления новой эпохи, когда ведийские мифологические представления уступают место индуизму и буддизму.

Интересно сравнить количество имен и эпитетов, которые приводятся в словаре для конкретных богов. Если в Нигханту – словаре, отражающим мифологические представления, воплощенные в Ригведе, – самыми главными (если можно

¹ Амаракоша – «словарь Амары». Амага – имя собственное создателя словаря мудреца Амара Синхи (букв. *лев среди богов*), жившего, вероятно, при дворе Викамадитьи в V–VI вв., и коша – *словарь, сокровищница*.

² Varga -m- раздел, глава (трактата); *разряд, группа слов, объединенных в классификации*.

говорить о главных и второстепенных ведийских богах) были, конечно, Агни и Индра¹, то в Амаракосхе главенствующее место занимают такие боги, как Шива, Брахма и Вишну, приводятся даже 18 имен Будды. Агни уже не возглавляет перечень богов, как в Нигханту, а представлен лишь 34 наименованиями [Amarakosha 1889: 34], тогда как список имен Шивы насчитывает 52 слова [Amarakosha 1889: 20]. Имена богов в Амаракосхе характеризуют божество, указывают на его атрибуты и функции, причем эти номинации более конкретны, боги получают индивидуальные характеристики: эпитеты, сравнения и т. п. Образы богов в Амаракосхе более индивидуализированы.

Приведем примеры списков слов, называющих некоторых богов, чтобы показать структуру Амаракосхи, принцип отбора слов и порядок их расположения.

Например, **Ганеша** – слоноголовый бог – представлен следующими именами:

- 1) vināyaka – *Устранитель препятствий*;
- 2) vighnarāja – *Владыка препятствий*;
- 3) dvaimātura – *Имеющий двух матерей*;
- 4) gaṇādhipa – *Повелитель свиты*;
- 5) ekadanta – *Имеющий один бивень*;
- 6) heramba – *Хвастающийся*;
- 7) lambodara – *Имеющий большой живот, обладающий свисающим животом*;
- 8) gaṇānana – *Имеющий голову слона* [Amarakosha 1889: 25].

Ганеша считается божеством, устраняющим препятствия, он повелитель препятствий. Это имя связано с историей о том, что бог луны Сома воздвиг храм Соманатх, посетив который каждый смертный освобождался от грехов и попадал в небесное царство. Естественно, все хотели попасть в чудесный храм, но Парвати повелела Ганеше изобретать препятствия, удерживать людей на пути к спасению. Ганеша стал соблазнять людей богатством, омрачать их разум, заставляя забыть о небесном царстве. Люди молят Ганешу избавить их от этих препятствий, и Ганеша благосклонно внимает их мольбам. Не случайно ездовое животное Ганеши – крыса, умная и находчивая, которая преодолевает все препятствия.

Удивительная внешность слоноголового бога объясняется следующей историей. Когда счастливая Парвати показывала всем своим родственникам прекрасного новорожденного сына, один из родственников – Шани, обладающий смертоносным взглядом, – посмотрел на несчастного младенца, и вместо головы новорожденного сына Шивы и Парвати оказалась лишь горстка пепла. Чтобы утешить несчастную Парвати, Шива наделил сына головой белого слона Айраваты – первого существа, встретившегося ему на пути. С тех пор Ганеша называется gaṇānana (*Имеющий голову слона*). Соответственно, Ганеша стал сыном двух матерей (dvaimātura) – Парвати и божественной слоницы.

Другое имя Ганеши – ekadanta (*Имеющий один бивень*) – объясняется тем, что Ганеша, записывая под диктовку Вьясы Махабхарату, сломал перо. Стараясь не упустить ни слова, Ганеша отломил бивень и продолжил писать им. Не случайно Ганеша покровительствует ученым и поэтам, именно ему молятся студенты о положительных оценках на экзаменах.

Итак, Ганеша – повелитель свиты Шивы, который, устраняя препятствия на пути людей к благополучию, приносит в дом достаток, поэтому одно из имен Ганеши *«обладающий большим животом»*.

¹ В Ригведе Индре было посвящено 243 гимна, Агни – 196, тогда как Вишну всего 3 гимна.

Очевидно, что перечень имен Ганеши отражает представление об этом боже-
стве, отмечает особенности его внешности, яркие его характеристики и атрибуты.

Брахма Четырехликий
(*caturānana*)

Теперь рассмотрим имена трех верховных богов
индийского пантеона: Брахмы, Шивы и Вишну. Об-
щие функции и характеристики этих богов могут отра-
жаться в общих для них именах. Например, и Брахма, и
Шива, и Вишну могут называться: *Творец* (*vidhi*), *Пер-
вейший и высочайший, стоящий во главе* (*parameṣṭhī*),
Превосходящий всех (*virīṅci*), *Тот, кто предопреде-
ляет судьбу* (*vidhātar*) и др. [Amarakosha 1889: 11, 13,
20]. Однако в Амаракосхе каждый их верховных богов
получает и индивидуальные характеристики.

Например, **Брахма Четырехликий** (*caturānana*); *Тот,
кто сидит в лотосе* (*kamalāsana*); *Рожденный в лотосе*
(*abjayoni, kamalodbhava*); *Рожденный из пупка (Вишну)*
(*nābhijanmāṇḍajaḥ*); *Имеющий гуся¹ в качестве ездово-
го животного* (*hamsavāhanaḥ*) и др. [Amarakosha 1889:
11–12]. Вахана (ездовое животное) – двойник божества.
Иногда вахана умножает силу своего хозяина-божества,
иногда обозначает злые силы или пороки, которые по-

беждает божество. Вахана Брахмы – *hamsa* (гусь или лебедь) воплощает милость
верховного бога, его справедливость, способность отличать плохое от хороше-
го, истинное от ложного. «Гусь символизирует божественную сущность, которая,
хотя воплощается и пребывает в индивидуе, тем не менее всегда остается сво-
бодной, не связанной событиями индивидуальной жизни... Мы, подобно дикому
гусю, – обитатели обеих сфер. Мы – смертные, содержащие в себе ядро бессмерт-
ной сверхиндивидуальности... Макрокосмический гусь, божественное “я” вселен-
ной, проявляет себя через песнь... Песнь сокровенного гуся раскрывает последнюю
тайну. В ней поется: “Хам-са, хам-са”, но в то же время – “са-ахам, са-ахам”. “Са”
означает “это”, а “ахам” означает “я”; тайна со-
стоит в том, что “это есть я”: отдельный человек
с ограниченным сознанием, погруженный в иллюзию, очарованный майей, реально и на самом
деле становится “этим”, или Им, т. е. Атманом,
“я”, высшим Существом, безграничным сознани-
ем и бытием» [Циммер 2015: 60–61].

Среди многочисленных имен **Шивы** встре-
чаются его характеристики как *разрушите-
ля Трипуры* (*tripurāntaka*) – города демонов,
владельца волшебного лука Pināka (*pinākin*),
повелителя танца (*Maḥānaṭa*) и др. [Amarakosha 1889: 20]. Согласно пророчеству, только
могущественный Шива мог разрушить город
демонов, ведь только Шива мог натянуть ту-
гую тетиву волшебного лука Пинака и пустить
стрелу огромной разрушающей силы.

Танцующий Шива

¹ Интересно, что одно из названий солнца в Амаракосхе – *hamsa*, что подчеркивает важную функ-
цию птицы-солнца как средства передвижения творца мира Брахмы.

Танцующий Шива (Nāṭagājā *повелитель танца* или Mahānāṭa *великий в танце*) – одно из самых известных имен могущественного бога, а известное на весь мир изображение танцующего Шивы – жемчужина индийского искусства.

«...Шива содержит в себе и разыгрывает все возможные аспекты жизни, и его танец является чудесным смешением противоположностей. Танец, подобно самой жизни, есть смесь ужасного и благостного, соположение и объединение разрушения, смерти и витального торжества, вулканического взрыва жизненной лавы» [Циммер 2015: 152]. Разрушение и созидание мира, вечный круговорот смерти и рождения – результат этого космического танца.

Еще одно верховное божество **Вишну** (Viṣṇu) называется *Властителем чувств* (hr̥ṣīkeṣa), *Владыкой рая* (vaikuṇṭha) и др. Однако индивидуальной характеристикой Вишну являются имена, указывающие на его отличительные черты. Так, Вишну называется *Четырехрукий* (satvrbhuja), *Покоющийся на воде* (jalaśāya) или *Имеющий лотос вместо пупка* (padmanābha) и др. Среди имен Вишну Амаракоша называет Кришну (kṛṣṇa), поскольку Кришна – это восьмое воплощение Вишну на земле [Amarakosha 1889: 13].

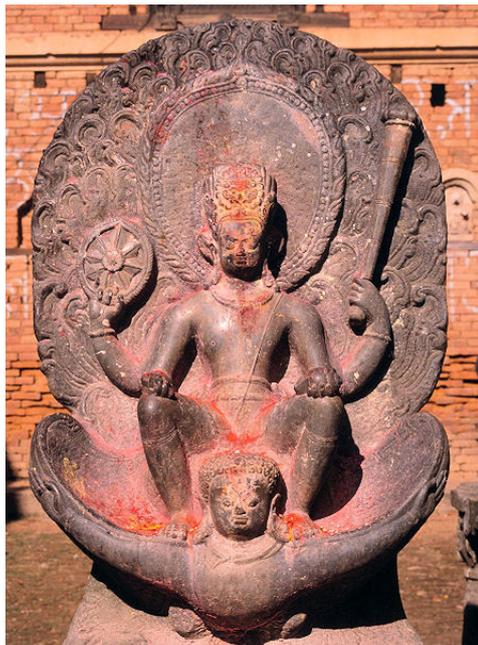
Некоторые имена Вишну связаны с мифологическими сюжетами, участником которых он является. Например, Вишну в пятом воплощении называется trivikrama (букв. *три шага* или *Сделавший три шага*), поскольку, приняв вид карлика, Вишну поспорил с асурами, что в его владение отойдет территория, которую он покроет тремя шагами; асуры согласились, не предвещая подвоха, после чего Вишну преобразился и сделал три гигантских шага, перешагнув землю, небесное пространство и подземные миры.

Некоторые имена включают атрибуты Вишну: *Имеющий в руке чакру* (диск) (saktarāṇi) или *Имеющий Гаруду как отличительный признак* (как вахану) (garuḍadhvajā). Вахана Вишну – Гаруда – символизирует птицу-солнце, что связывает Вишну с богами солярного круга. Вишну восседает на огненной птице, он держит в поднятой руке грозное оружие – боевой солнечный диск с тысячами спиц или колесо (чакру), которое мечет в своих противников.

«Характерно и вполне закономерно (если иметь в виду мировой сюжет исконной связи змей и птиц), что главные антиподы – космический змей Шеша и солнечный орел Гаруда – выступают в качестве вахан Вишну. Извечные враги встретились в служении одному божественному господину» [Маретина 2005: 77].

Если в Нигханту перечисляются имена божеств часто без конкретизирующих признаков, позволяющих отличить одно божество от другого, то облик и функции богов в Амаракоше уже более конкретны, божества наделяются индивидуальными характеристиками, такими, как атрибуты, ваханы и т. п. Многие имена являются «свернутой историей» бога, упоминающей мифологический сюжет, героем которого выступает называемое божество.

Как уже было сказано, Амаракоша учитывает грамматическую категорию рода имен существительных. Если имена перечисленных выше богов – это всегда су-

Вишну (Viṣṇu)

ществительные мужского рода, то названия предметов и явлений окружающего мира получают самые разные характеристики по грамматическому роду, что, как представляется, учитывалось индийскими брахманами при интерпретации окружающего мира.

Интересно отметить, например, что все слова, называющие солнце (Амаракоша приводит список из 54 наименований) относятся к мужскому роду, т. е. солнце – это он, бог Сурья (sūra, sūrya); *Творец дня* (divākara); *Сокровище неба* (dyumani), *Создатель сияния* (vibhākarā); *Создающий рассвет* (prabhākara); *Ярко сияющий* (vivasvat); *Око мира* (jagaccakṣu (jagat + cakṣu)) и т. п. [Amarakosha 1889: 65]. Некоторые имена являются характеристиками божества, указывающими на его атрибуты и важные признаки. Например, *Имеющий семь коней* (saptācva), ведь кони, везущие бога солнца – это дни недели, причем кони солярного божества – золотые, огненные, о чем свидетельствует имя *Имеющий светло-рыжих (золотистых) коней* (haridaçva); *Появляющийся в 12-ти формах* (dvādaçātman), ведь каждый из 12 месяцев знаменуется особой формой солнца и т. п. Многие названия солнца объясняются мифологическими сюжетами. Например, имя *Мартанда* (mārtāṇḍa букв. «мертвое яйцо») – сын Адити, солярное божество в виде огненной птицы, которое, согласно легенде, зародилось в утробе матери, но из-за проклятия Чандры (Луны) погибло, так и не родившись, однако благодаря милости своего отца воскресло и появилось на свет.

Луна (месяц) в Амаракоше представлена 20 наименованиями, причем каждое слово также маркировано мужским родом. Месяц / луна (candra, candramāsa) называется *Повелителем ночи* (niçāpati) или *Творящим ночь* (kṣarākara), *Предводителем звезд* (nakṣatreça), *Одиноким* (vidhu), *Имеющим холодные лучи* (himāñcu) и др. [Amarakosha 1889: 54]. Луна сравнивается с цветком белого лотоса (abja) и с божественным напитком Сомы (soma), поэтому эти слова также приводятся в Амаракоше в списке слов, называющих луну. Слово indu называет луну, но в определенных контекстах может также использоваться для обозначения капли Сомы. Луна называется *Повелительницей лекарственных трав* (oṣadhīça), поскольку сбор лекарственных трав определялся лунным календарем, а сам знахарь назывался *Повелителем лекарственных трав* (oṣadhipati). По представлениям индийцев, на луне можно увидеть изображение бегущего зайца, поэтому луна называлась *Носящая изображение зайца* (çaçadhara). Таким образом, мы видим в Амаракоше отражение общих представлений о луне – одинокой властительнице ночи, повелительнице звезд, испускающей холодный серебряный свет. Однако в словаре представлены и исключительно индийские представления о луне как цветке лотоса, капле Сомы, о небесном светиле с изображением зайца и т. п.

Интересно, что все слова, называющие *гору*, в Амаракоше тоже мужского рода: giri, çila, dhara, adri и др. [Amarakosha 1889: 104]. В номинациях отражается представление о горе как *державшей, поддерживающей землю* (mahīdhara, ṛṣmādhara, kṣmabhrt), ведь согласно древнеиндийской мифологии гора связывает два мира: земной и небесный; она служит опорой и связью двух миров, поддерживает их вечное противостояние. Некоторые слова, называющие гору, используются также для названия *облака*: adri, parvata и др. Мифологические представления, восходящие еще к текстам Ригvedы и позволяющие отождествлять тучу и гору, воспринимать облако как небесную гору, поддерживались, вероятно, еще и общей грамматической характеристикой этих существительных – отнесенностью к мужскому роду. Кроме того, в списке слов, называющих гору, в Амаракоше есть слово gotra, кото-

рое может использоваться для названия загона для скота, коровника. Вероятно, это представление о горе как месте для содержания коров также имеет древнейшие мифологические истоки, ведь именно в горе демон Вритра прятал украденных коров, которых освободил Индра, разбив громовой дубиной ваджрой гору-тучу.

Все слова, называющие *облако*, в Амаракосхе тоже мужского рода: *abhra*, *megha*, *jīmūta*, *ghana* и др. [Amarakosha 1889: 50]. Облако называется *Доставляющим воду* (*vārivāha*), *Дающим воду* (*vārida*), *Держащим воду* (*ambubhṛt*), *Состоящим из пара* (*dhūmaya*), *Содержащим молнии* (*taḍitvān*), *Гремящим, испускающим раскаты грома* (*stanayitnu*). Последние номинации указывают на очевидную связь грозовой тучи и грома, тучи и молнии. Интересно, что слова, называющие гром, в Амаракосхе мужского рода, а молнию – женского. Например, молния (*taḍit*) входит в состав сложных слов *Вспышка молнии (гирлянда молнии)* (*taḍitmālā*), *Лиана молнии* (*taḍitlatā*). *Росчерк молнии* (*taḍitlekhā*). Молния в Амаракосхе называется *Сияющей* (*vidyut*), *Содержащей сотню лучей света* (*ṣatahradā*), *Светом, порожденным облаком* (*meghajyoti*), *Рожденной тучей* (*saudāmini*) и т.п. [Amarakosha 1889: 51]. Многие названия грома происходят от глаголов гроыхать, грохотать и т. п.: *гром, гул* (*stanita* от корня *stan* *греметь*), *Грохочущий* (*garjita* от корня *garj* *грохотать*), гром называется также в Амаракосхе *Шум облаков* (*meghanirghoṣa*) и др. [Amarakosha 1889: 51].

Некоторые лексико-семантические группы, очевидно, включают существительные всех трех родов, однако и в этом случае Амаракосха последовательно перечисляет сначала существительные мужского рода, а потом женского и среднего или среднего и женского рода, выстраивая определенный порядок. Например, подавляющее большинство слов, называющих речь, – женского рода, из них только одно слово мужского рода (*vyāhāra*) и 4 слова среднего рода (*lapita bhāṣita vacana vacas*), причем сначала перечисляются слова женского рода, затем слово мужского рода, потом еще одно слово женского рода и замыкают список 4 слова среднего рода [Amarakosha 1889: 102]. Важно заметить, что порядок слов в Амаракосхе определялся и соображениями ритмической организации поэтического текста, ведь именно таким текстом и был словарь Амаракосха, предназначенный для бытования в устной традиции. В системе классического индийского образования объемный текст заучивался наизусть: перечни слов знакомили индийца с картиной мира, отраженной в текстах на санскрите. Индолог С.Ф. Ольденбург так пишет об индийской системе обучения: «...одним из основных элементов этого обучения... было выучивание наизусть синонимического словаря. Это выучивание... раскрывало перед мальчиком тысячами слов-терминов большую часть того сложного и богатого культурного мира, к которому он приобщался, он как бы сразу получал известное энциклопедическое образование при помощи этих синонимов» [Ольденбург 2009: 131]. Итак, словарь-тезаурус Амаракосха – первая попытка индийцев собрать и структурировать лексику, называющую понятия физического и психического мира богов и человека.

Сравнение словарей Нигханту и Амаракосха показали их очевидное сходство: оба словаря представляют собой своеобразное сочетание словаря-тезауруса и словаря синонимов, однако Нигханту и Амаракосха отличаются и объемом, и структурой. С точки зрения современного читателя, структура Нигханту недостаточно последовательна, принцип объединения слов в разряды не всегда очевиден. Если бы Нигханту действительно был тезаурусом, основанном на строгой категориза-

ции понятий, он мог быть выстроен более четко и последовательно. Достаточно сравнить Нигханту с более поздним словарем-тезаурусом Амаракоша, структура которого имеет четкую логическую основу. В словаре Амаракоша последовательно перечисляются имена и атрибуты богов (с учетом иерархии богов индийского пантеона), небесные светила, названия животных и растений, предметов быта и терминов, отражающих устройство индийского общества, названия болезней и лекарств, положительных и отрицательных характеристик человека и т. п. Амаракоша, таким образом, является словарем, представляющим в своей структуре четкую, иерархически и тематически выстроенную картину мира индийцев.

Нигханту выглядит совсем иначе: кажется, что этот тезаурус построен не на попытке четко структурировать, «разложить по полочкам» области окружающего мира и сферы человеческой деятельности, а на совершенно особой логике, отражающей мифологическую картину мира, представленную в Ригведе. Ведь Нигханту – глоссарий к сакральным текстам Ригvedы, при этом семантика, стилистика и прагматика текста определяет и специфику набора ключевых слов. Именно поэтому Нигханту – тезаурус, основанный не на логическом принципе классификации понятий, а на мифологическом представлении об устройстве мироздания, отраженном в сакральных гимнах Ригvedы. Древнейшие словари выполняли важнейшую функцию кодирования сакрального текста и предлагали принципы его толкования, объединяя слова в семантические блоки. Классы слов в Нигханту отражали семантическую структуру текста Ригvedы в целом, являясь семантическими опорами толкования и интерпретации древнейшего текста.

Амаракоша кажется более стройным и полным словарем, строгая логика Амаракоши близка тому принципу подачи материала, на котором основаны современные словари-тезаурусы, однако это тоже не понятийный словарь в прямом смысле этого слова: многие фрагменты окружающего мира и области жизни человека представляют своеобразную картину. Амаракоша является словарем-тезаурусом санскрита – языка не одного произведения, но целого корпуса древнеиндийской литературы, сложившегося к VI в. Создается впечатление, что оба словаря отражают мир, стоящий за определенными текстами, это словари-конкордансы к важнейшим для древнеиндийской культуры текстам. Лексикографическая деятельность (если можно говорить о лексикографии, ведь словарь не был записан, а предназначался для заучивания наизусть) способствовала развитию лингвистического анализа как зафиксированных в словарях отдельных санскритских слов, так и важнейших сакральных текстов.

ЛИТЕРАТУРА

Волошина О.А. Словарь Амаракоша как отражение индийского мировоззрения // Риторика. Семиотика. Языкознание: Сб. статей к 70-летию профессора А.А. Волкова. М., 2016. С. 368–385.

Волошина О.А. Nighaṅṭu как инструмент семантического анализа гимнов Ригvedы // Проблемы ближней и дальней реконструкции: Материалы IX Международной конференции по сравнительно-историческому языкознанию, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Олега Сергеевича Широкова (1927–1997). М., 2017. С. 192–208.

Елизаренкова Т.Я. Слова и вещи в Ригvedе. М., 1999^a. 236 с.

Зильберман Д.Б. Генезис значения в философии индуизма. М., 1998. 444 с.

Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь. 2-е изд. М.: Русский язык, 1987. 944 с.

- Ригведа. Мандалы I–V / Пер. и коммент. Т.Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1999⁶. 762 с.
- Маретина С.А. Змея в индуистской мифологии (на материале МАЭ). СПб., 2005. 140 с.
- Ольденбург С.Ф. Основы индийской культуры // Ольденбург С.Ф. Культура Индии. М., 2009. С. 21–40.
- Романов В.Н. К жанровой эволюции брахманической прозы // Шатапатха-брахмана. Книга I, кн. X (фрагмент) / Пер., вступ. ст. и прим. В.Н. Романова. М.: Восточная литература, 2009. С. 5–110.
- Циммер Г. Мифы и символы в индийской культуре. М.: Академический проект, 2015. 194 с.
- Шатапатха-брахмана. Книга I. Книга X (фрагмент) / Пер., вступ. ст. и прим. В.Н. Романова. М.: Восточная литература, 2009. 381 с.
- Шатапатха-брахмана. Книга X. Тайная / Пер., вступ. ст. и прим. В.Н. Романова. М.: Восточная литература, 2010. 204 с.
- The Nighaṇṭu and the Nirukta. The Oldest Indian Treatise on Etymology, Philology and Semantics / Text and translation by Lakshman Sarup. Delhi, Varanasi, Patna. 1967. 688 p.
- The Nāmalingānuṣāsana (Amarakosha) of Amarasinha with the Commentary of Bhānujī Dīkshī. Bombay, 1889. 485 p.

REFERENCES

- Voloshina O.A. Amarakosh Dictionary as a Reflection of the Indian Worldview. In: Rhetoric. Semiotics. Linguistics. Collected articles to the 70th anniversary of Professor A.A. Volkov. Moscow. 2016, pp. 368–385.
- Voloshina O.A. Nighaṇṭu as a Means for Semantic Analysis of Rig Veda Hymns. In: Problems of the Near and Far Reconstruction: Proceedings of the IX International Conference on Comparative Historical Linguistics dedicated to the 90th birthday of Professor Oleg Sergeevich Shirokov (1927–1997). Moscow. 2017, pp. 192–208.
- Elizarenkova T.Ya. Words and Things in the Rig Veda. Moscow. 1999^a. 236 p.
- Zilberman D.B. The Genesis of Meaning in Hindu Philosophy. Moscow. 1998. 444 p.
- Kochergina V.A. Sanskrit-Russian Dictionary. 2nd ed. Moscow. Russky Yazyk Publ. 1987. 944 p.
- Rigveda. Mandalas I–IV / Translation and commentary by T.Ya. Elizarenkova. Moscow. Nauka Publ. 1999⁶. 762 p.
- Maretina S.A. The Snake in Hindu Mythology (based on the material of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography). St.-Petersburg. 2005. 140 p.
- Oldenburg S.F. The Bases of Indian Culture. In: Oldenburg S.F. The Culture of India. Moscow. 2009, pp. 21–40.
- Romanov V.N. On the Genre Evolution of Brahminical Prose. In: Satapatha-Brahmana. Book I, Book X (fragment) / Translation, the introductory article and notes by V.N. Romanova. Moscow. Vostochnaya Literatura Publ. 2009, pp. 5–110.
- Zimmer K. Myths and Symbols in Indian Culture. Moscow. Akademicheskyy Proekt. 2015. 194 p.
- Satapatha-Brahmana. Book I. Book X (fragment) / Translation, the introductory article and notes by V.N. Romanova. Moscow. Vostochnaya Literatura Publ. 2009. 381 p.
- Satapatha-Brahmana. Book X. The Secret Book / Translation, the introductory article and notes by V.N. Romanova. Moscow. Vostochnaya Literatura Publ. 2010. 204 p.

The Nighaṇṭu and the Nirukta. The Oldest Indian Treatise on Etymology, Philology and Semantics. Text and translation by LakshmanSarup. Delhi, Varanasi, Patna. 1967. 688 p.

The Nāmaliṅgānuṣāsa (Amarakosha) of Amarasinha with the Commentary of Bhānuji Dīkshīt. Bombay, 1889. 485 p.

Сведения об авторе:

Оксана Анатольевна Волошина,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Oksana A. Voloshina,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
oxanav2005@mail.ru

Материалы и сообщения

Communications and Materials

А.А. Пауткин (Москва, Россия)

Слово и изображение. Борисоглебские миниатюры Радзивилловской летописи и Сильвестровского сборника¹

Аннотация: В статье рассматриваются книжные миниатюры, отразившие историю убийства первых русских святых-страстотерпцев, из состава двух знаменитых иллюминированных рукописей – Радзивилловской летописи (кон. XV в.) и так называемого Сильвестровского сборника (кон. XIV в.). Миниатюры одной тематики показаны на фоне иконографической традиции, сложившейся за столетия почитания князей Бориса и Глеба. Характер отбора иллюстративного материала, образительная топка, соотношение рисунков с текстами позволяют сделать вывод о существовании жанровых требований, диктуемых самим типом произведений (летописная повесть – агиографическое произведение). Древнерусские художники испытывали влияние различных текстов, рассказывающих о Борисе и Глебе. Об этом свидетельствует контаминация мотивов и деталей, восходящих не только к самому иллюстрируемому памятнику. Поэтому древние книжные миниатюры не могут служить бесспорным основанием для определения хронологической последовательности появления основных памятников борисоглебского цикла.

Ключевые слова: Радзивилловская летопись, Сильвестровский сборник, книжная миниатюра, летописная повесть, житие, Сказание о Борисе и Глебе, борисоглебский цикл, иконография

A.A. Pautkin (Moscow, Russia)

Word and Image. Borisoglebsk Miniatures of Radziwiłł Chronicle and Sylvester Compilation (Silvestrovsky Sbornik)

Abstract: The article deals with book miniatures reflecting the history of the assassination of the first Russian saints-martyrs, from the two famous illuminated manuscripts – Radziwiłł Chronicle (Late 15 c.) and the so-called Silvestrovsky Sbornik (Sylvester Compilation, late 14 c.). Miniatures of one theme are shown against the background of the iconographic tradition that has developed over centuries of princes Boris and Gleb veneration. The nature of the selection of illustrative material, graphic topics, the ratio of drawings to texts allow us to conclude that there are genre requirements dictated by the type of works (chronicle story-hagiographic work). Ancient Russian artists were influenced by various texts telling

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный на Ломоносовских чтениях в апреле 2019 г.

about Boris and Gleb. The evidence of this is the contamination of motives and details that go back not only to the illustrated monument itself. Therefore, ancient book miniatures can not serve as an indisputable basis for determining the chronological sequence of the appearance of the main monuments of the Boris and Gleb cycle.

Keywords: Radzivilovskaya chronicle, Sylvester Compilation, book miniature, Chronicle story, hagiography, the Legend of Boris and Gleb, Borisoglebsky cycle, iconography

Иконография первых русских святых весьма разнообразна. За столетия сложился целый ряд типов традиционных изображений Бориса и Глеба. Это поясные иконы, которые повлияли на религиозную живопись Нового времени (например, эскиз мозаики А.Н. Рябушкина для храма Спаса на Крови в Петербурге), образы страстотерпцев, представленных в полный рост, а также изображения князей-всадников. Нельзя не упомянуть и иконы с житием, где в клеймах воспроизведен ряд ключевых эпизодов агиобиографии святых. Более поздние изображения, относящиеся уже к началу XVII в., запечатлели князей вместе с равноапостольными Владимиром и Ольгой или только с их отцом Владимиром Крестителем. Историк В.П. Козлов приводит редкую миниатюру из сборника 1414 г., утраченного в 1812 г. вместе с собранием графа А.И. Мусина-Пушкина, скопированную для А.Н. Оленина. На ней Владимир обнимает за плечи маленьких Бориса и Глеба¹. В севернорусской традиции страстотерпцы появляются в одном из регистров икон XV в. «Знамение от иконы Богородицы», отображавших битву новгородцев с суздальцами.

В XX в. художники и скульпторы уже воспроизводили эпизоды из борисоглебской истории по «самомышлению». Появились картины, начиная с Н. Рериха, восходящие к тексту «Повести о житии Александра Невского», где Борис и Глеб плывут в ладье; житийно-живописное полотно С. Симакова (иеромонаха Рафаила), совмещившее в себе ряд жанров (1986 г.), и даже произведения трехмерной пластики (например, памятник святым в г. Дмитрове работы А. Рукавишников, 2006 г.).

На этом фоне интересно обратиться к книжным миниатюрам на данную тему из двух выдающихся рукописей: Радзивилловской летописи и так называемого Сильвестровского сборника, – хорошо известных медиевистам.

Кратко напомним основные кодикологические сведения, касающиеся этих памятников. Радзивилловская (Кенигсбергская) летопись датируется последним десятилетием XV в. (бумага польская, произведенная между 1487–1494 гг.). Она содержит 618 миниатюр и доводит изложение событий до 1206 г. Еще в 1697 г. ее видел Петр I во время своего Великого посольства. В 1761 г. после взятия русскими войсками Восточной Пруссии в ходе Семилетней войны летопись поступила в библиотеку Академии наук. По ней при издании обычно даются разночтения к Лаврентьевской летописи 1377 г. Лицевое летописание – явление древнее. Традиционно считается, что протограф, с которого копировался текст и рисунки, – список Владимирской летописи начала XIII в. Правда, в 2003 г. А. Никитин высказал гипотезу о западнорусском происхождении летописи, заменив Владимир-на-Клязьме Владимиром-Волынским². Так он откомментировал западные черты некоторых изображений, подмеченные исследователями уже давно. Однако еще О.И. Подобедова установила своеобразную «многослойность» ряда миниатюр, подвергавшихся правке и последующей дорисовке³.

¹ Козлов В.П. Кружок А.И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». М., 1988. С. 131.

² См.: Никитин А. Тайны Радзивилловской летописи // Знание – сила. 2003. № 3. С. 17–19.

³ См.: Подобедова О.И. Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М., 1965.

Сильвестровский сборник (РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. № 53) в 216 пергаменных листов был, согласно традиционной точке зрения, создан в Новгородской земле во второй половине XIV в. На основании исследований палеографических данных и стиливых особенностей миниатюр в настоящее время датировка уточнена. Время создания рукописи – конец XIV в.¹ В XVI в. этим сборником смешанного состава владел писатель «Домостроя» Сильвестр (отсюда и название). Затем рукопись была увезена в Кирилло-Белозерский монастырь, которому и принадлежала. В нее входит двенадцать произведений, в том числе часть Толковой Палеи, Житие Симеона Столпника, апокрифы (напр., «Откровение Авраама»). Наиболее ценным считается список «Сказания о Борисе и Глебе» (впервые издан М.Н. Срезневским в 1860 г.).

В Радзивилловской летописи с рассказом о Борисе и Глебе соотносятся всего 12 рисунков (лл. 73–79), а в Сильвестровском сборнике 41 рисунок (лл. 117–154), на некоторых листах по 4 миниатюры. Но значительная часть иллюстраций тут посвящена посмертным чудесам, а не самой истории убийства князей.

При обращении к миниатюрам Радзивилловской летописи бросается в глаза отсутствие ключевой сцены – убийства Бориса в шатре. Ведь момент гибели князя и его верного отрока Георгия Утрина, закрывшего собой господина, принципиально важен. В современных изданиях памятников Борисоглебского цикла эту лауну порой заполняют рисунками Сильвестровского сборника, где имеют место целых четыре изображения сцены в шатре. Вообще неравномерность иллюстративного материала в летописи хорошо известна, хотя однозначный ответ на вопрос о причинах отсутствия столь важного рисунка едва ли возможен. Не исключена утрата этой части лицевого протографа, т. е. отсутствовал некий древний оригинал. Вряд ли следует искать объяснение в стремлении сэкономить место. Миниатюрам и иконописи свойственно совмещение в одной композиции нескольких эпизодов. Так, в одном из клейм московской житийной иконы Бориса и Глеба (вторая четверть XIV в.) одним планом представлено убийство Бориса в шатре, самоотверженность отрока Георгия, а также отрезание его головы посланцами Святополка Окаянного, не сумевшими иначе снять драгоценную гривну с шеи юноши. Если бы древние иллюстраторы стремились к компактности (а в их арсенале парные миниатюры), то не стали бы столь часто рисовать злодея Святополка и его беседы с исполнителями преступлений. Однако наблюдается неоднократное изображение убийц, предстоящих и как бы отчитывающихся заказчику в содеянном. Объяснение этому следует искать в желании визуализировать присутствующий в тексте летописи библеизм (Пс 9, 18): **Оканыи же възъвратишас(я) вспят(ь), яко ж(е) реч(е) Д(а)в(и)дъ: «Да възъвратятс(я) грешници въ адъ». Онем же пришедшимъ и поведавшимъ Святополку(вя), яко: «Сотворихомъ повеленъ наа тобою»².**

Убийство Бориса. Сильвестровский сборник

¹ Смирнова Э.С. О времени создания и некоторых особенностях миниатюр Сказания о Борисе и Глебе в Сильвестровском сборнике // Вертоград многоцветный: Сборник статей к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М., 2018. С. 213–224.

² Радзивилловская летопись. Факсимильное воспроизведение рукописи. Текст. Исследование. Описание миниатюр. М., 1994. С. 97.

Не исключено, что в выборе иллюстративного материала сказалось требование летописного жанра. Ведь не забыт эпизод убийства в Карпатах третьего брата – Святослава Владимировича, лишенного ореола мученичества. Сцены преступлений в древнерусских текстах, как известно, нарочито затянуты, многоэтапны. В миниатюрах же Радзивиловской летописи убийство Бориса «сокращено» до последнего удара варяжским мечом, т. е. показан финал преступления.

Убиение Глеба. Сильвестровский сборник

И хотя нельзя полностью отрицать влияния на работу иллюстраторов летописи суммарного впечатления от текстов всего борисоглебского цикла, в данном случае следует исключить воздействие

Несторова чтения, где Бориса закалывают в сердце у шатра «в оторопе», а варягов там вовсе нет.

В Сильвестровском сборнике, напротив, заметна избыточность рисунков к одному эпизоду «Сказания». Например, четыре изображения роковой сцены в шатре и четыре миниатюры с ладьями в рассказе о гибели Глеба. Здесь убийцы представлены дружинниками (шлемы, щиты, копья), а отроки жертв лишены этих атрибутов воинов. Тут же присутствуют отдельные элементы иконографической символики (красные плащи, символизирующие кровь мучеников, княжеские шапки). Вообще рисунки Сильвестровского сборника более утонченные, выразительные, декоративные¹.

В летописных миниатюрах присутствует своеобразная изобразительная топика, клишированная форма передачи текстовой информации (однотипные ракурсы и композиционные решения). Возможно, сцена в шатре не входила в типовой реестр отработанных композиций. На несколько сотен рисунков условное изображение палатки или шатра встречается всего четыре раза. Одно из них на л. 77, где Глеб оплакивает Бориса, молится и появляются убийцы. А вот миниатюры с телегой, возком или саями можно отнести к иллюстративным топосам. Назовем некоторые из них: щедроты Владимира Святославича (с телеги раздают пищу); убийство Нерадцем отдыхающего Ярополка Изяславича; перевозка ослепленного Василька Теремовльского во Владимир-Волынский; доставка тела убитого заговорщиками Андрея Боголюбского из его резиденции во Владимир-на-Клязьме). Возница, а лучше ездовой, сидящий на коне, всегда повернут вполоборота назад, неизменен и жест его правой руки. Интересно, что эта же поза возницы присутствует и в Сильвестровском сборнике².

Сопоставление миниатюр сходной тематики показывает, с одной стороны, их жанровые отличия, диктуемые самим типом иллюстрируемого текста (летописная повесть / агиографическое произведение), с другой – нельзя не заметить,

¹ Исследователи полагают, что изображение убийства Бориса и Георгия Угрина по своей иконографии восходит к византийским изображениям убийства святого Димитрия Солунского и его юного ученика Луппа. См.: Смирнова Э.С. О времени создания и некоторых особенностях миниатюр Сказания о Борисе и Глебе в Сильвестровском сборнике. С. 221.

² В раннем средневековье кучер не восседал на облучке, а правил повозкой, сидя верхом на коне. Об этом можно судить, например, по одному из эпизодов Жития Феодосия Печерского, когда возница не узнает преподобного и предлагает ему самому управлять повозкой: «Чьрноризьче! Се бо ты по всьа дньи порозднь еси, азъ же труднь сый. Се не могу на кони ехати. Нъ сице сътвориве: да азъ ти лягу на возе, ты же мोगи на кони ехати» (Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII в. М., 1978. С. 344, 346).

что миниатюристы руководствовались не только непосредственно текстом, к которому создавали рисунки. Средневековые художники опирались на комплекс сведений, почерпнутых из нескольких памятников цикла. Вот некоторые примеры. В летописной повести говорится о том, что завернутое в шатер тело Бориса везут в Киев. Неожиданно выясняется – князь еще жив. Тогда Святополк посылает двух варягов добить страдальца. Один из них «извлекает меч и пронзает» Бориса «во сердце». Место действия не указано. В Анонимном Сказании тоже посланы двое: «И проводоста в сердце». Тут действуют оба варяга (двойственное число). Дело происходит в бору. На рисунках же все наоборот. В Радзивилловской летописи оба варяга наносят одновременно удар мечами. В Сильвестровском сборнике телегу догоняют два конных воина, но добивает Бориса только один, т. е. все изображено так, как об этом говорится в летописной повести. Напомним, что в Несторовом Чтении подобная сцена вообще отсутствует.

Убиение Глеба. Радзивилловская летопись

Варяги убивают Бориса. Радзивилловская летопись

Гибель Глеба в летописи иллюстрируется подробнее, нежели обстоятельства убийства его старшего брата. Быть может, это как-то связано со Смоленском (все происходит на Смедыни), о котором гипотетически высказывался А.А. Шахматов в связи с определением места создания Радзивилловской летописи¹. В своей «Символической истории европейского средневековья» М. Пастуро справедливо замечал: «В мире символического мышления подсказать часто важнее, чем сказать прямо, почувствовать важнее, чем понять, намекнуть важнее, чем доказать»². Юного Глеба убивают «яко агня безлобива». Но условно-панегирический дискурс борисоглебских текстов в то же время позволяет говорить о конкретике описания и изображения.

В летописной повести повар предательски «зареза» Глеба, а в Сказании – «закла». Миниатюры же обеих рукописей изображают перерезание горла жертвы. Для сравнения: клеймо уже упоминавшейся житийной иконы московской школы второй четверти XIV в. воспроизводит закалывание Глеба в грудь. Повар-убийца и его жертва нарисованы лицом к лицу. И в Радзивилловской летописи, и в Сильвестровском сборнике повар показан сидящим в

Варяги убивают Бориса. Сильвестровский сборник

¹ См. об этом: Шахматов А.А. Заметка о месте составления Радзивилловского (Кенигсбергского) списка летописи // Сборник в честь семидесятилетия профессора Дмитрия Николаевича Анучина. М., 1913. С. 73–74.

² Пастуро М. Символическая история европейского средневековья. СПб., 2013. С. 22.

ладье сзади князя. Заметим, что подобная информация содержится только в Чтении. То есть данная композиция складывалась не без влияния текста, созданного Нестором. Перед нами еще одно свидетельство контаминации мотивов и деталей из разных памятников и их редакций.

В заключение предложим краткие выводы. В современной медиевистике нет единого мнения о хронологической последовательности появления основных памятников борисоглебского цикла¹. Рассмотрение книжных миниатюр в этом плане, к сожалению, не может дать убедительных и бесспорных результатов. Об этом свидетельствует и подобная попытка, предпринятая в свое время польским исследователем А. Поппэ². В книжных миниатюрах ощутимо взаимовлияние, а подчас некая контаминация свидетельств различных иллюстрируемых текстов, традиционно относимых к борисоглебскому циклу. И это несмотря на безусловное наличие определенных жанровых требований: летописного рассказа и житийной его трактовки. Отличие прежде всего касается изображения многочисленных чудес в Сильвестровском сборнике и, в меньшей степени, использования определенных клише при подборе эпизодов.

Несмотря на «агиографичность» иллюстрируемых текстов, в рассмотренных миниатюрах не наблюдается наличия системы особых символических приемов подачи образов (цвет, знаковые детали), присущих иконописи. Даже нимбы в изображениях святых страстотерпцев появляются не сразу. Если сравнивать иллюминированные рукописи с современной сюжетной графикой (или так называемым графическим романом), то к массовому жанру ближе окажутся борисоглебские миниатюры Сильвестровского сборника. Они гораздо полнее охватывают текстовый материал, их детализация ярче, а число рисунков в несколько раз больше, чем в Радзивилловской летописи.

ЛИТЕРАТУРА

- Козлов В.П.* Кружок А.И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». М., 1988. 272 с.
- Никитин А.* Тайны Радзивилловской летописи // Знание – сила. 2003. № 3.
- Пастуро М.* Символическая история европейского средневековья». СПб., 2013. 448 с.
- Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII в. М., 1978. 413 с.
- Подобедова О.И.* Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М., 1965. 366 с.
- Поппэ А.* О роли иконографических изображений в изучении литературных произведений о Борисе и Глебе // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XXII. Л., 1966. С. 24–45.
- Ранчин А.М.* О статье А.Н. Ужанкова «Святые страстотерпцы Борис и Глеб. К истории канонизации и написания житий» // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2002. № 3(9). С. 110–114.

¹ См., например, дискуссию между А.Н. Ужанковым и А.М. Ранчиным (*Ужанков А.Н.* Святые страстотерпцы Борис и Глеб: К истории канонизации и написания житий // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2000. № 2. С. 28–50; 2001. № 1(3). С. 37–49; *Ранчин А.М.* О статье А.Н. Ужанкова «Святые страстотерпцы Борис и Глеб. К истории канонизации и написания житий» // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2002. № 3(9). С. 110–114).

² *Поппэ А.* О роли иконографических изображений в изучении литературных произведений о Борисе и Глебе // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XXII. Л., 1966. С. 24–45.

Смирнова Э.С. О времени создания и некоторых особенностях миниатюр Сказания о Борисе и Глебе в Сильвестровском сборнике // Вертоград многоцветный: Сборник статей к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М., 2018. С. 213–224.

Ужанков А.Н. Святые страстотерпцы Борис и Глеб: К истории канонизации и написания житий // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2000. № 2. С. 28–50; 2001. № 1(3). С. 37–49.

REFERENCES

- Kozlov V.P. (1988.) Circle of A.I. Musin-Pushkin and “Lay of Igor’s Warfare”. Moscow. 272 p.
- Nikitin A. Secrets of the Radziwiłł Codex. *Znanie – Sila*. 2003. No 3.
- Pastoureau M. (2013) Une istoire symbolique du moyen âge. St.-Petersburg. 448 p.
- Literature Monuments of Ancient Russia. The beginning of Russian Literature. The 11th – beginning of the 12th century. Moscow. 1978. 413 p.
- Podobedova O.I. (1965) Miniatures of Russian Historical Manuscripts. To the History of Russian Facial Annals. Moscow. 366 p.
- Poppe A. On the Role of Iconographic Images in the Study of Literary Works about Boris and Gleb. In: Proceedings of the Department of Ancient Literature. Vol. XXII. Leningrad. 1966, pp. 24–45.
- Ranchin A.M. On the Article by A.N. Uzhankov “Holy Martyrs Boris and Gleb. On the History of Canonization and Writing of Lives”. *Drevnyaya Rus: Voprosy Medievistiki*. 2002, No 3(9), pp. 110–114.
- Smirnova E.S. On the Time of Creation and Some Features of Miniatures of the Tale of Boris and Gleb in Sylvester compilation. In: *Vertograd Mnogotsvetny*. Collection of Articles on the 80th anniversary of Boris Nikolayevich Flory. Moscow. 2018, pp. 213–224.
- Uzhankov A.N. Holy Martyrs Boris and Gleb: On the History of Canonization and Writing of Lives. *Drevnyaya Rus: Voprosy Medievistiki*. 2000. No 2, pp. 28–50; 2001. No 1(3), pp. 37–49.

Сведения об авторе:

Алексей Аркадьевич Пауткин,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexey A. Pautkin,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
apautkin@yandex.ru

К 90-летию юбилею Александра Флакера – ученого, педагога, исследователя,
переводчика и популяризатора русской литературы

To the 90th anniversary of Alexander Flaker – a scientist, teacher,
researcher, translator and popularizer of Russian literature

А.Г. Шешкен (Москва, Россия)

Вклад Александра Флакера в изучение и развитие русско-хорватских научных и культурных связей

Аннотация: В статье освещается выдающийся вклад в изучение русской литературы и хорватско-русских литературных связей известного хорватского ученого Александра Флакера, одного из самых значительных представителей загребской школы литературной стилистики и основателя загребской школы литературоведческой русистики. Научное наследие Флакера обширно, ему принадлежит свыше 700 печатных работ, в том числе труды о влиянии творчества Тургенева на развитие хорватской прозы второй половины XIX в., о связях русской и хорватской литературы XX в., творчестве А. Чехова, С. Есенина, М. Шолохова и др. Результаты многолетней работы ученого обобщены в монографии «Русский авангард» (1984).

Ключевые слова: Александр Флакер, теория «стилевой формации», загребская школа литературоведческой русистики, русский авангард, хорватско-русские литературные связи, И.С. Тургенев

A.G. Sheshken (Moscow, Russia)

Contribution of Alexander Flaker to the Study and Development of Russian-Croatian Scientific and Cultural Connections

Abstract: The article elucidates the outstanding contribution to the study of Russian literature and Croatian-Russian literary relations of the famous Croatian scholar Alexander Flaker, one of the most significant representatives of Zagreb school of literary style, the founder of Zagreb school of Russian Literature study. Flaker's scientific heritage is enormous, he owns over 700 publications, including works concerning the influence of Turgenev's work on the development of Croatian prose in the second half of the 19th century, on the connections of Russian and Croatian literature of the 20th century (the works by A. Chekhov, S. Yesenin, M. Sholokhov and others). The results of the long standing work are summarized in the monograph "Russian Avant-Garde" (1984).

Key words: Alexander Flaker, theory of "style formation", Zagreb school of literary criticism, Russian avant-garde, Croatian-Russian literary relations, Ivan Turgenev

*Академик Александр Флакер. 1996 г.
Фото Аницы Влашич-Анич*

В июле этого года исполнилось 90 лет со дня рождения выдающегося ученого, педагога, переводчика и популяризатора русской литературы Александра Флакера (27.07.1924–25.10.2010). Профессор Загребского университета, академик Югославской Академии наук и искусств, член многих иностранных академий, Флакер принадлежит к числу исследователей, внесших весомый вклад в национальную и европейскую филологическую науку второй половины XX в. Его многочисленные труды в области сравнительно-исторического литературоведения, хорватско-русских литературных связей и особенно русского авангарда стали достоянием мировой науки и принесли автору известность и признание в нашей

стране. Так, Д.С. Лихачев считал продуктивными многие положения его концепции «стилевой формации», позволяющей рассматривать культурные явления эпохи в их взаимосвязи и взаимообусловленности.

Флакер – представитель первого послевоенного поколения хорватских ученых-славистов. Он родился в Польше, откуда его семья в начале 1930-х гг. переехала в Королевство Югославию и поселилась в Загребе. После войны Флакер закончил кафедру русистики отделения славистики философского факультета Загребского университета (1949) и был принят в университет на работу для преподавания русской литературы. Его исследовательские интересы лежали в области компаративистики. Докторская диссертация была посвящена хорватско-русским культурным и литературным связям второй половины XIX в.: «Движение правашей и русская литература» («Pravaštvo i ruska književnost», 1954) о влиянии идей Н.Г. Чернышевского и его последователей на хорватскую интеллигенцию второй половины XIX в., объединенную в 1860–1880-е гг. в «партию права», боровшуюся на национальную независимость Хорватии.

В 1956/57 учебном году Флакер был в числе первых ученых из Югославии, который получил возможность приехать в СССР на специализацию. Восстановление в 1955 г. межгосударственных отношений после известного конфликта 1948–1953 гг. (конфликт между Сталиным и Тито) способствовало развитию культурных и научных связей между нашими странами. В СССР стали приезжать ученые и переводчики русской литературы. Флакер проходил специализацию на филологическом факультете МГУ, что дало ему возможность получать ценные консультации у отечественных ученых и работать в библиотеках и архивах. Молодой исследователь углубляет изучение взаимодействия хорватской и русской литератур, уделяя внимание влиянию русской классики на формирование хорватской прозы. По возвращении из СССР он издает монографию «Тургенев и хорватская новелла» («Turgenjev i hrvanska novela», 1957). Тургенев был самым популярным русским писателем в Хорватии в 1860–1880-е гг. На широком материале Флакер анализирует использование хорватскими авторами художественного опыта певца уходящей в прошлое эпохи «дворянских гнезд». Сравнительно-типологические исследования русской классической литературы и литературы XX в. и ее отклик в югославянском культурном пространстве были обобщены и опубликованы в обширном труде «Литературные сравнения» («Književne poredbe», 1968).

Вся профессиональная жизнь Флакера была связана с философским факультетом Загребского университета, где он около двадцати лет заведовал кафедрой, сформировал и возглавил эффективно работающий творческий коллектив. Есть все основания считать, что именно в трудах Флакера хорватская русистика приобрела собственное лицо, а это в свою очередь позволяет говорить о загребской школе литературоведческой русистики и Флакере как ее основателе и идейном вдохновителе. Многочисленные ученики продолжают и развивают традиции, заложенные в трудах ученого. Теоретической основой исследований являются положения загребской школы литературной стилистики («Zagrebačka stilistička škola»), сформулированные самим Флакером и авторитетным исследователем хорватской литературы З. Шкробом.

В их работах мировой литературный процесс рассматривался как сосуществование и смена «стилевых формаций», которые формируют общий преобладающий «стиль эпохи», характерный для искусства в целом. Сам термин «стилевая формация» обнаруживает связь с понятийным аппаратом марксистского учения об общественной формации, отражает мировоззрение эпохи, что не перечеркивает ценности основных наблюдений Флакера. Особенно значимым и не утратившим актуальности представляется его стремление выявить точки соприкосновения между разными видами искусства конкретной эпохи, проанализировать типологически общие явления в литературе, живописи, музыке. Работа Флакера «Стилевые формации» была переведена в России¹ и вызвала большой интерес.

О стилевой формации, по мысли Флакера, можно говорить в случае, когда выявленное в целом ряде произведений сходство структурных элементов позволяет сделать вывод «об исторически значимом стилевом единстве, обладающим определенной “структурой структур”»². Такое единство возникает в определенный период литературного процесса в одной или, как правило, в нескольких национальных литературах. При этом автор подчеркивает, что в конкретную эпоху могут сосуществовать или даже противоборствовать несколько стилевых формаций. На практике этот принцип был реализован Флакером в учебнике (написан совместно с М. Муличем) по истории русской литературы XI–XX вв.³

Этот же подход был последовательно применен в ряде трудов Флакера («Проза в джинсах» / «Proza u trapericama», 1976; 1983), и особенно продуктивно – при изучении такого сложного и разнородного явления, как русский авангард. Труд Флакера «Русский авангард» («Ruska avangarda», 1984)⁴ – самое известное его исследование, поставившее автора в ряд наиболее авторитетных представителей филологической науки XX в.

Термин «русский авангард» ученым используется как общее понятие об экспериментальной литературе 1910–1930-х гг. Авангард в трактовке Флакера представляет собой крупное историко-литературное единство, отразившее революционную энергию эпохи. Автор считает, что, независимо от принадлежности или не принадлежности поэтов и писателей к разным литературным группировкам, можно говорить о высшем стилистическом единстве литературных текстов того времени. Это единство он воссоздает на основе анализа произведений В. Маяков-

¹ Флакер А. Стилевые формации // Действительность: Искусство. Традиции. Литературно-художественная критика в СФРЮ. М., 1980. С. 27–53. См. также: Flaker A. Stilske formacije. Zagreb, 1976.

² Флакер А. Стилевые формации. С. 37.

³ Flaker A., Mulić M. Ruska književnost. Zagreb, 1986.

⁴ Flaker A. Ruska avangarda. Zagreb, 1984.

ского, А. Блока, С. Есенина, В. Хлебникова, А. Белого, Б. Пастернака, Е. Замятина, Б. Пильняка и других авторов. Выделение в их творчестве общих черт в свою очередь способствует систематизации, классификации, историко-литературному осмыслению и оценке художественных текстов.

В монографии выделены следующие черты русского авангарда: как основной принцип – отказ от предшествующей литературной традиции, а также разрушение иерархии литературных родов и видов. Кроме того в русском авангарде активизируется процесс взаимодействия и взаимопроникновения родов литературы (поэтизация прозы и «прозаизация» поэзии), изменяется роль характера в художественном произведении, развивается конструктивизм, «обнаженность модели» повествования. Художественный текст становится синкретичным, так как ликвидация противопоставления *художественное – нехудожественное* привела к использованию литературой нелитературных форм: приемов и принципов «газетных жанров», кинотехники, прикладного искусства. Принципу гармонии противопоставлен принцип дисгармонии в тематике, лексике, версификации. Констатируется отмена эстетических критериев языка, в пределах одного текста отмечается сосуществование разных семантических рядов, использование художественной литературы прошлого (метатекст), новые принципы графического оформления текста.

В исследовании проанализированы главные этапы развития русского авангарда: «стихийный авангард», «сознательный авангард», «авангард эпохи революции» и «закат авангарда». Черты «стихийного» и «сознательного» авангарда Флакер обнаруживает в художественных произведениях, созданных накануне и во время революции. «Сознательный авангард» отличается более отчетливым и осознанным (вспомним многочисленные литературные манифесты) воплощением новых принципов искусства, прежде всего отказом, вследствие социальной и эстетической переоценки действительности, от традиционных изобразительных средств. Ярче всего это проявилось в творчестве В. Маяковского, который «с первых своих стихов является сознательным представителем литературного и художественного авангарда, для которого эстетическая переоценка мира неотделима от переоценки места человека в нем и призыва к изменению жизни»¹. Поэма «Облако в штанах» наиболее последовательно во всем европейском авангарде воплощает основной принцип этого искусства – отрицание. Вместе с отрицанием буржуазной действительности низвергается и классическое искусство: лирическая поэзия, «гений чистой красоты» – и «появляется впервые в русской поэзии улица как поэтическая программа авангарда»².

Один из наиболее интересных разделов книги – «Авангард эпохи революции» – посвящен вопросу отношения революции и искусства. Флакер показал, какой сильный импульс дала революция развитию литературы в период с 1917 и до середины 1920-х гг., когда меняется общественная функция искусства авангарда. На смену отрицанию действительности приходят «созидательные мотивы», развивается идея практического участия искусства в построении «светлого будущего». Устремленность в будущее обусловила «космичность», масштабность произведений о революции, их напряженный ритм, интерес к миру техники и науки. Для авангарда эпохи революции характерно особое динамическое воплощение пространства и времени, изображение мира, сдвинувшегося со своей привычной оси. Мотив движения,

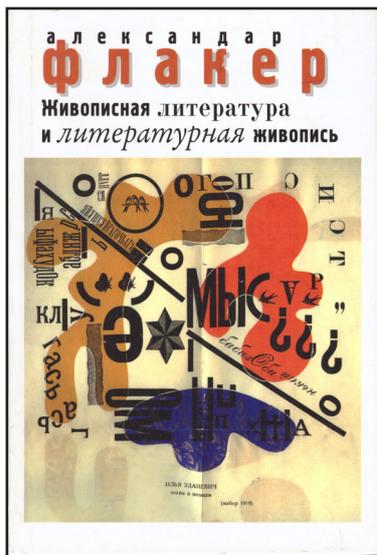
¹ Flaker A. Ruska avangarda. S. 140. См. подробнее: *Шеишкен А.Г.* Новые исследования в Югославии о русском авангарде // Вестник Московского университета. Филология, Серия 9. 1989. № 6. С. 27–33.

² Flaker A. Ruska avangarda. С. 148.

ощущение скорости Флакер выделяет в таких разных произведениях, как «Двенадцать» А. Блока, «Левый марш, матросам» В. Маяковского, «Труба Гуль-Муллы» В. Хлебникова.

Авангарду в целом свойственно стремление к постоянному обновлению выразительных средств, своеобразная «антиформативность». В начале 1920-х гг. его главные представители уже выступали против утилитаризации искусства и его обезличивания. Вместо «мы» в поэзии В. Маяковского («Про это»), М. Цветаевой, Б. Пастернака, О. Мандельштама все чаще звучит лирическое «я» героя.

Последнюю фазу русского авангарда Флакер анализирует на примере группы «Обэриу» (Н. Заболоцкий, Н. Введенский, И. Бахтеев, Б. Левин) и творчества одного из ярких ее представителей Д. Хармса. Если восходящий авангард утверждал автономию поэтического слова, то для «Обэриу» характерны игра слов как прием, расширяющий и углубляющий их смысл, импровизация, театральность, «инфантилизм»; в большей степени, чем это бывало прежде, пародирование известных литературных произведений. Хорватский ученый отметил ряд точек соприкосновения заходящего русского и позднего европейского авангарда (дада, сюрреалисты). В частности, в творчестве Д. Хармса и Ф. Кафки отмечено доминирование принципа абсурда при восприятии действительности, воплощены беспомощность и отчуждение человека. Произведения Д. Хармса (например, «Елизавета Бам») отразили угасание

веры искусства в «светлое будущее», а это было основным формирующим фактором авангарда.

Начиная с 1984 г. в Загребе под редакцией Флакера и Д. Угрешич в течение длительного времени издавался многотомный «Словарь авторов, терминов и понятий русского авангарда» (часто его называют просто «Понятийник русского авангарда» – «Pojmovnik ruske avangarde»). Это была реализация проекта, цель которого – «научная систематизация понятий, введенных русским авангардом в литературу, искусство, культуру, и понятий, используемых в современной науке для обозначения явлений, связанных с русским авангардом»¹. В «Понятийнике» содержится достоверная научная информация об авторах и группировках этого направления, прежде всего о малоизвестных. Содержание томов составили доклады участников регулярно проводимых в Загребе международных симпозиумов об авангарде. Это дало возможность объединить усилия исследователей не только Югославии, но и других стран по упорядочению литературоведческой терминологии.

Круг научных интересов Флакера был чрезвычайно широк, о чем, в частности, свидетельствуют изданные на русском языке его избранные работы под названием «Живописная литература и литературная живопись» (2008), в основном посвященные проблемам русской культуры конца XIX – XX в. Отдельно следует подчеркнуть вклад Флакера в перевод и популяризацию русской литературы в Хорватии. Помимо исследований с привлечением материалов русской литературы (например, «Ко-

¹ Pojmovnik ruske avangarde. T. 1. Zagreb, 1984. S. 9.

чевники красоты» / «Nomadi ljerote», 1988), он занимался составлением сборников, делал переводы, дополнял ценными комментариями издания антологий и сборников, таких как четырехтомник «Современные русские писатели» («Suvremeni ruski pisci», 1962–1964), «Русская литературная критика» («Ruska knjižtvna kritika», 1966) и ряда других.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Flaker A. (1976) Stilske formacije. Zagreb. 358 s.
2. Flaker A. (1984) Ruska avangarda. Zagreb. 500 s.
3. Flaker A. (1968) Književne poredbe. Zagreb. 528 s.
4. *Флакер А.* Живописная литература и литературная живопись. М., 2008. 428 с. / Flaker A. (2008) Picturesque Literature and Literary Painting. Moscow. 428 p.

Сведения об авторе:

Алла Геннадьевна Шешкен,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alla Sheshken,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
sheshken@yandex.ru

Н.В. Злыднева (Москва, Россия)

Флакер и «Понятийник» русского авангарда

Аннотация: Статья посвящена организационной и научной роли А. Флакера в создании многотомного труда по теории и истории русского авангарда, который объединил усилия лучших европейских и российских филологов и искусствоведов в середине 1980-х – начале 1990-х гг. прошлого века. Описываются цели, структура и тематические блоки этого труда, его значение для изучения русской культуры XX в. Показана связь с традициями русской формальной школы, советским структурализмом.

Ключевые слова: Флакер, загребская школа литературоведения, русский авангард, зарубежная славистика, поэтика, литература и живопись XX века

N.V. Zlydneva (Moscow, Russia)

Flaker and the ‘Glossary’ of Russian Avant-Garde

Abstract: The article deals with the organizational and scholarly contribution of Prof. A. Flaker to the creation of a multi-volume work on the theory and history of the Russian avant-garde. The project consolidated the efforts of the best European and Russian philologists and art historians in the mid 80s and early 90s of the last century. The goals, structure and thematic blocks of this work, its significance for the study of Russian culture of the 20th century are described. The connection with the traditions of the Russian Formal school, Soviet structuralism is shown.

Key words: Flaker, Zagreb school of literary studies, Russian avant-garde, European Slavistics, poetics, the 20th century literature and painting

МЕМУАРНАЯ ПРЕАМБУЛА

Профессор Флакер – Александар Флакер, Саша (как он сам просил называть себя не только коллег и друзей, но и учеников) – был одним из тех людей, кто повлиял на выбор моих научных интересов, да и на всю научную судьбу. И мой случай типичен. Я познакомилась с ним в Загребе, в университете, куда впервые приехала из Белграда, где в 1976–1977 гг. проходила моя научная стажировка. На кафедре царила атмосфера творческого подъема и деловой радости, наверно, похожей на ту «веселую науку», которую в России создали еще русские форма-

листы и поддержал Бахтин. В окружении своих учениц и уже сотрудниц, таких молодых, ослепительно красивых и безумно талантливых: Дубравки Угрешич, Живы Бенчич, Маши Медарич (с еще одной ученицей и коллегой профессора, Дубравкой Ораич, я познакомилась позже), – задумчиво усмехавшийся Флакер казался погруженным в себя патриархом. Но стоило ему заговорить, и я сразу попадала под обаяние его ироничного, слегка парадоксального ума, искрометных оценок, головокружительных сопоставлений. И духа, свободного от каких-либо догм интеллектуального творчества, в который он был постоянно вовлечен. Чем-то он даже напоминал (и не только усиками) нашего гения парадоксов – Виктора Борисовича Шкловского. Флакер не мог не увлечь тем, чем был увлечен сам, и прежде всего тем, что в те годы называлось Великим экспериментом русского искусства, авангардом, столь близким ему по своей природе. Флакер был блестящим знатоком истории искусства первой трети XX в., не только литературы. Помню, с каким увлечением, на равных, он погружался в разговоры с Яковом Евсеевичем Рубинштейном – известным московским коллекционером живописи начала века, к которому я в начале 1980-х привела профессора во время его приезда в Москву. Уже тогда у Флакера рождался замысел создания большого коллективного труда – своего рода энциклопедии поэтики авангарда, и прежде всего русского исторического авангарда 1910–1920-х гг. Мне посчастливилось принять участие во многих семинарах этого проекта, за что с неизменной благодарностью вспоминаю Флакера, а также Дубравку Угрешич, делавшую мои приезды в Хорватию особенно насыщенными. Так в середине 1980-х начались мои первые шаги в исследованиях замечательной страницы русской культуры XX в., когда в России изучение авангарда было еще на полуправильном положении. Но что еще важнее – Флакер задал импульс исследованию понятий авангарда, его практики и теории в широком сравнительно-типологическом аспекте: я познакомилась с загребской школой литературоведения и – шире – теории и истории культуры в лице его блестящего представителя и одного из основоположников. Особенно ценным для меня был полученный на семинаре опыт междисциплинарного подхода к явлениям культуры, опыт изучения взаимодействия изображения и слова, живописи и поэзии во всем многогранном многоголосии. Александр Флакер был гражданином мира – и не только в силу своей биографии, не только потому, что ему довелось жить и работать во многих европейских странах и даже на другом континенте, но и потому, что, опираясь на глубокое знание фактуры художественных событий и при этом умея сочетать тонкий анализ произведений с его культурным контекстом и знаковой природой, виртуозно преодолевал видовые, жанровые, исторические границы искусства в своем научном творчестве, смело прокладывая новые пути в гуманитарном знании.

ПОНЯТИЙНИК

Флакер был организатором и вдохновителем многолетнего проекта «Понятийник русского авангарда»: с 1984 по 1993 г. опубликовано девять томов, все они вышли на хорватском языке, но большинство статей переведены на русский и представлены в журнале «Russian Literature», издающемся в Амстердаме. Кроме того, избранные статьи публиковались в «Wiener Slawistischer Almanach». В России эти работы до сих пор почти неизвестны, если не считать перепечаток на русском статей немногочисленных российских авторов, а также тех зарубежных ученых, кто публиковал свои труды в России в составе своих авторских сочинений

или в коллективных сборниках, например: О. Ханзен-Лёве, Х. Гюнтер, Д. Ораич и другие. Работа была организована четко: публикации каждого из томов предшествовали рабочие семинары. В отличие от обычных научных конференций, участники приезжали с уже готовыми текстами, которые – после краткого реферата автора – и обсуждались собравшимися, в этом состояла суть заседаний. Круг участников менялся, но основное ядро оставалось постоянным. Флакеру удалось привлечь к проекту самых лучших европейских славистов, которые теперь хорошо известны и российской гуманитарной общественности. В этом соцветии такие имена, как О. Ханзен-Лёве, И. Смирнов, Х. Гюнтер, Л. Силард, Р. Грюбель, Е. Фарино, Н. Нильссон, Р.-М. Циглер, З. Константинович, В. Вестстейн, К. Соливетти и многие другие. В основном филологи, но были и музыковеды (Д. Гойова), а позднее (по мере угасания советской власти в конце 1980-х) к ним присоединились русские литературоведы и искусствоведы, среди них, помимо автора этих строк, Т. Никольская, Г. Левинтон, Е. Ковтун, Т. Левая и другие. Всех этих ученых объединял не только интерес к истории русского авангарда, но и подход к изучению конкретного текста (материала литературы, живописи, музыки, манифестов авангарда) с точки зрения его структуры и функций в составе «текста» культуры, а главное – с точки зрения комплекса понятий, которые определяют поэтику как отдельного мастера, так и художественной формации в целом. Именно системный подход к феномену авангарда отличал эти исследования от многих других, проводившихся и в то время, и позднее. Группа исследователей, несомненно, опиралась на опыт европейской компаративистики и феноменологии, но при этом и русского формализма, а также соприкасалась с советским структурализмом, Московско-Тартуской школой (опыт советской семиотики переносился на европейскую почву, в частности, И. Смирновым, Е. Фарино, О. Ханзен-Лёве, Л. Силард). И, разумеется, свой важный вклад в реализацию проекта вносили хорватские «птенцы гнезда Флакера»: Ж. Бенчич, С. Бриски, В. Голубович, М. Медарич, Д. Ораич-Толич, В. Ристер, Д. Угрешич, Й. Ужаревич и др.

Расположение и последовательность статей не подчинялись регулярности, они не были организованы в каком-либо порядке (алфавитном и пр.), и принцип их отбора диктовался как волей авторов, так и предложениями Флакера. Сильный научный коллектив задавал «магнитные поля», по которым сами собой отбирались темы, и этот способ отбора доказал свою продуктивность. Темы касались преимущественно категорий поэтики, которыми оперировали мастера живописи и слова 1910–1920-х гг. в своих манифестах и теоретических трудах, понятий, восходивших к практике авангарда и нашедших отражение в русском формализме, а также тех категорий, которые соответствовали современному подходу к изучению культуры в рамках структуры текста. Так, уже в первом томе «Понятийника» (1984) появились статьи о фактуре (О. Ханзен-Лёве), карнавализации (Л. Силард), монтаже (Г. Шауман), примитивизме (Н. Нильссон) и звездном языке (Д. Ораич). Во втором (1984) – о катахрезе (И. Смирнов), доминанте (О. Ханзен-Лёве), имкомпатибельности (Й. Ужаревич), орнаментализме (Л. Силард). Позднее на страницах многотомника нашли отражение понятия сдвига, монтажа, хронотопа, метаморфозы и др. Вторая группа тем освещала страницы истории авангарда. В условиях, когда в России архивные материалы были почти недоступны, живопись упрятана в запасники музеев, а многие литературные произведения напечатаны только на Западе или томились в рукописях, освещение таких имен, как Л. Добычин, Е. Гуро, В. Гнедов, А. Крученых, Н. Эрдман, а также групп Серапионовы бра-

тья, эмоционалисты, обэриуты и множество других, воспринимались как сенсация. Наконец, третья группа материалов касалась поэтики отдельных мастеров и произведений в сопоставительном ракурсе, выявлявшем неожиданные стороны предмета. Так возникали нашедшие впоследствии множество откликов проблемы авангарда в связи с барокко, символизмом и соцреализмом, поэтики пространства у И. Бабеля, заумы В. Хлебникова, нордического мифа и многое другое. По мере ослабления пут советского режима к проекту постепенно стали подключаться и российские ученые, близкие по духу этому европейскому кружку. Так, в 1989 г. в шестом томе была опубликована программная статья Вяч. Вс. Иванова «Хлебников и типология авангарда XX века», там же и в других томах активное участие приняли знатоки изобразительного искусства Е. Ковтун и Н. Гурьянова, а также теоретик соцреализма Б. Гройс. Влияние российской научной школы проявлялось и помимо живого присутствия на заседаниях его представителей: например, в ряде тем отразилась разработанная В. Н. Топоровым проблематика «петербургского мифа» (статья Н. Мораньяк-Бамбурач о Пильняке). Публиковались и работы «последних могикиан», в первую очередь Н. Харджиева («Полемика в стихотворениях»). Ценным вкладом в изучение авангарда стало освещение философского контекста русской культуры начала XX в. (П. Флоренский, Г. Шпет, А. Белый), а также инвариантной основы поэтики в плане сравнения литературы и живописи авангарда (Л. Андреев и Э. Мунк, Л. Андреев и лубок, проблема орнамента и др.), а также музыки.

В деле осмысления связей литературы и искусства трудно переоценить вклад, который в проект внес Александр Флакер. Тонкий ценитель живого духа авангарда, он ощущал органическую связь слова и изображения в поисках новых художественных путей XX в., смысл которых уже в те революционные годы был сформулирован В. Хлебниковым, обратившимся к собратям по перу с призывом «пусть слово смело пойдет за живописью». Флакер был одним из тех европейских ученых, кто на ранней стадии изучения авангарда дал старт проблеме «литература и живопись», поместив свою статью на эту тему в четвертом томе «Понятийника» (1985). Именно Флакером был выдвинут и доказавший впоследствии свою научную продуктивность тезис об «оптимальной проекции» как ведущем стержне стратегии авангардной поэтики на разных уровнях и в разнообразных формах ее реализации, обращенности радикальных художественных прорывов в будущее. Значимый резонанс получили и другие проблемы, поднимавшиеся в статьях Флакера: об эстетической провокации авангарда, о метаморфозе, а также понятии быта в поэтике авангарда, о конструктивном романе 1920-х гг.¹ Игровой, креативный исследовательский темперамент Флакера в русском авангарде обрел свой *modus vivendi*, и занятая ученым конгениальная позиция по отношению к изучаемому научному предмету не только способствовала продуктивному построению аналитических концепций и исторических комментариев, но и как бы воссоздавала саму среду эпохи, ее «поверх барьерный» полет.

Флакер много раз бывал в России, знал и любил русскую культуру. Защищал ее от нападков мракобесов: помню его яркое выступление на съезде славистов 1984 г. в Киеве, где он с присущей ему энергией парировал грубости одного из советских участников заседания в адрес Кристины Поморки, ученого из США, выступившей, выступившей с докладом о влиянии философии Николая Федорова на Мая-

¹ Многие из этих статей позднее составили содержание сборников трудов А. Флакера на русском языке: *Флакер А. Живописная литература и литературная живопись*. М.: Три квадрата, 2008.

ковского. Не стоит забывать: то, что сегодня в изучении русского авангарда представляется само собой разумеющимся, выглядело далеко не однозначно 40 лет назад, когда все начиналось. И нужно было обладать мужеством и проницательностью, верностью своей профессии, чтобы сделать эти первые шаги. Организатор и вдохновитель труда по истории и теории авангарда, собравший в проекте «Понятийник русского авангарда» цвет европейской славистики 1980-х гг., автор оригинальных, актуальных и поныне идей, Флакер заслуживает благодарности нынешних поколений гуманитариев и благодарной памяти потомков.

POST SCRIPTUM

Проект по авангарду завершен, но труд по исследованию категорий культуры XX в. продолжается, и замысел этого продолжения принадлежал самому Флакеру, – таким образом, международный семинар на базе Загребского университета не прекращает своей работы. Эстафету в наши дни приняли его ученики: их силами (Я. Войводич, Й. Ужаревича, Ж. Бенчич и других) и под эгидой Загребского университета уже много лет ведется исследование культуры XX в. в ее наиболее характерных проявлениях. Прежнего семинара уже нет, однако ядро его участников осталось, сохранились и прежние научные принципы, они стали центром притяжения молодых сил. И это внушает оптимизм.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Флакер А. Живописная литература и литературная живопись. М., 2008. 432 с.: ил. / Flaker A. (2008) Picturesque Literature and Literary Painting. Moscow. 432 p.: ill.

Pojmovnik ruske avangarde / Red. A. Flaker, D. Ugrešić. Vol. 1–9. Zagreb: Zavod za znanost o književnosti Filozofskog fakulteta u Zagrebu, 1984–1993.

Сведения об авторе:

Наталья Витальевна Злыднева,
доктор искусствоведения
заведующая отделом истории культуры
славянских народов,
Институт славяноведения, РАН
гл. науч. сотрудник,
Институт мировой культуры
МГУ имени М.В. Ломоносова

Natalia V. Zlydneva,
Doctor of Arts
Head of the Department of the History of Culture
of Slavic Peoples,
Institute of Slavic Studies, RAS
Senior Researcher,
Institute of World Culture,
Lomonosov Moscow State University
natzlydneva@gmail.com

Anica Vlašić-Anić (Zagreb, Hrvatska)

Aktualizacija Aleksandride Kafkinom strategijom paradoksa «odsutnosti»

Sažetak: Duhovna nepotrošivost tromilenijski-prototekstne značenjske zalihosti Aleksandride, Pseudo-Kalistenova romana (oko 300. g. n. e.) o Aleksandru III. Velikom (Ἀλέξανδρος ὁ Μέγας), zavidnim je umjetničkim dosezima inkrustirana u Kafkinu minijaturu 'Novi advokat' ('Der neue Advokat', 1917.). U središtu autoričina komparativno-poetičkoga razmatranja njezina je avangardno-palimpsestna aktualizacija – narativno-suprematističkom strategijom kafkijanskih paradoksa neporecive «odsutnosti» (Derrida 1986) povijesno-legendarna lika Aleksandra Velikoga Makedonskoga [jer «Danas – to nitko ne može poreći – ne postoji nikakav Aleksandar Veliki» i «nitko, nitko nije kadar vojsku odvesti u Indiju» čija su «nedostižna» vrata «prenesena na sasvim drugo i mnogo više mjesto» (Kafka, 'Novi advokat']. Analitički pristup intertekstualnim razinama Kafkina teksta temelji se na: 1. Jagićevu izdanju (zapadno)ćirilickoga Roudničkoga rukopisa iz 1. pol. 16. st. (prijepis starijega rkp. s čakavsko-ikavskim jezičnim elementima) iz 1871. g. (Starine III, Zagreb: JAZU:); 2. jezično posuvremenjenu izdanju D. Pandeva (Ohrid 2001.) koje se «u potrazi za izgubljenim rukopisom makedonske Aleksandride» oslanja na rkp. Pripovetke o Aleksandru Velikom u staroj srpskoj književnosti iz 14/15. st., pisan csl. jezikom srpske redakcije (izdanje S. Novakovića; Glasnik srpskog učenog društva, knj. IX, 1878. g.).

Ključne riječi: Aleksandrida, Novi advokat, Franz Kafka, komparativna analiza, intertekstualnost

A. Влашич-Анич (Загреб, Хорватия)

Кафкианская нарративная стратегия парадоксов «отсутствия» как средство актуализации Александрии

Аннотация: В статье показано, как неисчерпаемый художественный потенциал «Истории Александра Великого» – греческого романа, написанного Псевдокаллистеносом, использует в своей прозаической миниатюре «Der neue Advokat» (1917) Ф. Кафка. В ходе сопоставительного анализа, опираясь на кафкианскую стратегию парадоксов несомненного «отсутствия», автор исследует интертекстуальные уровни текста Кафки и приходит к выводу, что в это произведение «инкрустированы» элементы Александрии. Анализ основывается на 1. (западно)кириллической

Роднической рукописи («Roudnički rukopis») первой половины XVI в.; 2. рукописи македонской Александрии, опубликованной в 2001 г. в Охриде под редакцией Д. Пандева (при подготовке издания была использована рукописная Повесть об Александре Великом на церковнославянском языке сербского извода (XIV–XV вв.).

Ключевые слова: «История Александра Великого», Франц Кафка, «Новый адвокат», сравнительный анализ, интертекстуальность

Anica Vlašić-Anić (Zagreb, Croatia)

Actualisation of the Aleksandria with Kafka's Strategy of Paradox "Absences"

Abstract: The article shows the inexhaustible artistic potential of "The Story of Alexander the Great", a Greek novel written by Pseudo-Callisthenes, F. Kafka used in his prose miniature "Der neue Advokat" (1917). In the course of the comparative analysis, basing on the Kafka's strategy – the paradox of the "absence", the author examines the interactive levels of the Kafka's text and comes to the conclusion that this work is "inlaid" with the elements of Alexandria. The analysis is based on: 1. (West) Cyrillic Roudnice Handwriting of the first half of the 16th century; 2. the manuscript of Macedonian Alexandria, published in Ohrid in 2001 under the editorship of D. Pandev. During the preparation this publication, the handwritten version of the story of Alexander the Great of the 16th century edition in the Church Slavonic language (in serbian variant) was used.

Key words: the story of Alexander the Great, Franz Kafka, "Der neue Advokat", comparative analysis, intertextuality

*Franz Kafka
Novi advokat*

Imamo novog advokata, dra Bucephalusa. Po svojoj vanjštini samo malo podsjeća na vrijeme kada je još bio konj od megdana Aleksandra Makedonskog. Tko je, međutim, upoznat s okolnostima, primijetit će neke stvari. Ali onomad vidjeh, štaviše, na vanjskim stepenicama nekog posve nedotupavnog sudskog poslužitelja utrka, gdje se divi advokatu, kada se ovaj, visoko dižući krake, uspinje stepenicu po stepenicu korakom koji je odzvanjao po mramoru. Pravobranilaštvo odobrava, uglavnom, prijem Bucephalusa. Sa začudnom uvidavnošću misle da se Bucephalus u današnjem društvenom poretku nalazi u teškom položaju i da zato, a i zbog svoje svjetskopoliitičke važnosti u svakom slučaju zaslužuje susretljivost. Danas – to nitko ne može poreći – ne postoji nikakav Aleksandar Veliki. Ubijati, doduše, umiju mnogi, a ne nedostaje ni vještine da na banketu preko stola kopljem pogodiš prijatelja; a mnogima je Makedonija odveć tijesna, tako da proklinju oca, Filipa – ali nitko, nitko nije kadar vojsku odvesti u Indiju. Već tada bijahu sva vrata Indije nedostižna, ali njihov je smjer bio zacrtan kraljevskim mačem. Danas su vrata Indije prenesena na sasvim drugo i mnogo više mjesto; nitko ne pokazuje u tom pravcu; mnogi drže mačeve, ali samo da njima vitlaju, a pogled se, koji ih želi slijediti, zbnjuje.

Možda je zato uistinu najbolje da se udubljuješ, kao što je to Bucephalus učinio, u zakonike. Slobodan, bez pritiska jahačevih krakova po slabinama, pri mirnoj svjetiljci, daleko od borbene buke Aleksandrove bitke, čita i okreće listove knjiga naših starostavnih.

(Kafka 1968: 113–114)

*Franz Kafka
Der neue Advokat*

Wir haben einen neuen Advokaten, den Dr. Bucephalus. In seinem Äußern erinnert wenig an die Zeit, da er noch Streitroß Alexanders von Macedonien war. Wer allerdings mit den Umständen vertraut ist, bemerkt einiges. Doch sach ich letzthin auf der Freitreppe selbst einen ganz einfältigen Gerichtsdienner mit dem Fachblick des kleinen Stammgastes der Wettrennen den Advokaten bestaunen, als dieser, hoch die Schenkel hebend, mit auf dem Marmor aufklingendem Schritt von Stufe zu Stufe stieg.

Im allgemeinen billigt das Barreau die Aufnahme des Bucephalus. Mit erstaunlicher Einsicht sagt man sich, daß Bucephalus bei der heutigen Gesellschaftsordnung in einer schwierigen Lage ist und daß er deshalb, sowie auch wegen seiner weltgeschichtlichen Bedeutung, jedenfalls Entgegenkommen verdient. Heute – das kann niemand leugnen – gibt es keinen großen Alexander. Zu morden verstehen zwar manche; auch an der Geschicklichkeit, mit der Lanze über den Bankettisch hinweg den Freund zu treffen, fehlt es nicht; und vielen ist Macedonien zu eng, so daß sie Philipp, den Vater, verfluchen – aber niemand, niemand kann nach Indien führen. Schon damals waren Indiens Tore unerreichbar, aber ihre Richtung war durch das Königsschwert bezeichnet. Heute sind die Tore ganz anderswohin und weiter und höher vertragen; niemand zeigt die Richtung; viele halten Schwerter, aber nur, um mit ihnen zu fuchteln; und der Blick, der ihnen folgen will, verwirrt sich.

Vielleicht ist es deshalb wirklich das Beste, sich, wie es Bucephalus getan hat, in die Gesetzbücher zu versenken. Frei, unbedrückt die Seiten von den Lenden des Reiters, bei stiller Lampe, fern dem Getöse der Alexanderschlacht, liest und wendet er die Blätter unserer alten Bücher.

(Kafka 1999: 285–286)

*Франц Кафка
Новый адвокат*

В наших рядах объявился новый адвокат – д-р Буцефал. Мало что в его наружности напоминает время, когда он был боевым конем Александра Македонского. Однако люди сведущие кое-что и замечают. А недавно в парадном подъезде суда я даже видел, как простоватый служитель наметанным глазом скромного, но усердного завсегдага скачек с восхищением следил за адвокатом, когда тот, подрагивая ляжками, звенящим шагом поднимался по мраморной лестнице ступенька за ступенькой.

В общем коллегия адвокатов одобряет включение Буцефала в наше сословие. С редким пониманием люди говорят себе, что Буцефалу трудно при нынешних порядках и он уже хотя бы поэтому, не говоря о его всемирно-историческом значении, заслуживает участия. В наше время, согласитесь, нет Великого Александра. Убивать, правда, и у нас умеют; искусство пронзить копьём друга через банкетный стол тоже достаточно привилось; и многим тесно в Македонии, они проклинают Филиппа-отца, но никому, никому не дано повести нас в Индию. Уже и тогда ворота в Индию были недостижимы, но по крайней мере дорогу указывал царский меч. Ныне ворота перенесены в другое место – дальше и выше, – но никто не укажет вам дороги; меч вы увидите в руках у многих, но они только размахивают им, и взгляд, готовый устремиться следом, теряется и никнет.

Поэтому всего разумнее поступить, как Буцефал, – погрузиться в книги законов. Сам себе господин, свободный от шенкелей властительного всадника, он при тихом свете лампы, далеко от гула Александровых боев, читает и перелистывает страницы наших древних фолиантов.

(Кафка 2003: 123–124)

Перевод Р. Гальпериной

Tromilenijski-prototekstna smisaono-značenjska zalihost *Aleksandride*¹, Pseudo-Kalistenova romana o Aleksandru III. Velikom Ἀλέξανδρος ὁ Μέγας, nastaloga oko 300. g.n.e.² – zavidnim je umjetničkim dosezima inkrustirana u proznu minijaturu «ironijskog mitskog pisca» (Frye 2000: 158) XX. stoljeća Franza Kafke *Der neue Advokat*³ / *Новый адвокат* / *Novi advokat* (Vlašić-Anić 2010).

Jedna od najmarkantnijih osebnosti ovoga ‘harmsovsko-dadaističkoga’ «avangardnog palimpsesta»⁴ kompleksna je intertekstualna, «nadržumno apsurdna» (Друскин 1985) aktualizacija *Aleksandride*. Osvještava se multiperspektivno refleksivnim, de/mitologizirajućim ‘procesuiranjem’ do apsurdna «novog advokata, dra Bucephalusa»⁵ – čudesna *vologlava Bukefala* (grč. Βουκεφάλος, *volovska glava*; lat. *Bucephalus*) koji svojom vanjštinom «samo malo podsjeća na vrijeme kada je još bio konj od megdana Aleksandra Makedonskog».

Visoku razinu suptilne umjetničke virtuoznosti dosiže napose i kao aktualizacija mitski legendarne, prototekstne «konstante prisutnosti»⁶ Aleksandra Velikoga Makedonskoga u tromilenijskim kulturno-povijesnim i umjetničkim krugovima Europe, Azije, Bliskog i Dalekog Istoka. (Samo)Osvještava se «narativno-suprematističkom»⁷ strategijom de/konstruktivnog p(r)okazivanja «zrakizma paradoksa»⁸ Aleksandrove ironijsko-mitske «odsutnosti» (Derrida 1986).

Kao *sveprisutnost* Aleksandrove *odsutnosti* ‘procesuirana’ je *gotovo* već samo jedinom jedinom konstatacijom o njezinoj ‘neporecivosti’ u ovome ‘*als ob*’ / ‘*kao da*’ «jednostavnom obliku» (Jolles 1978) Kafki(ja)n(skog)a, paraboličnoga *Razmatranja*⁹: «Danas – to nitko ne može poreći – ne postoji nikakav Aleksandar Veliki»*. To je ‘neporecivost’ koja, na prepoznatljivoj avangardno-palimpsestnoj ‘*pozadini*’ – na ‘*fonu*’ (ruski formalisti!) prototekstne (pseudo /para /anti)citatnosti njegova mitski-legendarna, fiktionalno-egzistencijalna habitusa iz *Aleksandride* – implozivno-kontemplativno generira svijest o «odsutnosti» (Derrida 1986):

¹ Ovaj je tekst znatno proširena verzija našega izlaganja Актуализация Александриды при помощи стратегии парадоксов «отсутствия» (Влашич-Анич 2014) održanoga 20. veljače 2014. g. u Ruskom centru za znanost i kulturu u Rimu (Российский центр науки и культуры, Piazza Benedetto Cairoli, 6). Riječ je o sudjelovanju na Međunarodnom znanstvenom seminaru (idejne začetnice i vodeće organizatorice) Natal’je Zapol’ske «Четвертые Римские Кирилло-Мефодиевские чтения» (Рим, Бари, 17–22 фебруа 2014 г. Организаторы: Институт славяноведения РАН, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Университет г. Бари, при поддержке Российского центра науки и культуры в Риме). Усп.: Четвертые Римские Кирилло-Мефодиевские чтения. Программа. <https://inslav.ru/conference/17-22-fevralya-2014-g-chetvertye-rimskie-kirillo-mefodievskie-chteniya> (Posjet: 30.6.2019.); <http://slaviachristiana.ru/proj-cyrreadings4.html> (Posjet: 30.6.2019.).

² Усп. npr. izdanja: RJ (Jagić 1871); AP (Pandev i Martinoski 2001); HA (Hercigonja i Dürrigl 2017).

³ Originalni tekst *Der neue Advokat* (Kafka 1999: 285–286) prvi je puta objavljen u časopisu Marsyas. 1. Jg., H. 1 (Juli / August 1917), S. 81. (Hermes 1999: 562).

⁴ Усп. *Harmsova «bitka sa smislovima» i dadaistički «avangardni palimpsest»* (Vlašić-Anić 1997: 223–228). O avangardnoj palimpsestnosti Kafkinih proznih minijatura usp.: Vlašić-Anić 2006, 2010.

⁵ Zvezdicama nakon navodnika (ovdje i dalje) označavamo citate iz hrvatskoga prijevoda Kafkina teksta (Kafka 1968: 113–114).

⁶ Усп. J. Derrida, *De la grammatologie*, str. 23/12/ – cit. po Culler 1991: 79–80.

⁷ O značenjskom opsegu pojma *narativni suprematizam* usp. Vlašić-Anić 2005, 2006; Влашич-Анич 2005, 2005a; Vlašić-Anić 2006.

⁸ Intertekstualna asocijativna zrcaljenja stalnih, neizbježivih i nerazrješivih proturječja koja su za Kafku bila i «istinski modus egzistencije» (Žmegač 1986), označavamo ikoničnim pojmom Larionovljeva «zrakizma». Усп.: «Zrakizam» («lučizam») Mihaila Larionova: *Ulične svjetiljke*, platno, 1910, Galerija Beyeler, Basel. Kolor. (Flaker 1984: 90).

⁹ Za opće terminološko određenje Kafkinih proznih minijatura odlučujemo se prema po/etički znakovitu naslovu njegove prve, 1913. g. objavljene zbirke nepripovjednih *Razmatranja* / *Die Betrachtung*.

1. autentične, znamenite povijesne ličnosti makedonskoga kralja (Pella, 20. srpnja 356. pr. n. e. – Babilon, 13. VI. 323. pr. n. e.) i Aristotelova učenika, sina Filipa II. i kćeri epirskoga kralja Olimpijade (HE/1: 134–135);

2. jednoga od najuspješnijih vojskovođa u povijesti koji je, neporažen u borbi¹, u dobi od samo trideset godina – osvojivši Ahemenidsko carstvo (334. pr. n. e.), Malu Aziju i Prvo Perzijsko carstvo (svrgnuvši Darija III.)², te napavši Indiju (326. pr. n. e.) – stvorio jedno od najvećih carstava antičkog svijeta, rasprostranjenoga od Grčke do Egipta i sjeverozapada drevne Indije (do rijeke Ind);

3. «Aleksandra Makedonca, sina Filipova» (BIBLIJA 1994: 426), čija je prisutnost ovozemaljski vremenite ‘odsutnosti’ registrirana u 1Mak 1,1–7:

Aleksandar i njegovi nasljednici

¹Aleksandar Makedonac, sin Filipov – tada već gospodar Grčke – provali iz zemlje Kitima i potuče Darija, kralja perzijskog i medijskog, i zakralji se namjesto njega. ²Povede mnoge ratove, zauze tvrđave i poubija kraljeve zemlje. ³Dopro je do nakraj svijeta i poplijenio mnoge narode. Sva zemlja pred njim umuknu, a srce se njegovo uznesu i uzoholi. ⁴Sakupi silnu vojsku, podloži svojoj vlasti kraljeve, narode i vladare da mu plaćaju danak. ⁵Konačno pade u postelju i uvidje da mu je umrijeti. ⁶Sazva svoje službenike, odličnike koji su s njim rasli od mladosti, i još za života razdijeli im svoje kraljevstvo. ⁷Tako, pošto je kraljevao dvanaest godina, Aleksandar umrije. 1Mak 1,1–7 (Biblija 1994: 426);

4. legendarna epskoga junaka, gotovo mitski transferirana u tradirano obilje «sustava značenja i smislova» (Peleš 1979) Pseudo-Kalistenove *Aleksandride*.

Iako je kao «spis *O Aleksandrovim djelima (Aleksándru prákseis)*, iskićena povijest o Aleksandrovu životu» (Salopek 1977: 170), *Aleksandrida* nastala nakon smrti grčkog povjesničara, Aristotelova nećaka i učenika Kalistena (*Καλλισθένης, Kallisthénēs*; Olint, oko 360. pr. Kr. – ?, 327. pr. Kr.) – njezino je autorstvo «pogrešno pripisivano» (HE/1: 136) upravo njemu. Poznato je da je Aleksandar ovog autora *Helenske povijesti (Ελληνικά, Hellēniká)* u razdoblju od 387. prije n.e., doista poveo sa sobom da bi opisao «njegova djela, ali je kasnije okrivljen za izdajstvo i bačen u tamnicu, gdje je i umro» (Salopek 1977: 170). Paradoks ‘pseudo-autorstva’ *Aleksandride*, povijesnog romana *Život Aleksandra Makedonskoga (Βίος Ἀλεξάνδρου τοῦ Μακεδόνοϋ)*, istaknut je i u naslovu njezina prvoga kritičkog izdanja: «*Arriani Anabasis et indica – Reliqua Arriani etc. – Pseudo-Callisthenis Historiam fabulosam ex tribus codicibus nunc primum edidit* Carolus Müller, Parisiis 1845.» (Jagić 1871: 204, isticanje: A.V.A.). Utemeljeno je na grčkim izvorima za koje je «pouzdanu utvrđeno da su tekstovi postojali u II. st. pr. Kr., ali su najstarije očuvane redakcije iz III. st.» (HE/1: 136).

Moćnu intertekstualno-asocijativnu, inverzivnu disperziju Kafkina modusa «izokrenuta pisma» (Adorno 1985: 121) u oblikovanju paraboličko-logičke uvjerljivosti u istinitost tvrdnje o ‘prisutnosti neporecive, potpune odsutnosti’ Aleksandrove pojave i postojanja – dodatno pojačava prototekstno-aluzivna, «citatno-polemična» (Oraić-Tolić 1990) bujnost rečenična niza u slijedu: «Ubijati, doduše, umiju mnogi, a ne nedostaje ni vještine da na banketu preko stola kopljem pogodiš prijatelja; a mnogima je Makedonija odveć tijesna, tako da proklinju oca, Filipa – ali nitko, nitko nije kadar vojsku odvesti u Indiju»*. Međutim, kao da, istodobno, neočekivano budi, sugestivno priziva i paradoksalno vitalizira i pri-

¹ Usp. Likovni prilog (dalje: LP): *Aleksandar vo boj* (Martinovski 2001: 28, 98).

² Usp. LP: Opposite: «The True Story of Good King Alexander». End of the 13th century, 232 x 175 mm, 86 ff., Gothic bookscript (textualis) in two columns. Brussels, BRA, MS 11040. This manuscript was made in area today in Belgium. The miniature on the page reproduced depicts the battle between Alexander the Great and Darius. (Bologna 1988: 118–119).

sutnost – ne samo *Aleksandride* kao prototekstne *pozadine* na kojoj se ocrtava posvudašnja i neporeciva ‘*prisutnost*’ *pojave i postojanja* Aleksandra Velikoga Makedonskoga – već i *prisutnost* neugasive, žive žudnje, ne samo povijesnoga euro-azijskoga, već i suvremena čitateljskog auditorija za ovim junakom i njegovim nedostiživim osvajačkim podvizima. Neodvojiva od kritičko-ironične, paradoksalne «izokrenutosti» (Adorno 1985: 121) u iščeznuće iluzija o vlastitom, nedostojno neherojskom ‘*danas*’ sa stigmom besciljna ‘vitlanja mačevima’ – «mnogi drže mačeve, ali samo da njima vitlaju»* – nezaustavljivo oživljava dubinsku vertikalnu povijest nostalgije i literarnih sjećanja na ovog junaka čija uzorna, zadržljiva «gorostasna veličina bacaše sjenu ličnosti i djela svojih daleko iza sebe, izvan granica staroga grčko-rimskoga svijeta» (Jagić 1871: 203).

Ponajprije – na opise impresivnih detalja Aleksandrovih ratovanja pobjedničkim mačem koji se pripisuju njegovim vojskovođama Ptolomeju, Soteru i Aristobulu; ali i na niz kasnijih *obrada* i *prijeвода* Pseudo-Kalistenove *Aleksandride* koje život Aleksandrov preobražavaju u neodoljivo privlačnu, čudesno-fantastičnu junačko-ratničku legendu koja se «na momente doima kao kakva istočnjačka bajka» (Salopek 1977: 170).

U nizu avangardno-palimpsestnih literarnih prisjećanja na ovaj «најмакедонскиот, најхристијанизираниот, највоенореторичкиот роман на средновековната цивилизација, и светска и западноевропска и византиска, и во тој контекст, македонска»¹ – izranjaju nezaobilazni, najstariji sačuvani zapadni i istočni prijevodi *Aleksandride*. To su: latinski *Julii Valerii res gestae Alex. Mac. Translatae ex Aesopo graeco*², te iz V. st. armenski *Padmuthium Acheksandri Maketonazwui* (1. izdanje: Mleci 1842.) i sirijski (Jagić 1871: 204).

Slijede njezine brojne obrade obilježene heleniziranim, ali i židovsko-kršćanskim tendencijama, od kojih je samo u zapadnoeuropskoj srednjovjekovnoj tradiciji od 14. do 20. st. – u približno 350 rukopisa europskih biblioteknih fondova sačuvano «više od 70 preradbi na 30-tak jezika nastalih do 16. st.» (HE/1: 136). Utemeljene na *novom latinskom prijevodu* s grčkoga iz 10. st., *Historia de proeliis* Archipresbytera Lea koji ga je donio iz Carigrada 942. g. – ove su obrade i preradbe generirale nepresušnu čežnju za «pričom o legendarnom junaku bajoslovnog Istoka» (Hosu 1977: 369).

Prema latinskome prijevodu *Aleksandride* Albéric de Pisançon (Besançonski) priređuje *francuski prijevod*, sačuvan «tek u odlomku od 105 osmeraca», gdje Aleksandar «nije više samo silovit ratnik», već «savršen vitez koji odgovara idealu trubadurske lirike» (Vinja 1982: 23). Albéricovo djelo inspiriralo je i «deseterački Aleksandar», nastao u «oblasti Poitou negdje oko 1160» (*ibid.*). Cjelovitu verziju *Aleksandride* iz XII. stoljeća – *Veliki roman o Aleksandru* (*Grand Roman d'Alexandre*) u kojemu je «blještavilo i fantastičnost orijentalnog svijeta» oblikovano u stihovima dvanesteracima, metru koji će «baš po ovom romanu dobiti ime *aleksandrinac*», dovršio je posljednji u nizu njegovih sastavljača, «klerik iz Châteauduna LAMBERT LE TORT» (Vinja 1982: 23).

U XII. stoljeću, pop Lambrecht prema francuskome oblikuje *njemački prijevod*³, a Gautier de Chatillon (*Gautier de Lille, Gualterus ab Insulis*, oko 1135. – oko 1200), čuveni

¹ Затоа што: «во него како во ниеден друг средновековен текст се возвеличува името Македонија и Македонци», «во себе ги вплотува духовните вредности на христијанското учење... вплотувајќи ги во световни ситуации», «е исполнет со средновековна воена реторика» (Pandev 2001: 5).

² Prvo izdanje: Angelo Mai, Milano 1817., zajedno s djelom nepoznata autora *Itinerarium Alexandri*, koje je Letronnes 1818. g. datirao između 340. – 345. g., a Zacher mu kao predložak identificirao Valerijev prijevod (Jagić 1871: 204).

³ «Najnovije izdanje Heinr. Weismann Alexander. *Gedicht des zwölften Jahrhunderts vom Pfaffen Lambrecht*. Urtext und Uebersetzung nebst geschichtlichen und sprachlichen Erläuterungen, so wie der vollständigen Uebersetzung des Pseudo-Kallisthenes und umfassenden Auszügen aus den lateinischen, französischen, persischen und türkischen Alexanderliedern. Frankfurt a. M. 1850.» (Jagić 1871: 205).

upravitelj katedralne škole u Châtillonu – grandiozni *latinski epski spjev Aleksandride* (*Alexandreis* iz 1178.–1182.) u stihovima¹ «u 10 knjiga (5406 heksametara)» koja je «čak bila djelomično potisnula Vergilijevu *Eneidu* iz školske lektire.» (Hosu 1977: 379–380). Oblikovana prema «kasnoantičkom romanu o Aleksandru Julija Valerija iz 5. st. n. e.» (Vratović 1977: 279) te proznoj mješavini povijesti i novelistike *Povijest Aleksandra Velikoga* (*Historiae Alexandri Magni*) rimskoga pisca Quintusa Curtiusa Rufusa (oko 70. n.e.) – Gautiereova *Aleksandrida* osiguravala je «zabavnu lektiru romaneskno oblikovanu, uz mnogo čudnovatih i fantastičnih događaja, vješto isprepletenih, prožetih emfatičko-čuvstvenim stilom i jezikom koji nastoji očuvati težnju za klasičnošću» (Vratović 1977: 279).

Na temelju je Gautierove «spjevana češka Alesandrida» (Jagić 1871: 205), djelo «visokog stila» prilagođeno ukusu srednjovjekovne plemićke publike, «najstariji sačuvani češki svjetovni ep» sastavljen od «oko 9000 stihova organiziranih u rimovane distihe – osmerce» (Karpatský 1975: 10–11).

Ruski prijevod *Aleksandride* iz XI.–XII., kao i njezina nova redakcija iz XIII. stoljeća, uz «Flavijevu *Povijest Judejskoga rata* i prijevod bizantske poeme *Devgenijevi podvizi* (*Devgénievo dejánie*)» ubraja se u djela koja su «bezuovjetno utjecala na originalnu rusku književnost» (Mulić 1975: 247). Do pojave autentičnoga putopisa-svjedočanstva o 6-godišnjem boravku u Indiji (1466.–1472.) tverskoga trgovca Afanasija Nikitina *Putovanje za tri mora* (*Hoženie za tri morja*) – o ovoj dalekoj egzotičnoj zemlji ruski su čitatelji «mogli biti obaviješteni samo iz fantastične prijevodne *Pripovijesti o Indijskom carstvu* ili iz *Aleksandride*» (*op. cit.*, 256).

Asocijativni niz, uspostavljen citiranim izričajima Kafkina *Novog advokata*, kao da je, istodobno, u nekoj neodgodivoj nostalgiji, paradoksalno osjenjen sve izrazitijom jasnoćom *prisutnosti* kraljevski veličanstvenih biografskih koordinata Aleksandra Velikoga – iznimno mudra kralja nad kraljevima, junaka nad junacima, osvajača dalekih, neznanih svjetova. Za komparaciju s rimskim imperatorom Cezarom u *Usporednim životopisima* (*Bíoi parállēloi*, lat. *Vitae parallelae*) rimskih i grčkih znamenitih povijesnih ličnosti – odabire ih Plutarh (*Plútarkhos*) iz Heroneje u Beotiji (46. do nakon 120. n.e.), jedan od «najpopularnijih i najplodnijih pisaca, ne samo helenizma, nego čitave antičke književnosti» (Salopek 1977: 179).

U orijentalnoj verziji *Aleksandride* snažno nadahnjuju² «poduhvate brojnih arapskih i nearapskih kraljeva-ratnika zvanih Zulkarnejn», od kojih se u 18. suri «o špilji» u Kur'anu pojavljuje «Dhul-Quarnayn (“dvorogi”), inače Aleksandar Veliki»³ (Norris 1982: 115). Inspirativne su i za arapsku priču o gradu ili tornju od mjedi i bakra (9. st.), gdje Dhul-Quarnayn postaje Musa Ibn Nosair, arapski osvajač Španjolske⁴. Posredstvom nekih preuzetih epizoda iz *Aleksandride* ugrađene su i u sastav legendarna *tibetskoga epa* (npr. u verziji iz pokrajine Kham) o životu i pustolovinama Ge-sara (možda izvedenica od: *Cesar*), kralja Linga – junaka, omiljena i među Mandžurcima u Kini, kao i narodima Srednje Azije (Skorupski 1982: 57). I junak češke *Aleksandride* «dobiva karakteristike koje se smatraju uzorom za češkog vladara» (Karpatský 1975: 10–11).

¹ Jagić (1871: 205) spominje izdanje iz 1863. g.: *Ph. Gualtheri Alexandreis* ed. Muedner Lips.

² Usp. LP: *Na ovome «mongolskom» crtežu Il-Khanid iz 14. stoljeća, Iskandar (Aleksandar) je prikazan kako proširuje svoje carstvo prema sjevernim pokrajinama neprestano obavijen maglom sa Kavkaza na putu prema Gogu i Magogu* (Norris 1982: 115).

³ Usp. LP: «U tom prizoru iz Nizamijeva rukopisa (1529–1530) Aleksandar stiže na izvor vode života. Al-Khidr stoji pokraj izvora» (Norris 1982: 116).

⁴ Usp. LP: «Grad od mjedi je osvojila Aleksandrova vojska. Njegovi građani su zarobljeni. Prizor je preuzet iz “Istočnjačke bajke o Aleksandru”. U kasnijoj arapskoj pripovijesti grad osvaja arapski zapovjednik Musa Ibn Nosair» (Norris 1982: 117).

Intertekstualna aluzivnost Kafkinih razmatranja u *Novom advokatu* kao da je, ironijsko-mitski implozivno, osjenjena i šokom osviještene nemoći pred ne/mogućnošću, ne samo pojave i postojanja ličnosti, koja bi se približila dosegnutom dostojanstvu Aleksandrove *povijesne prisutnosti*, već i pri/vidno trajne, nemogućnosti suvremena poimanja mitskih razmjera njegove veličine. Veličine – Aleksandrova kraljevsko-ratničkoga viteštva, ali i mudrosti – koju, npr. apostrofira i slavi i *Iskender-nāma* (*Aleksandrida*) perzijskoga pjesnika Nizāmīja (1141.–1209.), peti roman u stihu iz petoknjižja nazvanoga «*Hamsa* (Petorka) ili persijski *Pang gang* (Pet trezora)»¹. Jedan rukopis *Hamse* iz 15. st., nastao u Heratu, krasi i minijatura *Aleksandra sa sedam mudraca*, na kojoj Platon, Aristotel, Hipokrat, Tales, Hermes Trismegist, Apolonije i Porfirije – izlažu redom svoja poimanja postanka svijeta².

U uvodu prve turske prerade ovoga Nizamijeva djela u 2000 distiha i ujedno prve turske stihovane kronike *Iskender-nāme*, pjesnik Ahmedî (1334.–1413.) daje i pregled povijesti Male Azije (napose osmanskih kneževina) s najstarijim turskim zapisom o bitci na Kosovu (Đukanović 1982.a: 199). Zanosnom povijesnom stigmom mitski legendarne «*junačke hrabrosti*» Aleksandra Velikoga Makedonskoga, inkrustiranom u dostojanstvu imen(ovanj)a Skenderbeg, počašćen je i epirski knez Kastriotić. O tome svjedoči npr. i djelo humanista Marinusa Barletiusa (*Barlezio*, pol. 15. st. – 1526.) nastalo u 15. st., koje je nakon izlaska iz tiska 1537. g. «prevedeno na njemački, francuski, talijanski i portugalski jezik»: *Život i sjajna djela Jurja Kastriotića, kneza epirskoga, kojega su zbog junačke hrabrosti Turci nazvali Skenderbeg, tj. Aleksandar Veliki (Vita et res praeclare gestae Georgii Castrioti, Epirotaurum principis, qui propter heroicam virtutem suam a Turcis Scanderbeg, id est Alexander Magnus, cognominatus est)* (Mardešić 1977: 434).

Fascinaciji blistavilom Aleksandrove kraljevske iznimnosti ne odolijeva npr. ni autor prvoga malajskog povijesnog djela *Priča o Malajcima* (*Sejarah Melayu*) s poč. 17. st. Tun Muhammad, ministar na dvoru u Jehoru: u ovoj njegovoj fantastičnoj legendi «porijeklo se lokalnih kraljeva povlači čak od Aleksandra Velikog!» (Iveković 1982: 433).

Baš kao i u našem ranijem po/etičko analitičkom pristupu Kafkinom *Novom advokatu* (Vlašić-Anić 2010) – i ovaj put (para)citatno izabiremo *južnoeuropsku verziju prijevodne kompilacije grčkih (posredstvom bizanjskih) izvora Pseudo-Kalistenaa*³ u Jagićevu izdanju (dalje: RJ; Jagić 1871). To je osebujna romaneskna obrada iz 14. st., iznimno popularna među južnim Slavenima, Grcima i Rumunjima, koja se u 15. st. kao «*Srpska Aleksandrija*» širi i Rusijom (uz ruski prijevod s grčkoga još iz 12. st.). Ova redakcija, značajna i za hrvatsku *Aleksandridu*⁴, nastankom je povezana s lokalitetom «na potezu između Crne Gore i Pelješca» gdje je «u govoru bilo ikavskog elementa», «vladao katolicizam» i «politički bilo srpsko državno područje» (Štefanić 1969: 320). Štefanić pretpostavlja i mogućnost njezine čakavsko-glagoljske matice, s obzirom da se «u Zadru u jednom inventaru g. 1389. spominje knjiga o Aleksandru “in littera sclava”» (*ibid.*). Takvu mogućnost potvrđuju: bosanskoćirilički *Roudnički rukopis* iz 1. pol.

¹ *Iskender-nāma* u sastav *Hamse* ulazi s još 4 «mesnevije»: 1. *Mahzanu 'l-asrār* (*Riznica tajni*); 2. *Husraw u Širīn* (*Husrev i Širina*); 3. *Laylā u Maġnūn* (*Lejla i Medžnun*) i 4. *Haft paykar* (*Sedam ljepotica*) – usp. Đukanović 1982: 164.

² Usp. LP u Đukanović 1982: 164.

³ U *Pogovoru* fototipskom izdanju *Sofijske ilustrovane Aleksandride* iz 15. st., čiji se autograf u sastavu Zbornika pod sign. 771 (381) čuva u Rukopisnom odjelu Narodne biblioteke «Kiril i Metodij» u Sofiji – spominju se dvije redakcije: «jedna ranija, bugarska (X–XI. v.), i jedna kasnija, srpska (kraj XIII i početak XIV v.)» (1987: 21).

⁴ *Hrvatska Aleksandrida: kasni odjek jednoga srednjovjekovnog romana*. 2017. Priredili Edu Hrvatska *Aleksandrida: kasni odjek jednoga srednjovjekovnog romana*. 2017. Priredili Eduard Hercigonja, Marija Ana Dürriegl. Biblioteka Hrvatska jezična baština. Novi niz; knj. 3. Zagreb: Matica hrvatska.

XVI. st., prijepis starijega rukopisa s čakavsko-ikavskim jezičnim elementima¹; kajkavsko-latinički *Derečkajev rukopis* iz 1621. g., prepisan s čakavskoga predloška, možda glagoljskoga, iz biblioteke Nikole Zrinjskoga (Štefanić 1969: 320); ali i «*porodično prezime Bucifal*» u vinodolskoj ispravi iz 1422. g. u kojoj «Žvan, sin Mateja Bucifala, mienja se za vinograd sa samostanom sv. Marije u Crikvenici» (Kukuljević 1863: 51).

Neka paralelna mjesta i ovaj put pratimo i u novijemu, jezično posuvremenjenju, izdanju makedonske *Aleksandride* (Ohrid 2001) pod redakcijom D. Pandeva (dalje: AP). U njemu se, «во потрага по изгубениот ракопис на македонската Александрида», jezično približavanje suvremenom makedonskom jeziku «надоврзува на ракопис од XIV или од XV век, пишуван на црковносlovenски јазик со српска редакција», dakle rukopis koji je «objaven и е придружен со критички текст од Стојан Новаковиќ во 1878 година, како IX книга на “Гласник српског ученог друштва”, под наслов “Приповетка о Александру Великом у старој српској књижевности”» (Pandev 2001: 151).

Iz *Aleksandride* – višestoljetnoga palimpsestnog spoja avanturističkog romana, disputa, fantastike, filozofskih refleksija, kronika, mudrih sentencija, pisama, poučnih elemenata, povijesti, putopisa, vizija i ostaloga – saznajemo, npr., da je Aleksandar već pri rođenju [«*tada deržaše Indiju veliki kralj Pore*» (RJ: 19)] obdaren ljepotom, mudročću i razumom:

Ovoga vika va tu dobu kraljevaše u Rimu kralj Tarquinius. I va to vrime Jeremias prorok biše u Jerosolimu i ladaše Jerosolimom i vsim židovskim ljuctvom. Gospoduvaše tada u istočnih stranah Dari sin Kirisov. I tada deržaše Indiju veliki kralj Pore, Egiptomom ladaše Nektenabus. I tada biše kralj Filip Gark i vladaše Macedonijum i Frindinskimi stranami i Elindijanskemi otoci. I rodi se njemu sin i nareče mu ime Aleksander. I biše ta ditič lip i vsake mudrosti pun i dugotarpliv sagrišajučim, i biše obilan i prav sud imaše. Ovimi petimi deli do kraja svita došal biše i kralj vsemu svitu nazva se. I ovimi petimi deli vsaki kralj svoje kraljestvo uderžati ima. I tako Aleksander čineči, tolidem gradom i stranam nazva se kralj koliko va voj knjigi ne more se pisati. Najpervo počnimo sada govoriti ob rojenju njegovom i od viteštva njegova: govore da je sin Filipov da lažu, nego je sin egiptonskoga kralja Nektenaba, velikoga vuhvaca (RJ: 220).

Би со големата божја премудрост, создавајќи го столбови, во петилјадита година од ова постоење, кога царствува со големиот Рим Таркинис царот, кога начелствува со израилскиот народ на еврејското господство, Јодај архиерејот и Јеремија пророкот, кога господствува со источните земји Дариј, синот на Курус, тогаш кога ја држи Индија Пор, големиот цар, и кога со големиот Египет владее Нехтенав магесникот и царот, тогаш со фригиските земји и со македонската земја и со еладскиот остров владее Филип над Грците и Елините.

Му се роди тогаш син, и го нарече Александар, што ќе рече одбран маж, одбран, пак, од младост се јавуваше и доблестен, прекрасен и со блага лика кон сите што ќе го гледаа. Ова не му беше од телесното рагање, ни од човечкото устроение ни од големата божја промисла. Кон овие имаше вистински суд во народот, исто така и вера непоколеблива и раце податливи; добра трошни и минливи отфлаше, долготрпелив кон оние што ќе согрешат безмерно: со овие четири доблести на четири четирите светски краевии самодржец се нарече; со овие четири доблести секој цар своето царство да го одржува прилега; со овие и Александар освојувајќи толку градови и земји цар се нарече колку што е невозможно во книгава да се испише, и на срце човечко невоинствено да излезе.

¹ Prvo izdanje: Jagić 1871. Adolf Patera ga «pod naslovom Aleksandar Velik» opisuje kao «Rukopis na papiru, u knjižnici knezova Lobkovica u Roudnici (u sjevernoj Češkoj) pod signaturom VI. Fe. 40 na 116 listova u maloj četvrtini (4°). Rukopis je u starom kožnatom vezu, savršeno sačuvan, 21 centimetar visok a 151/2 centimetara širok. Pisan je bosanskom ćirilicom u prvoj polovici 16 stoljeća, jednom rukom od početka do kraja. Nema sumnje, da je to priepis iz starijega rukopisa, što dokazuju česte griješke u prepisivanju kao i manjak teksta među listom 113 i 114, koji se ima odbiti na nepomniju prepisača, jer je paginacija suvremena i podpuna pak i sudeći po slogovih artije ne manjka ništa» (Jagić 1871: 209).

За Александровите доблести душевни, па и за телесните што ги спомнаваме и за раѓањето негово и за храброста расказ ќе започнеме. Некои кажуваат дека е син на царот Филип; лажат, туку, всушност, е син на царот Нехтенав, на великиот маѓесник, и на царицата Олимпијада. Се случи Нехтенав големиот маѓесник, цар египетски, и според знаење свездочетец, вешт мошне, ни со војни ни со битки, ни со војски, ни со оружје да не се спротивставува, но на помош да ја има волшебната вештина. Со оваа им се спротивставуваше на сите градови и цареви (AP: 11–12).

Velikim i mudrim, carem nad svim carevima Nektenab ga naziva još prije rođenja kada savjetuje kraljici Olimpijadi da se rađajući dijete strpi dok ne dođe «*blagi čas*» (RJ: 224) – «*благочестивиот час*» (AP: 17):

I semu tako bivšu i čas roenê prispî. I pristupiv Nektenab carici reče: podrži sebe carice i ne rodi, da čim blagi čas doide. Ako u ovom človika rodiš, raba i loša človika rodiš; ere kolo kruga nebeskoga u luni stoi. Malo potрпи, dokle nebeske planite na ustavu stanu is tih prestupani i roditi ćeš carem cara i vele mudra človika. I potрpivši rodi velikoga Aleksandra, miseca Marča, na dva na deseti dan, čas deveti. Rodi se dite i izlize na svit, i proplakav reče: do četrdeset lit paki vraću se k tebi, mati.

(RJ: 224–225)

И по ова, часот на раѓањето када дојде, пристапувајќи и Нехтенав на царицата, и рече: подржи се, о царице, да не родиш додека благочестивиот час да дојде, ако родиш во овој миг, роб и непотребен човек ќе родиш, колцето на кругот небесн во месечината стои, сега да почекаш малку додека небеските планети на зенитот да се најдат и стихиите да престапат, па цар над царевите ќе родиш и велеумен човек.

(AP: 17)

Proročanstvo Apolonova hrama namjenjuje mu gospodstvo nad svom zemljom pod nebom, kao i nadarenost razumom i mudročću [«... *ere dite ovo vsoi zemli podsunačnoi bude car , blagočestiv i razumom velik ukaže se.*» (RJ: 225) ~ «Дека детево на сè што е под сонцето цар ќе биде, со благочестие и со мудрост и со разум голем јавувајќи се» (AP: 19)]. Međutim, istodobno i – čin ocoubojstva i tragičnu smrt od otrova [«...*Otca svoga ubiv , do četrdeset lit k materi svoei zemli vrati se*» (RJ: 225) ~ «...татак си својот убивајќи го, по четириесет години во мајката земја ќе отиде.» (AP: 19)].

Naročitim i velikim carem naziva ga i bog Amon donoseći u snu kralju Filipu, pobjedonosnu povratniku u Makedoniju, vijest o rođenju sina mu Aleksandra:

Filip biše na voiski i boe učinil biše mnoge i paki k Macedonii vraćашe se, i êvi se va sni nemu bog Amon va obrazi lavovi i rozi zlati na nem. Aleksandra u rukah noseći govoraše: radui se veliki caru Filipe, ere suprotivnim dobiv, sina Aleksandra dobil esi, velikoga i naročnoga cara.

(RJ: 225)

Филип на Исток наоѓајќи се, и битки многу освојувајќи таму, и пак во Македонија враќајќи се, му се јави богот Амон во лик лавов, и во сон, со рог златен, носејќи го на раце Александар, му рече: радувај се и весели се, цару Филипе, зашто противниците твои ги победи, добивајќи син Александар, голем и посебен цар кој ќе биде.

(AP: 19)

Po Filipovoj zapovijedi Aristotel Filozof od ranoga ga djetinjstva poučava *knjižno mudrosti* u kojoj toliko napreduje da ubrzo izaziva nemalu zavist ostale djece:

...car Filip dozva velikoga Arištotila muža mudra i hitra vsakoi filožofskoi hitrosti ričû i dilom. I reče mu car: ovoga ditića mani bogom danoga vazmi k nauku filožofie knižne i

mudrosti. I Aleksandar hoêše na knižno uêne; iliadu i odisiû vsu za godišće nauči, i za to ga nenaviêhu vrsnici negovi; vsakomu bo mudromu biva velika zavist.

(RJ: 226)

...царот Филип го повика големиот Аритотел, маж искусен и надарен со секаква фило-сфска премудрост на и збор и на дело, и му рече: детево, од бог што ми е подарено, земи го и научи го на омирските букви и на другите науки и на својата премудрост. Александар се вежбаше на науки книжни: олиада и окса за година ги научи и органот голем за час го научи, и поради ова го мрзеа децта колку него.

(AP: 17)

Majka i otac ispunjavaju mu već dječaćku čežnju za *nebeskim učenjem, zvjezd-znanstvom*, probuđenu na nagovor njegovih vršnjaka da pođe k egipatskome mudracu Nektenabu [«I riše mu junaci: ako bi ka Nektenabu vlhvu pošal, Aleksandre, naučil bi te on nebeskoga krug[l]a hoene i časov lunnih i nih prestupaniû» (AJ: 226)] koji mu predaje svu nebesku (egipatsku) i virgijansku mudrost:

To čuv Aleksandar k materi svoei reče: ako hoć naučiti me mati, eiptačkomu mudrcu Nek-tenabu predai me; ere čuh nega nebeskih zvizd hoene umiûći. I brzo ona po meštra posla i Aleksandra mu preda i reče mu: nauči ga meštre svojim hitrostem, i skrovno mu reče: predai svomu svoe o Nektenabe; bogatastvo slavno e vsako, ako ubozim podilûe se, tako i mudrost pohvalena e, ako tribuûćim se podilûe. To čuv otac njegov Filip reče: v istinu ditić ov od nebeskoga bi promisla, ere neveska išće učenja.

Nektenab nauči ga svoi nebeskoi hitrosti i varziliiskoi.

(RJ: 226)

Proslavio se *kao car* nakon što je u svom prvom boju čak 400 vršnjaka nadmašio kraljevski neustrašivim, pobjedničkim vladanjem:

Edan dan velik v mudrih Arištotil četiri sta ditić vrsnikov Aleksandru (sabrav) hotiše ispitati narok Aleksandrov, pred dvi sti Aleksandra voivodu postavi, a pred družimi dvi sti Ptolomeê, mlada sina Arpazada voivode Filipova; i nih u dvoru Filipovu naredi biti se. I staše se dvi sti ditce (i) biše viditi lipo vele; vsi takmo šćape držahu, kimi boi biahu. Kada koga okrvavlahu, ta kako mrtav iz boê ishoêše. Aleksandar veće od vsih prispivaše i suprotnim dobiv od vsih ditce kako car proslavljen bi.

(RJ: 226–227)

Dostoj(anstve)nost novostečena ‘carskoga statusa’ potvrđuje i odgovorima u znaku dostojanstva mudrosti kraljevskoga sjaja na Aristotelovo pitanje kojim filozof iskušava snagu i domet mladenačkih razmišljanja *frenire* (φρενίρης = grč. *razuman, snažan umom*) Aleksandra:

I k nemu reče Arištotil: frenire Aleksandre, ako car zemli budeš , ko dobro mani meštru tvo-
mu učiniš? On mu reče: veleumnmu mužu ne tribue priê roka obećati; da ako ê car budu , ti sa
mnom velik nazvati se hoćeš.

(RJ: 227)

Usvojena znanja zarana znakovito uprisutnjuje u vlastitu kraljevićevsku svakodne-
vicu, upisujući na štit imena zvijezda i planeta:

Običai beše Aleksandra, (da) do obeda k Arištotilu hoêše na nauk, a k Nektenabu do večere na vlhvanu hitrost. Od nega izuči hoêeni(a) četrnadeste (sic!) živin (nebesnih) i sedam planit, sunce i lunu uzna... kronos, aris, afrodit, ermis, ira. I vsa ova na tablici [nošaše], upisano biše po svom redu.

(RJ: 227–228)

(Mlado)Kraljevski impulsivno usuđuje se preispitati i njihovu teorijsku i praktičnu provjerljivost vlastitom akcijom – za Nektenaba smrtonosnom – kao eksperimentalnim

činom igre moći krajnjeg dovođenja u pitanje: 1. vjerojatnosti iznesenih pretpostavki o mogućnosti ljudskoga poimanja takve ne/poznanice kao što je *boži veliki i nedoznani i neposramlivi promisal* (RJ: 228); odnosno, 2. pouzdanosti i istinitosti Nektenabovih tvrdnji da je on doista *meštar koji se od dila svoga pozna*:

...Aleksandar k meštru svomu reče Nektenabu: kaži mi učitelu, kako velikoga boga promisla znan esi tvarem i kako êviše se ova lûdem zemalskim. On mu reče: boži veliki i nedoznani i neposramlivi promisal ova nedomisalo nekako êloviêskim umom kimi sudbami zna on [i] êlovikom êvi, kako da i meštar od dila svoga pozna se. Aleksandar mu reče: vsa ova znaš Nektenabe, smrt svoû znaš li, kako hoê umriti? Nektenab mu reče: Kako me zvid uêi teêene, od ditiêa moga hoê ubên biti. Tomu Aleksandar ne verova i rinu ga s visoka regetonskoga kamika [i] blizu sudiêca carskoga govoreêi: va ovom pogrišil si meštre Nektenabe.

(RJ: 228)

Međutim, kada se ovaj eksperiment preobražava u paradoksalno poražavajuću spoznaju o upravo izvršenu êinu *proreêena mu ocoubojstva*, Aleksandar svoje duboko žaljenje izražava rjeêitom gestom, odnoseêi Nektenabovo mrtvo tijelo majci Olimpijadi:

I doli pad edva glas ispustiv reče: ni ovo sinu moi ne utai mi se; [i] ono nigdor ni znal takmo mati tvoê Olimpiada i ti si znal danas. Ê sinu moi Aleksandre u veliki odhoû êd, u nižne (zemle), gdi predani esu vsi elinski bozi od velikoga sabaota boga. I to rek Nektenab umri, eipaêki car. To êuv Aleksandar, žal mu bi mnogo i na ramena vazam [i] nese ga ka Olimpiadi materi svoei.

(RJ: 228)

Impuls kraljevske plemenitosti duha Aleksandra Makedonskoga, obogaêena steêenom *knjižnom mudrošêu*, neoêekivanim prosjajem markiran je i prilikom sveopêega razaranja Tebe *‘ognjem i maêem’*: zapamêenoga i po êinu velikoga poštovanja koje je, poštedivši mu kuêu, Aleksandar Veliki iskazao pjesniku Pindaru¹, veê za života smatra-nome «najveêim helenskim liriêarom, prvim od devet pjesnika u kanonu aleksandrijskih gramatiêara» (Sironiê 1977a: 78).

Na pismo perzijskoga cara Darija III. o «bezglavnosti» Makedonije, Aleksandar odgovara mudro, bijesno i beskompromisno, opiruêi se hrabro i êak prijeteêi mu: nadvisuje ga mudrošêu poznavanja ljudske nerazumnosti u Darijevu problematiênu samouzvisivanju do neba koje obiêno vodi strmoglavu padu; te mu osporava i uzvišeni status *‘kralja nad kraljevima’* obraêajuêi mu se samo kao *perzijskome kralju!* Napose, hrabrošêu šokantne uvrede koja se odnosi na prirodu Darijeva gospodovanja – suvereno istiêe *nadmoê makedonske vojske* duhovitom realizacijom geometrijske progresije smisaona *‘izvrtanja’* Darijeve vlastite *‘metafore zrna (maka)’* – *‘kablom papra’* (kao eksplozivno prijeteêom *ljutom makedonskom viteškom vojskom*).

Sveopêe divljenje izaziva i kao veliêanstveno mudar krotitelj Bukefala, neukrotive *«zviri êloviêaskoga obraza»* (RJ: 277):

I nigdor ne smiaše ka konju pristupiti (ni iz daleka na-nê glenuti.) Aleksandar êesto prihoêše k nemu, (i) kon vsaku odmetaše srditost, tih ka Aleksandru rzaše i krotost vsaku caru svomu ukazovaše. (Aleksandar ga) ednom rukom prozorom za uho uhitaše, on mu se priklanaše kako junac êrmu. I to vidiv Aleksandar oblomi kljuê i k nemu ulize i osedla ga i usede na-n i na konski tek poêha.

(RJ: 229)

¹ Pindaros (518. ili 522–442. prije n.e.) je autor 17 knjiga pjesama (do danas saêuvanih samo fragmentarno) i «44 epinikije ili ode, ispjevane u slavu pobjednika na raznim natjecanjima», êiji je stil «uzvišeno svečan, sa smjelim metaforama i pjesniêkim slikama» (Šoljan 1971: 488) utjecao ne samo na Horacija veê i Hôlderlina, Goethea, Leopardija i druge moderne pjesnike. U Šoljanovoj antologiji 100 pjesnika svijeta predstavljen je trima odama u Smerdelovu prijevodu: *Moj narod pjeva, Asopihu iz Orhomena pobjedniku u trku djeêaka i Olimpijska prva oda* (Hijeronu iz Sirakuze – pobjedniku na jahaêem konju) – usp. Šoljan 1971: 488, 14–18.

...и никој не смееше да му пристапи. Александар често доаѓаше кај коњот, и коњот ја оставаше жолчноста, тивко ржеше, покорноста на царот свој покажувајќи му ја. Еднаш Александар за уво го фати преку прозорец, тој со мирнотија го следеше, како јунец огламеник. И оваа покорност на коњот Александар кога ја виде, клучето од коњушницата го зеде, влезе кај коњот и оседлувајќи го, се качи на него и да јава тргна.

(AP: 23)

Kao virtuozni jahač «*na volui glavi*» Bukefalovoj, neraskidivo je povezan s ovim mitski čudесnim konjem – veličanstvenim su/dionikom u dostojanstvu Aleksandrova nenadmašiva carskoga viteštva:

I vitezi macedonski na konskom teknu tečahu [VIIIb] i s visoke polače car Filip gledaše i smišlaše svakoga junaka potečene i lico na konju sidine. Aleksandar brzo iz grada carskoga na volui glavi izêha, i vidivši vsi macedoniiski vitezi sedoše s koni i pokloniše mu se kako caru i чуêhu se gledajući meštrivo viteza sidine na volui glavi. I k poteči(š)ću na nem priêha i od vsih vitezi brže poteče i svakoga kon biše nazad ostal, a nega s velikom silom edva ustavi s čestimi izvori.

(RJ: 229)

Витезите македонски, кои јаваа по коњските патеки, царот Филип ги гледаше од високата палата, и го следеше јавањето на секој кој храбро и убаво јаваше. И додека се случуваше ова, Александар одеднаш од оградите на коњушницата на вологлавиот коњ изјава, и само што го видоа ова македонските коњаници, се симнаа од коњите, и како на цар свој му се поклонија, и се восхитуваа гледајќи го мајсторското седење Александарово, и тој на вологлавиот коњ кон патеките зајава, подобро од сите витези тргна и тврдоchelустиот коњ го запре двај кај четирите сверовидни огради

(AP: 23)

Aleksandrovu zadivljujuću pojavu upravo «*na vologlavu konju*» i sam car Filip uspoređuje s Heraklom:

I tomu car Filip počudi se, brzo ditića potečene na neučnom koni vidiv reče: teško približajućim se macedoniiskoi zemli, ere *od oštra meča Aleksandrova* padu se i od Macedonan poprani budu. I k Macedoninam nasmiêv se reče: ere *u priliku Iraaklia [IXa] viteza taliiskoga vidih Aleksandra danas tekući na vologlavu konju*.

(RJ: 230)

На ова царот Филип се почуди зашто на нескротен коњ момчето јаваше, па откако виде сè и рече: О лошо на оние што се шприближуваат кон македонските предели, зашто од остриот меч Александров ќе паднат и од коњите македонски изгазени ќе бидат. И на Македонците насмејувајќи им се, рече дека во лик на Ираклија витесот теталиски го видов денеска мојот Александар, кај што јава на вологлав коњ.

(AP: 23)

Na «*čudnoga kona bucifala*» sjeda u prizorima pobjedonosnih slavlja kad «Rimljani predaju se Aleksandru i primaju ga u grad» (RJ: 330).

I ovo slavno sritene car Aleksandar vidiv, mnogo vesel bi, i mnogo svoje voiske počteno naredi, Macedonane blizu sebe vze, sam na čudnoga kona bucifala usede, vinac na glavu svoju postavi Kleopatre eĕipatske carice, [XXIVa] dvanadeste kamika imijuće mnogocinnih.

(RJ: 244/5)

Овој славен пречек кога го виде, Александар радосен стана мошне и големата своја војска ја построи, Македонците на коњи се качија, самиот на чудесниот Дучипал седна, и венец на главата своја постави од Клеопатра египетската царица, која имаше дванаесет камења бесценети.

(AP: 42)

– ili kada, jašući «na velikom koni bučifali» u sjaju carskoga veličanstva, Aleksandar oče-
kuje «Dolazak carice Olimpiade (kogda priđe carica Olimpiada къ Aleksenъdru)» RJ: 331):

Aleksandar njih srite u čudnoi velikoi parastasi sa vsimi vlasteli, vsi bihu na velicih konih i vsaki vlastelin pred svoju voisku v carskoi stemi na zlatih napravah êhaše. Aleksandar êhaše u velikom plašću macedoniiskom na velikom [CXa] koni bučifali, u piničkom krzni, na glavi negovi persidska kučma s kačkamilovim periem, na kučmi vinac Talistride amazonske carice.

(RJ: 322)

Александар, пак, ги сретна со некоја чудно голема свита со сите велможи, и сите, пак, на големи коњи седнати беа, и секој велможа пред својата војска, со златни белези на главата и со златна опрема јаваа. Александар, пак со голема помпа имаше јавнато пред македонската војска, на голем коњ, во феникиско крзно, на главата имаше голема персиска капа со ноеви перје, на капата венец на Клетерва, амастронската царица.

(AP: 1)

U prizoru «Dvoboj i smrt Porova» (RJ: 331) kao da i sam Bukefal – jer je osjajen veličanstvenošću Aleksandrova pobjedonosna ‘viteštva’ – nadmoćno svladava konja indijskoga cara Pora¹:

Aleksandar nega prevari i bucifala ostrogami moćno udri. K Poru brzo skočiv, mečem ga pod desnu pazuhu udri probode. I bucifal kona Porova za vrat uhvati i k zemli pritišće. Por s kona upade se, zlo dušu svoju njegove.

(RJ: 295)

Александар го испревари, го збодна со петиците силно Дучипал, прискокна до Пор, па со мечот го удри под десната пазува и го прободде. Дучипал, пак, коњот Поров со заби го фати за врат и кон земјата го притисна. Пор, пак, од коњот падна, и злата душа своја ја предаде.

(AP: 108)

U mitsku legendarnost nenadoknadivosti za sva vremena Aleksandra Velikoga upisuje i Bukefalova dirljiva odanost u prizoru potresnih suza «kako u človici» iz Bukefalovih očiju kada Aleksandar umire:

Po tom dozva Aleksandar vse vlastele svoje i š nimi celiva se redom sa vsimi s velikim plačem, i k nim reče: o mila moê bratê i moi vlastele, drugoga veće Aleksandra nećete naiti. Po tom zapovida Aleksandar i dovedoše k nemu velikoga bucifala. I vidi Aleksandra bucifal umirajući i želno višćaše i mnogo rzaše i suze od očiju negoviju kako u človici neprestanno idihu i nogami zemlju kopaše. Aleksandar to vidiv pohiti ga za grivu i reče: o mili moi konju, tebe brata imih, da veće drugi Aleksandar na te neće usesti.

(RJ: 327–328)

И така властелините на бакнеж ги повикуваше и со сите по ред се избакна, и со плач им рече: о сакани и мили мои Македонски витези, и други народи, друг Александар повеќе нема да имате. И ова велејќи го, рече: доведете ми го великиот Дучипал мој. Дучипал, пак, кога го виде Александар кај што умира, силно завриска и силно рзна, па копajќи со нозете по земјата, го бакнуваше одарот. Александар, пак, фаќajќи го за гривата, рече: о мил мој коњу Дучипале, друг Александар на тебе нема да зајавне

(AP: 145–146)

U znaku implozivnosti Kafkina «izokrenutog pisma» (Adorno 1985: 121), intertekstualni *zrakizam* paradoksalno de/konstruktivske asocijativnosti *Novoga advokata* obiluje pro/e/vociranim, avangardnim «rezovima» (Tzara 1971) kafkijanske, do apsur-

¹ Usp. LP: ilustracija 11 na listu 135 *Sofijske ilustrovane Aleksandride* (Beograd 1987).

da ironijsko-demitologizirajuće, «sjekire kroz zamrzla mora»¹ svih ovih, prototekstno prizvanih, značenja i smislova *Aleksandride* (Vlašić-Anić 2010).

Već konstatacijom «Danas – to nitko ne može poreći – ne postoji nikakav Aleksandar Veliki» kao da se, posve nedvojbeno, precizno i jasno, gotovo Malevičev/sk/om gestom ne samo *djelomična*, već *potpuna zatamnjenja*², p(r)okazuje univerzalna *pomrčina* «odsutnosti» (Derrida 1986) cjelokupna blistavila Aleksandrova mitskoga, epskoga i književnopovijesnoga «egzistentnog bića kao prisutnosti»³. Riječ je o «prisutnosti» koja se povezuje «s povijesnom odredbom značenja bića općenito kao prisutnosti, sa svim pododredbama koje ovise o toj općenitoj formi i koje unutar nje organiziraju svoj sustav i svoju povijesnu povezanost (prisutnost objekta pogledu kao *eidos*, prisutnost kao supstancija / esencija / egzistencija (*ousia*), vremenska prisutnost kao točka (*stigmè*) sada ili trenutka (*nun*)» (*ibid.*).

Međutim, istodobno, na prvi pogled znatno diskretnijim odbljесkom aluzivnosti kafiјanskog *zrakizma paradoksa*, suočeni smo s prividom (samo)pretapanja ne/znatne digresijske slutnje o *nedostatnoj moći uvjerljivosti* iste te konstatacije – kako u zbiljnost, tako i u nezbiljnost *neporecivosti* njezina punoga iskazanog smisla. Suprotno očekivanju, kao da se, upravo zahvaljujući digresiji «– to nitko ne može **poreći** – «umetnutoj u prvotno nedvosmisleno čisto značenje «*Danas... ne postoji nikakav Aleksandar Veliki*» – paradoksalno (samo)ogoljava ne/stabilnost dvosmislenosti smisla zrcaljenja u kojemu se «značenje (*sens*) povezuje s odsutnošću (*sans*)» (Culler 1991: 79). U plahim preljevima rubno naznačene neizvjesnosti, izrazive harmsovskom narativno-suprematističkom «cisfinitnom formulom» $TO = NE/TO$ (Vlašić-Anić 2006, 2010) – kao da se pokušava zaustaviti, ili barem trenutno odgoditi proces neupitne «kontemplativne sigurnosti» (Adorno 1985: 110) u istinitost iskazanoga. Odgoda traje baš onoliko, koliko i lagano digresijsko iskliznuće stabilnosti smisla uporišta koje bi omogućavalo prihvaćanje punine istinitosti ove tvrdnje, u njezinu cjelokupnu značenjskome prepletu, bez ostatka i najmanje sumnje u njezinu neporecivost. Umetnuta rečenica, osiguravajući razinu udvajanja uspostavljene negacije, paradoksalno izokreće tek postignuto udvostručenje smisla u suprotnost namjerne nesigurnosti: kako bi se, čini se, gotovo u posljednjem trenutku zaustavio barem minimalni prostor za tišinu u kojoj bi se mogao čuti makar i jedan jedini, čak i posve plah pokušaj osporavanja presudnoga izričaja «*Danas – to nitko ne može poreći – ne postoji nikakav Aleksandar Veliki*».

Sarkastičnom (pseudo/para/anti)citatnom polemičnošću (Oraić-Tolić 1990) potvrđuje ga i refleksivni crescendo «*Ubijati, doduše, umiju mnogi, a ne nedostaje ni vještine da na banketu preko stola kopljem pogodiš prijatelja; a mnogima je Makedonija odveć tijesna, tako da proklinju oca, Filipa – ali nitko, nitko nije kadar vojsku odvesti u Indiju*». Njime se apostrofira razorna mimikrija pri/vidnosti, duboko problematične i samoosporavajuće u biti, šokantno porazne korespondencije: svevladajuće «odsutnosti» (Derrida 1986) Aleksandra Velikoga Makedonskoga s dojmljivim repertorijem *prisutnosti* pseudo-Aleksandrov(sk)ih *vještina ubijanja i usmrćivanja*. To su začuđujuće neuništive, savršeno (gotovo kao kompjutorskom tehnikom *copy paste*!) formalno prenesene u svevremenost, milenijima oponašane i svladavane, monstrozne *vještine usmrćivanja*, ne samo neprijatelja, već i *vlastitih prijatelja na banketu preko stola*: umijeća, čije će zlokobno industrijsko-tehnološko 'savršenstvo', svoje gotovo mitske razmjere 'trijumfalno' dostići anti-mitskom deifikacijom njihova apsurdna u Kafkinoj

¹ «Knjiga mora biti sjekira za zamrzla mora u nama» (Kafka 1977: 8).

² Usp. LP: Kazimir Malevič, *Djelomična pomrčina s Monom Lisom, kolaž, 1914, Privatna zbirka, Lenjingrad, kolor* (Flaker 1984: 19).

³ Usp. J. Derrida, *De la grammatologie*, str. 23/12/ – cit. po Culler 1991: 79–80.

pripovijetci *U kažnjeničkoj koloniji* (Biemel 1980). Već i u *Aleksandridi*, prizori zasićeni živopisnošću tih *vještina ubijanja i usmrćivanja* – kao što je npr. bitka kod Issosa 333. pr.n.e. za Gordion, prijestolnicu Fenikije¹, okarakterizirani su kao «*žalostno vidine*» (!) u kojemu «mit mora podleći vlastitoj ogledalnoj slici» (Adorno 1985: 134) na samom vrhuncu vlastite apoteoze:

I biše viditi žalostno vidine. I tu žene i ditca k svojim na sritene gredihu u boi, i biše vapai do neba, i krv po ulicah grada teciše, zaedno Afinane i Macedonane po ulicah hodeće gracikih. Aleksandar posrid nih na volui glavi (vologlavom) konju êizdeći sič hotiše ustaviti i ne mogaše ustaviti, usilno bo biše, i usta mu od srca prepa[XXIIa]la bihu. Žene afinske odvrše lica svoê stahu i ka Aleksandru vapêhu: milostiv nam budi, Filipov sinu, caru Aleksandre. Aleksandar ne mogući siča ustaviti, reče grad vaŕgati.

(RJ: 242)

Имаше да се види жалосна глетка, деца и жени кон своите се затрчуваа, и заедно се убиваа, жени и деца, и крикови до небото досегаа, заедно се измешаа на средината на градот и крвје се пролеваа. Александар на средина на вологлавиот коњ јаздеше и се молеше колежот да престане, и не можејќи да ги запре, рече, градот да се запали, тешко е, зашто, маж да се запре од жолчност исполнет. Жените атински, издраскани во лицата свои кон Александар молеа: милостив биди ни, сине Филипов, цару Александре! Тој не можејќи да го запре колежот, нареди градот да се запали.

(AP: 40)

To su *umijeća*, za koja «*mnogima je Makedonija odveć tijesna, tako da proklinju oca, Filipa*» – inverzivno razarajući mitske slike sjećanja na prizor u kojemu Filip s divljenjem konstatira kako je Makedonija *odveć tijesna* njegovu kraljevskom sinu, mladom Aleksandru koji se zarana istakao iznimnim junaštvom. Lišena epske iznimnosti, ova *umijeća* bitno određuju mnoštvo suvremenih «Nitkojaca»² obezličениh do apsurdnih «bića poziva» (Anders 1955) *ispraznih vitlaoca mačevima* («*mnogi drže mačeve, ali samo da njima vitlaju*») – lišениh «dozvole boravka u biću» (Anders 1955) s identitetom nadahnjujuće uzornosti odlučna junačkoga vođe te se «*pogled, koji ih želi slijediti, zbunjuje*».

Bljesak nade u eventualnu pouzdanost oslonca na suvremenike čija bi žudnja, poput Aleksandrove, mogla obećavati (p)okretanje prema ciljevima širenja postojećih pretijesnih granica koje sputavaju – samo je munjevito trenutčan. Tek što je naslućen – preobražava se zapravo u uvertiru za nepobitnost zaključne tvrdnje «*ali nitko, nitko nije kadar vojsku odvesti u Indiju*».

Svevremensku moć nedostižnosti magičnih *vrata Indije* – «*Već tada bijahu sva vrata Indije nedostižna*» – kao da je oslabiti mogla i slabila samo «*zacrtanost njihova smjera kraljevskim mačem*» Aleksandra Velikoga Makedonskoga. Kompleksno bogatstvo asocijativnosti povezane s pojmovno-značenjskim dijapazonom autentične i istodobno književnopovijesne činjenice kao što je «*zacrtanost smjera prema vratima Indije kraljevskim mačem*» priziva fascinantne, mitsko-epske koordinate te zacrtanosti iz *Aleksandride*.

Na početku vojnih osvajačkih pohoda Aleksandar nadasve mudro prihvaća i iskorištava ponuđenu pokornost solunskoga kralja koji mu se, zastrašen njegovim legendarnim božanskim moćima, uopće ne suprotstavlja mačem, već odgovarajući mu mudrim riječima, tako da *frenire* Aleksandar (RJ: 227) bez prolivanja krvi osvaja Solun. No,

¹ Usp. LP: *Bitka kod Issosa, mozaik iz Casa del fauno u Pompejima. Napulj, Museo Nazionale Bitka kod Issosa, mozaik iz Casa del fauno u Pompejima. Napulj, Museo Nazionale* (ELZ: 78); *Aleksandar i Darij* (Martinovski 2001: 66).

² Usp. Kafkinu minijaturu *Izlet u brda* – ludistički apsurdno osporavanje identiteta čovjeka koji u sustavu zadanih birokratsko-građanskih kriterija rada, zaposlenosti, zanimanja – jest «netko»: «Ja bih vrlo rado – a zašto ne – pošao na izlet s nekim društvom samih Nitkojaca» (Kafka 1968: 35).

kada ga Diogen¹ obavještava da mu se neposlušni Atenjani neće predati bez borbe, silno razljućen, šalje im poslanika s prijetećom porukom da će se ipak morati *silom pokoriti makedonskome maču*. Nakon pobjedonosnih osvajanja mnogih kraljevstava, neustrašivo započinje boj i sa *zvijerima obraza čovječjih* i sa *divljim ženama* (sa zastrašujuće velikim krljuštima i noktima poput srpa). Osniva potom četiri grada: *Aleksandriju, Antiohiju, Selevkuš i Bizant* i kreće u osvajanje Azije, nakon čega se vraća u Troju, gdje ga dočekuju sa svim počastima. Nakon punih 13 godina vraća se u Makedoniju u Filipus grad, gdje s vojskom na odmoru ostaje samo 3 mjeseca. U nova osvajanja polazi s 3.000 vojnika vodeći sa sobom i žene za njih te upotpunjujući bojne redove nakon pogibije ratnika podanicima, tako da je njihov broj bio konstantan. Nakon osvojenih zapadnih kraljevstava, Jeruzalem i istočna carstva osvaja i *bez i sa mačem*, prijeteći neposlušnicima kaznom bez milosti koju će izvršiti svojim smrtnosnim *mačem*. Susret s prorokom Jeremijom i Jeruzalemcima za vrijeme opsade Jeruzalema, kada doznaje o Nektanobovu proročanstvu koje se doista ostvaruje – veličanstven je uvod u kretanje prema ‘vratima Indije’ koje će, prema Jeremiji, doista i osvojiti. Nakon što hrabri Makedonce junačkim ratničkim govorom o časnoj smrti ili pobjedi nad Darijem, sjeda na *velikoga konja* i predvodi vojsku u žestokom boju *mačem o mač na život i smrt*. U pohodu na Babilon nakon pobjede nad Darijem, i perzijsku i indijsku vojsku plaši Aleksandrova hrabrost – prolaz kroz bitku u zlatnoj kočiji.

Zahtjevnosti sveltremenski suvtremene *prisutnosti* stanja «*prenesenosti vratiju Indije na sasvim drugo i mnogo više mjesto*» nitko ne sup(ro)tstavlja dostojanstvo odabira upravo njihova smjera. Mnoštveno, no isprazno i zbnjujuće *vitlanje mačevima* naglašava *odsutnost* – ne samo kraljevski veličanstvene usmjerenosti Aleksandrova mača prema osvajački-žudenom cilju: *vratima Indije*, već i porazno kontrastnu disperziju mnoštva u isprazno vitlanje mačevima dok «*pogled se, koji ih želi slijediti, zbnjuje*».

Kafkina negacija mita potpuna je već u intertekstualnoj ocrtanosti *bukefalolika* Nitkojca (Kafka 1968: 35) građanskoga poziva *novoga advokata* kao «nadrazumno apsurdna» (Друскин 1985), kafkijanskog ‘als ob’ modela pravno-civilizirana *ispolina* [*ispolin: «od pasa gori človik a niže pasa doli kon»* – RJ: 286] (Vlašić-Anić 2010). I dok po Werneru Kraftu, «nigdje u književnosti», s polazištem u pojmovima *prava* i *pravednosti*, «ne postoji tako snažna, tako uvjerljiva kritika mita u njegovu čitavu opsegu» (cit. po Benjamin 1971: 123) – općeljudska žudnja za mitskom, sveltremenski izazovnom nebesnošću neosvojivih «*vratiju Indije na sasvim drugom i mnogo višem mjestu*» u *Novom advokatu* prizvana je kao jednako, čini se, nepobjedivo uvjerljiva.

U filozofsko-refleksivnu obilju Kafkinih ironijsko-demitologizirajućih «bitki sa smislovima» (Harms 2014: 58) *Aleksandride*, aktualizira se *konstanta izokrenutosti govora o odsutnosti «Aleksandra Velikoga»* kao «prisutnosti» (Derrida 1986) koja se avangardno-palimpsestno povezuje «s povijesnom odredbom značenja bića općenito kao prisutnosti»²:

sa svim pododredbama koje ovise o toj *mitsko-epskoj* formi *prisutnosti* Netkojca, tko je *kadar vojsku odvesti u Indiju*;

«sa svim pododredbama koje unutar te *prisutnosti* organiziraju svoj sustav i svoju povijesnu povezanost» s mitskom davninom u kojoj «*Već tada bijahu sva vrata Indije nedostižna*» kao «prisutnost objekta pogledu kao *eidos*», kad «*njihov je smjer bio zacrtan kraljevskim mačem*»;

¹ Spiros Melas (Spýros Melâs, 1883–1966), grčki novinar, romanopisac, novelist, novinski kroničar i dramski pisac autor je «bizarne parodijske komedije, koja i danas puni kazališta, *Kralj i pas (Ho basilîas kai ho skýlis*, 1954) u kojoj Diogen ismjehuje Aleksandra Velikoga» (Mardešić 1977a: 506).

² Prošireni citati prema Derrida cit. po: Culler 1991.

prisutnosti «kao supstancija / esencija / egzistencija (*ousia*)» pobjedonosna vojskovođe i osvajača i to, više nego ikada i «*Danas kad su vrata Indije prenesena na sasvim drugo i mnogo više mjesto*»;

i kao «nadržumno» (Друскин 1985) *smislена* «vremenska prisutnost kao točka (*stigmè*) sada ili trenutka (*nun*)» u svevremenosti demitologizirane suvremenosti – iako i, upravo zbog toga, jer «*nitko ne pokazuje u tom pravcu*» (*ibid.*).

Iako se pri/vidno, mogućnost gasnuća nepobjedivo uvjerljive žudnje za Aleksandrovom *prisutnošću* čini, na tren, nevjerojatnom mogućnošću i za odgodu nestajanja Bukefalova veličanstvena jahača u posvemašnjoj tami i tišini *odsutnosti* – Kafkina sveprisutna strategija narativno-suprematističkih paradoksa reflektira je, obiljem odraza intertekstualnog zrcaljenja njegova «izokrenutog pisma» (Adorno 1985), u veličanstvenu *konstantu prisutnosti*. I dok se mit vraća u tromilenijske okvire svoje nepromjenjive priče, njegova mjesta praznih *odsutnosti* Aleksandra Velikoga i Bukefala u *Novom advokatu* budi remitologiziranu čežnju za *vratima Indije* upravo zbog njihove moćne *nedostižnosti i prenesenosti na mnogo više mjesto!*

‘Nadrealistički čudesnu’ (Breton 1971) korespondenciju «*odobrena prijema dra Bukcefalusa*» s nekoliko «aracionaliziranih» (Друскин 1985) «posebnih momenata» (DO 1928) «odsutnosti» *Aleksandra Velikoga Makedonskoga* u kojima «*Ubijati, doduše, umiju mnogi*» no «*nitko, nitko nije kadar vojsku odvesti u Indiju*» – asocijativno dinamizira Kafkin a/fikcionalni, «narativno suprematistički» (Влашич-Анич 2005) zrakizam paradoksa. Kafkin *Novi advokat* zagonetna je, ne/protumačivo kompleksna i, gotovo neuvrstiva umjetnička problematizacija te korespondencije (Vlašić-Anić 2010). (Samo)Osveštavajući se brojnim varijantama nadvremenitosti ne/sklada zoo/empirijskih detalja «*velikoga poprišta*» (Burić 1979) zapadnoeuropskoga pra(vno)povijesnog «svagdana» (Flaker 1984) i prosudbena raz/pro-matranja metafizičke cjeline njegove ne/prenosivosti «*na sasvim drugo i mnogo više mjesto*» – kao da pretendira na sveukupnost ‘svih ljudskih povijesnopравnih vremena i svih ljudskih povijesnogeografskih prostora’. Kao višestruko, multiperspektivno paradoksalna *para/anti/pseudo* «citatna polemika» (Oraić-Tolić 1990) s *Pseudo-Kalistenovom Aleksandridom*, simultano oživljava i osporava, izokreće, problematizira i demitologizira: ne samo neočekivano *zrcaljenje ‘lica i naličja’ univerzalnih modaliteta arhetipske mitologizacije*, napose u slučaju fenomena, kao što je o(ne)zbiljnost mitskih fik(sa)cija legendi o Velikom Bukefalu i Aleksandru Velikom Makedonskom; već i, nadasve šokantno, (*p*)*odr(a)žavanje i preobražavanje toga ‘zrcaljenja’, modusima njegovih sveprisutnih pseudomitologizacija* u suvremenoj građanskoj civilizaciji apsurdna (Vlašić-Anić 2010).

IZVORI

AP: *Aleksandrida*. 2001. Redakcija Dimitar Pandev, crteži Krste Martinoski. Ohrid: Macedonia Prima.

Biblija. Stari i Novi zavjet. 1994. Zagreb: Kršćanska sadašnjost.

Breton, André. 1971. Manifest nadrealizma. *Kolo 12*, 1203–1228.

Harms, Daniil Ivanovič. 2014. *Pucanj ispred*. Izbor, prijevod i komentar: Anica Vlašić-Anić. Grafike: Danijel Žeželj. Zagreb: Petikat.

HA: *Hrvatska Aleksandrida: kasni odjek jednoga srednjovjekovnog romana*. 2017. Priredili Eduard Hercigonja, Marija Ana Dürrigl. Biblioteka Hrvatska jezična baština. Novi niz; knj. 3. Zagreb: Matica hrvatska

<http://books.petikat.com/shop/4/15/pucanj-ispred> (Posjet: 30.6.2019.)

<https://inslav.ru/conference/17-22-fevralya-2014-g-chetvertye-rimskie-kirillo-mefodievskie-hteniya> (Posjet: 30.6.2019.)

<http://slaviachristiana.ru/proj-cyrreadings4.html> (Posjet: 30.6.2019.).

RJ: Jagić Vatroslav. 1871. «Ogledi stare hrvatske proze. IV. Život Aleksandra Velikoga. Po tekstu rudničkom, poredjenom s više drugih rukopisa izdao pravi član V. Jagić». *Starine III*, Zagreb: JAZU, 203–331.

Kafka, Franz. 1977. *Pisma*. Zagreb: Zora – Grafički zavod Hrvatske.

Kafka, Franz. 1968. *Pripovijetke*. Zagreb: Zora.

Kafka, Franz. 1999. *Die Erzählungen und andere ausgewählte Prosa*. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, GmbH.

Кафка, Франц. 2003. Шакалы и Арабы. Москва: Фолио.

Sofijska ilustrovana Aleksandrida, Fototipско izdanje. 1987. Glavni i odgovorni urednici Milan Milutinović, Petar Karaangov. Beograd: Narodna biblioteka Srbije – Sofija: Narodna biblioteka «Kiril i Metodij», B'lgarska arheografska komisija.

LITERATURA

Adorno, Theodor Wiesengrund. 1985. «Zabilješke uz Kafku», u *Filozofsko-sociološki eseji o književnosti*, Zagreb: ŠK, 109–135.

Aleksić, Dragan. 1922. *Dada-Jazz. Dada Antologija* (Ur. D. Aleksić), Zagreb.

Aleksić, Dragan: 1922. *Dada-Tank – Novo Kosovo* (Ur. D. Aleksić), Zagreb.

Anders, Günther. 1955. *Kafka. Za i protiv (Osnovi spora)*. Sarajevo: Narodna prosvjeta.

Benjamin, Walter. 1971. Franz Kafka – u povodu desete obljetnice dana smrti. *Uz kritiku sile – eseji*. Zagreb: Studentski centar Sveučilišta u Zagrebu, 101–124.

Biemel, Walter. 1980. *Filozofijske analize moderne umjetnosti: Kafka / Proust / Picasso*. Zagreb: CKD SSOH.

Bologna, Giulia. 1988. *Illuminated Manuscripts. The Book before Gutenberg*. Milan: Thomas and Hudson.

Burić, Zlatko. 1979. Pjesma iz mimohoda. (Mekani brodovi – prolog). *Gordogan 1*, 87.

Culler, Jonathan. 1991. *O dekonstrukciji: teorija i kritika poslije strukturalizma*. Zagreb: Globus.

Derrida, Jacques. 1986. Struktura, znak i igra u obradi ljudskih znanosti. U: BEKER, Miroslav. 1986. *Suvremene književne teorije*. Zagreb: SNL, 195–208.

DO 1928: «Deklaracija OBERIU», Polja, XXV/246–247, 1979, 28–29.

Друскин, Яков Семенович. 1985. Чинари. Глава из книги Якова Семеновича Друскина (1902/1980) *Сон и явь*, 1968. *Wiener Slawistischer Almanach 15*, 381–403.

Đukanović, Marija. 1982. Persijska književnost. *Povijest svjetske književnosti 1*. Zagreb: Mladost, 153–185.

Đukanović, Marija. 1982.a. Turska književnost. *Povijest svjetske književnosti 1*. Mladost, Zagreb, 186–218.

ELZ: *Enciklopedija Leksikografskog zavoda*. MCMLV. Zagreb: Leksikografski zavod Miroslav Krleža.

Flaker, Aleksandar. 1976. *Proza u trapericama*. Zagreb: Biblioteka Razlog.

Flaker, Aleksandar. 1984. Byt (*Svagdan*). *Pojmovnik ruske avangarde*, 2. Zagreb: Zavod za znanost o književnosti Filozofskog fakulteta u Zagrebu, 9–23.

Flaker, Aleksandar. 1984. *Ruska avangarda*. ZAGREB: SNL.

Frye, Northrop. 2000. *Anatomija kritike. Četiri eseja*. Biblioteka *Obris moderne*. Zagreb: Golden marketing.

HE/1: *Hrvatska enciklopedija, 1*. 1999. Zagreb: Leksikografski zavod Miroslav Krleža.

Hermes, Roger. 1999. «Überlieferungs- und entstehungsgeschichtliche Anmerkungen zu den einzelnen Texten». U: Kafka Franz. 1999. *Die Erzählungen und andere ausgewählte Prosa*. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, GmbH, 547–575.

Hosu, Stjepan. 1977. Srednjovjekovna latinska književnost. *Povijest svjetske književnosti 2*. Zagreb: Mladost, 347–403.

http://alternative_culture.academic.ru/71/ (posjet 15. prosinca 2016.).

<https://inslav.ru/conference/17-22-fevralya-2014-g-chetvertye-rimskie-kirillo-mefodievskie-cteniya> (Posjet: 30.6.2019.)

http://alternative_culture.academic.ru/71/ (posjet 15. prosinca 2016.).

<http://slaviachristiana.ru/proj-cyrreadings4.html> (Posjet: 30.6.2019.).

Iveković, Rada. 1982. Književnosti jugoistočne Azije. *Povijest svjetske književnosti 1*. Zagreb: Mladost, 417–437.

Jagić, Vatroslav. 1871. «Ogledi stare hrvatske proze. IV. Život Aleksandra Velikoga. Po tekstu rudničkom, poredjenom s više drugih rukopisa izdao pravi član V. Jagić». *Starine III*, Zagreb: JAZU, 203–331.

Jolles, André. 1978. *Jednostavni oblici*. Zagreb: Studentski centar Sveučilišta u Zagrebu.

Kalisten 2019. <http://www.enciklopedija.hr/natuknica.aspx?id=29964> (Posjet: 22.6.2019.)

Karpatský, Dušan. 1975. Češka književnost. *Povijest svjetske književnosti 7*. Zagreb: Mladost, 7–78.

Kukuljević, Sakcinski, Ivan. 1863. *Acta Croatica. Listine hrvatske. Monumenta historica Slavorum meridionalium, knj. 1.*, Brzotiskom narodne tiskarnice dra Ljudevita Gaja, Zagreb.

Mardešić, Ratimir. 1977. Novovjekovna latinska književnost. *Povijest svjetske književnosti 2*. Zagreb: Mladost, 405–480.

Mardešić, Ratimir. 1977.a. Novogrčka književnost. *Povijest svjetske književnosti 2*. Zagreb: Mladost, 481–533.

Martinoski, Krste. 2001. „Crteži“, u *Aleksandrida*. Redakcija Dimitar Pandev, crteži Krste Martinoski. Ohrid: Macedonia Prima.

Meletinski, E.M.: *Poetika mita*. Beograd: Nolit, s.a.

Mulić, Malik. 1975. Stara ruska književnost. *Povijest svjetske književnosti 7*. Zagreb: Mladost, 235–267.

Norris, H.T. 1982. «Islam». U: *Mitologija – ilustrirana enciklopedija*. Priredili Richard Ca-vendish – Trevor O. Ling. Zagreb: Mladost / Ljubljana: Mladinska knjiga, 110–118.

Oraić-Tolić, Dubravka. 1990. *Teorija citatnosti*, GZH, Zagreb.

Pandev, Dimitar. 2001. «Na makedonskiot čitatel, da se raduva». U: *Aleksandrida*. 2001. Redakcija i prevod Dimitar Pandev, crteži Krste Martinoski, Ohrid: Macedonia Prima, str. 5–6.

Pandev, Dimitar. 2001.a. “Vo potraga po izgubeniot rakopis na makedonskata Aleksandrida (jazični i stilski beleški)”. U: *Aleksandrida*, 2001. Redakcija i prevod Dimitar Pandev, crteži Krste Martinoski, Ohrid: Macedonia Prima, 151–155.

Peleš, Gajo. 1989. *Priča i značenje*. Zagreb: Naprijed.

Petrović, Svetozar. 1982. Egipatska književnost. U: *Povijest svjetske književnosti 1*. Zagreb: Mladost, 9–34.

- Salopek, Damir. 1977. Helenističko razdoblje. U: *Povijest svjetske književnosti 2*. Zagreb: Mladost, 158–186).
- Сидор-Гибелинда, Олег. 2017. «Монтаж Аттракционов». http://alternative_culture.academic.ru/71/ (posjet 15. prosinca 2016.).
- Sironić, Milivoj. 1977. Dioba povijesti grčke književnosti. U: *Povijest svjetske književnosti 2*. Zagreb: Mladost, 7–8.
- Sironić, Milivoj. 1977a. Pretklasično razdoblje. U: *Povijest svjetske književnosti 2*. Zagreb: Mladost, 8–82.
- Skorupski, T. 1982. Tibet. U: *Mitologija – ilustrirana enciklopedija*. Zagreb: Mladost / Ljubljana: Mladinska knjiga, str. 48–57.
- Šoljan, Antun. 1971: *100 pjesnika svijeta*. Uredio Antun Šoljan. Zagreb: Stvarnost.
- Štefanić, Vjekoslav. 1969. Hrvatska pismenost i književnost srednjeg vijeka. U: *Hrvatska književnost srednjega vijeka*, priredio Vjekoslav Štefanić i suradnici: Biserka Grabar, Anica Nazor, Marija Pantelić. Zagreb: Zora – MH, 3–62.
- Tzara, Tristan. 1971. Tri dadaistička manifesta. *Kolo 12*, 1194–1202.
- Vinja, Vojmir. 1982. Književnost srednjega vijeka do početka stogodišnjeg rata. U: *Povijest svjetske književnosti 3*. Zagreb: Mladost, 7–62.
- Vlašić-Anić, Anica. 1997. *Harms i dadaizam*. Zagreb: Hrvatsko filološko društvo.
- Влашич-Анич, Аница. 2005. Нарративный супрематизм ленинградской «звезды дада» («Star of Dada» Д.И. Хармса). *VI славистические чтения памяти профессора П.А. Дмитриева и профессора Г.И. Сафронова. Материалы международной научной конференции, 9–11. сентября 2004 г.* (Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ), 213–217.
- Влашич-Анич, Аница. 2005а. Хармсады и Превращение (Die Verwandlung) Ф. Кафки. *Столетие Даниила Хармса. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Даниила Хармса / Кобринский, Александр (ur.). – Санкт-Петербург: ИПЦ СПГУТД, 27–38.*
- Vlašić-Anić, Anica. 2006. *Harms i Kafka*. Doktorska disertacija, mentor: Aleksandar Flaker. Zagreb: Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu.
- Vlašić-Anić, Anica. 2010. Bukfal – od Aleksandride do Kafke. *Меѓународен македонистички собир: реферати од научниот собир одржан 29–31 август 2008. г. во Охрид*. Ур.: Каранфиловски, Максим; Велев Илија; Макариоска, Лилјана. – Скопје: Филолошки факултет «Блаже Конески», 431–445.
- Vlašić-Anić, Anica. 2013. Fragments of Parchment Codices on the Covers of Old Books. U: *Summer School in the Study of Historical Manuscripts: Proceedings*, ed. by Mirna Willer and Marijana Tomić, 145–172. Zadar: University in Zadar.
- Vlašić-Anić Anica. 2014. Flaker/izam ljepote: pergamene iz traperica. U: *Nomadizam*. Ur. Jasmina Vojvodić. Zagreb: Disput, 471–490.
- Влашич-Анич, Аница. 2014. Актуализация Александриды при помощи стратегии парадоксов «отсутствия». *Четвертые Римские Кирилло-Методиевские чтения. Тезисы*. Научный руководитель семинара Наталья Запольская. Str. 20–21. Dostupno na: slaviachristiana.ru/proj-cyugreadings4.html (Posjet: 30.6.2019).
- Vlašić-Anić, Anica. 2018. Aracionalno, interdisciplinarno – do otkrića glagoljskih, latinskih i hebrejskih 'pergamena iz traperica' FgCapVla. U: *Hrvatski prilozi 16. međunarodnom slavističkom kongresu / Botica, Stipe; Malnar Jurišić Marija; Nikolić, Davor; Tomašić, Josipa; Vidović Bolt, Ivana (ur.)*. Zagreb: Hrvatsko filološko društvo, 151–161.

Vlašić-Anić, Anica. 2019. Izložba *Varaždinske glagoljske pergamene* i «Knjige glagoljaške – kapucinske, karlobaške» (Gradski muzej Varaždin, Palača Herzer, 24. siječnja – 11. ožujka 2018. godine). *Stephanos / Στεφανος / Стефанос* 34 (2019), 2; 126–132.

Vratović, Vladimir. 1977. Rimska književnost. U: *Povijest svjetske književnosti 2*. Zagreb: Mladost, 189–312.

Žmegač, Viktor. 1986. *Težišta modernizma: od Baudelairea do ekspresionizma*. Zagreb: SNL.

Сведения об авторе:

Anica Vlašić-Anić,
Dr. sc
Viša znanstvena suradnica
Staroslavenski institut, Zagreb

Anica Vlašić-Anić,
PhD
Senior Research Associate
Old Church Slavonic Institute, Zagreb
vlasican@stin.hr

Josip Užarević (Zagreb, Hrvatska)

Bibliografija Aleksandra Flakera (izbor)¹

Josip Uzharevich (Zagreb, Croatia)

Bibliography of Alexander Flaker (selected)

I. AUTORSKE KNJIGE

1. Stilovi i razdoblja. Sa Zdenkom Škrebom, Zagreb, 1964., Matica Hrvatska, 267 str.
2. Ruski klasici XIX. stoljeća. Zagreb, 1965., Školska knjiga, 307 str.
3. Književne poredbe. Zagreb, 1968., Naprijed, 528 str.
4. Modelle der Jeans-prosa. Kronberg / Taunus, 1975., 256 str.
5. Stilske formacije. Zagreb, 1976., Liber, 358 str.
6. Poetika osporavanja. Zagreb, 1982., Školska knjiga, 374 str.; II. izdanje: Zagreb, 1984.
7. Proza u trapericama. Prilog izgradnji modela prozne formacije na građi suvremenih književnosti srednjo- i istočnoeuropske regije. Zagreb, 1976., SN Liber, 277 str.; II. (prošireno) izdanje: Zagreb, 1983., SN Liber, 352 str.
8. Ruska avangarda. Zagreb, 1984., SN Liber / Globus, 502 str.
9. Izabrana djela. Zagreb, 1987., Nakladni zavod Matice Hrvatske, 318 str. Priredio Miroslav Šicel.
10. Nomadi ljepote. Intermedijalne studije. Zagreb, 1988., Grafički zavod Hrvatske, 378 str.
11. Riječ, slika, grad. Hrvatske intermedijalne studije. Zagreb, 1995., Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti, 213 str.
12. Književne vedute. Zagreb, 1999. Matica hrvatska, 384 str.
13. Živopisnaja literatura i literaturnaja živopis'. Moskva, 2008., Tri kvadrata, 429 str.
14. Ruska avangarda 2. Književnost i slikarstvo. Autori, pojmovi, djela. Zagreb – Beograd, 2009. Profil – Službeni glasnik, str. 311.
15. Riječ, slika, grad, rat. Hrvatske inetrmedijalne studije. 2009. Duriex, 372 str.
16. Autotopografija I. (1924. – 1946.). Zagreb, 2009, Duriex, 311 str.
17. *Autotopografija II. Moja sveučilišta* (1946. – 2010.). Zagreb, 2010, 474 str.

¹ Izbor je načinjen na osnovi bibliografije Sonje Ludvig: *Bibliografija Aleksandra Flakera (1948. – 2004.)*, u: Josip Užarević (ur.), *Oko književnosti. Osamdeset godina Aleksandra Flakera*, Zagreb, Disput, 2004, str. 351–383. Dodane su knjige objavljene nakon 2004. godine.

18. *Period, stil, žanr. Književnoteorijski pojmovnik*. 2011. Beograd, Službeni glasnik, 396 str. Izabrao i priredio Gojko Tešić.
19. *Bez linije. «Volendamom» iz Nizozemske u Sjevernu Ameriku 1950. i 1951.* 2018. Zagreb, Duriex, 265 str. Uredile Gorana Flaker, Jadranka Brnčić, Maša Kolanović.

II. UREDNIČKE KNJIGE

20. *Ruski pripovjedači XIX. stoljeća*. Zagreb, 1953., Školska knjiga, 176 str.; II. izdanje: Zagreb, 1961., Školska knjiga, 179 str.
21. *Heretici i sanjari (Izbor iz poslijeoktobarske ruske proze)*. Zagreb, 1954., Kultura, 318 str.; II. izdanje: Zagreb, 1988., Naprijed, 344 str.
22. *Suvremeni ruski pisci. Prva knjiga 1921–1929*. Zagreb, 1962., Naprijed, 365 str.
23. *Suvremeni ruski pisci. Druga knjiga 1930–1960*. Zagreb, 1962., Naprijed, 289 str.
24. *Suvremeni ruski pisci. Treća knjiga. Članci i studije o sovjetskoj književnosti*. Zagreb, 1962., Naprijed, 345 str.
25. *Suvremeni sovjetski pisci. Četvrta knjiga. 1961–1963*. Zagreb, 1964., Naprijed, 372 str.
26. *Krležin zbornik*. S Ivom Frangešom, Zagreb, 1964., Naprijed.
27. *Kniga dlja čtenija XX vek. Čitanka ruskog jezika za IV. razred gimnazije*. Zagreb, 1966., Školska knjiga, 222 str.; II. prerađeno izdanje: Zagreb, 1971., Školska knjiga, 227 str.
28. *Ruska književna kritika*. Zagreb, 1966., Naprijed, 353 str.
29. *Sovjetska književnost 1917–1932. Manifesti i programi, književna kritika, nauka o književnosti*. Zagreb, 1967., Naprijed, 505 str.
30. *Hrvatska književnost prema evropskim književnostima od narodnog preporoda k našim danima*. Zagreb, 1970., SN Liber. S Krunoslavom Pranjićem,
31. *Formalismus, Strukturalismus und Geschichte. Zur Literaturtheorie und Methodologie in der Sowjetunion, ČSSR, Polen und Jugoslawien*. 1974., Scriptor Verlag GmbH, 265 str. S Viktorom Žmegačem, Kronberg / Taunus.
32. *Literaturtheoretische Modelle und kommunikatives System. Zur aktuellen Diskussion in der polnischen Literaturwissenschaft*. Kronberg / Taunus, 1974., 418 str. S Walterom Krollom.
33. *Povijest svjetske književnosti 7*. Zagreb, 1975., Liber, II. izdanje: Zagreb, 1986., SN Liber.
34. *Hrvatska književnost u evropskom kontekstu*. Zagreb, 1978., Zavod za znanost o književnosti Filozofskog fakulteta Sveučilišta u Zagrebu / SN Liber. S Krunoslavom Pranjićem.
35. *Pojmovnik ruske avangarde 1*. Zagreb, 1984., Grafički zavod Hrvatske / Zavod za znanost o književnosti Filozofskog fakulteta u Zagrebu, 221 str. S Dubravkom Ugrešić.
36. *Pojmovnik ruske avangarde 2*. Zagreb, 1984., Grafički zavod Hrvatske / Zavod za znanost o književnosti Filozofskog fakulteta u Zagrebu, 187 str. S Dubravkom Ugrešić.
37. *Pojmovnik ruske avangarde 3*. Zagreb, 1985., Grafički zavod Hrvatske / Zavod za znanost o književnosti Filozofskog fakulteta u Zagrebu, 283 str. S Dubravkom Ugrešić.
38. *Pojmovnik ruske avangarde 4*. Zagreb, 1985., Grafički zavod Hrvatske / Zavod za znanost o književnosti Filozofskog fakulteta u Zagrebu, 211 str. S Dubravkom Ugrešić.
39. *Ruska književnost*. Zagreb, 1986., SN Liber, 159 str.
40. *Pojmovnik ruske avangarde 5*. Zagreb, 1987., Grafički zavod Hrvatske / Zavod za znanost o književnosti Filozofskog fakulteta u Zagrebu, 240 str. S Dubravkom Ugrešić.
41. *Pojmovnik ruske avangarde 6*. Zagreb, 1989., Grafički zavod Hrvatske / Zavod za znanost o književnosti Filozofskog fakulteta u Zagrebu, 326 str. S Dubravkom Ugrešić.

42. *Glossarium der russischen Avantgarde*. Herausgegeben von Aleksandar Flaker, Graz-Wien, 1989., Verlag Droschl, 540 str.
43. *Pojmovnik ruske avangarde 7*. Zagreb, 1990., Grafički zavod Hrvatske / Zavod za znanost o književnosti Filozofskog fakulteta u Zagrebu, 294 str. S Dubravkom Ugrešić.
44. *Pojmovnik ruske avangarde 8*. 1990., Grafički zavod Hrvatske / Zavod za znanost o književnosti Filozofskog fakulteta u Zagrebu, 327 str. S Dubravkom Ugrešić, Zagreb.
45. *Pojmovnik ruske avangarde 9.*, Zagreb, 1993., Grafički zavod Hrvatske / Zavod za znanost o književnosti Filozofskog fakulteta u Zagrebu, 222 str. S Dubravkom Ugrešić.
46. *Ludizam. (Zagrebački pojmovnik kulture 20. stoljeća)*. Zagreb, 1996., Zavod za znanost o književnosti / Slon, 372 str. Sa Živom Benčić.
47. *Hijerarhija. (Zagrebački pojmovnik kulture 20. stoljeća)*. Zagreb, Zavod za znanost o književnosti, 1997, str. 325. S Magdalenom Medarić.
48. *Simultanizam. (Zagrebački pojmovnik kulture 20. stoljeća)*. Zagreb, Naklada Slap, Filozofski fakultet u Zagrebu, 2001, str. 273. S Jasminom Vojvodić.
49. *Mistifikacija. Parodija. (Zagrebački pojmovnik kulture 20. stoljeća)*. Zagreb, Area grafika, 2002, 361 str. Sa Sonjom Ludvig.
50. *Vizualnost. (Zagrebački pojmovnik kulture 20. stoljeća)*. Zagreb: Filozofski fakultet u Zagrebu, Naklada Slap, 2003, 689 str. S Josipom Užarevićem.

III. ČLANCI

51. *Pisac i čitalac*. «Studentski list» IV, 1948., 2; str. 10.
52. *Bilješke o slavenofilima*. «Izvor» II, 1949., 12, str. 778–794.
53. *Puškin i njegovo doba*. «Izvor» II, 1949., 6, str. 357–366.
54. «*Ko vuk bih zagriz 'o birokratizam*». *Uz 20-godišnjicu smrti Vladimira Majakovskog*. «Republika» VI, 1950., 5; str. 290–299.
55. *Bilješke o književnosti prelaznog perioda i socijalističkom realizmu*. «Republika» VII, 1951., 4–5, str. 369–380.
56. *Čehov u Opatiji*. «Hrvatsko kolo» V, 1952., 1, str. 40–44.
57. *Gleb Struve, Soviet Russian Literature 1917–1950*. University of Oklahoma Press, 1951., «Pogledi 52» I, 1952., 1, str. 58.
58. *Izak Babelj i Tarasov-Rodionov. Dvije struje poslijeoktobarske ruske proze*. «Republika» IX, 1953., I, 4, str. 373–376.
59. *O «Hladnom tušu»*. U: Vladimir Majakovski, *Hladni tuš*, Državno izdavačko poduzeće Hrvatske; Zagreb, 1953., str. 67–70.
60. *Storia letteraria dei popoli Slavi. A cura di Enrico Damiani*. «Pogledi 53» II, 1953., 9, str. 476–477.
61. *O pravaškom radikalizmu 80-ih godina XIX stoljeća*. «Historijski zbornik» VII, 1954., str. 85–101.
62. *Dva poljska romana*. «Republika» XI, 1955., knj. II, 11–12, 995–1001.
63. «*Formalna metoda*» i njena sudbina. «Pogledi 55» IV, 1955., str. 135–147.
64. *Hrvatski Bazarovi i Neždanovi*. U: *Zbornik radova Filozofskog fakulteta u Zagrebu* III, 1955., str. 99–111.
65. *O Juriju Oleši*. «Republika» XI, 1955., II, 9, str. 733–735.
66. *Za osamostaljenje nauke o književnosti*. «Pregled» VII, 1955., II, 11–12, str. 303–310.
67. *Hrvatska novela i Turgenjev*. «Radovi Slavenskog instituta», 1956., 1, str. 31–75.

68. *Iz mlade poljske lirike*. «Krugovi» V, 1956., 2–3, str. 95–102.
69. *Majakovski na sceni. Pismo iz Moskve*. «Vjesnik u srijedu» V, 1956., 243–244, 11.
70. Picasso u Moskvi. Pismo u «Vjesniku u srijedu» V, 1956., 241, 6.
71. Pjesnički put Aleksandra Bloka. «Radio u školi», 1956., 5, str. 75–77.
72. Puškinova lirika. «Radio u školi», 1956., 5, str. 73–75.
73. Boris Tomaševski. «Umjetnost riječi» I, 1957., 4, str. 281–282.
74. Cesarec i «Lef». «Umjetnost riječi» I, 1957., 4, str. 273–280.
75. Čarobnjak iz Gel-Gjula. «Literatura», 1957., 2, str. 242–249.
76. Deset godina književnosti. Kronika poslijerevolucionarnog decenija ruske književnosti. «Republika» XIII, 1957., 11–12, str. 42–45.
77. Dvije slikarske izložbe. «Izraz» I, 1957., 6, str. 608–610.
78. N.V. Gogolj. U: N.V. Gogolj, Kabanica, Zagreb, 1957., Sloga, str. 53–57.
79. Na policama moskovskih knjižara. «Izraz» I, 1957., 7–8, str. 151–156.
80. Za potpuniju skicu svjetske književnosti. «Umjetnost riječi» I, 1957., 1, str. 75–80.
81. Književno djelo A. P. Čehova. «Republika» XIV, 1958., 7–8, str. 37–43, 55.
82. O Pasternaku bez senzacija. «Vjesnik u srijedu» VII, 1958., 340.
83. Izlet u poljsku književnost. «Republika» XV, 1959., 11–12, str. 42–46.
84. O Borisu Pasternaku. «Izraz» III, 1959., knj. V, 1, str. 77–79.
85. Pravaštvo i Rusija. «Historijski zbornik» XI–XII, 1958. – 1959., str. 105–119.
86. Prilog problemu romantičkog stila. «Umjetnost riječi» III, 1959., 1–4, str. 39–48.
87. Boris Mihajlovič Ejhenbaum. «Umjetnost riječi» IV, 1960., 2, str. 119–122.
88. Lav Tolstoj i aneksija BH. «Republika» XVI, 1960., 11–12, 19.
89. O jednom razdoblju «moderne» ruske književnosti. «Umjetnost riječi» IV, 1960., 1, str. 14–34.
90. Turgenev i hrvatskaja literatura. U: I. S. Turgenev (1818. – 1883. – 1958.), Orel 1960., str. 483–498.
91. Brjusov-Blok-Majakovski: «Poezija i revolucija». «Naše teme» V, 1961., 10, str. 1537–1540.
92. Kozmonautika i književnost. Marginalije uz suvremenu sovjetsku literaturu. «Vjesnik» XXII, 1961., 5101.
93. Novela i roman. U: Uvod u književnost, ur.: Fran Petre i Zdenko Škreb. Zagreb, 1961., Znanje, str. 421–456.
94. U korak sa stoljećem. Memoari Ilje Erenburga u časopisu «Novyj mir». «Vjesnik» XXII, 1961., str. 50–58.
95. Diskusija o književnoj terminologiji. «Umjetnost riječi» VI, 1962., 1–2, str. 117–119.
96. Motivacija i stil. «Umjetnost riječi» VI, 1962., 1–2, str. 17–49.
97. Uz pitanje nastajanja hrvatskoga realizma. (Adolfo Veber-Tkalčević: Nadala Barka). «Filologija», 1962., 3, str. 53–64.
98. Uz problem «sociološke metode» u književnosti. «Naše teme» VI, 1962., 5, str. 796–804.
99. Čovjek i povijest u Krležinim novelama. «Naše teme» VII, 1963., 5, str. 635–653.
100. In extremis. (Krleža u svjetlu književnih poređenja). «Umjetnost riječi» VII, 1963., 1, str. 31–45.
101. «Nepoznat Netko». «Radovi Zavoda za slavensku filologiju», 1963., 5, str. 47–64.

102. Poezija Sergeja Jesenjina. U: S. Jesenjin, Pjesme, Zagreb, 1963., Matica hrvatska, str. 193–212.
103. In extremis. (Krleža u svjetlu književnih poređenja). U: Krležin zbornik, ur.: Ivo Frangeš i Aleksandar Flaker, Zagreb, 1964., Naprijed, str. 135–151.
104. «Nepoznat Netko». (O jednoj analognoj pojavi u ruskoj i hrvatskoj književnosti). U: Krležin zbornik, ur.: Ivo Frangeš i Aleksandar Flaker, Zagreb, 1964., Naprijed, str. 53–74.
105. Maria Renata Mayenowa, O szytce czytania wierszy, Wiedza powszechna, Warszawa, 1963. «Umjetnost riječi» VIII, 1964., 3, str. 231–235.
106. Ruska sovjetska književnost danas. «Knjiga i knjižnica» I, 1964., 5–6, str. 1–5.
107. Henryk Markiewicz: «Główne problemy wiedzy o literaturze» Krakow 1965. «Umjetnost riječi» IX., 1965, 2–3, str. 233–236.
108. Iz problematike književnoga poređivanja. «Umjetnost riječi» IX, 1965., 4, str. 319–332.
109. Iz problematike periodizacije (Pravac, stilska područja, razdoblje). «Umjetnost riječi» IX, 1965., 4, str. 313–332.
110. O ciljevima poredbenih istraživanja kod nas. «Umjetnost riječi» IX, 1965., 4, str. 322–325.
111. O «Ratu i miru». U: L.N. Tolstoj, Rat i mir, Zagreb, 1965., Naprijed, str. 811–819.
112. O Šolohovu u Leipzigu. «Umjetnost riječi» IX, 1965., 2–3, str. 229–232.
113. Sovjetska književnost u Jugoslaviji (1918–1941). «Radovi Zavoda za slavensku filologiju», 1965., 7, str. 31–70.
114. Zdenek Mathauer «Umení poezie, Vladimir Majakovskij a jeho doba», Praha 1964. «Umjetnost riječi» IX, 1965., 2–3, str. 237–239.
115. Niektoré tendencie súčasnej chorvátskej literárnej vedy. «Slovenská literatúra» XII, Bratislava, 1965., 6, str. 588–593.
116. Tvorčestvo Mihaila Šolohova v Jugoslavii. U: Naučnye doklady vysšej školy. Filologičeskie nauki, Moskva, 1965., 4, str. 16–19.
117. Književnost hrvatskog preporoda prema sentimentalizmu., «Kolo» IV, 1966., 8–10, str. 215–225.
118. Novija hrvatska književnost prema europskim književnostima. «Umjetnost riječi» VIII, 1966., 3–3, str. 183–199.
119. Die jugoslawischen Literaturen und das Schaffen Michail Scholochows u: Michail Scholochow. Werk und Wirkung. Materialien des Internationalen Symposiums «Scholochow und wir». Leipzig, 1966., str. 223–231.
120. Marfa Posadnica Karamzina v horvatskoj literature. U: Rol' i značenje literature XVIII veka v istohi ruskoj kul'tury. K 70-letiju so dnja roždenija člana korrespondenta AN SSSR P. N. Berkova, Moskva-Leningrad, 1966., str. 272–279.
121. Hrvatski pjesnici i Sergej Jesenjin (1918. – 1941.). «Radovi Zavoda za slavensku filologiju Sveučilišta – Zagreb», 1967., 9, str. 5–19.
122. Nacrt za periodizaciju novije hrvatske književnosti. «Umjetnost riječi» XI, 1967., 3, str. 217–228.
123. O sovjetskoj avangardi. Međunarodni simpozij u Modroj kod Bratislave, 3–5. X. 1967. «Umjetnost riječi» XI, 1967., 4, str. 351–355.
124. Stilske formacije i društvena funkcija književnosti. «Filološki pregled» V, 1967., 1–4, str. 15–20.

125. Sovetska literatura v Jugoslavii s 1918 po 1934 god., «Sovetskoe slavjanovedenie», Moskva, 1967., 6, str. 21–26.
126. Sovetska literatura v Jugoslavii (1934–1941). U: Oktjabr'skaja revolucija i slavjanske literature. Sbornik statej, Moskva, 1967., str. 180–192.
127. Hrvatski susreti s Maksimom Gorkim. «Forum» VII, 1968., knj. XV, 5–6, str. 731–740.
128. O tipologiji romana. «Umjetnost riječi» XII, 1968., 3, str. 207–216.
129. Osebnost hrvatskog književno-povijesnog procesa XIX. stoljeća. «Radovi Zavoda za slavensku filologiju», 1968., 10, str. 69–85.
130. Sovjetska croatica. «Mogućnosti» XV, 1968., 9–10, str. 1258–1260.
131. Zenit i sovjetska književnost. «Mogućnosti» XV, 1968., 9–10, str. 1216–1227.
132. Dmitrij Tscheižewskij: Vergleichende Geschichte der slavischen Literaturen. «Umjetnost riječi» XIII, 1969., 1–2, str. 137–141.
133. Hrvatska književnost i Turgenjev. U: I. S. Turgenjev, Očevi i djeca. Uoči novih dana, Zagreb, 1969., Stvarnost, str. V–XVIII.
134. In extremis (Krlježa im Lichte literarischer Vergleiche). «The Art of the Word», Special Issue XIII, 1969., str. 83–200.
135. O «formalnoj metodi» sa zakašnjenjem. «Književna smotra» 1, 1969., 1, str. 59–62.
136. O minijaturama Danila Harmsa. (Poetika apsurda u sovjetskoj književnosti). «Forum» VIII, 1969., 4–5, str. 683–688.
137. Stilevaja formacija (K voprosu ob odnom literaturovedčeskom termine). «Slavica Slovaca» IV, 1969., 2, str. 117–122.
138. Hljebnikovljeve Svećenik cvijeća. «Književna smotra» II, 1970., 3, str. 87–88.
139. Hrvatska književna ljevica i književni programi međunarodnog radničkog pokreta (Nacrt za moguće proučavanje). U: Sveučilište i revolucija, Zagreb, 1970., str. 56–63.
140. Hrvatska književnost unutar evropskih književnosti u devetnaestom i dvadesetom stoljeću. U: Hrvatska književnost prema evropskim književnostima od narodnog preporoda k našim danima, ur.: Aleksandar Flaker i Krunoslav Pranjić, Zagreb, 1970., Liber, str. 7–18.
141. Prijevodi s ruskoga i hrvatska književnost. U: Hrvatska književnost prema evropskim književnostima od narodnog preporoda k našim danima, ur.: Aleksandar Flaker i Krunoslav Pranjić, Zagreb, 1970., Liber, str. 259–280.
142. Počeci krize i raspadanje ruskog realizma. «Zbornik Matice srpske za slavistiku», 1970., 1, str. 16–26.
143. Ukrajinska književnost u Hrvatskoj. Bilješke uz građu iz XIX. stoljeća. «Croatica» 1, 1970., 1, str. 195–209.
144. Viktor Vladimirovič Vinogradov (In memoriam). «Slovo», 1970., 20, str. 111–112.
145. Hrvatskie vstreči s Maksimom Gor'kim. U: Gor'kij i sovremennost'. Sbornik statej, Moskva, 1970., str. 360–362.
146. K tipologii literaturnyh učenij dvadcatyh godov. «Slavica Pragensia» XII, 1970., Acta Universitatis Carolinae – Philologica, 2–4, str. 285–294.
147. Je li nam pojam avangarda potrebna? «Umjetnost riječi» XV, 1971., 2, str. 153–160. Kratkotrajna dogmatska rešenja. Dijalog na temu: Ideologija i stvaranje. «Politika» LXVIII, 1971., 20–38, str. 19–20.
148. Sovjetske književne doktrine dvadesetih godina. U: Književna kritika i marksizam. Zbornik radova, Beograd, 1971., Prosveta, str. 109–120.
149. Viktor Maksimovič Žirmunski. «Zbornik za slavistiku» 1971., 2, str. 205–207.

150. K voprosu o ruskom avangarde. «Annali della Facolta di lingue e letterature straniere di Ca'Foscari» X, 1971., 1–2, str. 85–97.
151. Dijalekt kao osporavanje. «Dometi» V, 1972, 3–4, str. 44–53.
152. Dostojevski u Mlecima. «Umjetnost riječi» XVI, 1972, 2–3, str. 221–226.
153. Dvije analize ruskog pjesništva. V. Žirmunski i J.M. Lotman. «Književna smotra» IV, 1972., 11, str. 70.
154. Krleža o Dostojevskom. U: Zbornik radova posvećen 7. Kongresu jugoslaven-skih slavista, Zagreb, 1972., Hrvatsko filološko društvo, str. 55–62.
155. O strukturi «mlade proze». U: 7. međunarodni kongres slavista. Warszawa. Pri-lozi, Zagreb, 1973., Hrvatsko filološko društvo, str. 49–70.
156. Ruska moderna književnost. U: Ivan Slamnig, Svjetska književnost zapadnoga kruga, Zagreb, 1973., Školska knjiga, str. 231–240.
157. Ruski realizam. U: Ivan Slamnig, Svjetska književnost zapadnoga kruga, Za-greb, 1973., Školska knjiga, str. 172–186.
158. Der russische Formalismus – Theorie und Wirkung. U: Zur Kritik literaturwis-senschaftlicher Methodologie, ur.: Viktor Žmegač i Zdenko Škreb, Frankfurt / Main, 1973., Athenäum, str. 115–136.
159. Hrvatska proza u trapericama. U: Zbornik Zagrebačke slavističke škole, 2, 1974., 2, str. 115–124.
160. Avangarda u evropskoj književnosti i likovnoj umjetnosti od 1900. do 1930., Inn-sbruck, 21–24. V. 1975., «Umjetnost riječi» XX, 1974., 1, str. 93–97.
161. Novija ruska književnost. U: Povijest svjetske književnosti 7, ur.: Aleksandar Flaker, Zagreb, 1975., Liber, str. 269–404.
162. Književnost drugih kavkaskih naroda. U: Povijest svjetske književnosti 7, ur.: Aleksandar Flaker, Zagreb, 1975., Liber, str. 619–625.
163. Njemačke traperice u Poljskoj. «Književna smotra» VII, 1975., 22, str. 3–10.
164. Horvatskaja literatura XIX veka i ruski realizm. U: Rusko-jugoslavskie literaturnye svjazi. Vtoraja polovina XIX – načalo XX veka, Moskva, 1975., Nauka, str. 24–34.
165. Kondrat Majdannikov i Moskva. (K strukture odnoj iz glav «Podnjatoj celiny»). U: Mi-hail Šolohov. Stat'i i issledovanija, Moskva. 1975., Hudožestvennaja literatura, str. 311–321.
166. Między empirią a konstrukcją w «prozie w dżinsach». «Ruch literacki» XVI, 1975., 4 (91), str. 241–247.
167. Stylistic Formation, Acta Comparationis Litterarum Universarum, Budapest, 1975., «Neohelicon», 1–2, str. 183–207.
168. Čvrsto strukturirane traperice. «Književna smotra» VIII, 1976., 24, str. 38–44.
169. Futurizam, ekspresionizam ili avangarda u ruskoj književnosti. «Zbornik za slavi-stiku» 1976., 11, str. 7–14.
170. Hrvatska proza u trapericama. «Zbornik Zagrebačke slavističke škole» II, 1976., knj. II, str. 115–123.
171. Znanstvena sjednica o evropskoj avangardi. «Umjetnost riječi» XX, 1976., 1, str. 93–97.
172. Die slavischen Literaturen 1870–1900. U: Neues Handbuch der Literaturwissens-chaft, ur.: Klaus von See, sv. 18: Jahrhundertende – Jahrhundertwende (Dio 1), Wie-sbaden, 1976., Athenaion, str. 311–358.
173. Die slavischen Literaturen zur Zeit des Modernismus. Das Auftreten der Avant-garde und des Expressionismus. U: Neues Handbuch der Literaturwissenschaft, sv. 18 (Dio 2), str. 391–428.
174. Übersetzungen aus dem Russischen und die kroatische Literatur. 1836–1892.

- «Zeitschrift für Slawistik» XXI, 1976., 2, str. 213–228.
175. Kobna povijest Mandelštamova. «Izraz» XXI, 1977., 8–9, str. 1090–1102.
176. Krležina pjesma Karlu Liebknechtu i pjesnički modeli avangarde. «Zbornik za slavistiku», 1977., 12, str. 61–74.
177. Oberiu. Bilješka na marginama ruske avangarde. «Izraz» XXI, 1977., 1–2, str. 175–179.
178. Oblak u hlačama kao prevrednovanje svijeta. «Umjetnost riječi» XXI, 1977., 1–3, str. 85–92.
179. Putevi ruske avangarde. «Politika» LXXIV, 1977., 23–41, 3.
180. Ruski formalizam i poslije njega. U: I. Ambrogio, Formalizam i avangarda u Rusiji, Zagreb, 1977., Stvarnost, str. 229–251.
181. Stilformation und gesellschaftliche Funktion der Literatur. «Umjetnost riječi» 1977., Izvanredni svezak «Rezeptionsästhetik und Literaturgeschichte», str. 83–93.
182. Hljebnikovljeva igra s prostorom i vremenom. «Književna smotra» X, 1978., 30, str. 82–88.
183. Hrvatska književnost prema avangardi i socijalno angažiranoj književnosti. U: Hrvatska književnost u evropskom kontekstu, ur.: Aleksandar Flaker i Krunoslav Pranjić, Zagreb, 1978., Zavod za znanost o književnosti Filozofskog fakulteta Sveučilišta u Zagrebu / SN Liber, str. 449–524.
184. Krležino moskovsko proljeće. «Naše teme» XXII, 1978., 9, str. 2140–2148.
185. Futurismus, Expressionismus oder Avantgarde in der russischen Literatur. U: «Expressionismus» im europäischen Zwischenfeld, ur. Zoran Konstantinović, Innsbruck, 1978., Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft, Sonderheft 43, str. 101–108.
186. Struktura kul'tury horvatskogo nacional'nogo vrozozhenija. U: Slavjanskije kul'tury v epohu formirovanija i razvitija slavjanskih nacij XVIII – XIX vv. Materialy mezdunarodnoj konferencii JUNESKO. Moskva, 1978., str. 48–56.
187. Kako funkcionira avangardni tekst ili «O tome». «Književna kritika» X, 1979., 1, str. 68–76.
188. Die Kriminalromane von Pavao Pavličić. «Most», 1979., 1–2, str. 130–131.
189. Revoljucionnyj «Kreml'» Miroslava Krleži. U: Velikij Oktjabr' i literaturnyj process sovremennoj epohi, 1917–1977, Moskva, 1979., str. 287–293.
190. Književna avangarda i slikarstvo. «Umjetnost riječi» XXIV, 1980., 1, str. 11–17.
191. Prozne sedamdesete. «Dometi» XIII, 1980., 6, str. 5–10.
192. Zamjatin i Krleža. «Književna smotra» XII, 1980., 40, str. 33–36.
193. Stilevaja formacija. U: Dejstvitel'nost'. Iskusstvo. Tradicii. Literaturno-hudožestvennaja kritika v SFRJU, Moskva, 1980., «Progress», str. 27–53.
194. Babeljeva «Crvena konjica». U: I. Babelj, Crvena konjica / Odeske priče, Zagreb, 1980., SN Liber, str. 261–268.
195. In extremis, Krleža im lichte literarischer Vergleicht u: Vergleichende Literaturforschung in den sozialistischen Ländern (1983–1979), r. G.R. Kaiser, Stuttgart, 1980., str. 21–36. (Pretisak iz «The Art of the Word». Selected Studies, Zagreb, 1969.).
196. Salinger's Model in East European Prose. U: Fiction and drama in Eastern and Southeastern Europe. Evolution and Experiment in the Postwar Period. Ed. H. Birnbaum and Th. Eekman. Columbus, Ohio, 1980., Slavica Publishers, Inc., str. 151–160.
197. Iz hrvatsko-ukrajinske bilježnice. «Književna smotra» XII, 1980., str. 73–81.
198. Avangarda i romantizam. U: Obdobje romantike v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi (tipološka problematika ob jugoslovanskem in širšem evropskem kontekstu). Međunarodni simpozij v Ljubljani od 26. do 28. Junija 1980., Ljubljana, 1981., Filozofska fakulteta, str. 47–56.
199. Cesarec i Mejerhold. «Most» (Mostar) VIII, 1981., 37, str. 59–66.

200. Književne vrste ruske avangarde. «Umjetnost riječi», 1981., Izvanredni svezak Književnost, avangarda, revolucija. Ruska književna avangarda XX. stoljeća, str. 255–260.
201. Poslije avangarde. «Umjetnost riječi», 1981., Izvanredni svezak Književnost, avangarda, revolucija. Ruska književna avangarda XX. stoljeća, str. 493–496.
202. Nova hrvatska proza. (Prilog diskusiji). «Treći program Radio Beograda» III, 1981., 50, str. 28–38.
203. Ruski Joyce. «Godišnjak Odjeljenja za književnost – Institut za jezik i književnost u Sarajevu», 1981., knj. X, str. 21–32.
204. Az Avantgarde hatalma és teketetlensége. «Literatura» (Budapest) IX, 1981., 1–2, str. 21–24.
205. Avant-garde Literature and Painting. U: Proceedings of the IXth Congress of the International Comparative Literature Association 3, Innsbruck, 1981., str. 175–179.
206. Ejzenštejn i Joyce. Film i književnost. «Književna smotra» XIV, 1982., 45, str. 71–74.
207. O položaju znanosti o književnosti. «Književne novine» XXXIV, 1982., 640, str. 12–13.
208. «Jeans-Prosa» in den slavischen Literaturen und in der DDR. U: Gegenwartsliteratur in Osteuropa und der DDR (R. D. Kluge, Hrsg.), München, 1982., Günter Olzog Verlag, str. 99–108.
209. Le falsificazioni letterarie. «Nuova Rivista Europea» VI, 1982., 29/30, str. 49–56.
210. Notes sur l'étude de l'avant-garde. «Revue de Littérature Comparée» XVI, 1982., 2, str. 125–138.
211. Sovremennaja horvatskaja hudožestvennaja kul'tura i nacional'naja tradicija. U: Sovremennye slavjanskije kul'turv: razvitie, vzaimodejstvie, meždunarodnyj kontekst, Kiev, 1982., Naukova dumka, str. 125–130.
212. Railway Lyrics: The Slavic Forms. U: «Canadian Review of Comparative Literature» IX, 1982., 2, str. 172–187.
213. Babel' i Malevič. Sopostavlenie. «Wiener slawistischer Almanach» 10, 1982., str. 253–269.
214. Antinomije “Zenita”. «Književna reč» XI, 1983., 207, str. 1,10.
215. Krležine mađarske vedute. «Polja» XXIX, 1983., 291, str. 227, 229–230.
216. Novela i roman. U: Uvod u književnost, ur.: Zdenko Škreb i Ante Stamać, III. izdanje, Zagreb, 1983., Grafički zavod Hrvatske, str. 429–489.
217. Od «Taljiga života» do «Velikog putovanja». «Croatica» IV, 1983., 19, str. 35–45.
218. The Croatian Avant-garde. «Russian Literature» XIV–I, 1983., str. 1–6.
219. Kosovelova konstruktivna poezija i jugoslavenski kontekst u: Obdobje ekspresionizma v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi (tipološka problematika ob jugoslovanskem in širšem evropskem kontekstu). Međunarodni simpozij v Ljubljani od 30. Junija do 2. Julija 1983, Ljubljana, 1983., Filozofska fakulteta, str. 173–182.
220. Gundulićev model likovnog baroka. U: Festschrift für Nikola R. Pribić, Neuwied, 1983., Hieronymus, str. 115–123.
221. Susret s Matjušinom i Filonovom. «Čovjek i prostor» XXIX, 1983., 366, str. 24–25.
222. Između modeme i avangarde. «Književna smotra» XV, 1983., 50, str. 3–7.
223. Optimalna projekcija. U: Pojmovnik ruske avangarde 1, ur.: Aleksandar Flaker i Dubravka Ugrešić, Zagreb, 1984., Grafički zavod Hrvatske / Zavod za znanost o književnosti Filozofskog fakulteta u Zagrebu, str. 107–116.
224. Byt (Svagdan). U: Pojmovnik ruske avangarde 2, ur.: Aleksandar Flaker i Dub-

- ravka Ugrešić, Zagreb, 1984., Grafički zavod Hrvatske, str. 9–21.
225. Konstruktivnost' Gologo goda. «Russian Literature» XVI, 1984., I, str. 67–80.
226. Matošev dehijerarhizirani svijet. «Umjetnost riječi» XXVIII, 1984., 3, str. 193–200.
227. «Ditë» Vsevoloda Ivanova, ne stavšee vzroslym. U: Russische Erzählung – Russian Short Story – Russkij rasskaz, ur. R. Grüibel, Amsterdam, 1984., Rodopi, str. 357–372.
228. Nekrolog ruskom formalizmu. «Danas» 149, 1984., str. 56–57.
229. The Croats and Alexander Herzen. U: Alexander Herzen and European Culture. Proceedings of an International Symposium, Nottingham & London, 6–12 September, 1982., ur. M. Partridge, Cotgrave, 1984., str. 187–199.
230. Putešestvie v stranu živopisi. Mandel'stam o francuzskoj živopisi. U: «Wiener Slawistischer Almanach», 1984., 14, str. 167–178.
231. Die serbische und die kroatische Literatur. U: Propyläen Geschichte der Literatur, sv. 5: Das bürgerliche Zeitalter 1830–1914, Berlin, 1984., str. 391–412.
232. Avangardni manifest kao književna vrsta. U: Književni rodovi i vrste – teorija i istorija, I, Beograd, 1985., Institut za književnost i umetnost, str. 127–136
233. Hljebnikov na likovnoj izložbi. «Književna reč» XIV, 1985., 266, str. 17–18.
234. Metamorfoza. U: Pojmovnik ruske avangarde 3, ur.: Aleksandar Flaker i Dubravka Ugrešić, Zagreb, 1985., Grafički zavod Hrvatske/Zavod za znanost o književnosti Filozofskog fakulteta u Zagrebu, str. 47–60.
235. Književnost/slikarstvo. U: Pojmovnik ruske avangarde 4, ur.: Aleksandar Flaker i Dubravka Ugrešić, Zagreb, 1985., Grafički zavod Hrvatske / Zavod za znanost o književnosti Filozofskog fakulteta u Zagrebu, str. 64–82.
236. Kronotop Opatija. «Književne novine» XXXVI, 1985., 700–701, str. 16.
237. Prilozi u Rečniku književnih termina, Beograd, 1985., Institut za književnost i umetnost: Stilska formacija (766), Romantizam (677–682), Realizam (630–634), Socijalistički realizam (742–743), Postupak književni (585–586), Ruski formalizam (685–686), Očudenje (501), Arzamas (51), Roman (664–667), RAPP (627), Akmeizam (9), Futurizam ruski (214), Kubofuturisti (384–385), Imažinisti (263), LEF (391), Konstruktivizam (371–372), Proletkult (609), Ilirizam (261).
238. Pisatel' i galereja (k voprosu o sootnošenii literatury i živopisi). U: Slavjanskije kul'tury i mirovoj kul'turnyj process. Materialy meždunarodnoj konferencii JUNE-SKO, Minsk, 1985., str. 285–289.
239. Krleža i slikarstvo. «Republika» XXXXI I, 1986., 1–2, str. 91–103.
240. Nomadi ljepote. «Umjetnost riječi» XXX, 1986., 3, str. 253–260.
241. Novija ruska književnost. U: Ruska književnost, ur. Aleksandar Flaker, Zagreb, 1986., SN Liber, str. 37–148.
242. Umjetnička proza. U: Uvod u književnost, ur.: Zdenko Škreb i Ante Stamać, Zagreb, 1986., Globus, str. 335–377.
243. Byt. «Russian Literature» XIX, 1986., 1, str. 1–13.
244. Shklovsky and the History of Literature: A Footnote to Ehich's Russian Formalism. U: Russian Formalism: A Retrospective Glande. A Festschrift in Honor of Victor Erlich, New Haven, Connecticut, 1986., str. 57–67.
245. Babelj / poljska sakralna umjetnost. U: Pojmovnik ruske avangarde 5, ur.: Aleksandar Flaker i Dubravka Ugrešić, Zagreb, 1987., Grafički zavod Hrvatske / Zavod za znanost o književnosti Filozofskog fakulteta u Zagrebu, str. 179–190.
246. Berlinski intermezzo Miroslava Krleže. «Revija» XXVII, 1987., 5, str. 426–434.

247. Gorenčević, Krleža i mađarsko slikarstvo. «Republika» LIII, 1987., 5–6, str. 33–40.
248. Moskovskaja vesna Miroslava Krleži. «Most», 1987., 2, str. 10–14.
249. Pretpostavke socijalističkog realizma. «Književna smotra» XX, 1987., 65–66, str. 5–10.
250. Ulica: novi mit avangarde. Majakovski, Hlebnjikov, Krleža. «Republika» XXXXIII, 1987., 1–2, str. 34–43.
251. Pobjeda šuta nad teurgom (Na gorach i Ananas Andreja Belogo). U: Andrej Belyj. Pro et contra, Atti del 1o Simposio Internazionale Andrej Belyj, Bergamo Istituto Universitario, 14–16 Settembre 1984, Milano, 1987., str. 87–98.
252. Bezimeni nacrt periodizacije evropske književnosti poslije 1945. «Umjetnost riječi» XXXII, 1988., 1, str. 33–37.
253. Ikonično pamćenje u Krležinim snovima. U: Intertekstualnost i intermedijalnost, ur.: Zvonko Maković, Magdalena Medarić, Dubravka Oraić, Pavao Pavličić; Zagreb, 1988., Zavod za znanost o književnosti Filozofskog fakulteta u Zagrebu, str. 21–30.
254. Krležin barok. U: Književni barok. (Proučavanje baroka na Filozofskom fakultetu u Zagrebu), ur.: Živa Benčić i Dunja Fališevac, Zagreb, 1988., Zavod za znanost o književnosti Filozofskog fakulteta u Zagrebu, str. 341–354.
255. Estetički vyzov i estetičkaja provokacija. «Russian Literature» XXIII, 1988., 2, str. 89–100.
256. Krležas maskierter Moskauer Text. U: Kryptogramm. Zur Asthetik des Verborgenen, ur.: Renate Lachmann i Igor Smirnov, «Wiener Slawistischer Almanach», 1988., 21, str. 81–90.
257. Russkaja literatura v universitetah Horvatii. U: Russkaja klasičeskaja i sovjetskaja literatura za rubežom (izučenie, prepodavanje, ocenka), ur. E.Z. Cybenko, Moskva, 1988., str. 43–48.
258. Estetski izazov / estetska provokacija. U: Pojmovnik ruske avangarde 6, ur.: Aleksandar Flaker i Dubravka Ugrešić, Zagreb, 1989., Grafički zavod Hrvatske / Zavod za znanost o književnosti Filozofskog fakulteta u Zagrebu, str. 71–84.
259. Konstruktivni roman / dvadesete godine. U: Pojmovnik ruske avangarde 7, ur.: Aleksandar Flaker i Dubravka Ugrešić, Zagreb, 1990., Grafički zavod Hrvatske / Zavod za znanost o književnosti Filozofskog fakulteta u Zagrebu, str. 95–106.
260. «Erotika». U: Pojmovnik ruske avangarde 8, ur.: Aleksandar Flaker i Dubravka Ugrešić, Zagreb, 1990., Grafički zavod Hrvatske / Zavod za znanost o književnosti Filozofskog fakulteta u Zagrebu, str. 65–76.
261. Kroatische Zeugnisse über Mejerchold des Theater. U: Drama und Theater, Theorie-Methode-Geschichte, München, 1991., str. 394–407.
262. Der Erasmische Konflikt. Miroslav Krleža und Erasmus von Rotterdam. «Russian Literature» XXX, Amsterdam, 1991., str. 21–28.
263. Bilješka o menipeji. «Umjetnost riječi» 36, 1992., 4; str. 293–302.
264. Uz pitanje intermedijalnosti hrvatske avangarde. «Republika» XLIX, 1993., 3–4, str. 66–72.
265. Beč u hrvatskoj književnosti 19. i 20. st. «Forum» 32, 1993, knj. 65, 7/9; str. 466–501.
266. Die Spirale als optimale Projektion. U: Vladimir Tatlin. Leben, Werk, Wirkung, Köln, 1993., 64–68, str. 315–318.
267. Tertium comparationis: Pasternak, Ljubo Babić, Tintoretto. U: Intertekstualnost & Autoreferencijalnost, ur.: Dubravka Oraić-Tolić i Viktor Žmegač, Zagreb, 1993., str. 125–134.
268. Spirala – optimalna projekcija. U: Pojmovnik ruske avangarde 9, ur.: Aleksandar Flaker i Dubravka Ugrešić, Zagreb, 1993., Grafički zavod Hrvatske / Zavod za znanost o književnosti Filozofskog fakulteta u Zagrebu, str. 173–178.
269. Thesen zur Periodisierung der russischen Literatur 1892–1953. «Wiener Slawisti-

- scher Almanach» XXXII, 1993., str. 115–128.
270. O željezničkoj prozi i pruži (Fabrio, Smrt Vronskoga). «Vijenac» 12, 1994., str. 7.
271. Avangard slovesnyj i avangard izobrazitel'nyj. Cvetaeva o Gončarovoj. «Russian Literature», 1994., 1, str. 1–12.
272. Krležini gradovi. «Forum» XXXIII, 1994., str. 85–92.
273. Proučavanje početaka moderne u hrvatskoj, srpskoj i slovenskoj književnosti (1970–1989). «Wiener Slawistisches Jahrbuch» 39, 1994., str. 7–12.
274. Hrvatska zaraćena književnost (1989–1993). «Republika» L, 1994., str. 9–10.
275. Blok i Madonna. «Književna smotra» XXVI, 1994., 92–94, str. 126–130.
276. Zagadka skriпки Pikasso. «Europa Orientalis» XIII, 1994., str. 93–104.
277. Avangarda između Züricha i Moskve (Srednja Europa). «Kontura» IV (poseban prilog), 1994., str. 9–13.
278. Magareći rep. O nazivu jedne skupine. U: Ludizam. Zagrebački pojmovnik kulture 20. stoljeća, Zagreb, 1996., Zavod za znanost o književnosti / Slon., str. 347–354.
279. Pravaštvo i recepcija ruske književnosti u osamdesetim godinama. «Forum» XXXV, LXVIII, 1996., str. 526–534.
280. Ikoničnost Matoševa soneta. «Republika» LM, 1996., 3–4, str. 214–221.
281. Pismoslike u književnosti. «Republika» LII, 1996., 3–4, str. 87–97.
282. Književne vedute. «Književna smotra» XXVIII, 1996., 99 (1), str. 3–8.
283. O Mykoli Hvyľ'ovom i ukrajinskoj avangardi. «Kolo» 6, 1997., 3; str. 268–281.
284. The Adriatic sources of the Croatian literary avant-garde. «Most» II 1997., 1/2; str. 152–156.
285. Pismoslike u književnosti. U: Hijerarhija. Flaker, A.; Medarić, M. (ur.). Zagreb: Zavod za znanost o književnosti, 1997., str. 55–69.
286. O kipu koji je pokrenuo književnost. «Književna smotra» 30, 1998., 4(110); str. 65–68.
287. Matoš na prijelomu stoljeća. «Umjetnost riječi» XLIII, 2000., 1; str. 159–168.
288. Karikirani gradovi. «Književna smotra» 4, 2001., 122; str. 23–29.
289. Globalni simultanzizam. U: Simultanzizam. Flaker, A.; Vojvodić, J. (ur.). Zagreb: Naklada Slap, Filozofski fakultet u Zagrebu, 2001.
290. Corto Maltese u Sibiru / Hugo Pratt. Zagreb: Ceres, 2001.
291. Literarni prostor «nacionalnih» romantičara (Mickiewicz, Puškin, Prešeren, Mažuranić). U: France Prešeren – kultura – Evropa. Ljubljana: SAZU 2002, str. 75–87.
292. Književne vedute, ruske, mletačke. U: Vizualnost, ur: A. Flaker, J. Užarević, Zagreb / Jastrebarsko: Filozofski fakultet / Slap, 2003; str. 93–108.
293. O Kleistovoj suvremenosti. «Književna smotra» XXXV, 2003, 127(1); str. 131–132.
294. Kurort kak hronotop. U: «Russian Literature», LIV, 2003.; str. 119–127.

Сведения об авторе:

Josip Užarević,
PhD
Redovni profesor
Fakultet društvenih i humanističkih znanosti
Sveučilište u Zagrebu, Hrvatska

Josip Užarević,
PhD
Full Professor
Faculty of Social Sciences and Humanities
University of Zagreb, Croatia

juzarevi@ffzg.hr

А.А. Мухина (Москва, Россия)

**Зоя Космодемьянская – Груня Фридрих – Христина Орлецова:
трансформация советского мифа в драме и романе Бориса Пастернака**

Аннотация: Статья посвящена трансформации советского мифа о Зое Космодемьянской в драме «Этот свет» (1942) и романе «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака. В пьесе история подвига Зои «передана» невесте Иннокентия Дудорова Груне Фридрих – «девушке из казаков», в романе – Христине Орлецовой. В концепции драмы и романа Б.Л. Пастернака Зоя – Груня – Христина становятся искупительницами не столько мнимого родового греха, сколько всей подлинной греховности предвоенных советских лет. Так, отталкиваясь от творимого на его глазах советского мифа, Пастернак возводит судьбу героинь к христианскому житийному канону, разным образом трансформируемому в культуре разных эпох.

Ключевые слова: Зоя Космодемьянская, Груня Фридрих, Христина Орлецова, Иннокентий Дудоров, советская мифология

A.A. Mukhina (Moscow, Russia)

**Zoya Kosmodemyanskaya – Grunja Friedrich – Christina Orletsova:
transformation of the Soviet myth
in the drama and in the novel of Boris Pasternak**

Abstract: The article is devoted to the transformation of the Soviet myth about Zoya Kosmodemyanskaya in the drama ‘This light’ (1942) and in the novel ‘Doctor Zhivago’ by Boris Pasternak. In the drama the story of Zoya’s feat is transferred to Innokentiy’s Dudorov bride Grunja Friedrich “cossack girl”, in the novel – to Christina Orletsova.

In the concept of drama and novel by Boris Pasternak Zoya – Grunja – Christina become redeemers not so much of imaginary tribal sin but of all the true sinfulness of the prewar Soviet years. Thus, starting from the Soviet myth, Pasternak raises the heroines’ fate to the Christian life canon, differently transformed in the culture of different eras.

Key words: Zoya Kosmodemyanskaya, Grunja Friedrich, Christina Orletsova, Innokentiy Dudorov, Soviet mythology

В бумагах Б.Л. Пастернака сохранился очерк Петра Лидова «Ганя», опубликованный в газете «Правда» 27 января 1942 г.¹ В нем впервые рассказывалось о

¹ *Быков Д.Л.* Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 605–606.

судьбе Зои Космодемьянской, которой заинтересовался Пастернак: линия героической партизанки появляется в его пьесе «Этот свет» уже в Чистополе, в 1942 г., т. е. еще до того, как в конце лета 1943 г. он побывал на фронте в расположении Третьей армии, освободившей Орел, и собирал материалы о жизни и смерти Зои Космодемьянской¹. Ряд воспоминаний свидетельствует о том, что Пастернак хотел написать «пьесу о Зое Космодемьянской, о школьнице, о войне»². Однако можно предположить, что не все детали судьбы Космодемьянской были известны Пастернаку: в источниках военных лет, разумеется, не говорилось ни о ее происхождении (дед был священником, погибшим в первые годы советской власти), ни о мытарствах семьи, которая была вынуждена, спасаясь от ареста по доносу, бежать в Сибирь, но позже вернулась в Москву³. Не упоминается об этом ни в «невыдуманной поэме» М.И. Алигер «Зоя» (в предисловии говорится о том, что «она писалась по горячему следу короткой жизни и героической смерти Зои»⁴), ни в написанной позже матерью Зои «Повести о Зое и Шуре». С этими двумя произведениями, а также с целым рядом других текстов о Зое Космодемьянской отчасти корреспондирует пастернаковская история Груни Фридрих, позже – Христины Орлецово́й.

Впервые история подвига Зои отражается в незавершенной пьесе «Этот свет» (1942), замысел которой был одной из ступеней к роману «Доктор Живаго». Первым подступом к драматическому замыслу можно считать стихотворение «Старый парк» (1941), герой которого, раненый рядовой или офицер, попав в госпиталь и оглядевшись по сторонам, понимает, что госпиталь – его бывшая родовая усадьба. Он вспоминает себя в детстве, размышляет об истории своего рода и своем будущем:

Сам же он напишет пьесу,
Вдохновенную войной⁵, –
Под немолчный ропот леса,
Лежа, думает больной.
Там он жизни небывалой
Невообразимый ход
Языком провинциала
В строй и ясность приведет.
(1941; II, 123)

В черновом варианте этого текста, подаренном Б.Л. Пастернаком А.К. Гладкову, была еще и такая строфа:

Вся его мечта в театре.
Он с женою и детьми
Тайно года на два, на три
Сгинет где-нибудь в *Перми*...
(II, 418)

Отметим, что именно Пермь станет прообразом Юрятина в «Докторе Живаго»; там герой с женой и сыном, а затем с Ларой и ее дочерью мечтает затеряться,

¹ Борисов В.М. Река, распахнутая настезь. К творческой истории романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго» М.: Книжная палата, 1989: www.infoliolib.info/philol/borisov/borisov.html (дата обращения: 12.05.2017).

² Пастернак Б.Л. Полн. собр. соч. с приложениями: В 11 т. Т. 5. М.: Слово, 2005. С. 623. Далее том и страница указываются в скобках по этому изданию римскими и арабскими цифрами соответственно.

³ Успенский В.Д. Зоя Космодемьянская. М.: Молодая гвардия, 1989. С. 14.

⁴ Алигер М.И. Стихотворения и поэмы. Л.: Лениздат, 1948. С. 5.

⁵ Здесь и далее курсив наш. – А.М.

незаметно согнуть до тех пор, пока хоть в какой-то мере восстановится пошатнувшийся порядок жизни. Попытка эта в романе отнесена не к Великой Отечественной, а к гражданской войне, и тем не менее такая переключка представляется неслучайной. В марте 1942 г. Б.Л. Пастернак в письме к своей бывшей жене Е.В. Пастернак пишет о замысле пьесы уже от первого лица: «Мне хочется написать пьесу и повесть, поэму в стихах и мелкие стихотворения. Это настроение, может быть, предсмертное, последнего года и последних довоенных месяцев, которое еще ярче разгорелось в войну» (IX, 269).

Замысел драмы «Этот свет» связан с топосом и традицией русской усадьбы, что для середины XX в., конечно же, очевидный анахронизм (а для советской драматургии ситуация, кажется, уникальная). В старой усадьбе славянофила¹ встречаются «люди сороковых годов» XX в. Они размышляют о России и русском, о том, как их всколыхнула война и как она *очистила* воздух. Сравним с финальными строками «Доктора Живаго»: «...Хотя просветление и освобождение, которых ждали после войны, не наступили вместе с победой, как думали, но все равно *предвестие свободы носилось в воздухе* все послевоенные годы, составляя их единственное историческое содержание...» (IV, 514). О свободе при создании пьесы говорит и сам Б.Л. Пастернак: «Я ее пишу свободно, как стихи, и совершенно для себя, современную реалистическую пьесу в прозе» (письмо П.И. Чагину от 14 июня 1942 г.; V, 570). Вероятно, в этом высказывании Б.Л. Пастернак цитирует (сознательно или невольно) знаменитую формулу другого драматурга, А.С. Грибоедова, из письма П.А. Катенину от первой половины января – 14 февраля 1825 г.: «Я как живу, так и пишу: свободно и свободно»². На постановку пьесы «Этот свет» 20 февраля 1942 г. был заключен договор с новосибирским драматическим театром «Красный факел» (срок сдачи – июль 1942). Позже Пастернак понял, что вещь не предназначена для печати и постановки. Героиня пьесы, Груня Фридрих, по воспоминаниям Т.В. Ивановой, повторяла подвиг Зои Космодемьянской (V, 571).

Имена героев пьесы «Этот свет» – Иннокентий Дудоров и Михаил Гордон – позволяют соотнести ее с финальными сценами будущего романа, страшный рассказ молодой портнихи Друзякиной впоследствии почти дословно перенесен в роман и воспроизведен от лица Таньки Безочередовой – дочери Юрия и Лары. Намеченный в сохранившихся картинах сюжет отношений Дудорова и Груни Фридрих можно счесть предварительной вариацией описанных в романе отношений Дудорова и Христины Орлецово́й. Не менее значим в пьесе и образ Иннокентия Дудорова. Его монологи, как отмечает Д.Л. Быков, «принадлежат к мощнейшим страницам пастернаковской прозы»³, они «почти дневниковы по обнаженной откровенности»⁴. Первый произносится в четвертой картине – на картофельном поле, где жители оставляемого города копают картошку осенью сорок первого: «Внимание, товарищи. Представители власти и армии покинули город. Я не хочу напускать на себя простецкость. Я не “свой в доску”, я буду говорить так, как привык. Товарищи, перегородки рухнули. Нам никто не заслоняет правды, опасности, права на счастье, мы лицом к лицу с близкою, может быть, смертью. Поздравляю вас с нашей крайностью, товарищи. Нам за эти считанные мгновенья надо

¹ Поливанов К.М. «Правнук русских героинь». Дмитрий Самарин в судьбе и творчестве Бориса Пастернака // Пастернак и современники. Биография. Диалоги. Параллели. Прочтения. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006. С. 43–61.

² Грибоедов А.С. Соч. М., 1988. С. 509.

³ Быков Д.Л. Борис Пастернак. С. 606.

⁴ Там же.

из долгого ребячества вырасти до нашего истинного возраста. Повторяю, мы в пределах только что начавшегося безвластия» (V, 116). Важно, что организатором подполья в обреченном городе становится у Пастернака не коммунист, а старый интеллигент (позже подобную «идеологическую ошибку», по советским меркам, совершит А.А. Фадеев, когда в первой редакции «Молодой гвардии» подполье организуют только комсомольцы – без участия коммунистов).

Дудоров переживает в эти роковые дни свою последнюю любовь и, осмысляя происходящее, ищет поддержку у Шекспира: «Как это в “Гамлете”? Один я наконец-то. Вот оно, вот оно. Ожиданье всей жизни. И вот оно наступило. Странно. Почему меня сегодня всё земля занимает? Последняя, последняя трава. Лопушок, подорожник. Последняя помертвевшая, перламутровая в каплях талых снежинок. Не сегодня завтра она уйдет под снег. И я, и я. В этом году и я. Бедная, бедная моя Оленька, бедные мои дети. Я вас больше никогда не увижу. Господи, Господи, зачем мне так нравится твой порядок. Господи, ты порвешь мне сердце безбрежностью его вмещенья! Благодарю тебя, Господи, что ты сделал меня человеком и научил прощаться. Прощай, моя жизнь, прощай, мое недавнее, мое вчерашнее, мое дурацкое обидное двадцатилетие» (V, 117).

Цитата из «Гамлета» соединяется с размышлениями о «лопушке» и «подснежнике». Свою смерть он обдумывает в тех же категориях, что и уход под землю «последней, последней травы». «Дурацкое, обидное двадцатилетие» (видимо, послереволюционные годы, прожитые в постоянном страхе и компромиссах) соседствует в его мыслях с благодарностью Богу за его «порядок» (V, 117). Эти строки непосредственно предшествуют прощанию с жизнью и в «Августе», и «В больнице».

В пьесе подвиг, аналогичный подвигу Зои, должна была совершить Груня Фридрих, в которую влюблен старый интеллигент Иннокентий Дудоров. Груня Фридрих говорит о себе, что она беспартийная немка, не гитлеровка. Позже она признается, что пошутила и на самом деле она «всего-навсего дочь дворника» (в «Докторе Живаго» похожий сюжет будет связан с Мариной – гражданской женой Юрия Живаго, дочерью дворника Маркела).

Дудоров сразу понимает, что Груня Фридрих не немка, она не понимает немецкую речь, когда Дудоров задает ей вопрос «Sind Sie Wolgadeutsch? Вы немка Поволжья?» (V, 623). Позже Груня так говорит о своем происхождении: «Говорят, мы из палихинских крестьян» (V, 623). На вопрос, почему у нее немецкая фамилия, Груня отвечает: «Какая-нибудь барская блажь... отец говорит... будто дедушкин дедушка был из казаков... Казаки записывались по именам занимаемых городов или домов, в которых квартировали, и старались, как бы позаграничней и почудней» (V, 623).

Более того, в сочетании имени и фамилии Груня Фридрих есть определенный парадокс: если девушка из казаков вполне могла носить имя Груня (Аграфена, Агриппина), то немецкая фамилия Фридрих нуждается в дополнительном объяснении. Фамилия восходит к нем. *Friedrich* от прагерм. *fridu* ‘мир, защита’ + *rich* – ‘могущественный; князь’. Груня Фридрих – «непорочная», «отчаянная», готовая на подвиг, именно в этих качествах состоит ее могущество, своими усилиями она пробует показать истинный путь веры. Нужно отметить, что Пастернак переводил Фридриха фон Хандерберга (немецкого поэта-романтика, представителя йенской школы), Фридриха Гёльдерлина, «Марию Стюарт» Фридриха Шиллера. Вероятно, значимое для Пастернака мужское имя становится фамилией героини. Омри Ронен предположил, что Груня Фридрих выдает себя за русскую крестьянку, предкам которой помещик дал такую фамилию, на самом деле она русская немка.

Также он отмечает, что, возможно, Пастернак дал своей героине фамилию Хедвиги Фридрих, финансировавшей до 1914 г. издательство «Мусагет»¹. Мотивация подвига Груни Фридрих в пьесе остается неясной.

Работа над пьесой не была завершена, переписанные картины пролога и первого действия Пастернак не считал окончательной редакцией и просил не перепечатывать, надеясь вернуться к ее замыслу. Но, по всей вероятности, замысел пьесы как бы «растворился» в романе и поздних стихах. В романе невестой Дудорова станет дочь репрессированного священника-тихоновца Вонифатия Орлецова, что будет важно для объяснения ее героического поступка. Возможно, трансформация Груни – Христины произойдет именно под влиянием собранных Б.Л. Пастернаком в 1953 г. материалов. Деда Зои Космодемьянской, священника, убили в 1918 г. По воспоминаниям старожилов, в ночь на 27 августа 1918 г. он был схвачен большевиками и после жестоких истязаний утоплен в Сосулинском пруду. Труп его был обнаружен лишь весной 1919 г. и похоронен рядом с закрытой к тому времени церковью. Подвергался преследованиям в 1920–1930-х гг. и отец Зои, бывший семинарист. Сама фамилия происходит, как большинство священнических фамилий, от названия прихода – святых Космы и Дамиана².

В романе невесту Дудорова зовут иначе – Христина Орлецова, и истории ее подвига предшествует подробная предыстория: ее отец – священник, отбывающий тюремное наказание вместе с Иннокентием Дудоровым. Важной здесь оказывается фигура самого Дудорова. Вспомним, что Пастернак в январе 1947 г. подписал договор с «Новым миром» на публикацию романа под названием «Иннокентий Дудоров (Мальчики и девочки)» (IV, 567). Отец Иннокентия, террорист Дементий Дудоров, отбывал наказание на каторге, которой, по высочайшему помилованию, ему был заменена смертная казнь через повешение. Его мать, из грузинских княжон Эристовых, взбалмошная и еще молодая красавица, вечно чем-нибудь увлекалась. Мальчику было опасно носить страшное отцовское имя, и ему хотели дать фамилию матери. «Он был странный мальчик. В состоянии возбуждения он громко разговаривал с собой. Он подражал матери в склонности к высоким материям и парадоксам» (IV, 20). Позже о нем думает Лара: «...он прямой, гордый и неразговорчивый, но он был похож на Лару и не был ей интересен. Когда юношей его исключили из гимназии за участие в подготовке политического побега, он некоторое время скитался по разным художественным училищам, но, в конце концов, его прибило к классическому берегу» (IV, 175). Жизненный путь Дудорова не линеен: «С запозданием против товарищей Дудоров в годы войны кончил университет и был оставлен по двум кафедрам, русской и всеобщей истории. По первой он писал что-то о земельной политике Ивана Грозного, а по второй – исследование о Сен-Жюсте» (IV, 478). Позже он и Гордон вошли в профессорские круги. Дудоров вспоминал о Христине, «что уже бывши девочкой он обратил на нее внимание, как она попала в число его слушательниц» (IV, 504). О ней же в рукописи вычеркнут текст: «...девочка, по словам Дудорова, была чудо-ребенком, какой-то будущей, горевшей мечтою о подвиге, исторической героиней. Она без ума любила родителей. Может быть, детвора и смеялась над ней, дразнила “поповной”» (IV, 733).

¹ *Ронен Омри*. «Это»: вокруг неоконченной драмы Б. Пастернака «Этот свет» // Звезда. 2009. № 4: magazines.russ.ru/zvezda/2004/9/ro21.html (дата обращения: 17.09.2018; доступ: открытый).

² Крестный путь сельского священника Петра Космодемьянского // Божий мир. 2001. № 1.

В эпилоге Дудоров вспоминает, что летом 1941 г. они с Христиной дали друг другу слово пожениться после войны. Пережить смерть Христины ему помогает, по его словам, «свет самопожертвования, которым озарен и ее конец, и жизнь каждого из нас» (IV, 504). Напряженными усилиями, основанными на подавлении естественного чувства (любви к отцу, а затем к Дудорову), Христина преодолевает «изъяны» своего происхождения, которое в советских условиях представляется ей греховным: «Слова “служитель культа”, “лишенец” казались ей пятном бесчестия. Это пятно она, может быть, поклялась смыть когда-нибудь с доброго родительского имени в своем горячем детском сердце. Так далеко и рано поставленная себе цель, пламеневшая в ней неугасимым решением, делала ее уже и сейчас по-детски увлеченной последовательницей всего, что ей казалось наиболее неопровержимым в коммунизме» (IV, 479). Христина Орлецова сначала проходит «военное обучение», «парашютную тренировку». Затем она «чудом храбрости и находчивости проникла в немецкое расположение, взорвала конюшню, живую была схвачена и повешена» (IV, 479). Это непосредственно связано с подвигом Зои: от крестьянки Прасковьи Кулик стало известно, что Зое удалось уничтожить немецкую конюшню, находившуюся рядом – во дворе одного из сожженных домов, причем погибли 20 лошадей¹.

Стремление Христины отождествить себя с господствующими идеологически-ми веяниями эпохи делает ее, по мысли Пастернака, не просто героиней советского мифа как ее прототипа, но своего рода мученицей за веру. Значимым в это смысле оказывается и имя героини романа. Христина и Вонифатий – мученические имена в христианской традиции, тогда как фамилия – Орлецова – может быть прочитана как напоминание об Орлеанской девице Жанне д'Арк, с которой неоднократно сравнивали Зою Космодемьянскую в советской прессе. Важным оказывается и мотив непорочности (в романе подчеркнуто, что Христина не Дудорова, а Орлецова), и известное Дудорову по слухам ее причисление церковью к лику святых, о чем он говорит Дудорову.

В концепции романа Б.Л. Пастернака Христина Орлецова становится искупительницей не столько *мнимого* родового греха (происхождение из семьи священнослужителя), сколько всей подлинной *греховности* предвоенных советских лет. «Извлеченная из бедствий закалка характеров, героизм, готовность к крупному, отчаянному, небывалому» (IV, 504), о которых говорят Гордон и Дудоров в романе, представляются Пастернаку не порождением советской идеологии, а родовым свойством героинь такого типа «со сказочными, ошеломляющими качествами» [там же]. Вспомним, как Груня Фридрих («черт», как называет ее Дудоров) из жалости приводит отставшего немца к ним и спрашивает у Дудорова: «Что с ним делать?» (V, 119).

Сходная, как нам кажется, концепция спасения не только от фашизма, но и от бед и катастрофических заблуждений двух предвоенных десятилетий возникнет и у Ахматовой в военных строфах «Поэмы без героя»:

И себе же самой навстречу,
Непреклонно, в грозную сечу,
Как из зеркала наяву,
Ураганом – с Урала, Алтая,
Долгу верная, молодая,
Шла Россия – спасти Москву².

¹ Успенский В.Д. Зоя Космодемьянская. М.: Молодая гвардия, 1989. С. 114.

² Ахматова А.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. Поэмы. PRO DOMO MEA. Театр. М.: Эллис Лак, 1998. С. 159.

Самопожертвование нового поколения должно стать спасительным для страны, что позже мы увидим в финале «Доктора Живаго». «Выросли новые мальчики и девочки. Выросли для того, чтобы героически погибнуть, как возлюбленная Дудорова, ставшая партизанкой Христина Орлецова. Или для того, чтобы, потеряв родителей и уютную участь, чудом храня осколки воспоминаний, отдающих зловещей сказкой, но верных в самой сути, получив унижительно уличное прозвание (и принимая его жуть как данность), быть таинственно хранимыми судьбой – как Танька Безочередова, в которой Гордон и Дудоров (а прежде – странный покровитель доктора, его сводный “темный” брат Евграф Живаго) узнают дочь Юрия и Лары. Выросли мальчики и девочки, отступило темное колдовство, пришла свобода, а значит: “Смерти не будет” (еще одно предварительное название романа о докторе Живаго, о врачующей жизни)»¹.

Свойственная новым «мальчикам и девочкам» готовность к самопожертвованию оказывается, по Пастернаку, связанной не с советской идеологией, а с христианскими корнями и верой в возможность искупления подлинной греховности предвоенных лет. Так, отталкиваясь от очередного творимого на его глазах советского мифа, Пастернак возводит судьбу *Зои – Груни – Христины* к христианскому житийному канону, по-разному трансформируемому в культуре разных эпох.

ЛИТЕРАТУРА

Алигер М.И. Стихотворения и поэмы Л.: Лениздат, 1948. 80 с.

Ахматова А.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. Поэмы. PRO DOMO MEA. Театр. М.: Эллис Лак, 1998. 768 с.

Борисов В.М. Река, распахнутая настезь. К творческой истории романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго». М.: Книжная палата, 1989: www.infoliolib.info/philol/borisov/borisov.html (дата обращения: 12.05.2017).

Быков Д.Л. Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2005. 893 с.

Грибоедов А.С. Соч. М.: 1988. 751 с.

Крестный путь сельского священника Петра Космодемьянского // Божий мир. 2001. № 1: mir.voskres.ru/mirbo07/a22.html (дата обращения: 15.07.2019).

Немзер А.С. При свете Жуковского: Очерки истории русской литературы. М.: Время, 2013. 896 с.

Пастернак Б.Л. Полн. собр. соч. с приложениями: В 11 т. М.: Слово, 2005.

Поливанов К.М. «Правнук русских героинь». Дмитрий Самарин в судьбе и творчестве Бориса Пастернака // Пастернак и современники. Биография. Диалоги. Параллели. Прочтения. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006. С. 43–61.

Ронен Омри. «Это»: вокруг неоконченной драмы Б. Пастернака «Этот свет» // Звезда. 2009. № 4: magazines.russ.ru/zvezda/2004/9/ro21.html (дата обращения: 12.05.2019; доступ: открытый).

Успенский В.Д. Зоя Космодемьянская. М.: Молодая гвардия, 1989. 235 с.

REFERENCES

Aliger M.I. (1948) Verses and Poems. Leningrad. Lenizdat Publ. 80 p.

Akhmatova A.A. Collected Works: In 6 Vols. Vol. 3. Poems. PRO DOMO MEA. Theater. Moscow. Ellis Luck Publ. 1998. 768 p.

¹ *Немзер А.С.* При свете Жуковского: Очерки истории русской литературы. М.: Время, 2013. С. 787.

Borisov V.M. The River is Wide Open. To the Creative History of Boris Pasternak's Novel "Doctor Zhivago". Moscow. Knizhnaya Palata Publ. 1989: www.infoliolib.info/philol/borisov/borisov.html (date accessed: 12.05. 2017).

Bykov D.L. (2005) Boris Pasternak. Moscow. Molodaya Gvardia Publ. 2005. 893 p.

Griboedov A.S. (1988) Works. Moscow. 751 p.

The Way of the Cross of the Village Priest Peter Kosmodemyansky. Bozhy Mir. 2001. No 1: mir.voskres.ru/mirbo07/a22.html (date accessed: 12.05.2017).

Nemzer A.S. (2013) In the Light of Zhukovsky: Essays on the History of Russian Literature. Moscow. Vremya Publ. 896 p.

Pasternak B.L. The Collected Works with applications: In 11 vols. Moscow. Slovo Publ. 2005.

Polivanov K.M. "Great-grandson of Russian Heroines". Dmitry Samarin in the Fate and Work of Boris Pasternak. In: Pasternak and Contemporaries. Moscow. The Higher School of Economics Publishing House. 2006, pp. 43–61.

Ronen Omri. "This": Around B. Pasternak's Unfinished drama "This Light". *Zvezda*. 2009. No 4: magazines.russ.ru/zvezda/2004/9/ro21.html (date accessed: 12.05.2019).

Uspensky V.D. (1989) Zoya Kosmodemyanskaya. Moscow. Molodaya Gvardia Publ. 235 p.

Сведения об авторе:

Анна Анатольевна Мухина,
студент
факультет гуманитарных наук
Школа филологии
НИУ ВШЭ

Anna A. Mukhina,
Student
Faculty of the Humanities
Philology
National Research University Higher School
of Economics

anyam.97@mail.ru

Библиографии

Bibliography

В.А. Воропаев (Москва, Россия)

**Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем
на русском языке (1917–1928)**

V.A. Voropaev (Moscow, Russia)

**The Bibliography of N.V. Gogol's Works and Literature about Him
in Russian (1917–1928)**

1917

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечер накануне Ивана Купала: быль. М.: Изд-во русских книгоиздателей, 1917. 50 с. – (Общедоступная библиотека). 10000 экз.

Вечера на хуторе близ Диканьки: повести, изданные пасичником Рудым Паньком. Ч. 1: Сорочинская ярмарка; Вечер накануне Ивана Купала; Майская ночь, или Утопленница; Пропавшая грамота. 3-е изд. М.: Книгоизд-во «Полезьа» Б. Антик и К°, [1917.] 108 с. – (Универсальная библиотека. № 512). 10000 экз.

Заколдованное место. М.: Изд-во русских книгоиздателей, 1917. 22 с. – (Общедоступная библиотека. № 4). 6000 экз.

Иван Федорович Шпонька и его тетушка. М.: Изд. 3-е А.С. Панафидиной, 1917. 46 с. – (Иллюстрированная гоголевская библиотека. № 9). 8000 экз.

Коляска: повесть. М.: Изд. 4-е изд. А.С. Панафидиной, 1917. 23 с.: 4 рис. – (Иллюстрированная библиотека). 8000 экз.

Миргород: повести, служащие продолжением «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Ч. 2: Вий; Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. 3-е изд. М.: Изд. и тип. «Универсальная библиотека», 1917. 111 с. – (Универсальная библиотека. № 540). 20000 экз.

Пропавшая грамота: быль. М.: Русское книгоизд-во, 1917. 30 с. – (Общедоступная библиотека. № 5). 6050 экз.

Ревизор: комедия в пяти действиях. М.: Русское книгоизд-во, 1917. 113 с. – (Общедоступная библиотека. № 7). 6000 экз.

Сорочинская ярмарка: [повесть]. М.: Русское книгоизд-во, 1917. 46 с. – (Общедоступная библиотека. № 6). 6000 экз.

Сочинения. Пгр.: Изд. Петроградской городской думы, 1917. 579 с. 15000 экз.

Страшная месть: повесть / С иллюстрациями. М.: Изд. 4-е А.Я. Панафидина. М., 1917. 70 с.: ил. – (Иллюстрированная гоголевская библиотека. № 7).

Тарас Бульба, славный казачий атаман: повесть. М.: Изд. и тип. т-ва И.Д. Сытина, 1917. 96 с. 12000 экз.

Шинель: [повесть] / С рисунками. М.: Изд. книжного склада М.В. Клюкина, 1917. 31 с.: ил.

Шинель; Коляска: [повести.] Киев, 1917. 55 с. – (Русские писатели. Всероссийский земский союз, Комитет юго-западного фронта, изд. подотдел).

ЛИТЕРАТУРА

А.Д. Взгляд Гоголя на искусство // Журнал кружка 8-х классов Нижегородской 1-й гимназии. Нижний Новгород, 1917. № 1. С. 12–13; № 2. С. 14–19.

Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей: В 3 вып. Вып. I. 5-е изд., испр. М.: Изд. т-ва «Мир», 1917. LX, 280 с.

Гоголь. С. 57–79.

Александровский Г.В. Чтения по новейшей русской литературе. Вып. 1. 10-е изд. Киев: Тип. Первой Киевской артели печатного дела, 1917. VIII, 212 с.

[О Гоголе: С. 12, 14–17, 26–27, 45–46.]

Баженов Н. Г.Ф. Квитка как вдохновитель Гоголя. К вопросу о литературном заимствовании. Харьков: Тип. т. д. А.М. Суханов и А.М. Иванов, 1916 [1917.] [2], 25 с. 200 экз.

Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 11 т. Т. 11 / Под ред. и с примеч. проф. С.А. Венгерова. Пгр., 1917. 975 с.

[Взгляд на русскую литературу 1847 года. С. 83–108.]

Белоусов И. Гоголь и о. Матвей // Юная Россия. М., 1917. № 7. С. 619–620.

Белоусов И. Н.В. Гоголь в Васильевке // Юная Россия. М., 1917. № 8. С. 709–711.

Беляев В. «Сорочинская ярмарка» (опера Мусоргского) // Русская воля. Пгр., 1917. 11 окт. № 24. С. 7.

Бертенсон С. К библиографии материалов о Гоголе // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. Пгр., 1917. Т. XXII. Кн. 1. С. 16–26.

[Отд. оттиск.]

[Литература о Гоголе 1914–1915 гг. и дополнения к предыдущим работам автора.]

Брянцев А.А. Опрощение декорации. Опыты художественной схематизации в работах общедоступного Передвижного театра / Рис. Оскара Клевера. Пгр.: Изд. Общедоступного и Передвижного театра, 1917. [4], 53 с.: ил.

[С. 24–27: О постановке «Женитьбы» Гоголя на сцене Передвижного театра в 1916 г.]

Веселовский А.Н. История новой русской литературы XIX в. (30–60 гг.): Курс, читанный на Московских высших женских курсах в 1916–1917 гг. Записки слушательниц. М.: Изд. Издательского общества при историко-философском факультете Московских высших женских курсов, 1917. 153 с.

[О Гоголе: С. 26–52, 105–108, 149–152.]

<*Григорьев А.А.*> Аполлон Александрович Григорьев: Материалы для биографии / Под ред. В. Княжнина. Пгр.: Изд-во Пушкинского Дома при Академии наук, 1917. [465] с. разд. пагин.: 8 л. ил.

Письмо к Гоголю. Без даты [ноябрь-декабрь 1848 г.] С. 106–107, 110–119 и др.
Письмо к Е.С. Протопоповой от 27 апреля 1858 г. С. 234.

Дризен Н.В., барон. Драматическая цензура двух эпох: 1825–1881. Пгр.: Книгоизд-во «Прометей» Н.Н. Михайлова, [1917]. [2], III, [3], 346 с.

[Мнение Николая I о «Ревизоре»: С. 40; цензура «Ревизора»: С. 41, 42; «Тяжба» и «Игроки»: С. 43; «Женитьба»: С. 45; «Тяжба»: С. 479; «Ревизор»: С. 123; «Развязка Ревизора»: С. 136, 137; «Собачкин»: С. 279.]

Кадашев Вл. «Сорочинская ярмарка» в Музыкальной драме // Вольность. Пгр., 1917. 15 окт. № 6. С. 8.

Кизеветтер А.А. М.С. Щепкин: Эпизод из истории русского сценического искусства. М.: Задруга, 1916 [на обл.: 1917]. 130 с.

[О Гоголе: С. 35, 42–44, 50, 55, 66–68, 69, 91, 95, 109, 123–124.]

Кранихфельд В.П. В мире идей и образов (Этюды и портреты). Т. 3. Пгр.: Книгоизд-во Жизнь и знание, 1917. 326 с. – (Библиотека обществоведения. Кн. 11).

Новые наследники «Переписки» Гоголя. С. 248–272.

[О книге Д.С. Мережковского «Гоголь» и статьях Вяч. Иванова и С. Городецкого в «Золотом руне».]

Кровавый бандурист: Новые страницы Н.В. Гоголя / Публ. Ю.Г. Оксмана // Нива. Пгр., 1917. № 1. С. 3–6.

[Продолжение отрывка «Пленник» (из романа «Гетьман»), напечатанного в «Арабесках» (1835).]

«Кровавый бандурист» Гоголя // Русское слово. Пгр., 1917. 8(21) января. № 6. С. 3.

[Перепечатка из «Нивы» (Пгр., 1917. № 1) с кратким предисловием.]

«Кровавый бандурист» Гоголя // Маленький одесский листок. Одесса, 1917. 15 янв. № 556.

[О новонайденном гоголевском тексте.]

Кубиков И. Письмо Хлестакова к своему другу Тряпичкину // Рабочая газета. Пгр., 1917. 13 окт. № 185. С. 3–4.

Мартыновский В.А. Русские писатели в выборе и обработке для школ: [В 3 т]. Т. 3: Кантемир, Ломоносов, Державин, Фонвизин, Карамзин, Жуковский, Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Крылов и другие: Книга для занятий по теории и истории словесности в старших классах средне-учебных заведений. Пгр.: Изд. 10-е Я. Башмакова и К., 1917. 127, 1 с.

Неизданные страницы Гоголя. «Кровавый бандурист» // Петроградский листок. Пгр., 1917. 7 янв. № 6. С. 2.

Новые строки Гоголя. «Кровавый бандурист». Глава из романа // День. Пгр., 1917. 6(19). янв. № 5. С. 3.

[История создания романа «Кровавый бандурист» и отрывки из него.]

Огиенко И.И. Елизавет Воробей (Два слова в оправдание Собакевича) // Филологические записки. Воронеж, 1917. Вып. 1. С. 99–105.

Отрывок из неизданного письма Н.В. Гоголя [к Н.Я. Прокоповичу] / Сообщил С.М. Шпицер // Русская Старина. Пгр., 1918. № 1–2. С. 26–27.

[Письмо 1847 г.]

Плеханов Г.В. Изумительная логика // Единство. Пгр., 1917. 25 мая. № 47. С. 6.

[Приводятся «параллели» из «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя.]

Родзевич С.И. К истории русского романтизма (Э.Т.А. Гофман и 30–40-е годы в нашей литературе) // Русский филологический вестник. Варшава, 1917. Т. 27. № 1–2. С. 194–237.

[Отд. оттиск: Пгр.: Тип. А.В. Орлова, 1917. 45 с.]

[О влиянии Э.Т.А. Гофмана на Гоголя.]

Светлов В.Я. Письма Адама Глушковского (материалы к истории театра) // Наша старина. Пгр., 1917. № 1. С. 137–141.

[Письмо А. Глушковского к Ф.А. Кони от 26 февраля 1852 г. о похоронах Гоголя.]

Скворцов Б.Н. Личные источники «Мертвых душ». Казань: Центр. тип., 1917. 15 с. 80 экз.

<Смирнова А.О.> Неизданные отрывки из «Записок» А.О. Смирновой / Публ. и вступ. статья Вл. Каллаша // Ветвь: сб. Клуба московских писателей. М., 1917. С. 293–304.

Фишер В.М. Учебник по истории русской литературы (Грибоедов – Крылов – Карамзин – Жуковский – Батюшков – Пушкин – Лермонтов – Гоголь): В 2 ч. Ч. I. 2-е изд., испр. и доп. М.: Задруга, 1917. 230 [1] с.

[Гоголь: С. 176–216.]

[1-е изд.: М., 1916. 202 [1] с.]

1918

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечер накануне Ивана Купала: быль / С иллюстрациями. М.: Изд. 5-е А.Я. Панафидиной, 1918. 29 с.: 8 рис. – (Иллюстрированная гоголевская библиотека. № 2). 10000 экз.

Миргород: повести, служащие продолжением «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Ч. I: Старосветские помещики. Тарас Бульба. 3-е изд. М.: Книгоизд-во Универсальная библиотека, 1918. 176 с.

Нос: повесть / С иллюстрациями. М.: Изд. 3-е А.С. Панафидиной, 1918. 45 с.: ил. – (Иллюстрированная гоголевская библиотека). 10000 экз.

Ночь перед Рождеством. Из «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Н. Новгород: Изд-во Союза потребительных кооперативов Нижегородского района, 1918. 56 с.

Пропавшая грамота: быль. М.: Изд. 5-е А.С. Панафидиной, 1918. 21 с. – (Иллюстрированная гоголевская библиотека. № 11).

Ревизор / Послесл. и примеч. П.И. Рулина; под ред. проф. А.М. Лободы. Киев: Книгоизд-во Рабочего кооператива «Жизнь», 1918. 176 с. – (Библиотека русских классиков для школ и самообразования).

Послесл. С. 149–166.

Примеч. С. 167–172.

Рулин П.И. Краткая библиография литературы о Гоголе: С. 173–176.

[Приложение:] Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору; Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора»; Театральный разъезд после представления новой комедии; Развязка «Ревизора».

[Рец.: И.Л. // Бирюч Петроградских гос. театров: сб. статей, Пгр., 1920 [1921]. С. 322–324.]

[Бирюч (др.-слав.) – вестник, глашатай.]

Сорочинская ярмарка: повесть / С иллюстрациями. М.: Изд. 5-е А.С. Панафидиной, 1918. 47 с.: ил. – (Иллюстрированная гоголевская библиотека. № 5). 80000 экз.

Страшная месьть: [повесть]. Нью-Йорк: Первое русское изд-во в Америке, [1918]. 58 с.

Тарас Бульба: [повесть]. М.: Русское книгоизд-во, 1918. 157 с. – (Общедоступная библиотека. № 15). 6000 экз.

Шинель: [повесть]. М.: Русское книгоизд-во, 1918. 47 с. – (Общедоступная библиотека). 5000 экз.

Шинель: [повесть] / Рис. худ. О. Перлина. Киев: Книгоизд-во. рабочего кооператива «Жизнь», 1918. 39 с. – (Иллюстрированная народная библиотека русских классиков. Вып. 2).

ЛИТЕРАТУРА

Барский Г. Россет Аркадий Осипович // Русский биографический словарь (Романова – Рясковский). Пгр., 1918. С. 156–158.

<*Белинский В.Г.*> Из письма Белинского к Н.В. Гоголю // Объединение. М., 1918. № 11. С. 9.

Бердяев Н.А. Духи русской революции // Из глубины: сб. статей о русской революции. М.; Пгр.: Книгоизд-во Русская мысль, 1918. С. 55–89.

Гоголь в русской революции. С. 57–63.

[2-е изд.: Париж: ИМКА-ПРЕСС, 1967.]

[Репринт: Из глубины: сб. статей о русской революции / Вступ. статья, коммент. М.А. Колерова, Н.С. Плотникова. М.: Изд-во Московского ун-та, 1990. 298 с. Указ. имен.]

[Перепечатано: Литературная учеба. М., 1990. № 2. С. 123–140. Публ. С. Кравца.]

Блок А. Дитя Гоголя // Знамя труда. М., 1918. 8 марта.

[Впервые: Речь: [ежедневная политическая, литературная и экономическая газета.] Пгр., 1909. 20 марта.]

Блок А. Дитя Гоголя // Знамя труда. М., 1918. 8 марта.

[Впервые: Речь: [ежедневная политическая, литературная и экономическая газета.] Пгр., 1909. 20 марта.]

Блок А. Россия и интеллигенция (1907–1918). М.: Алконост, 1918. 72 с.

Дитя Гоголя. С. 27–30.

[2-е изд.: М., 1919.]

[Перепечатано: *Блок А.А.* Собрание сочинений. Т. 7: Статьи. Кн. 1. 1906–1921: Лирические статьи. Россия и интеллигенция. Молнии искусства. О назначении поэта. М.: Алконост, 1923.]

Григорьев А.А. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. Т. 1 / Под ред., с биографич. очерком и примеч. В. Спиридонова, со статьями С.А. Венгерова и В.А. Григорьева. Пгр.: Изд. П.П. Иванова, 1918. 356, [3] с.

[Русская литература в 1851 г. С. 95–140; Русская литература в 1852 г. С. 140–152.]

Дорогие места / Под ред. И.А. Белоусова / С иллюстрациями. 3-е изд., испр. и доп. М.: Книгоизд-во писателей в Москве, [1918]. 174, [1] с.: ил.

Из содерж.:

Мошин А.Н. Васильевка. С. 55–64.

[Впервые: <*Мошин А.*> Поездка в Васильевку // Вокруг света. М., 1903. 7 сент. № 34. С. 544–548; подпись: «Константинополь. 7/20 июня». Перепечатано: Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В 3 т. Т. 1 / Издание подготовил И.А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 247–253.]

[Посещение Васильевки в мае 1903 г. Беседа с сестрой Гоголя Ольгой Васильевной Головной; ее воспоминания о брате.]

Белоусов И.А. Н.В. Гоголь в Васильевке. С. 65–68.

Зуммер Вс. М. О вере и храме Александра Иванова. Киев: Изд. журнала «Христианская Мысль», 1918. 60 с.: 8 л.: ил.

[Об отношениях А.А. Иванова и Гоголя. Используются письма Иванова.]

Иванов А. Неизданные письма к Н.В. Гоголю / Введение и примеч. В.М. Зуммера // Наши дни. Киев, 1918. № 13.

Иванов А. Письмо к Н.В. Гоголю / Введение и примеч. В.М. Зуммера // Голос жизни. Киев, 1918. № 11. С. 18–20.

Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли: В 8 ч. 5-е изд., перераб. Пгр.: Революционная мысль, 1918.

Ч. II: От двадцатых до сороковых годов. 216 с.

[О Гоголе: С. 77, 79–83, 86, 87, 93–97.]

Ч. VIII: Девятисотые годы. 95 с.

[О Гоголе: С. 40.]

Игнатов И.Н. Беседы о русской литературе. Вып. 5: Лермонтов, Гоголь. М.: Задруга, 1918. 44 с.

<*Иордан Ф.И.*> Записки ректора и профессора Академии художеств Федора Ивановича Иордана. М., 1918. VII, 392 с.: 8 л. ил.

[Воспоминания о встречах с Гоголем в Риме: С. 161, 183–184, 187, 207, 209, 211, 212, 329, 332.]

[Впервые: Русская Старина. 1891. Кн. III–X. Переиздано: Записки ректора и профессора Академии художеств Федора Ивановича Иордана / Сост., вступ. статья и примеч. Н.С. Беляева; науч. ред. Г.В. Бахарева; Библиотека Российской академии наук. СПб.: БАН, 2012. 383 с.]

Липовский А., Жохов Д. Очерки по истории русской литературы. Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Кольцов и Белинский. 2-е изд., испр. Пгр.; Киев: Сотрудник, [1918.] IV, 339 с.

Розанов В. Гоголь и Петрарка // Книжный угол. Пгр., 1918. № 3. С. 9–10.

[Перепечатано: *Розанов В.В.* Мысли о литературе / Сост., вступ. статья, коммент. А.Н. Николюкина. М., 1989. С. 501–502.]

Эйхенбаум Б. Иллюзия сказа // Книжный угол. Пгр., 1918. № 2. С. 10–13.

[Приемы сказа у Гоголя и др.]

[Перепечатано: *Эйхенбаум Б.М.* Сквозь литературу: сб. статей. Л.: Academia, 1924. – (Вопросы поэтики. Вып. 4). С. 152–156.]

1919

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вий: повесть. Пгр.: Гос. изд-во, 1919. 62 с. – (Народная библиотека).

Женитьба: совершенно невероятное событие в двух действиях (Писано в 1833 г.) / Под ред. А.Г. Фомина. Пгр.: Изд. Театрального отдела Коммиссариата по просвещению, 1919. 80 с. – (Репертуар русского театра. № 19). 5000 экз.

[То же: Пгр.: Гос. изд-во, 1919. 80 с. – (Народная библиотека).]

[Рец.: *Н.* // Книга и революция. Пгр., 1920. № 5. С. 53.]

Мертвые души: поэма. Т. I. Пгр.: Гос. изд-во, 1919. 356 с. – (Народная библиотека).

[Текст печатается по изд. 1842 г. «Повесть о капитане Копейкине» – в редакции, запрещенной цензурой.]

Нос. Коляска: [повести.] / Ил. В.В. Лебедева. Пгр.: Литературно-издательский отдел Наркомпроса, 1919. 56 с.: ил. – (Народная библиотека). 50000 экз.

[Текст печатается по прижизненным изданиям; в повести «Нос» – места, измененные цензурой, восстановлены по автографу.]

Ночь перед Рождеством: [повесть.] Пгр.: Гос. изд-во, 1919. 59 с. – (Народная библиотека).

[Текст печатается по изд.: Вечера на хуторе близ Диканьки. Ч. 2. СПб., 1832.]

Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. СПб.: Литературно-издательский отдел Наркомпроса, 1919. 71 с. – (Народная библиотека).

[Текст печатается по изд.: Миргород. СПб., 1835.]

Ревизор: комедия в пяти действиях. Пб.: Государственное изд-во, 1919. 126 с. – (Народная библиотека) 50000 экз.

[Текст печатается по изд. 1841 г.]

Ревизор: комедия. Шанхай: Друг школы, 1919. 65 с.: ил.

Сорочинская ярмарка: [повесть.] СПб.: Литературно-издательский отдел Наркомпроса, 1919. 47 с. – (Народная библиотека). 75000 экз.

[Текст печатается по изд.: Вечера на хуторе близ Диканьки. Ч. I. СПб., 1831.]

Сочинения / Под ред. Н.С. Тихонравова и В.И. Шенрока; биографич. очерк В.И. Шенрока. Пгр.: Литературно-издательский отдел Народного комиссариата по просвещению, 1919. 1396 стб.

[Перепечатано с матриц 17-го издания А.Ф. Маркса; исключено произведение «Выбранные места из переписки с друзьями».]

Шенрок В. Предисловие к семнадцатому изданию. Стб. 6.

Биографический очерк. Стб. 7–24.

Примечания редактора. Стб. 409–414, 765–766, 999–1002, 1363–1368.

Примечания редактора, относящиеся к отделу «Повести». Стб. 1389–1396.

Содерж.: Предисловие к первому изданию Сочинений Н. Гоголя; Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород: повести, служащие продолжением Вечеров на хуторе близ Диканьки; Повести: Нос; Портрет (в позднейшей редакции); Шинель; Коляска; Рим. Отрывок; Арабески. Разные сочинения; О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году; Петербургские записки 1836 года; Ночи на вилле; Комедии; Драматические отрывки и отдельные сцены; Театральный разезд после представления новой комедии; Похождения Чичикова, или Мертвые души: поэма. Т. 1–2; Приложения к первому тому Мертвых душ: Предисловие ко второму изданию первого тома Мертвых душ; Заметки, относящиеся к 1-й части; Окончание IX главы в переделанном виде; Повесть о капитане Копейкин: (одна из первоначальных редакций; редакция, зачеркнутая цензором); Юношеские опыты: 1834; Об издании истории малороссийских казаков; Две главы из малороссийской повести Страшный кабан; Женщина; Кровавый бандурист. Глава из романа.

Страшная месть: [повесть.] Пгр.: Литературно-издательский отдел Наркомпроса, 1919. 59 с. – (Народная библиотека). 50000 экз.

[Текст печатается по изд.: Вечера на хуторе близ Диканьки. Ч. 2. СПб., 1832.]

ЛИТЕРАТУРА

Айзеншток И. К вопросу о литературных влияниях (Г.Ф. Квитка и Н.В. Гоголь) // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. Пгр., 1922. Т. 24. Кн. I. С. 23–42.

Белый А. О художественной прозе // Горн. М., 1919. Кн. II–III. С. 49–55.

[Анализ ритма прозы на материале произведений Гоголя и А.С. Пушкина. О рифме, аллитерации и ассонансе у Гоголя: С. 55.]

[Рец.: *Томашевский Б.* // Жизнь искусства. Пгр., 1920. 18 мая. № 454; 22 и 23 мая. № 458–459 и 25 мая. № 460; *Иванов Вяч.* // Научные известия: сб. 2. М.: Гос. изд-во. [1922]. С. 164–181.]

Блок А. Аполлон Григорьев и Гоголь // Жизнь искусства. Пгр., 1919. № 217–228. С. 3.

Венгеров С.А. Собрание сочинений [В 5 т.] Т. 1: Героический характер русской литературы. 2-е изд. Пгр.: Изд-во Светоч, 1919. 176 с. – (Библиотека «Светоча» / Под ред. проф. С.А. Венгерова).

[О Гоголе: С. 25–27, 160.]

Герцен А.И. Полное собрание сочинений и писем / Под ред. М.К. Лемке. Т. 9. Пгр., 1919.

О романе из народной жизни в России. С. 92–101.

Горький Максим. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. Пбг.: Изд. В.И. Гржебина, 1919. 58, [1] с.

[С. 44: разговор М. Горького с Л.Н. Толстым о Гоголе.]

[Перепечатано в собраниях сочинений М. Горького (Гос. изд. – ГИХЛ) 1924 г. (Т. XVI), 1930 г. (Т. XXII) и 1933 г. (Т. XXII).]

Либретто и программа спектакля «Майська Ніч» (по Гоголю) в трех действиях. Сочинение А. Теплинского (в постановке I–II актов). 1-й Украинский советский театр // Театральный вестник. Харьков, 1919. № 1–2. С. 9.

Лоренцо. Городской театр: бенефис Л.С. Кузнецова: «Ревизор» // Одесские новости. Одесса, 1919. 17 дек. № 11091.

[«Прекрасный спектакль, который согрел и осветил нашу тусклую в художественном отношении театральную жизнь».]

«Майская ночь», опера в трех действиях и четырех картинах (по повести Гоголя) // Музыкальный вестник. Киев, 1919. № 1. С. 7–8.

[Характеристика типических черт творчества Гоголя и их отражение в опере.]

Менестрель. Городской театр: бенефис Л.С. Кузнецова: «Ревизор» // Вечерние одесские новости. Одесса, 1919. 14 дек. № 49.

Н. Русский человек в изображении русских писателей. II. Полковник Кошкарев (из Мертвых душ Гоголя) // Тверской Кооператор. Тверь, 1919. № 28. С. 7–10.

Н.В. Гоголь. «Женитьба»: Совершенно невероятное событие // Записки Передвижного общедоступного театра. Пгр., 1919. Вып. 24–25. Август-сентябрь. С. 22–23.

[В связи с постановкой «Женитьбы» на сцене Передвижного театра.]

Петухов Е.В. проф. История русской словесности: Курс средней школы. В 2 ч. Ч. 2: Русская литература XIX века. [Киев:] Мир науки. Изд. М.Л. Цитрона, 1919. 211 с.

[О Гоголе: С. 75–105.]

Ромм Г. «Ревизор» (Малый Драматический театр) // Жизнь искусства. Пгр., 1919. 8/10 авг. № 211–212. С. 1.

Сидоров Н. О смерти Н.В. Гоголя (Неизданное письмо Г.П. Данилевского к О.М. Бодянскому. Из архива А.А. Титова // Голос минувшего. М., 1919. № 1–4. С. 81–84.

[Письмо от 24 февраля 1852 г. из Санкт-Петербурга.]

Татищев В.К. Мертвые души: инсценировка по поэме Н.В. Гоголя: В 5 действиях, 10 картинах. Постановка театра Корша 1916 г. М.: Литографированное изд. библиотеки театрально-музыкальной секции Моссовета рабочих и крестьянских депутатов, 1919. [2], 76 с.

Эйхенбаум Б. Как сделана «Шинель» Гоголя // Сборник Поэтика. <I> Пгр., 1919. С. 151–165.

[Перепечатано: *Эйхенбаум Б.* Сквозь литературу (Вопросы поэтики. Вып. IV). Л., 1924. С. 171–196; *Эйхенбаум Б.* Литература (Теория. Критика. Полемика). Л.: Прибой, 1927. С. 149–165; *Эйхенбаум Б.* О прозе: сб. статей. Л.: Художественная литература, 1969. С. 306–326.]

[Откл.: *Виноградов В.* Гоголь и натуральная школа. Л.: Образование, 1925. С. 13–16.]

1920

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Мертвые души: поэма. Т. I. Пгр.: Гос. изд-во, 1920. 356 с.

Приложение: Предисловие ко 2-му изданию первого тома, заметки к поэме, вариант IX главы, две редакции «Повести о капитане Копейкине».

[Рец.: Книга и революция. Пгр., 1921. № 8–9. С. 78.]

Похождения Чичикова или Мертвые души: поэма. Берлин: И.П. Ладыжников, 1920. 583 с.

Тарас Бульба: [повесть]. Прага: Русское дело, 1920. 190 с.

Тарас Бульба: [повесть] / [Обложка худ. Жилина, рис. Жилина и Фридберга.] Пгр.: Гос. изд-во, 1920. 155 с.: ил. – (Народная библиотека). 20000 экз.

[Рец.: *Л[ернер] Н.* // Книга и революция. Пгр., 1920. № 3–4. С. 62. См. также: Ответ редакционного отдела Петроградского отделения ГИЗ // Книга и революция. Пгр., 1920. № 6. С. 64; заметка Н. Л[ернера] // Книга и революция. Пгр., 1921. № 7. С. 93–94.]

Тарас Бульба: [повесть]. Дерпт, 1920.

ЛИТЕРАТУРА

Брянский А.М. По первому разряду // Жизнь искусства. Пгр. 1920. 23–24 сент. № 211–212. С. 1.

[О постановке «Ревизора» Гоголя в МХАТе.]

Гливенко И.И. Этюды по теории поэзии. I. О литературном произведении и литературном изображении. Харьков, 1920. 83 с.

[Индивидуальный портрет в прозе Гоголя и др.]

Львов Н. Инсценировка «Тараса Бульбы» // Вестник театра. Западному фронту. [М., 1920]; спец. выпуск. С. 5.

1921

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечера на хуторе близ Диканьки: повести; Миргород: повести. Берлин: И.П. Ладыжников, 1921. 656 с. – (Русская библиотека).

Кровавый бандурист: глава из романа // Литературный Музеум (Цензурные Материалы 1-го отд. IV секции Гос. архивного фонда) / Под ред. А.С. Николаева и Ю.Г. Оксмана. Пгр., [1921.] С. 27–39.

Оксман Ю.Г. Комментар. С. 347–356.

Майская ночь, или Утопленница; Пропавшая грамота: [повести.] Берлин: И.П. Ладыжников, 1921 (Лейпциг: тип. Шпамера). 61 с.

Мертвые души: [поэма.] Пгр.: Гос. изд-во, 1921. 355 с.

Миргород: повести. Берлин: И.П. Ладыжников, 1921. 656 с. – (Русская библиотека).

Нос: [повесть] / Послесл. проф. И.Д. Ермакова; рис. Алексея Рыбникова, резал на дереве Иван Павлов. М.: Светлана, 1921. 128, [3] с.: ил. 1000 экз.

[Рец.: Казанский музейный вестник. Казань, 1922. № 2. С. 309–310.]

Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. Берлин: И.П. Ладыжников, 1921. 73 с. – (Серия Русская библиотека).

Полное собрание сочинений: В 10 т. [Берлин:] Слово, 1921.

Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки. Ч. 1–2. 337 с.

Яковлев Н. Н.В. Гоголь: биографический очерк.

Предисловие к первому изданию Сочинений Н. Гоголя.

Т. 2: Миргород: повести, служащие продолжением «Вечеров на хуторе близ Диканьки». 355 с.

Т. 3: Повести. 253 с.

Т. 4: Похождения Чичикова или Мертвые души: поэма. Т. 1. 435 с.

Т. 5: Похождения Чичикова или Мертвые души: поэма. Т. 2. 401 с.

Т. 6: Комедии. 331 с.

Т. 7: Драматические отрывки и отдельные сцены. (1832–1837 гг.); Юношеские опыты. 330 с.

Т. 8: Арабески: Разные сочинения. 381 с.

Т. 9: Выбранные места из переписки с друзьями. 334 с.

Приложение: Письмо к Аркадию Осиповичу Россети.

Т. 10: О «Современнике»; Авторская исповедь [и др.]; Произведения, не вошедшие в первое издание Сочинений Гоголя; Сочинения, относящиеся ко второй половине 1840-х гг., изданные после смерти Гоголя. 348 с.

Содерж.: О «Современнике»; Авторская исповедь; Письмо к В.А. Жуковскому; Размышления о Божественной Литургии; Выдержки из карманных записных книжек; Программа лекций Средних веков; Библиография Средних веков; Выдержки из лекций по истории Средних веков;

Альфред (начало трагедии из английской истории); Введение в древнюю историю; Наброски из древней истории; Александр; Петербургские записки 1836 года; Рецензии, помещенные в «Современнике» Пушкина; Рецензии, написанные для «Современника»; Ночи на вилле; Наброски, выписки, отрывки; Мериме; Учебная книга словесности; 1846 год; О сословиях в государстве; Объявление об издании русского словаря: Заметка о сельском хозяйстве; Помещики; Труд; Строки, написанные за несколько дней до кончины.

Полное собрание сочинений: В одном томе / Биографич. очерк. В. Яковенко; ил. Н.А. Зубчанинова и Н.В. Пирогова. М.: Гос. изд-во, 1921, XXI, 1707 с.: ил.

Пропавшая грамота: [повесть.] Берлин: И.П. Ладыжников, 1921. 61 с.

Собрание сочинений: В 10 т. Берлин: Слово (Ульштейн и К), 1921. – (Серия Классики). [Дешевое издание малого формата («в 1/12»)].

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов А. «Чеховиада» // Театральная Москва. М., 1921. № 19–20.

[О новой постановке «Ревизора» Гоголя в МХАТе.]

Беленсон А. Искусственная жизнь / Вступ. статья Н.Н. Евреинова. Обложка и 13 рис. в тексте работы Ю. Анненкова, М.Д. Бурлюка. Пб.: Изд-во Стрелец, 1921. 88, [5] с.

[С. 53–54: Гоголь о театре.]

Бережанский Н. Новое о Пушкине и Достоевском (Письмо из Риги) // Русская книга. Берлин, 1921. № 9. С. 13–14.

[С. 14: О кн.: *Тынянов Ю.* Достоевский и Гоголь (К теории пародии). Пгр.: Опояз, 1921. 48 с.]

Виноградов В. Гоголь и Достоевский // Жизнь искусства. Пгр., 1921. 30 авг. № 806. С. 6.

Виноградов В. Сюжет и композиция повести Гоголя «Нос» // Начала. Пгр., 1921. № 1. С. 82–105.

[С дополнениями перепечатано: *Виноградов В.* Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский. Л.: Academia, 1929.]

[Откл.: *Г.К.* // Библиографические листы. СПб., 1922. № 1. С. 23; *Коган П.С.* Письма о литературе. Письмо второе. О «Перикле». О «носологическом направлении и о товарищах-банщиках» // Известия. М., 1922. 27 июля. № 166(1605). С. 5. См.: гл. IV–V; *Эйхенгольц М.* // Жизнь. М., 1922. № 3. С. 164–171; *Винокур Г.И.* Новая литература по поэтике (обзор) // Лепф. М.; Пгр., 1923. № 1. С. 239–243.]

Груздев И. О маске как литературном приеме (Гоголь и Достоевский) // Жизнь искусства. Пгр., 1921. № 811, 817.

Диспут о «Ревизоре» // Театральная Москва. М., 1921. № 2. С. 6–7.

Додонов В. Грандиозное на фоне безвременья // Экран. М., 1921. № 4.

[О новой постановке «Ревизора» Гоголя в МХАТе.]

Додонов В. О «Ревизоре» и о Чехове // Экран. М., 1921. № 9.

Зноско-Боровский Е.А. «Женитьба» Гоголя по-французски. О переводе Дени Рош // Последние новости. Париж, 1921. 16 июня. № 356.

Коган П.С. «Ревизор» // Экран. М., 1921. 1 окт. № 2. С. 5.

Культура театра: журнал московских ассоциированных театров. М., 1921. № 6. С. 5–6. [Передовая статья о постановке «Ревизора» Гоголя в МХАТе.]

Литературный Музеум (Цензурные материалы I-го отд. IV секции Гос. архивного фонда). Т. 1 / Под ред. А.С. Николаева и Ю.Г. Оксмана. Пб., [1921]. [8], 420 с.

Из содерж.:

Гоголь. – «Кровавый бандурист»: С. 27–39.

- Официальная переписка о «Мертвых душах». С. 41–45.
- Цензурное рассмотрение первого полного собрания сочинений Гоголя. С. 47–66.
- Дело о пособии Гоголю в 1845 году. С. 67–75.
- Официальная переписка о поднесении «Выбранных мест из переписки с друзьями» высочайшим особам. С. 77–80.
- Дело о посмертном издании сочинений Гоголя. С. 81–137.
- Дело о втором издании «Выбранных мест из переписки с друзьями». С. 139–146.
- Дело о напечатании «Учебной книги словесности» Гоголя. С. 147–152.
- Дело о представлении посмертного собрания сочинений Гоголя высочайшим особам. С. 153–157.
- Дело об издании П.А. Кулишом «Сочинений и писем Гоголя». С. 159–165.
- Дело о лейпцигском издании сочинений Гоголя. С. 167–171.
- Официальная переписка по поводу сообщения Ф.В. Булгарина о службе Гоголя в III отделении. С. 173–180.
- Рапорт графа Комаровского о «непозволительных строках» в статье Чернышевского о Гоголе. С. 181–184.
- Коммент. Ю. Оксмана и Вл. Данилова. С. 347–368.
- [Рец.: *Гроссман Л.* // Современное слово. Одесса, 1919. 17 дек. [по корректурным листам]; *Летопись Дома литераторов.* 1921. 1 дек. № 3; *Модзалевский Б.Л.* // Библиографические листы. СПб., 1922. № 2. С. 12–13.]
- Марков П.* Торжество победителей // Театральное обозрение. М., 1921. № 4.
[О постановке «Ревизора» Гоголя в МХАТе.]
- Письмо Н.В. Гоголя к В.И. Григоровичу / Сообщил Д.И. Абрамович // Начала. Пгр., 1921. № 1. С. 129.
[Письмо от 7 января (н. ст.) 1841 г. из Рима.]
- Португалов М.В.* Драматургия XIX века (Этюды и характеристики) // Записки Орловского гос. ун-та. Вып. I. Серия общественных наук. Орел, 1921.
[Трагическое и комическое в творчестве Гоголя: С. 252–254.]
- Разумовский С.* Еще о Чехове-Хлестакове: барчук или чиновник? // Экран. М., 1921. № 15.
- Садко <Блюм В.И.>* Еще о «Ревизоре» в Художественном театре // Театральная Москва. М., 1921. № 7.
[О постановке «Ревизора» Гоголя в МХАТе.]
- Тынянов Ю.* Достоевский и Гоголь: (К теории пародии). Пгр.: Ополз, 1921. 48 с. – (Сборники по теории поэтического языка).
[Перепечатано: *Тынянов Ю.* Архаисты и новаторы. Л.: Прибой, 1926. С. 412–455.]
- [Рец.: *Ольдин П.* <*Лутохин П.Д.*> // Вестник литературы. Пгр., 1921. № 10(34). Окт. С. 8; *Слоанинский А.* // Сб. Достоевский. I. Пгр., 1921. С. 29–30; *Т.Б.* // Книга и революция. Пгр., 1921. № 1. С. 66–67; *Горнфельд А.* Из новой литературы о Достоевском // Летопись дома литераторов. Пгр., 1921. Кн. 2; *С.А.* // Литературная газета. Казань, 1921. № 4; *Выгодский Д.* // Печать и революция. М., 1921. № 3. С. 267; *Плотников И.* // Народное просвещение. Курск, 1922. № 5–6. С. 120–121; *Эйхенгольц М.* // Жизнь. М., 1922. № 3. С. 164–171. Откл.: *Бережанский Н.* Новое о Пушкине и Достоевском (Письмо из Риги) // Русская книга. Берлин, 1921. № 9. С. 13–14; *Виноградов В.* Гоголь и натуральная школа. Л., 1925. С. 16–17.]
- Херсонский Х.* «Ревизор». Жуткий смех сквозь слезы // Известия. М., 1921. 12 окт. № 228(1371). С. 2.
[О постановке «Ревизора» Гоголя в МХАТе.]
- Gutta.* Киевский державный драматический театр // К труду. Екатеринослав, 1921. 7 июля.
[О постановке «Ревизора» Гоголя в театре им. Т. Шевченко.]

1922

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Женитьба; Игроки: [повесть]. Берлин: И.П. Ладыжников, 1922. 128 с.

Невский проспект. Записки сумасшедшего: [повести.] Берлин: И.П. Ладыжников, 1922; (Лейпциг: тип. Шпамера). 83 с.

Нос: повесть / Рис. В.М. Масютина. М.; Берлин: Геликон, 1922. 69 с.: ил.
[Издание отличается особой тщательностью полиграфического исполнения.]
[Репринтное переиздание: М.: Книга, 1989.]

Повести; Переписка с друзьями. Берлин: И.П. Ладыжников, 1922 (Лейпциг: тип. Шпамера). 624 с.

Старосветские помещики: [повесть] / Приспособил для классного и домашнего чтения (с ударениями и подстрочными пояснениями) Н.Н. Троицкий. Ревель: Изд. книжного магазина Ф. Вассерман, 1922. 26 с. – (Русские писатели в выборе и обработке для школ. № 1).

ЛИТЕРАТУРА

Айзеншток И.Я. К вопросу о литературных влияниях (Г.Ф. Квитка и Н.В. Гоголь) // Известия Отделения русского языка и словесности Российской академии наук. Пгр., 1922. Т. 24. Кн. 1. С. 32–42.

Андреевич (Соловьев Е.А.). Опыт философии русской литературы. 3-е изд. М.: Гос. изд-во, 1922. 418 с.

О «Петербургских повестях» Гоголя. С. 192–194.

Андреевич (Соловьев Е.А.). Собрание сочинений. Т. I: Опыт философии русской литературы. Казань: Молодые силы, 1922. 320 с. – (Наши критики и публицисты).
[Гоголь: С. 143–145.]

Анциферов Н.П. Душа Петербурга / Гравюры на дереве А.П. Остроумовой-Лебедевой. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1922. 226, [1] с.: ил.

С. 75–86: Образ Петербурга в творчестве Гоголя (В статье «Образы Петербурга»).

[Переиздано: М.: Лира, 1990; Л.: Лениздат, 1991; М.: Бертельсманн Медиа Москау (БММ), 2014.]

Белецкий А. Достоевский и натуральная школа в 1846 году // Наука на Украине. Харьков, 1922. № 4. С. 332–342.

[О влиянии Гоголя на Ф.М. Достоевского.]

Булгаков М.А. Похождения Чичикова // «Литературное приложение» № 19 к газете «Накануне». Берлин, 1922. 24 сент.

[То же: Бакинский рабочий. Баку, 1922. 9 окт. Переиздано: *Булгаков М.А.* Дьяволиада: рассказы. М.: Недра, 1925; *Булгаков М.А.* Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2: Дьяволиада; Роковые яйца; Собачье сердце; Рассказы; Фельетоны. М.: Художественная литература, 1989.]

Виноградов В.В. Стиль петербургской поэмы «Двойник» (Опыт лингвистического анализа) // Ф.М. Достоевский: Статьи и материалы / Под ред. А.С. Долинина. Пгр.: Мысль, 1922. С. 211–254.

[Сравнение стилей Ф.М. Достоевского и Гоголя.]

[С дополнениями вошло в кн.: *Виноградов В.В.* Эволюция русского натурализма. Л., 1929. Перепечатано: *Виноградов В.В.* Поэтика русской литературы: Избранные труды / Редкол.: М.П. Алексеев, Ю.А. Бельчиков, В.Г. Костомаров, Д.С. Лихачев, Ю.В. Рождественский, Н.И. Толстой, Н.Ю. Шведова; отв. ред. тома М.П. Алексеев, А.П. Чудаков. М.: Наука, 1976. С. 101–140.]

[Рец.: // Леф. М.; Пгр., 1923. № 2. С. 153–154.]

Г.П. Два слова о тексте «Ревизора» // Еженедельник гос. академических театров. Пгр., 1922. № 3. С. 11–12.

[Различия сценического и печатного текста «Ревизора» Гоголя.]

Глебов И. Русская поэзия в русской музыке. 2-е изд. Пгр.: Петроградская гос. академическая филармония, 1922. 152 с.

[Творчество Гоголя в русской музыке: С. 10, 39–40.]

Груздев И. О приемах художественного повествования // Записки Передвижного театра. Пгр., 1922. № 40. С. 2–3; № 41. С. 2–3; № 42. С. 1–2.

[О приемах повествования от первого лица в произведениях Гоголя и др.]

Гурский В.К. «Ревизор» Станиславского и... Гоголя (К постановке его на сцене МХАТ и исполнению М.А. Чеховым роли Хлестакова). М., 1922. 20 с.

[Рец.: *Марков П.* // Жизнь. М., 1922. № 3. С. 5–6.]

Долинин А.С. Пушкин и Гоголь (К вопросу об их личных отношениях) // Пушкинский сборник памяти проф. С.А. Венгерова. М.; Пгр.: Гос. изд-во, 1922 [на обл.: 1923.] С. 181–197. – (Пушкинист / Под ред. Н.В. Яковлева. IV).

Егоров И.В. Общественность в русской художественной литературе XIX века. Пгр.: Редакционно-издательский отдел Морского комиссариата, 1922. XVI, 226 с.

Николаевская эпоха в творчестве Гоголя. С. 51–71.

[Рец.: *Линсцер Г.* // Казанский библиофил. Казань, 1923. № 4. С. 156–163.]

Ермаков И.Д. Очерки по анализу творчества Н.В. Гоголя (органичность произведений Гоголя). М.; Пгр.: Гос. изд-во, [1923]. 252, [1] с. – (Психологическая и психоаналитическая библиотека. Серия по художественному творчеству; вып. 16).

Записка Гоголя к Н.П. Боткину / Примеч. Б.Л. Модзалевского // Радуга: альманах Пушкинского Дома. Пб.: Кооперативное издательство литераторов и ученых, 1922. С. 126–135.

[Записка от 27 августа 1835 г. Москва.]

З<озуля> Еф. Печальная комедия. Товарищ Хлестаков // Экран. М., 1922. № 18. С. 5.

[О пьесе Д. Смолина «Товарищ Хлестаков» в Гостекомдраме (Москва).]

Зритель. Эксцентрики. «Женитьба». Спектакль 25 сентября (вместо рецензии) // Современное обозрение. Пгр.; М., 1922. № 1. С. 15.

Карачевцев С. Запрещенные страницы Гоголя // Последние новости. Париж, 1922. 14 июня. № 661; 15 июня. № 662.

[Публ. главы «Кровавый бандурист» из неоконченного романа.]

Коломийцев В. Гоголь в музыке // Вестник театра и искусства. Пгр., 1922. № 19. С. 5–6.

Короленко В.Г. Письма 1888–1921 / Под ред. Б.Л. Модзалевского. Пгр.: Изд-во Время, 1922. 351, [1] с. – (Труды Пушкинского Дома при Российской Академии наук).

[О гоголевских днях в Полтаве в 1902 г. С. 192–193.]

Ларош Г.А. Собрание музыкально-критических статей. Т. II. Ч. I. М.: Гос. музыкальное изд-во, 1922. IV, 183 с.

[«Кузнец Вакула». С. 125–135; «Черевички». С. 146–152.]

Литературный Музеум: сб. цензурных материалов (Е.А. Боратынский, Д.В. Веневитинов, Н.В. Гоголь) // Последние новости. Париж, 1922. 14 янв. № 536.

Переверзев В.Ф. Из истории русского романа. Гоголевский стиль в новейшей литературе. Алексей Н. Толстой // Московский понедельник. М., 1922. 25 сент. № 15. С. 2–3.

Поленова Н.В. Абрамцево. Воспоминания. М.: М. и С. Сабашниковы, 1922. 106 с.: ил. [В частности, Гоголь и С.Т. Аксаков.]

Рыбникова М.А. Работа словесника в школе. М.; Пб.: Гос. изд-во, 1922. 180, [1] с. – (Труды Отделения русского языка и литературы Центрального гуманитарного педагогического ин-та).

[Гл. 3: Толстовская выставка (В приложении – сравнение двух редакций «Тараса Бульбы», звукопись, ритм, эпитеты и индивидуальная речь гоголевских героев).]

[См. также: *Рыбникова М.А.* Избранные труды / Академия педагогических наук РСФСР; редкол.: Д.Д. Благой [и др.]; сост. В.В. Щевелев. М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1958. 609, [2] с.]

[Указ. имен.]

Ссылка: http://elib.gnpbu.ru/text/rybnikova_izbrannye-trudy_1958/

Сборник Пушкинского Дома на 1923 год: Пушкин, Дельвиг, Крылов, Жуковский, Тургенев, Писарев, Герцен, Чернышевский, Полонский, Стасов, Л. Толстой. Пгр.: ГИЗ, 1922. 332 с.

[С. 116: упоминание о чтении «Мертвых душ» Гоголя в письме В.А. Жуковского к Н.И. Гречу.]

Семашко Н. Хлестаков с медицинской точки зрения // Известия ВВДК. 1922. 1 марта.

Семашко Н. Хлестаков (Чехов) с медицинской точки зрения // Известия. 1922. 16 марта.

Трауберг Л. «Мы просим извинения, если...» // Современное обозрение. Пгр.; М., 1922. № 1. С. 14–15.

[О постановке «Женитьбы» Гоголя в Александринском театре 25 сентября 1922 г.]

Ч. Товарищ Хлестаков // Экран. М., 1922. № 18. С. 6.

[О пьесе Д. Смолина «Товарищ Хлестаков» в Гостекомдраме (Москва).]

Шлецер В. Вечера на хуторе близ Диканьки (во французском переводе) // Последние новости. Париж, 1922. 6 янв. № 530.

1923

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Ревизор: [комедия]. Таллин, 1923. 120 с.

Шинель / С приложением словаря, сост. А.И. Афанасьевым-Козловым и М.М. Кампаном. Юрьев: В.Э. Бергман, 1923. 48 с. – (Русские классики для эстонских школ / Под ред. А.И. Афанасьева-Козлова и Б.В. Правдина).

ЛИТЕРАТУРА

А.Я. «Ревизор» (театр им. Шевченко) // Голос труда. Екатеринослав, 1923. 20 марта. № 68.

Айзеншток И.Я. К вопросу о литературных влияниях (Г.Ф. Квитка и Н.В. Гоголь) // Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук. Пгр, 1923. Т. XXIV. Кн. 1–2. С. 23–42.

Бахрушин Ю. Лев Толстой и Гоголь // Театр и музыка. М., 1923. № 26. С. 885–886.

[О влиянии Гоголя на мировоззрение Л.Н. Толстого. С приложением снимка с письма Толстого к Н.Н. Страхову.]

Белинский В.Г. Письмо к Гоголю / Предисл. П.С. Когана. М.: Изд. Красная новь, 1923. 28, [4] с. [Рец.: *В.Ф.* // Книгоноша. М., 1923. № 7. С. 7.]

Белинский В.Г. Статьи о Гоголе: О русской повести и повестях Гоголя; «Похождения Чичикова или Мертвые души»; Несколько слов о поэме Гоголя: «Похождения Чичикова или Мертвые души»; Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души». М.; Пгр.: Гос. изд-во, 1923. 148, [2] с. – (Классики русской литературы; 65).

Бельчиков Н. К истории «Письма из С.-Петербурга о смерти Гоголя» // Документы по истории литературы и общественности. Вып. 2: И.С. Тургенев: сб. статей. М.; Пгр.: Гос. изд-во, 1923. С. 160–164.

[Публ. докладов III отделения о Е.М. Феоктистове и В.П. Боткине, содействовавших напечатанию письма И.С. Тургенева о смерти Гоголя в «Московских Ведомостях».]

<*Боткин В.П.*> Письма В.П. Боткина. II: Из писем В.П. Боткина к Белинскому / Публ. Н.В. Измайлова // Литературная мысль: альманах. Пгр.: Мысль, 1923. С. 159–197.

[С. 181: Письмо от 18 апреля 1842 г. – об издании «Мертвых душ». С. 182: О «Женитьбе» Гоголя.]

Волькенштейн В. Драматургия. Метод исследования драматических произведений. М.: Новая Москва, 1923. 181, [1] с.

[В качестве примеров использованы комедии Гоголя.]

Гастроли «франківців». «Ревизор» // Знамя революции. Таганрог, 1923. 3 авг. № 12.

Гоголь у шевченковців // Голос труда. Екатеринослав, 1923. 8 апр. № 78.

Голубков В.В. Рабочая книга по литературе для II ступени, VIII группа. М.; Л.: Гос. изд-во, 1923. 167 с.: ил. – (Учебные пособия для школ I и II ступени.)

Отд. III: Литература русского мелкопоместного дворянства первой половины XIX века. Н.В. Гоголь. С. 204–222.

[2-е и 3-е изд.: М.; Л., 1927: 4-е, 5-е, 6-е, 7-е изд.: М.; Л., 1928; 8-е изд., перераб.: М.; Л., 1929.]

Данилов Вл. «Мертвые души» Гоголя как хроника русской жизни 20-х и 30-х годов // Родной язык в школе. М., 1923. Кн. 4. С. 3–10.

Дмитриев-Мам<онов> Э.А. Отрывок из Мертвых душ // Новые Пропилеи: литературно-художественный сб. / Под ред. М.О. Гершензона. Т. I. М.; Пгр.: Гос. изд-во, 1923. С. 377–79. [Пародия.]

Евреинов Н.Н. Драматические сочинения. Т. 3: Пьесы из репертуара Кривого зеркала. Пгр.: Academia, 1923. 132 с.

«Ревизор». Режиссерская буфонада в пяти построениях одного отрывка. С. 9–12.

[Премьера «Ревизора» Гоголя в театре «Кривое зеркало» 11 декабря 1912 г.]

Записка Гоголя к П.В. Нащокину / Примеч. И.Л. Поливанова // Искусство: журнал Российской академии художественных наук. М., 1923. № 1. С. 329–330.

[С приложением факсимиле. Последняя треть декабря (после 21-го числа) 1839 г. – начало января 1840 г. Москва.]

Иванов-Разумник Р.В. Книга о Белинском. Пгр.: Мысль, 1923. 274, [1] с.

[О Гоголе: С. 104–105, 132–135, 154–157, 176–179, 181–182, 252–253.]

Исправление «Ревизора» (Беседа с П.П. Гнедичем) // Красная газета (веч. вып.). Пгр., 1923. 10 июля. № 161. С. 3.

[О тексте комедии Гоголя.]

История русской литературы XIX в.: В 5 т. / Под ред. Д.Н. Овсяннико-Куликовского. При ближайшем участии А.Е. Грузинского и П.Н. Сакулина. Пгр.: Издание [2-е стереотип.] т-ва «Мир» [1923 (на обл.: 1924).]

Т. I. Кн. 2: 1825–1855. 431 с.

Ветринский Ч. (Чешихин В.Е.). Сороковые годы XIX в.

[О Гоголе: С. 147–150, 162.]

Замотин И.И., проф. Литературные течения и литературная критика 30-х годов. С. 277–330.

Художественный реализм в литературе 30-х гг. Н.В. Гоголь. С. 309–311.

Т. 2. Кн. 2. 428 с.

Коробка Н.И. Н.В. Гоголь. С. 280–331.

Библиография сочинений Гоголя и литературы о нем. С. 416–417.

Кузьминский К.С. Художник-иллюстратор А.А. Агин, его жизнь и творчество. М.; Пгр.: Гос. изд-во, 1923. 156 с.: ил.

[А.А. Агин как иллюстратор «Мертвых душ» Гоголя.]

Минский <Виленкин> Н.М. Короленко и Гоголь // Грани. Берлин, 1923. Кн. 2. С. 161–174.

Овсяннико-Куликовский Д.Н. Собрание сочинений. Т. I: Гоголь. 5-е изд. М.; Пгр.: Гиз. 1923. 160 с.

[Рец.: *Переверзев В.Ф.* // Печать и революция. М., 1923. № 7 С. 253.]

Переверзев В. [Гоголь и Зоценко] // Печать и революция. М., 1923. № 4. С. 128–129.

Пиксанов Н.К. Два века русской литературы. Введение. Темы для литературных работ. Систематическая библиография. Руководящие вопросы: Пособие для высшей школы, преподавателей словесности и самообразования. М.; Пгр.: Гос. изд-во, 1923. 279 с.

[О Гоголя: С. 96–100, 133–147, 218].

[2-е изд.: М., 1924.]

Письмо Гоголя к В.Г. Белинскому / Сообщил Р. Кантор // Красный архив: исторический журнал. М., 1923. Т. 3. С. 309–312.

[Конец июля – начало августа (н. ст.) 1847 г. Остенде. С приложением факсимиле письма.]

Поливанов И.Л. Автографы из собрания Л.И. Поливанова // Искусство: журнал Российской академии художественных наук. М., 1923. № 1. С. 311–341.

[Отд. оттиск: *Поливанов И.Л.* Из архива Поливанова. М.: Российская академия художественных наук, 1923. [2], 311–341 с., 5 л. факсимиле. 300 экз.]

Записка П.В. Нащокина к Гоголю / Примеч. И.Л. Поливанова. С. 330–331.

[Время написания записки – декабрь (после 21 числа) 1839 г. Москва.]

<*Пушкин А.С.*> Дневник Пушкина 1833–1835 / Под ред. и с объяснит. примеч. Б.Л. Модзалевского и со статьей П.Е. Щеголева. М.; Пгр.: Гос. изд-во, 1923. 275 с.

[О Гоголе: С. 3, 12, 16, 57, 58, 133, 134, 172.]

<*Пушкин А.С.*> Дневник А.С. Пушкина (1833–1835). М.; Пгр.: Гос. изд-во, 1923. 578 с. – (Труды гос. Румянцевского музея. Вып. I).

[Взаимоотношения А.С. Пушкина и Гоголя. Комментар. М.Н. Сперанского: С. 169–180. Комментар. В.Ф. Саводника: С. 367–368.]

Саводник В.Ф. Очерки по истории русской литературы XIX века. Ч. 1. 9-е изд., перер. М.; Пгр.: Гос. изд-во, 1923. 232 с. – (Учебники и учебные пособия для трудовой школы). Гоголь. С. 166–199.

Слонимский А.Л. Техника комического у Гоголя. Пгр.: Изд-во Academia, 1923. 65 с. – (Российский институт истории искусств. Вопросы поэтики. Непериодическая серия, издаваемая Разрядом истории словесных искусств).

[Рец.: *Розенталь Л.* // Печать и революция. М., 1923 № 7. С. 253–255; *Дин<амов> С.* // Книгоноша. М., 1923. № 24. 10 нояб. С. 9; *Медведев П.* // Записки Передвижного театра. Пгр., 1923. № 67. С. 8. Откл.: *Виноградов В.* Гоголь и натуральная школа. Л., 1925. С. 18–20.]

Соловьев (Андреевич) Е.А. Очерки из истории русской литературы XIX века. 4-е изд., испр. [М.:] Новая Москва, 1923. 664 с.

[О Гоголе: С. 119–121, 124–130.]

Т.Я. Фонвизин и Гоголь в Малом театре // Известия. М., 1923. 25 марта. № 66. С. 5.

[Комедия Гоголя «Игроки».]

Тургенев И.С. Литературные и житейские воспоминания / Выбрал и подгот. к печати Н.Л. Бродский. М.; Пгр.: Гос. изд-во, 1923. 148 с. – (Классики русской литературы. 113). Гоголь (Жуковский, Крылов, Лермонтов, Загоскин). С. 65–89.

[Указ. имен.]

Тынянов Ю.Н. Иллюстрации // Книга и революция. Пгр., 1923. № 4(28). С. 15–19.
[Проблема иллюстрирования произведений Гоголя.]

Федоров Н. Из конспекта по истории русской литературы XIX века (По эпохам николаевской и «великих реформ»). Смоленск: Изд. студентов Смоленского рабфака, 1923. 36 с. (На правах рукописи).

[С. 13–19: Н.В. Гоголь. I. Творчество Гоголя (Основные этапы его развития). II. Гоголь как пейзажист. III. Гоголевский жанр. IV. Гоголь как художник-портретист. V. Гоголь – психолог. VI. Гоголевские типы. VII. Виды «небокоптителей». VIII. Казацкие образы у Гоголя.]

Цейтлин А. Марксисты и «формальный метод» // Леф. М.; Пгр., 1923. №3. С. 114–131.
[С. 122–127: О книге В.Ф. Переверзева «Творчество Гоголя».]

Цейтлин А.Г. Повести о бедном чиновнике Достоевского (К истории одного сюжета). М.: Главлит, 1923. [2], 62 с.

[Повести Гоголя и Ф.М. Достоевского в ряду повестей с сюжетом о «бедном чиновнике».]

[Рец.: Нечаева В. // Печать и революция. М., 1923. Кн. IV. С. 270–271. Откл.: Виноградов В. Гоголь и натуральная школа. Л., 1925. С. 65–67.]

<Шумахер Ю.> Письмо Ю. Шумахера к Н.М. Сатину // Новые Пропилеи: литературно-художественный сб. / Под ред. М.О. Гершензона. Т. I. М.; Пгр.: Гос. изд-во, 1923. С. 32–33.
[Письмо от 5 марта 1852 г. о похоронах Гоголя.]

Энгельгардт Н. Подколесин, Освальд и Гамлет // Записки Передвижного театра. Пгр., 1923. № 53. С. 3–4.

[О «Женитьбе» Гоголя и игре П.П. Гайдебурова в роли Подколесина.]

1924

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Петербургские повести / Ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума). М.; Пгр.: Гос. изд-во, 1924. 186, [2] с. 3000 экз.

[Текст печатается по прижизненным изданиям.]

ЛИТЕРАТУРА

Авенариус В.П. Дытына-поросенок: картинки из молодости Н.В. Гоголя (по повести В.П. Авенариуса «Гоголь-студент»). Пгр.: Начатки знаний, 1924. 15 с. – (Детская театральная библиотека. № 12).

[2-е изд.: Л.: Начатки знаний, 1925.]

Александров Н. А.О. Смирнова (Об ее жизни и характере) // Историко-литературный сборник: посвящается В.И. Срезневскому. Л.: Отделение русского языка и словесности Российской академии наук, 1924. С. 297–334.

[Гоголь и А.О. Смирнова.]

Ардов В. «Женитьба» в 3 студии // Рабочий зритель. М., 1924. № 6. С. 12.

Багрий А.В. Формальный метод в литературе (Библиография). [Вып. 1.] Владикавказ, 1924 [на обл.: 1925]. 268 с.

[С. 126–138: Изложение содержания работ А.Л. Слонимского, Б.М. Эйхенбаума. Упомянуты работы Ю.Н. Тынянова, В.В. Виноградова, В.В. Гиппиуса.]

Бескин Э. Литургия «Женитьбы» в 3-й студии МХТ // Новый зритель. М., 1924. № 5. С. 8.

Бескин Э. «Ревизор» в театре МГСПС // Новый зритель. М., 1924. 2 дек. № 47. С. 6–7.

[Театр МГСПС – театр рабочих Московского губернского совета профессиональных союзов.]

Виноградов В. Сюжет и архитектоника романа Достоевского «Бедные люди» в связи с вопросом о поэтике натуральной школы // *Творческий путь Достоевского: сб. статей / Под ред. Н.Л. Бродского.* Л.: Книгоизд-во Сеятель, 1924. С. 49–103.

[Ф.М. Достоевский и Гоголь.]

[С изменениями вошло в кн.: *Виноградов В.* Эволюция русского натурализма. Л., 1929. Перепечатано в кн.: *Виноградов В.В.* Поэтика русской литературы: Избранные труды / Редкол.: М.П. Алексеев, Ю.А. Бельчиков, В.Г. Костомаров, Д.С. Лихачев, Ю.В. Рождественский, Н.И. Толстой, Н.Ю. Шведова; отв. ред. тома М.П. Алексеев, А.П. Чудаков. М.: Наука, 1976. С. 141–187.]

Владиславлев И.В. Русские писатели: Опыт библиографического пособия по русской литературе XIX–XX ст. 4-е изд., перераб. и значительно доп. М.; Л.: Гос. изд-во, 1924. VIII, 445 с. Гоголь: С. 27–35.

[1-е изд.: 1908; 2-е изд.: 1913; 3-е изд.: 1918.]

Волков Н.Д. «Ревизор» в театре МГСПС // *Труд. М., 1924.* 17 нояб.

Гиппиус В. Гоголь. Л.: Мысль, 1924. 237, [2] с.

[Содерж.: I. Первые влияния и первая идиллия. II. Демонология и фарс. III. Эстетика. IV. История. V. Современность и вторая идиллия. VI. Миссия комического писателя. VII. Новые эстетические манифесты VIII. Морализм. IX. Поэма. X. Сборище уродов. XI. Третья идиллия. XII. Поражение. XIII. Последний творческий путь. XIV. Смерть.

[Переиздано: *Гиппиус В.В.* Гоголь; *Зеньковский В.В.*, протопресвитер. Н.В. Гоголь. СПб: Logos, 1994. – (Судьбы. Оценки. Воспоминания). С. 9–188.]

[Рец.: *Эйхенбаум. Б.* // *Русский современник.* Л., 1924. № 3. С. 268–269; *Анисимов И.* // *Книгоноша.* М., 1924. 19 июля. № 28. С. 10; *Филипович П.* // *Україна.* Киев, 1924. № 4. С. 168–170; *Дмитриев С.* // *Родной язык в школе.* М., 1926 № 8. С. 207–208. Откл.: *Виноградов В.* Гоголь и натуральная школа. Л., 1925. С. 24–30; *Переверзев В.* Творчество Гоголя. Л., 1926. С. 3–4.]

<Гоголь Н.В.> Н.В. Гоголь в воспоминаниях современников и переписке / Сост. В.В. Каллаша. [2-е] изд. М.: Т-во В.В. Думнова, насл. бр. Салаевых, 1924. 168 с. – (Историко-литературная библиотека / Под ред. Н.Л. Бродского, А.Е. Грузинского, Н.М. Мендельсона Н.П. Сидорова. Вып. 9).

[1-е изд. Сытина. М., 1909.]

Содерж: Воспоминания: П.В. Анненкова, С.Т. Аксакова, И.С. Тургенева, И.И. Панаева, А.О. Смирновой, Л.И. Арнольди, кн. Д.А. Оболенского, Н.В. Берга. Свод известий о дальнейшем содержании «Мертвых душ». Письма. Указатель литературы о Гоголе.]

[Рец.: *Благой Д.* // *Печать и революция.* М., 1924. № 3. С. 238–240.]

Г<орodeцкий> С. Где Гоголь? // *Искусство трудящимся.* М., 1924. 9–14 дек. № 2. С. 12–13.

Два мнения // *Рабочий зритель.* Л., 1924. № 32–33.

[О постановке «Ревизора» Гоголя в театре Московского губернского совета профсоюзов.]

Ермаков И.Д., проф. Очерки по анализу творчества Н.В. Гоголя (Органичность произведений Гоголя). М.; Пг.: Гос. изд-во, 1924. 253 с. – (Психологическая и психоаналитическая библиотека / Под ред. И.Д. Ермакова. Серия по художественному творчеству. Вып. XVI).

[Рец.: *Гинзбург Л.Я.* // *Русский современник: литературно-художественный журнал.* Л.; М., 1924. № 4. С. 259–261; перепечатано: *Гинзбург Л.Я.* Работы довоенного времени: Статьи. Рецензии. Монография. СПб: ИД «Петрополис», 2007. С. 357–359; *Переверзев В.Ф.* // *Печать и революция.* М., 1924. № 3. С. 236–237; *Бюллетень книги.* М.; Пгр., 1923. № 4.]

[Переиздано: *Ермаков И.Д.* Психоанализ литературы. Пушкин. Гоголь. Достоевский / Сост. М.И. Давыдовой; вступ. статьи А. Эткинды и М.И. Давыдовой; коммент. Е.Н. Строгановой и М.В. Строганова. М.: Новое литературное обозрение, 1999. С. 157–344.]

Золотарев С.А. Общедоступные очерки по истории русской литературы: Пособие для самообразования. М.: Т-во В.В. Думнов, насл. бр. Салаевых, 1924. 222, [3] с.

[О Гоголе: С. 112–117.]

Красногорский В.П. Новая статья Пушкина (Пушкин о Гоголе) / Послесл. С.Д. Балухатого // *Наш труд.* М., 1924. № 2. С. 106–120.

[Публ. «Письмо к издателю» А. Б. [А.С. Пушкина] с коммент.]

Летопись жизни Белинского / Сост. Н.Ф. Бельчиков, П.Е. Будков и Ю.Г. Оксман; Ред. Н.К. Пиксанова. Л. М.: Гос. изд-во, 1924. 283 с. – (Российская Академия художественных наук, литературная секция).

[Указ. имен.]

Луначарский А.В. Гоголь // Красная новь. М., 1924. Кн. 12. С. 248–284.

<Макс А.> Ваше мнение о премьере. «Женитьба» // Зрелища. М., 1924. № 73.

Марков П.А. «Ревизор» (театр МГСПС) // Правда. М., 1924. 28 нояб. № 271; 29 нояб. № 272.

[О постановке «Ревизора» Гоголя в театре рабочих Московского губернского совета профессиональных союзов.]

Масс В. Мертвые души в театре им. В.Ф. Комиссаржевской // Новый зритель. М., 1925. № 12. С. 12–13.

МГСПС. Эрмитаж. «Ревизор». Беседа с Валерием Бебутовым // Искусство трудящимся. М., 1924. № 2. С. 12.

[О постановке «Ревизора» Гоголя в театре рабочих Московского губернского совета профессиональных союзов.]

Мертвые души. Беседа с руководителем театра им. Комиссаржевской т. Сахновским // Новый зритель. М., 1925. № 10. Отд. «В производстве». С. 10–11.

Овсяннико-Куликовский Д.Н. Собрание сочинений. Т. 7: История русской интеллигенции. Ч. I. 6-е изд. М.: Гос изд-во, 1924. 269 с.

[О Гоголе: С. 150–154, 160, 161, 165. 167–193.]

Переверзев В.Ф. Творчество Гоголя. Иваново-Вознесенск, 1924. 175 с.

[4-е изд.: Иваново-Вознесенск: Основа, 1928. 183 с. Переиздано: *Переверзев В.Ф.* Гоголь. Достоевский. М.: Советский писатель, 1982.]

Пиксанов Н.К. Два века русской литературы. Введение. Темы для литературных работ. Систематическая библиография. Руководящие вопросы. Пособие для высшей школы, преподавателей словесности и самообразования. 2-е изд., перер. М.: Гос. изд-во, 1924. 282 с.

О Гоголе: С. 96–100, 133–147, 218.

[1-е изд.: М., 1923.]

[Народная фантастика у Гоголя. Романтика «Тараса Бульбы». Творческая история «Тараса Бульбы». Гротеск у Гоголя. Романтическая фантастика у Гоголя. Гоголевская школа в русской поэзии. Художественные приемы Гоголя. Стиль Гоголя. Украинская стихия в творчестве Гоголя. Украинская стихия в великорусской беллетристике. Творческая история «Мертвых душ». «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя. Религиозный тип Гоголя. Оценка книги С.А. Венгерова о Гоголе. Мать Гоголя. Рефлексы славянофильства в творчестве Гоголя.]

Пушкин А.С. Новые тексты. IV. Письмо к издателю // Атеней: историко-литературный временник. Кн. 1–2. Л.: Изд-во Атеней, 1924. С. 6–11.

[Письмо за подписью «А.Б.», напечатанное в «Современнике» (1836. Кн. 3) и направленное против статьи Гоголя «О движении журнальной литературы». С. 15–24; коммент. Ю.Г. Оксмана. Выяснение разногласий Пушкина и Гоголя по вопросам журнальной политики. Доказательства принадлежности Пушкину этого письма.]

[Рец.: *Груздев И.* // Русский современник. Л., 1924. № 2. С. 290–292; ответ Ю.Г. Оксмана: По поводу одной «рецензии» // Атеней. Кн. III. Л., 1926. С. 157–159.]

Пушкинский Дом при Российской Академии наук. Исторический очерк и путеводитель. Л., 1924. 175 с.

[О Гоголе: С. 68–69 и др.]

«Ревизор». Театр МГСПС (Рабкоры о «Ревизоре») // Рабочий зритель. М., 1924. № 32–33. С. 8–10.

«Ревизор». Беседа с Валерием Бебутовым // Искусство трудящимся. М., 1924. 9–14 дек. № 2. С. 12.

Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского: Опыт критического комментария. Берлин: Разум, 1924. 266 с.

[Впервые: Русский Вестник. 1891. № 1–4. Отд. изд.: Николаев, 1894.]

Ромашев Б. Гоголь в студии им. Вахтангова. «Женитьба» в студии МХАТ // Известия. М., 1924. № 32.

С. Г<орodeцкий>. Где Гоголь? // Искусство трудящимся. М., 1924. 9–14 дек. № 2. С. 12–13.

[По поводу беседы с В. Бебутовым о постановке «Ревизора» в театре МГСПС.]

Садко <Блюм В.И.>. «Ревизор» в театре МГСПС // Вечерняя Москва. М., 1924. 27 нояб. № 272.

Сакулин П.Н. Русская литература и социализм. Ч. I: Ранний русский социализм. 2-е перераб. изд. М.: Гос. изд-во, 1924. 536 с.

[О Гоголе: С. 463–465.]

<Тургенев И.С.> Из неизданных писем И.С. Тургенева к В. Ральстону // Недра. М., 1924. Кн. 3. С. 178–203; Кн. 4. С. 267–280.

[42 письма И.С. Тургенева к английскому критику, знатоку русской литературы Вильяму Ральстону; в частности, отзывы о Гоголе.]

Украинская государственная драма. «Ревизор» // Пролетарий. Харьков, 1924. 15 февр. № 38.

Шаховской Д.А. Гоголь и мы // Студенческие годы. Прага, 1924. № 13. С. 11.

Шумский Л. «Женитьба» (3-я студия) // Вечерние известия. М., 1924. 5 янв.

Эйхенбаум Б.М. Сквозь литературу: сб. статей. Л.: Academia, 1924. 282 с. – (Вопросы поэтики. Вып. 4).

Из содерж.:

Иллюзия сказа: С. 152–156.

Как сделана «Шинель» Гоголя. С. 171–196.

[Рец.: *Переверзев В.* // Печать и революция. М., 1925. № 1. С. 269.]

Эр. «Ревизор» в театре МГСПС // Известия. М., 1921. 19 дек. № 290. С. 7.

Эрманс В. «Ревизор» Гоголя по Бебутову и Кузнецову // Новая рампа. М., 1924. 2–7 дек. № 25. С. 4–6.

[Отзывы. Б. Гиммельфарба, В. Ивинга, Ю. Писаренко, Д. Угрюмова и В. Эрманса о постановке «Ревизора» в театре рабочих Московского губернского совета профессиональных союзов.]

Эттингер Иллюстрированный «Ревизор» в немецком переводе // Печать и революция. М., 1924. № 6. С. 99–104.

[Об издании мюнхенским издательством Бухена и Рейхерт «Ревизора» Гоголя в переводе Эриха Мюллера, с иллюстрациями Лео Пазетти.]

1925

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Избранные сочинения: Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. Шинель. Ревизор. Л.: Рабочее изд-во «Прибой», 1925. 176 с. – (Избранные произведения русских классиков).

Избранные сочинения. Похождения Чичикова или Мертвые души: поэма. Л.: Рабочее изд-во «Прибой», 1925. 246, [2] с. – (Избранные сочинения русских классиков).

Тарас Бульба: повесть. Уфа: Башкнигоиздат, 1925. 118 с.

ЛИТЕРАТУРА

Авенариус В.П. Дытына-поросенок: картинки из молодости Н.В. Гоголя (по повести В.П. Авенариуса «Гоголь-студент»). [2-е изд.] Л.: Начатки знаний, 1925. 15 с. – (Детская театральная библиотека).

Адамович Г. <<Музей Рогаткина> Поля Морана. – Гоголь в переводе <Б. Шлецера> // Звено. Париж, 1925. 4 мая. № 118. С. 2.

[Отзыв об изд.: Gogol Nicolas. Recits di Petersbourg. Trad. par B. Shloezer. Paris, 1925.]

[Переиздано: *Адамович Г.* Собрание сочинений. Литературные беседы. Книга 1 («Звено»: 1923–1926). СПб.: Алетейя, 1998. С. 210–213.]

Андерсон В. Где испепелилась мертвая душа // Красная газета (веч. вып.). Л., 1925. 17 авг. № 200. С. 4.

[Дом, где умер Гоголь.]

Багрий А.В. Русская литература XIX – первой четверти XX вв.: Пособие к лекциям. Изд. восточного факультета Азербайджанского гос. ун-та. Баку, 1926. 450 с.

Гл. IV: Николай Васильевич Гоголь. С. 66–77.

<*Бартенева П.И.*>. Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П.И. Бартенева в 1851–1860 годах / Вступ. статья и примеч. М.А. Цявловского. Л.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1925. 140 с. – (Записи прошлого. Воспоминания и письма / Под ред. С.В. Бахрушина и М.А. Цявловского. 4).

[Характеристика отношений А.С. Пушкина к Гоголю, сделанная П.В. Нащокиным: С. 44–45, 115–117.]

Бельчиков Н. Похороны Н.В. Гоголя // Красный архив: исторический журнал. М.; Л., 1925. Т. 2(9). С. 300–303.

[Публ. письма графа А. Закревского к шефу жандармов А.Ф. Орлову от 29 февраля 1852 г. о похоронах Гоголя. С. 300–301.]

Благой Д.Д. Мураново. Литературная экскурсия. Усадьба 40-х годов. Дом поэта Боратынского. Гоголевская комната. Кабинет И.С. Аксакова. Музей Тютчева. Акц. изд-ское общ., М., 1925. 80 с.: ил. – (Серия сборников по устройству общеобразовательных экскурсий. Вып. VI).

Блюм В. Спектакль украинского театра. «Вий» // Рабочая газета. М., 1925. 26 апр. № 90.

Булгаков М.А. Дьяволиада: рассказы. М.: Недра, 1925. 160 с.

Похождения Чичикова.

[Впервые: «Литературное приложение» № 19 к газете «Накануне». 1922. 24 сент. То же: // Бакинский рабочий. 1922. 9 окт. Переиздано: *Булгаков М.А.* Дьяволиада: рассказы. М.: Недра, 1926; *Булгаков М.А.* Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2: Дьяволиада; Роковые яйца; Собачье сердце; Рассказы; Фельетоны. М.: Художественная литература, 1989.]

Валерин С. Гастроли украинского театра. «Вий» // Наша газета. М., 1926. 16 апр. № 87.

Виноградов В.В. Гоголь и натуральная школа. Л.: Образование, 1925. 76 с.

[Критический обзор новой русской и отчасти иностранной литературы о Гоголе. Схематический очерк эволюции творчества Гоголя. Постановка вопроса о зависимости натуральной школы от Гоголя.]

[Рец.: *Поспелов Г.Н.* // Красная новь. М., 1925. № 5. С. 276–277.]

[Перепечатано: *Виноградов В.В.* Поэтика русской литературы: Избранные труды / Редкол.: М.П. Алексеев, Ю.А. Бельчиков, В.Г. Костомаров, Д.С. Лихачев, Ю.В. Рождественский, Н.И. Толстой, Н.Ю. Шведова; отв. ред. тома М.П. Алексеев, А.П. Чудаков. М.: Наука, 1976. *Виноградов В.В.* Поэтика русской литературы: Избранные труды / Редкол.: М.П. Алексеев, Ю.А. Бельчиков, В.Г. Костомаров, Д.С. Лихачев, Ю.В. Рождественский, Н.И. Толстой, Н.Ю. Шведова; отв. ред. тома М.П. Алексеев, А.П. Чудаков. М.: Наука, 1976. С. 189–227.]

Виноградов В. Жюль Жанен и Гоголь // Литературная мысль. Кн. 3. Л., 1925. Отд. III. С. 342–365.

[Перепечатано: *Виноградов В.* Эволюция русского натурализма. Л., 1929.]

Войтоловский Л.Н. История русской литературы XIX и XX веков. Ч. I: Пушкин – Достоевский. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. 244 с.

[О Гоголе: С. 69–87.]

[2-е изд., испр.: М.; Л.: Гос. изд-во, 1926; 3-е изд., испр., М.; Л.: Гос. изд-во, 1927.]

Волков И. «Вий» (Украинцы в драматическом театре) // Известия. М., 1926. 18 апр. № 89.

Волькенштейн В. Закон драматургии. М.: Изд. Московского общества драматических писателей и композиторов, 1925. 90 с.

Статьи: I. Закон драматургии; II. Судьба драматического произведения; III. Пути современной драмы. [В частности, о «Ревизоре» Гоголя.]

Волховский Вл. «Вий» (Держдрама) // Вечернее радио. Харьков 1925. 13 апр. № 73.

Гатов А. Держдрама. «Вий» // Харьковский пролетарий. Харьков, 1925. 2 апр. № 74.

Герцен А.И. Полное собрание сочинений и писем: [В 22 т.] / Под ред. М.К. Лемке. Т. 22. Л.; М.: Гос. изд-во, 1925. 584 с.

[Указ. имен (ко всем томам).]

Г. <Гофман М.Л.> Сожженный Гоголь // На чужой стороне. Историко-литературные сборники. № 9 / Под ред. С.П. Мельгунова, при ближайшем участии Е.А. Ляцкого и В.А. Мякотина. Берлин: Ватага; Прага: Пламя, 1925. № 9. С. 142.

[О сожжении пакета с письмами Гоголя к А.О. Смирновой на французском языке.]

[См. также: Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В 3 т. Т. 2 / Издание подготовил И.А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 364–365.]

Гофман М.Л. Последние дни Гоголя (новые материалы) // Руль. Берлин, 1925. 25 янв.

[В частности, письма графини Е.П. Ростопчиной и А.И. Кошелева к В.А. Жуковскому о кончине Гоголя.]

Григорьев М.С. Смех Гоголя (Творчество марионеток и мертвых душ) // Родной язык в школе. Л., 1925. № 8. С. 45–50.

Гринвальд Я. «Вий» // Наш путь. Кременчуг, 1925. 19 мая.

Де Валь А. «Вий». Театр Госдрамы // Вечернее радио. Харьков, 1925. 19 окт. № 239.

Зунделович Я.О. Поэтика гротеска (к вопросу о характере гоголевского творчества) // Проблемы поэтики: сб. статей / Под ред. В.Я. Брюсова. М.; Л.: ЗИФ, 1925. С. 63–79.

Иванов А.А. Неизданные письма к Гоголю. 1846–1851 / Публ. и коммент. В.М. Зуммера // Известия Азербайджанского гос. ун-та им. В.И. Ленина. Общественные науки. Баку, 1925. Т. 4–5. С. 38–55.

[Отд. оттиск: Баку, 1925.]

[Опубл. тринадцать писем (1846–1851 гг.), из которых шесть печатаются впервые; четыре – дают более полный текст по сравнению с прежними публикациями.]

[Рец.: Пиксанов Н.К. // Печать и революция. М., 1926. № 3. С. 205–206.]

Ипполит Б. «Вий» (Театр им. Франка) // Советская копейка. Харьков, 1925. № 9(26).

К.Т. Гастроли донфилии державного театра им. Ив. Франка. «Ревизор» Гоголя // Кочегарка. Артемовск, 1925. 14 окт. № 235.

К-ин. Театр Держдрамы. Еще о «Вии» (К итогам сезона) // Коммунист. Харьков, 1925. 12 апр. № 83.

Костенко В. Открытие оперного сезона. «Сорочинская ярмарка» (Мусоргского) // Коммунист. Харьков, 1925. 6 окт. № 228.

- Крути И.* «Вий» // Известия Одесского окружкома КП(б) Украины. Одесса, 1925. 13 нояб.
- Крути И.* Студия им. Е.Б. Вахтангова: «Женитьба» // Известия Одесского окружкома КП(б) Украины. Одесса, 1925. 10 мая.
- Кубиков И.Н.* Великие писатели России. М.: Пролетарий, 1925. 84 с. – (Библиотека рабочего / Под общ. ред. Б.И. Горева. № 18).
[1. От 20-х до конца 40-х гг. XIX века (Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Белинский). С. 3–25.]
[Рец.: *Нейман Б.* // Молодая гвардия. М., 1925. № 10–11. С. 232.]
- Кузнецов Е.* Потерянный Гоголь // Красная газета (веч. вып.). Л., 1925. 6 февр. № 31. С. 4.
[«Ревизор» на сцене Гос. академического театра драмы.]
- Локс М.* Проблема стиля в художественной прозе // Проблемы поэтики: сб. статей / Под ред. В.Я. Брюсова. М.; Л.: ЗИФ, 1925. С. 45–60.
[На материале произведений Гоголя, А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого.]
- Лукаш Иван.* Поликсена (Из рассказов деда о Гоголе) // Перезвоны. Рига, 1925. № 4. С. 81–85.
[Перепечатано: Трудный Путь. Зарубежная Россия и Гоголь / Сост., вступ. статья и коммент. М.Д. Филина. М.: Русский Мирь, 2002. С. 18–27.]
- Луначарский А.В.* Литературные силуэты. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. 197 с.
Гоголь: С. 72–79.
[Рец.: *Войтоловский Л.* // Печать и революция. М., 1925. Кн. IV. С. 272–273; Красная новь. М., 1925. № 3. С. 292–294.]
- Луначарский А.В.* Судьбы русской литературы. Л.: Российский институт истории искусств, Academia, 1925. 53, [3] с.
[О Гоголе: С. 30–33.]
- Львов-Рогачевский В.Л.* Введение в изучение литературы дореформенной России. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. 237 с. – (Критико-биографическая серия).
[О Гоголе: С. 136–144, 146, 149, 191–192, 199, 213, 217.]
- Мазинг Б.* «Сорочинская ярмарка» и оперная студия Гос. консерватории // Красная газета (веч. вып.). Л., 1925. 27 марта. № 72. С. 4.
- Назаренко Я.А.* История русской литературы XIX века. М.; Л.: Гос. изд-во художественной литературы [ГИХЛ], 1925. 405, [1] с.
[О Гоголе: С. 79–97.]
[2-е, 3-е изд.: М.; Л., 1925; 4-е, 5-е, 6-е изд.: М.; Л., 1927; 7-е изд.: М.; Л., 1928; 8-е изд.: М.; Л., 1929; 9-е изд.: М.; Л. 1931.]
- Павлов В.А.* Надо помнить // Новый зритель. М., 1925. 21 дек. № 51(154). С. 5.
[Дискуссия о «Ревизоре» в театре им. В.Э. Мейерхольда.]
- Пиотровский А.* Накануне «Ревизора» (О «Мандате») // Жизнь искусства. Л., 1925. № 35. С. 15.
- Погодин А.* Поразительная книга // Новое время. Белград, 1925. 15 февр. № 1139.
[«Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя.]
[Перепечатано: Трудный Путь. Зарубежная Россия и Гоголь / Сост., вступ. статья и коммент. М.Д. Филина. М.: Русский Мирь, 2002. С. 13–17.]
- Подмосковные музеи: Путеводители / Под ред. Ив. Лазаревского и В. Згура. Вып. 3. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. 91 с.
[С. 59–60: Гоголевская комната. В статье Г. Чулкова «Мураново».]
- Раппапорт В.* Между «Ревизором» и «Джентльменом» // Новая вечерняя газета. Л., 1925. 23 апр. № 21. С. 7.

«Ревизор» и «Рычи, Китай» (Беседа с Вс. Эм. Мейерхольдом) // Вечерняя Москва. М., 1925. 23 окт. № 243. С. 3.

«Ревизор» у Мейерхольда. (Беседа с В.Э. Мейерхольдом) // Правда, М., 1925. 25 окт. № 243. С. 6.

С. Новый перевод Гоголя (Gogol. Avec introduction et notes par Gérard-gailly. Paris: Renaissance du livre, 1925) // Последние новости. Париж, 1925. 15 окт. № 1680.

Сабанеев Л. «Сорочинская ярмарка» в Большом театре // Известия. М., 1925. 13 янв. № 10. С. 7.

Садко <Блюм В.И.> «Ревизор» – ни Гоголя, ни Мейерхольда // Новый зритель. М., 1925. № 65–66. С. 15.

[«Ревизор» в театре им. Мейерхольда.]

Сегалин Г.В. Патогенез и биогеиз великих людей // Клинический архив гениальности и одаренности. Свердловск, 1925. Т. I. Вып. I. С. 24–90.

[О Гоголе: С. 30–31, 85.]

Сидоров А.А. Искусство русской книги XIX–XX веков // Русская книга девятнадцатого века (Книга в России. Вып. II) / Под ред. В.Я. Адарюкова и А.А. Сидорова. М.: Гос. изд-во, 1925.

[Иллюстрации А.А. Агина и Е.Е. Бернадского к «Мертвым душам» Гоголя. С. 217–219, 228, 257–258, 292, 304–305.]

[2-е изд.: М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2008.]

Туркельтауб И. наброски. «Вий» // Театральная и киногазета. Харьков, 1925. 7 апр. № 6.

Уразов И. «Вий» в Держдраме // Коммунист. Харьков, 1925. 20 окт. № 240.

Шевченко Т.Г. Дневник / Ред., вступ. статья и примеч. И.Я. Айзенштока. Харьков: Изд-во «Пролетарий», 1925. 287 с.

1926

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Шинель: [повесть]. М.: Изд-во «Гудок», 1926. 59, [5] с. – (Дешевая библиотека газеты «Гудок». № 1).

ЛИТЕРАТУРА

А. «Ревизор» в студии Акдрамы // Ленинградская правда. Л., 1926. 29 апр. № 9.

А.С. «Вий» (К предстоящей постановке) // Приазовский пролетарий. 1926. 29 апр. № 95.

А.Ц. «Вий» (Гастроли Харьковского украинского театра) // Труд. М., 1926. 17 апр. № 88.

Асеев Н. Московский сезон. Театральный фельетон // Вечерняя Москва. М., 1926. 20 дек. № 294. С. 3.

[В частности о постановке «Ревизора» Гоголя В.Э. Мейерхольдом.]

Аспелов С. «Ревизор» в театре Мейерхольда // Рабочая Москва. М., 1926. 16 дек. № 29(1327). С. 4.

Ашмарин. «Ревизор» в театре Мейерхольда // Наша газета. М., 1926. 17 дек. № 292. С. 4.

Багрий А.В. К вопросу о приеме «Мертвых душ» Гоголя критикой и публикой 40-х годов XIX в. // Известия Азербайджанского гос. ун-та. Общественные науки. Баку, 1926. № 6–7. С. 132–139.

Балтер. Соло и Владимир. Мейерхольдовский «Ревизор» // Комсомольская правда. М., 1926. 23 дек. № 297(483). С. 4.

Бедный Д. Убийца: эпиграмма на постановку «Ревизора» в театре им. Мейерхольда // Красная газета (веч. вып.) Л., 1926. 10 дек. № 295(1299). С. 4.

Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. / Предисл., ред. и примеч. В.С. Спиридонова. Т. 12. М.; Л.: ГИЗ, 1926.

[С. 368: Библиографические и журнальные известия (Заметка Белинского из «Огечественных Записок» 1842 г., Т. XXII, отд. VI, С. 60–62). О выходе романа Гоголя «Похождения Чичикова или Мертвые души». С. 539–540: коммент. к заметке.]

Бескин Э. «Быт» и «слезы» гоголевского «Ревизора» // Новый зритель. М., 1926. 14 дек. № 50(153). С. 4: с рис.

Бескин Э. «Ревизор» Мейерхольда // Вечерняя Москва. М., 1926. 11 дек. № 287. С. 3.

Бор. Гоголь и «Ревизор» (Доклад Н. Бродского в ГАХН.) // Новый зритель. М., 1926. 14 дек. № 50(153). С. 10.

Бор. Диспуты. «Ревизор» Мейерхольда // Новый зритель. М., 1926. 21 дек. № 51(154). С. 16. [Диспут о «Ревизоре». Содержание выступлений Э. Бескина, В. Плетнева, М. Левидова, В. Тихоновича.]

Бородин А. В помощь начинающему драматургу. М.: Изд. Московского общества драматических писателей и композиторов, 1926. 55 с.

Приложение: Образец технического анализа «Ревизора» Гоголя.

Браудо Е. Музыка в «Ревизоре» // Правда. М., 1926. 22 дек. № 296(3525). С. 8.

Бронков М. Зритель-красноармеец о «Ревизоре» у Мейерхольда // Комсомольская правда. М., 1926. 18 дек. № 23(476). С. 4.

В-ий Н. «Ревизор» 1926 г. В студии Акдрамы // Рабочий и театр. Л., 1926. № 18(85). С. 17.

Валерин С. «Шинель» (Фильм Ленинфабрики.) // Известия. М., 1926. 23 мая. № 117. С. 6.

Виноградов В.В. Проблема сказа в стилистике // Поэтика: Временник словесного отдела Гос. ин-та истории искусств. Вып. I. Л.: Academia, 1926. С. 24–40.

[Наблюдения над приемами сказа в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголя.]

Виноградов В.В. Этюды о стиле Гоголя. Л.: Academia, 1926. 232 с. – (Гос. институт истории искусств. Вопросы поэтики. Вып. 7. Непериодическая серия, издаваемая, Отделом словесных искусств ГИИИ. Вып. IV).

[Рец.: Ю.Д. // Книгоноша. М., 1926. № 33. С. 24; Якобсон Л. // Печать и революция. М., 1926. № 6. С. 198–200.]

[Перепечатано: *Виноградов В.В.* Поэтика русской литературы: Избранные труды / Редкол.: М.П. Алексеев, Ю.А. Бельчиков, В.Г. Костомаров, Д.С. Лихачев, Ю.В. Рождественский, Н.И. Толстой, Н.Ю. Шведова; отв. ред. тома М.П. Алексеев, А.П. Чудаков. М.: Наука, 1976. С. 228–366.]

Войтоловский Л.Н. История русской литературы XIX и XX веков. Ч. I: Пушкин – Достоевский. 2-е изд., испр. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 249 с.

Н. Гоголь: С. 69–87.

[3-е изд., испр.: М.; Л.: Гос. изд-во, 1927.]

Волькенштейн В. «Ревизор» Мейерхольда // Известия. М., 1926. 22 дек. № 205. С. 7.

Воронцова Л. Комедия Гоголя – трагедия Мейерхольда (От нашего московского корреспондента) // Смена. Л., 1925. 19 дек. № 294(793). С. 4.

Гвоздев А.А. На репетиции «Ревизора» у Мейерхольда // Красная газета (веч. вып.). Л., 1926. 16 окт. № 244. С. 4.

Гвоздев А.А. «Ревизор» в театре Мейерхольда (На генеральной репетиции) // Красная газета (веч. вып.). Л., 1926. 10 дек. № 295.

Гвоздев А.А. Ревизия «Ревизора». (В театре им. Мейерхольда) // Красная газета (веч. вып.). Л., 1926. 14 дек. № 299. С. 4.

Где же Гоголь? // Красная газета (веч. вып.). Л., 1926. 22 дек. № 307(1311). С. 2.
[О постановке «Ревизора» в театре им. В.Э. Мейерхольда. Обзор отзывов в газетах «Правда» и «Известия».]

Ген. «Ревизор» Мейерхольда (Диспут в Ц. Д. Рабиса) // Вечерняя Москва. М., 1926. 15 дек. № 290. С. 3.

Д. О «Ревизоре» (по диспутам и докладам) // Ленинградская правда. Л., 1926. 23 дек. № 297(3511). С. 6.

Д. Ревизия... московских взглядов на «Ревизора» // Ленинградская правда. Л., 1926. 30 дек. № 302(3516). С. 6.

Данский В. «Ревизор» в театре Мейерхольда // Ленинградская правда. Л., 1926. 14 дек. № 289. С. 4.

Данилов В.В. «Ревизор» со стороны идеологии Гоголя // Родной язык в школе. М., 1926. Кн. 10. С. 13–21.
[Перепечатано с сокращениями под названием «Социологический анализ “Ревизора”»: Н.В. Гоголь. М.; Л., 1930.]

Держдрама. «Ревизор» // Театральный тиждень. Одесса, 1926. 22 окт. № 2(33). С. 15.
[Тиждень (укр.) – неделя.]

Десин О. Арест и ссылка Тургенева (Дело из-за смерти Гоголя) // Суд идет. Л., 1926. № 5. С. 275–280.

Дим-ров. Держдрама. «Ревизор» // Коммунист. Харьков, 1926. 11 апр. № 82.

Дрейден Сим. «Ревизор» в театре Мейерхольда // Ленинградская правда. Л., 1926. 14 дек. № 289. С. 4.

Дубовской В. Не надо упрощать // Правда. М., 1926. 31 дек. № 296. С. 6.

Дубовской В. «Ревизор» В.Э. Мейерхольда // Правда. М., 1926. 22 дек. № 296(3525). С. 8.

Дэви. Гос. центральный украинский театр им. Франка // Проектор. М., 1926. № 9. С. 24.

Жаткин П. «Ревизор» (Первое выступление М. Садовского в Держдраме) // Вечернее радио. Харьков, 1926. 9 апр. № 80.

Загорский М. Против «Ревизора» Мейерхольда // Кино. М., 1926. 21 дек. С. 4.

Загорский М. «Ревизор» в театре им. В. Мейерхольда // Программы гос. академических театров: еженедельный театральный журнал. М., 1926. № 64. С. 8.

Зеньковский В.В. Гоголь // Русские мыслители и Европа. (Критика европейской культуры у русских мыслителей). Париж, <1926>.

[2-е изд.: Париж, 1955. Переиздано: М.: Изд-во Республика, 1997. С. 27–37.]

Зритель. «Пятнадцать эпизодов» (Монтировочная репетиция «Ревизора» в театре им. Мейерхольда) // Вечерняя Москва. М., 1926. 7 дек. № 51. С. 3.

Иванов В. «Ревизор» Гоголя и комедия Аристофана // Театральный Октябрь: № I. Л.; М., 1926. С. 89–99.

Ильин М. Персонажи без слов // Новый зритель. М., 1926. 21 дек. № 51(154). С. 8–9.

[О постановке «Ревизора» в театре им. Мейерхольда.]

Кардашев М. «Ревизор» по-узбекски // Новый зритель. М., 1926. 9 авг. № 32. С. 13.

Коган П.С. О двух Гоголях и о Мейерхольде // Красная газета (веч. вып.). Л., 1926. 24 дек. № 309(1313). С. 4.

Королевич В. Не то, что кажется («Шинель») // Советский экран. М., 1926. № 21. С. 14.

Кузнецов Е.М. В студии Акдрамы («Ревизор») // Красная газета (веч. вып.). Л., 1926. 27 апр.

Кузнецов Е. «Шинель» // Красная газета (веч. вып.). Л., 1926. 4 мая. № 103. С. 4.

Кузьминский К. Художник книги – Д.Н. Кардовский // Печать и революция. М., 1926. Кн. 2. С. 48–70.

[Об иллюстрациях Д.Н. Кардовского к «Ревизору», «Мертвым душам» и «Невскому проспекту» со снимками этих иллюстраций.]

Левидов М. Пропала веревочка («Ревизор» Мейерхольда) // Вечерняя Москва. М., 1926. 13 дек. № 288. С. 3.

Лернер Н.О. Подлинные и неподлинные рисунки Гоголя // Огонек. М., 1926. № 43.

Луначарский А.В. Кратко о «Ревизоре» // Красная газета (веч. вып.). Л., 1926. 16 дек. № 300. [То же: Вечерняя Москва. М., 1926. 17 дек.]

Луначарский А. О театре: сб. статей. Л.: Прибой, 1926. 237 с.

<Маркс К.> Карл Маркс. Мыслитель, человек, революционер / Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 174 с. – (Библиотека марксиста / Под ред. Д. Рязанова. Вып. IV).

Из содерж.:

Лафарг П. Карл Маркс. По личным воспоминаниям

[С. 108: Из русских писателей К. Маркс «особенно ценил Пушкина, Гоголя и Щедрина».]

[Материалы о Гоголе] // Благонамеренный. Брюссель. 1926. II. С. 145–148.

1. Письмо Гоголя к А.О. Смирновой в Ницце во время Масленицы.

2. Запись Гоголя – наставление А.О. Смирновой для осмотра Рима.

3. Письмо гр. Е. Ростопчиной от 1 марта 1852 года к В.А. Жуковскому о смерти Гоголя.

Мацуев Н.И. Художественная литература русская и переводная 1917–1925 гг.: Указатель статей и рецензий. М.; Одесса: Изд. книжно-библиотечных работников М. Беловской, Н. Мацуева, И. Пруссака, 1926. 169, 2 с.

[Указ. имен.]

Мейерхольд ставит «Ревизора». 15 эпизодов вместо 5 действий // Рабочая газета. М., 1926. 1 дек. № 278(1420). С. 15.

Мих. Франковцы в Москве. «Вий» // Новый зритель. М., 1926. № 18.

- М<окульский> С.* Вокруг «Ревизора» // Жизнь искусства. Л., 1926. № 52. С. 14.
- Московская печать о «Ревизоре» (по телефону) // Красная газета (веч. вып.). Л., 1926. 16 дек. № 301. С. 4.
[Отзывы газет «Труд» и «Рабочая Москва» о постановке В.Э. Мейерхольда.]
- Н.Л.* Почему и как ставится «Ревизор» (Беседа с В.Э. Мейерхольдом) // Вечерняя Москва. М., 1926. 27 нояб. № 275. С. 3.
- Неизданные отрывки Гоголя («Что это за зима»...) / Публ. В.В. Гиппиуса // «Атеней». Историко-литературный сборник / Под ред. Б.Л. Модзалевского и Ю.Г. Оксмана. Кн. 3. Труды Пушкинского Дома АН СССР. Л., 1926. С. 78–80.
[Начало детской книжки по географии.]
- Новый текст «Ревизора» // Новый зритель. М., 1926. 21 дек. № 5(154). С. 6.
[Пародия на постановку «Ревизора» в театре им. Мейерхольда.]
- Обозреватель.* Новая обработка «Ревизора» // Жизнь искусства. Л., 1926. № 19. С. 12–13.
- Общественный просмотр «Ревизора» // Вечерняя Москва. М., 1926. 10 дек. № 236(394). С. 3.
[О постановке В.Э. Мейерхольда.]
- Оксман Ю.Г.* Сожженная трагедия Гоголя из прошлого Запорожья // Атеней. Историко-литературный временник / Под ред. Б.Л. Модзалевского и Ю.Г. Оксмана. Л., 1926. Кн. 3. С. 46–58. (Труды Пушкинского Дома).
- Ольминский М.* <Александров М.С.> О печати. Л.: Прибой, 1926. 130, [1] с.
Положение и роль А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя. С. 28–32.
[Гоголь и цензура: С. 36–39.]
- Ольминский М.* <Александров М.С.> По вопросам литературы (статьи 1900–1914 гг.) / Предисл. Г. Лелевича. Л.: Рабочее изд-во Прибой, 1926. 132 с.
[О Гоголе: С. 55.]
- П.М.* Гастроли театра имени Франка. («Вий» и «97») // Правда. М., 1926. 22 апр. № 92.
- Павлов В.А.* Король гол («Ревизор» в театре им. Мейерхольда.) // Новый зритель. М., 1926. 14 дек. № 50(153). С. 6–7.
- Переверзев В.Ф.* Творчество Гоголя. [2-е изд., доп.] Иваново-Вознесенск: Основа, 1926. 172, [1] с.
- Петров Н.В.* О «Ревизоре» и попутно. К перемонтировке «Ревизора» в Академической студии // Рабочий театр. Л., 1926. № 17. С. 5.
- По чужим гранкам // Новый зритель. М., 1926. 21 дек. № 5(154). С. 6.
[По поводу статей А.А. Гвоздева о «Ревизоре» в театре им. В.Э. Мейерхольда на страницах «Красной газеты».]
- Программы гос. академических театров: еженедельный театральный журнал. М., 1926–1927. 21 декабря – 3 января. № 65–66. 50 с.
- Из содерж.:**
- Кубатый М.* Рычи, Гоголь. С. 14.
[«Ревизор» в театре им. В.Э. Мейерхольда.]
- Садко <Блюм В.>* Ревизор ни Гоголя, ни Мейерхольда. С. 15.
- Левидов М.* Пути Мейерхольда («Ревизор» в Гос. театре имени Мейерхольда). С. 16.
- Л. Фаина.* Диспут о «Ревизоре» («Ревизор» в Гос. театре имени Мейерхольда). С. 17.
[Диспут о «Ревизоре» в Центральном Доме работников искусств.]
- Б<раудо> Е.М.* Музыка в «Ревизоре» (Беседа с композитором М.Ф. Гнесиным). С. 18.

Пяст В. «Ревизор» в эпизодах (Впечатления с монтировочной репетиции у Мейерхольда) // Красная газета (веч. вып.). Л., 1926. 7 дек. № 292.

Ревизия «Ревизора» // Театральный тиждець. Одесса, 1926. 25 дек. № 6. С. 4–5.
[О постановке «Ревизора» В.Э. Мейерхольдом.]

«Ревизор»-триумфатор // Новый зритель. М., 1926. 21 дек. № 51(154). С. 16.
[Театры Армавира, Гомеля и Рязани открыли сезон «Ревизором».]

«Ревизор» в театре им. Мейерхольда // Вечерняя Москва. М., 1926. 11 дек. № 261. С. 3.

«Ревизор» в театре Мейерхольда. // Вечерняя Москва. М., 1926. 3 апр. № 76. С. 3.
[Беседа с В.Э. Мейерхольдом.]

Рыбникова М.А. Изучение родного языка (Заметки и задачи) Вып. I. М.: Гос. изд-во, 1926. 96 с.
[В качестве материала использованы и произведения Гоголя.]

Сегалин Г.В. Шизофреническая психика Гоголя // Клинический архив гениальности и одаренности. Т. 2. Вып. 4. <Свердловск>, 1926. С. 263–305.

Семашко Н. Не надо замазывать правды // Правда. М., 1926. 31 дек. № 303(3532). С. 6.
[О статье В. Дубовского в № 296 «Правды» по поводу постановки «Ревизора» В.Э. Мейерхольдом.]

Сенн А. «Сорочинская ярмарка» (Театр им. Шевченко) // Приазовский пролетарий. Мариуполь, 1926. 30 апр. № 96.

Смирнов-Кутачевский А.М. Перелом литературного стиля // Печать и революция. М., 1926. Кн. 2. С. 27–40; Кн. 3. С. 18–28.
[О лексике современных писателей с привлечением данных из эволюции литературной речи в языке Гоголя, А.С. Грибоедова, Н.С. Лескова.]

Соболев Ю. Осовремененный «Вий». Украинцы в Москве // Вечерняя Москва. М., 1926. 16 апр. № 87. С. 3.
[О постановке Харьковским детским театром им. Франко «Вия» Гоголя.]

Соболев Ю. Новый украинский театр // Красная нива. М., 1926. № 21. С. 23.

Соловьев В.Н. «Ревизор» у Мейерхольда // Рабочий и театр. Л., 1926. № 51. С. 8.

Старчаков А. «Новороссийская идея» (из цикла «Гоголь дыбом») // Известия. М., 1926. 24 марта. № 67. С. 3.
[Фельетон о журнале «Новая Россия», где действующие лица – типы из «Мертвых душ» Гоголя.]

Уриэль. «Ревизор» у Мейерхольда // Комсомольская правда. М., 1926. 16 дек. № 291(474). С. 4.

Форш О. Современники: роман. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 259 с.
[Роман о Гоголе и А.А. Иванове. Первоначально печатался в журнале «Звезда». Л., 1925. Отрывок – «Красная газета» (веч. вып.). Л., 1925. 3 янв. № 2. С. 3.]
[Рец.: *Гольцев В.* // Печать и революция. М., 1926. № 7. С. 204–205; *Юргин Н.* // Красная новь. М., 1926. № 11. С. 243–244; Молодая гвардия. М., 1926. № 10. С. 197; *Г.И.* // Звезда. Л., 1927. № 2. С. 153–154.]

Франковцы в Москве. «Вий» // Новый зритель. М., 1926. № 18.
[О постановке «Вия» в Театре им. И. Франко.]

Ц.А. «Ревизор». (Театр Мейерхольда) // Труд. М., 1926. 16 дек. № 291. С. 4.

Ч-ий. [Заметка с текстом эпиграммы Демьяна Бедного] // Красная газета (веч. вып.). Л., 1925. 10 дек. № 295.
[Эпиграмма на постановку «Ревизора» в театре им. Мейерхольда.]

Шелобский Д. Открытие театра им. Франка. «Вий» // Киевский пролетарий. Киев, 1926. 3 окт. № 228.

Шершеневич В. Нужен «Ревизор» // Вечерняя Москва. М., 1926. 14 дек. № 289.

Шершеневич В. «Ревизор» у Гогольхольда // Вечерняя Москва. М., 1926. 15 нояб. № 255. С. 3.

Шкловский В. Пятнадцать порций городничихи // Красная газета (веч. вып.). Л., 1926. 22 дек. № 307(1311). С. 4.

[О постановке «Ревизора» Гоголя В.Э. Мейерхольдом.]

Эрде. Украинский Державный театр. «Вий» // Искусство трудящимся. М., 1926. № 17–18. С. 7–9.

Якубович Д. Предисловие к «Повестям Белкина» и повествовательные приемы Вальтер Скотта // Пушкин в мировой литературе: сб. статей. Л.: Гос. изд-во, 1926. – (Научно-исследовательский институт сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока при Ленинградском гос. ун-те). С. 160–187.

[Влияние В. Скотта на творчество А.С. Пушкина и Гоголя.]

1927

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Голова. Отрывок из «Майской ночи». М.: Гос. изд-во, 1927. [8] с. – (Книжка копейка). 50000 экз.

Ночь перед Рождеством: [повесть.] М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 56 с. – (Дешевая библиотека классиков). 15000 экз.

Повесть о капитане Копейкине // Смена. Л., 1927. 4 марта. № 52(859). С. 3.

Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 61, [2] с. – (Дешевая библиотека классиков). 30000 экз.

Ревизор: комедия в пяти действиях. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 108 с. – (Дешевая библиотека классиков). 15000 экз.

Ревизор: [комедия] / Ред., вступ. статья и коммент. Н.Л. Бродского; под общ. ред. А.В. Луначарского и Н.К. Пиксанова. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927.). VII, 244, [3] с. – (Русские и мировые классики / Под общ. ред. А.В. Луначарского и Н.К. Пиксанова).

Загл. вступ. статьи: Н.В. Гоголь и «Ревизор».

Приложение:

Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору; Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора»; Театральный разъезд после представления новой комедии; Развязка «Ревизора»; Варианты и комментарии; Из писем и воспоминаний; Библиография.

[2-е изд., доп. [статья А.В. Луначарского.] М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 273 с. 10000 экз.]

Сорочинская ярмарка: повесть. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 37 с. – (Дешевая библиотека классиков). 15000 экз.

Сочинения: [В 3 т.] / Под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 15000 экз.

Т. 1. Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород / Вступ. статья Л.Н. Войтоловского. XXI, 422, [2] с. Загл. вступ. статьи: Н.В. Гоголь. С. III–XXVIII.

Т. 2. Повести. Комедии. 489, [3] с.

Т. 3. Мертвые души: поэма. Т. 1–2. 398, [2] с.

[Первое за советский период критическое издание художественных произведений Гоголя. Тексты печатаются по прижизненным изданиям; частично использованы рукописи. Устранены цензурные искажения в повести «Нос» и поэме «Мертвые души».]

[2-е изд.: М.; Л., 1928; 3-е изд.: М.; Л.: 1929; 4-е изд.: М.; Л.: 1930.]

Старосветские помещики: повесть. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 31 с. – (Дешевая библиотека классиков). 15000 экз.

Тарас Бульба: повесть. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 142 с. – (Дешевая библиотека классиков). 30000 экз.

ЛИТЕРАТУРА

Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Рувль. Берлин, 1927. 2 марта.

[К 75-летию кончины Гоголя.]

Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Рувль. Берлин, 1927. 30 марта.

[Гоголь и В.А. Жуковский; значение Гоголя-художника.]

Айхенвальд Ю. «Человек, который смеется» (К 75-летию кончины Гоголя) // Сегодня. Рига, 1927. 4 марта. № 51.

[Перепечатано: Трудный Путь. Зарубежная Россия и Гоголь / Сост., вступ. статья и коммент. М.Д. Филина. М.: Русский Миръ, 2002. С. 28–31.]

Ангерт Г.А. 100 опер: Либретто опер, характеристики и биографии композиторов / Под ред. Л. Сабанеева. М.: Изд. Русского театрального общества, 1927. 277 с.

[«Ночь перед Рождеством». С. 213–215; «Черевички». С. 260.]

Анненский Л. «Шинель» // Смычка. Оренбург, 1927. 6 марта. № 54(558). С. 3.

[Стихотворение, посвященное памяти Гоголя.]

Ашукин Н. Гоголь-профессор (Из неизданных записок А.С. Андреева) / Примеч. Н. Ашукина // Сегодня: альманах. Кн. 2. М., 1927. С. 164–166.

[Перепечатано: Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В 3 т. Т. 1 / Издание подготовил И.А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 793.]

Ашукин Н. Облик Гоголя. Каков же был в жизни Гоголь? // Вечерняя Москва. М., 1927. № 51. 3 марта. № 51(962). С. 3.

[Облик Гоголя по воспоминаниям современников. Со снимками дома, где умер писатель и предполагаемым портретом Гоголя работы А. Зона в Венеции (1847 г.), приобретенным Киевским историческим музеем.]

Б.А. Театральные лики «Ревизора» // Красная газета (веч. вып.). Л., 1927. 10 сент. № 244. С. 4.

[История постановок комедии Гоголя.]

Багрий А.В. Формальный метод в литературе (Библиография). Вып. 2. Баку: Тип. Красный Восток, 1927. IX, 189, [2] с.

Гл. 3: Формальное изучение прозы. С. 113–145.

[Рассмотрены работы, посвященные изучению Гоголя на основе формального метода.]

Барканов М. Повесть о том, как помирился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 128 с.

[Рец. *Красильников В.* // Новый мир. М., 1927. № 9. С. 221.]

[Стилизация повести Гоголя. Переиздано в 2009 г.]

Бедный Д. Мейерхольдовекая старина – из «Золотого руна» // Известия. М., 1927. 27 янв. № 21. С. 3.

[В связи с постановкой «Ревизора».]

Белецкий А.И. Очередные вопросы изучения русского романтизма // Русский романтизм: сб. статей / Под ред. А.И. Белецкого. Л.: Academia, 1927. С. 5–25.
[Гоголь и романтизм: С. 19, 21, 23, 24, 25.]

Бем А.Л. «Шинель» Гоголя и «Бедные люди» Достоевского (Из доклада «К вопросу о влиянии Гоголя на Достоевского») // Записки Русского исторического общества в Праге. Прага, 1927. Кн. 1. С. 47–56.

Блейман М. «Ревизор» (Театр Дома печати) // Ленинградская правда. Л., 1927. 12 апр. № 83(3600). С. 6.

[О постановке режиссера И.Г. Терентьева. С эпиграммой на постановку.]

Блюм В. Дискуссия о «Ревизоре» // Жизнь искусства. Л., 1927. 25 янв. № 4. С. 6–8.

Блюм В. Единый ро-мейерхольдовский блок // Новый зритель. М., 1927. № 4(169). С. 2–3.

Боцяновский В. Кошмары Гоголя // Красная газета (вечерн. вып.). Л., 1927. 4 марта. № 60(1378). С. 4.

Брисман М.А. К вопросу об отношении Гоголя к «неистой» поэтике // Известия Азербайджанского гос. ун-та им. В.И. Ленина. Общественные науки / Под ред. проф. А.В. Багрия. Баку, 1927. Т. 8–10. Приложение. С. 81–84.

[Полемика с тезисом В.В. Виноградова о воздействии на Гоголя «неистой» поэтики французского романтизма.]

Брун Марко. Театр им. Н.Г. Чернышевского. «Ревизор». Юбилейное чествование И. Слонова // Саратовские Известия. Саратов, 1927. 5 марта. № 53. С. 4.

В.М. Уроки академического «Ревизора» // Новый зритель. М., 1927. 15 февр. № 7. С. 3–4.
[«Ревизор» в театре В.Э. Мейерхольда.]

В-ов А. Н.В. Гоголь (К семидесятипятилетию со дня его смерти) // Полесская правда. Гомель, 1927. 4 марта. № 52(2037). С. 3.

Ваврик В. Народная песня в повестях Н.В. Гоголя // Наука. Л., 1927. № 5/6. С. 134–142.

Вальбе Б. Гоголь. К 75-летию со дня его смерти // Красная панорама. Л., 1927. № 13. С. 7–8.

Вейдле В. Гоголь и архитектура // Звено. Париж, 1927. № 214.

Весеньев М. Н.В. Гоголь (К 75-летию со дня смерти) // Волна. Архангельск, 1927. 4 марта. № 50(2087). С. 2.

Войтоловский Л.Н. Очерки история русской литературы XIX и XX веков. Ч. I: Пушкин – Достоевский. 3-е изд., испр. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 242 с.

[Загл. 1-го изд.: История русской литературы XIX и XX веков. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925.]
Н. Гоголь. С. 81–97.

Воскресенский С. Еще о «Ревизоре» // Рабочий и театр. Л., 1927. № 17. С. 10

Гайда П.А. Трагедия смерти Гоголя // Вестник знания. Л., 1927. № 8. С. 489–500.

Галант И.Б. Эврондокринология великих русских писателей // Клинический архив гениальности и одаренности. Т. 3. Вып. 1. <Свердловск,> 1927. С. 19–65.
Н.В. Гоголь. С. 56–65.

Гастроли Ленинградского театра Дома печати. «Ревизор» // Наша газета. М., 1927. 27 мая.
[О постановке режиссера И.Г. Терентьева.]

Гвоздев А. Классики наизнанку // Правда. М., 1927. 29 мая. № 120. С. 7.

[В частности, о постановке «Ревизора» Гоголя в Театре Дома печати (режиссер И.Г. Терентьев).]

[Перепечатано: *Гвоздев А.А.* Театральная критика: [сб.]. Л.: Искусство, 1987. С. 65–66.]

Гвоздев А. Музыкальная пантомима в «Ревизоре» // Жизнь искусства. Л., 1927. № 1. С. 9.

Гвоздев А. «Петербург» // Жизнь искусства. Л., 1927. № 12. С. 11.

[Перепечатано: *Гвоздев А.А.* Театральная критика: [сб.]. Л.: Искусство, 1987. С. 59–61.]

[О постановке В.Н. Яхонтовым в театре одного актера «Современник» спектакля «Петербург» (композиция по «Белым ночам» Ф.М. Достоевского, «Шинели» Гоголя и «Медному всаднику» А.С. Пушкина). Статья написана в связи с гастролями В.Н. Яхонтова в Ленинграде.]

Гвоздев А. «Ревизор» на Удельной // Жизнь искусства. Л., 1927. № 16. С. 5.

[Перепечатано: *Гвоздев А.А.* Театральная критика: [сб.]. Л.: Искусство, 1987. С. 61–63.]

[Рец. на постановку режиссером И.Г. Терентьевым. «Ревизора» Гоголя в Театре Дома печати. Название статьи преследует сатирическую цель, указывая местоположение известной психиатрической больницы.]

Гвоздев А. «Ревизор» (Театр-студия академической драмы) // Красная газета (веч. вып.). Л., 1927. 14 марта. № 63. С. 4.

Глебов И. <*Асафьев Б.В.*> Гоголь и музыка // Классики и современные писатели на вечерах художественной литературы и общественно-революционных праздниках: Пособие для школьных и клубных работников / М.П. Сокольников, И.Н. Кубиков. Иваново-Вознесенск: Основа, 1927.

[Перепечатано: *Асафьев Б.В.* Избранные труды: [В 5 т.]. Т. 4: Избранные работы о русской музыкальной культуре и зарубежной музыке / Академия наук СССР. Институт истории искусств; редкол.: И.Э. Грабарь и др.; ред. и примеч. В.А. Васина-Гроссмана, Т.Н. Ливанова. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 154–156.]

Глебов И. <*Асафьев Б.В.*> Музыка в драме (О «Ревизоре» В.Э. Мейерхольда) // Красная газета (веч. вып.). Л., 1927. 30 янв. № 27(1345). С. 4.

Глушкевич М. Памяти Гоголя: [стихотворение] // Наука. Л., 1927. № 5/6. С. 113–114.

Гоголь и Мейерхольд: сб. литературно-исследовательской ассоциации Центрального дома работников просвещения Ц. Д. Р. П. / Под ред. Е.Ф. Никитиной. М.: Никитинские субботники, 1927. 88 с.

Содерж.:

Белый А. Гоголь и Мейерхольд. С. 9–38.

Гроссман Л. Трагедия-буфф. «Резизор» у Мейерхольда. С. 39–54.

Зайцев П. «Ревизор» у Мейерхольда. С. 55–68.

Лозовский Л. Гоголь в театре Мейерхольда. С. 69–75.

Мейерхольд Вс., Корнев М. Несколько замечаний к постановке «Ревизора» на сцене Гос. театра им. Вс. Мейерхольда в 1926/27 году. С. 76–83.

Чехов М. Постановка «Ревизора» в театре им. В.Э. Мейерхольда. С. 84–87.

[Откл.: *Лугин А.* Гоголь о Мейерхольде // Красная газета (веч. вып.). Л., 1927. 22 мая. № 135(1453). С. 4.]

Голлербах Э. Невоплотимый // Красная газета (веч. вып.). Л., 1927. 4 марта. № 60(1378). С. 4.

[О неуловимости для изображения подлинного образа Гоголя.]

Гофман М.Л. Смерть Гоголя (к 75-летней годовщине) // Последние новости. Париж, 1927. 17 марта. № 2185. С. 3.

[По документам Онегинского архива.]

Гринвальд Я. Н.В. Гоголь // Уральский рабочий. Свердловск, 1927. 6 марта. № 54(2651). С. 4.

Гроссман-Роцин И.С. Фантастика «Мертвых душ» (К анализу мейерхольдовской постановки «Ревизора») // Октябрь. М., 1927. Кн. 2. С. 152–162.

[То же с дополнениями в кн: *Гроссман-Роцин И.С.* Искусство изменять мир. М.: Федерация, 1930. С. 305–320.]

Д.Ал. Театр Гоголя в наши дни // Огонек. М., 1927. № 10(236). С. 9.

Д.В. «Ревизор» в Большом театре // Правда. М., 1927. 3 февр. № 27. С. 6.

Давидович М.Г. Женский портрет у русских романтиков первой половины XIX века // Русский романтизм. сб. статей / Под ред. А.И. Белецкого. Л.: Academia, 1927. – (Материалы и исследования по истории русской литературы XIX века). С. 88–114.
[Женский портрет у Гоголя: С. 89–92, 100, 103 и др.]

Давыдов О. О «Ревизоре» театра Дома печати // Красная газета (веч. вып.). Л., 1927. 16 апр. № 101. С. 4.

Два русских ясновидца. Гоголь и А.А. Иванов // Россия: еженедельная газета: Орган национальной мысли и освободительной борьбы. Париж, 1927. 19 нояб.

Демьянчик Ю. Драматическая деятельность Николая Васильевича Гоголя // Наука. Л., 1927. № 5/6. С. 143–145.

Державин В.Н. Фантастика в «Страшной мести» Гоголя // Наукові записки Харківської науково-дослідчої катедри Українознавства. Харків, 1927. № 6. С. 329–338.
[Отд. оттиск: Харків, 1927.]

Дик Г. Зритель первых представлений «Ревизора» (Доклад Л. Крестовой в ГАХНе) // Новый зритель. М., 1927. 29 марта. № 13. С. 6.
[Перепечатано: Публика театра. Социологические свидетельства 1890-х – 1930-х годов / Гос. институт искусствознания; сост, вступ. статья, примеч. Ю.У. Фохт-Бабушкина. СПб.: Алетейя, 2010. С. 658–659.]

Диспут о «Ревизоре» // Красная газета (веч. вып.). Л., 1927. 4 янв. № 3(1321). С. 2.
[Диспут в театре им. В.Э. Мейерхольда. Краткий отчет о докладе А.В. Луначарского и выступлениях А. Белого, В. Маяковского, Вс. Мейерхольда.]

Диспут о «Ревизоре» // Правда. М., 1927. 9 янв. № 7. С. 7.
[Выступления на диспуте о постановке «Ревизора» в Гос. театре им. Вс. Мейерхольда 3 января 1927 г. (премьера состоялась 9 декабря 1926 г.). В диспуте приняли участие А.В. Луначарский, В.В. Маяковский, В.Э. Мейерхольд, писатели Андрей Белый, С.М. Третьяков, И.А. Аксенов, режиссер Н.О. Волконский, критики И.С. Гроссман-Рошин, М.Ю. Левидов, Р.А. Пельше, А.Л. Слонимский и др. В отчете о диспуте, в частности, сообщалось: «Диспут, закончившийся в два часа ночи, прошел в страстном тоне, причем слушатели горячо реагировали на каждое выступление».]

Диспут о «Ревизоре» в театре Мейерхольда // Жизнь искусства. Л., 1927. № 2. С. 16.

Диспут о «Ревизоре» (из Москвы по телефону) // Красная газета (веч. вып.). Л., 1927. 4 янв. № 3.

Доклад Вс. Мейерхольда. 15 тезисов к 15 этюдам // Рабочий и театр. Л., 1927. № 3(122). С. 16–17.
[О постановке «Ревизора» Гоголя.]

Др<ейден> Сим. Мейерхольд в Акдраме // Ленинградская правда. Л., 1927. 26 янв. № 20. С. 4.
[Диспут о «Ревизоре». Доклад В.Э. Мейерхольда.]

Др<ейден> Сим. Ревизия «Ревизора» (Диспут в Доме искусств) // Жизнь искусства. Л., 1927. № 2. С. 11.

Дрейден Сим. «Ревизор» // Ленинградская правда. Л., 1927. 15 марта. № 60(3577). С. 6.
[О постановке «Ревизора» Гоголя в театре Академической драмы.]

Дрейден Сим. «Ревизор» в театре Мейерхольда // Ленинградская правда. Л., 1927. 15 сент. № 210. С. 6.

Дрейден С. Театр Мейерхольда в Ленинграде // Правда. М., 1927. 27 сент. № 220. С. 6.
[Об обсуждении в ассоциации театральных критиков постановки «Ревизора» Гоголя.]

- Дрейн С.* «Ревизор» в театре Мейерхольда // Ленинградская правда. Л., 1927. 15 сент. № 210.
- Е-ский А.* На могиле Гоголя в Даниловом монастыре // Вечерняя Москва. М., 1927. 5 марта. № 53. С. 1.
- Елифанский А.* На могиле Гоголя // Красная газета (веч. вып.). Л., 1927. 4 марта. № 60(1378). С. 4.
[Могила Гоголя на кладбище Свято-Данилова монастыря в Москве.]
- Еще о «Ревизоре» в Доме печати // Рабочий и театр. Л., 1927. № 17. С. 10.
- Жемчужников Л.М.* Мои воспоминания из прошлого. Вып. 2. В крепостной деревне. 1852–1857 гг. / Вступ. статья и примеч. С.В. Бахрушина. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1927. 238 с.
[Отзыв о Ф.В. Чижове, Г.П. Галагане, Гоголе. Описание усадьбы в Васильевке: С. 67–68, 150, 160–163.]
[Впервые с некоторыми сокращениями: Вестник Европы. 1889. № 11. С. 255–258. См. также: *Жемчужников Л.М.* Мои воспоминания из прошлого. Л., 1971. С. 167–168, 217; Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В 3 т. Т. 1 / Издание подготовил И.А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 392–396.]
- Живой Гоголь // Смена. Л., 1927. 4 марта. № 52(859). С. 3.
[Заметка о новой постановке театра «Современник» В.Н. Яхонтова: «Петербург» (на материале «Шинели» Гоголя, «Медного всадника» А.С. Пушкина и «Белых ночей» Ф.М. Достоевского).]
- Загорский Н.* Ошиблись (Дискуссия о «Ревизоре») // Жизнь искусства. Л., 1927. № 5. С. 4.
- Загорский Н.* «Ревизор» на Удельной // Жизнь искусства. Л., 1927. № 16. С. 5.
[О постановке «Ревизора» в театре Дома печати режиссером И.Г. Терентьевым.]
- Загорский Н.* Так кого же играет Чехов в «Ревизоре»? // Театральная Москва. М., 1921. № 11, 12.
- Заславский Д.* Живой Гоголь // Ленинградская правда. Л., 1927. 6 марта. № 54. С. 3.
- Зонин А.* Трагедия Гоголя // На литературном посту. М., 1927. № 5–6. С. 25–31.
- Иванова-Артюхова А.* Иллюстраторы Н.В. Гоголя (на укр. яз.). Киев, 1927. 34 с.: ил. – (Украинский Научный институт книговедения).
- Изгнанник.* Портной, который скроил шинель (Отцу русской сатиры.) // Смычка. Оренбург, 1927. 6 марта. № 54(558). С. 3.
- Итоги дискуссии о «Ревизоре» в театре им. Мейерхольда // Жизнь искусства. Л., 1927. № 7. С. 1–3.
- К.А.* Как писатель показывает человека. III. Постепенное описание // Резец. Л., 1927. № 31. С. 11–12.
[Приемы изображения действующих лиц в «Мертвых душах» Гоголя.]
- Кальма Н.* В Диканьке // Вечерняя Москва. М., 1927. 20 авг. № 188. С. 2.
[По следам Гоголя. Кочубеевские бахчи. Живой Собакевич. Диканьский электрокомбинат. Со снимком Диканьки.]
- Коган П.С.* Гоголь (К 75-летию со дня смерти.) // Известия. М., 1927. 4 марта. № 52(2986). С. 4.
[С зарисовкой В. Рачинского: «Гоголь в гробу».]
- Коган П.С.* Гоголь (К 75-летию со дня смерти) // Вечерняя Москва. М., 1927. 3 марта. № 51(962). С. 3.
[С рис. К.И. Рабуса.]

- Коган П.С., проф.* Н.В. Гоголь // Красная газета (утр. вып.). Л., 1927. 4 марта. № 52(2698). С. 2.
- Коган П.* Пушкин и Гоголь в марксистской критике // На литературном посту. М., 1927. № 5–6. С. 22–24.
- Кое-какие последствия мании величия // Рабочий и театр. Л., 1927. № 16. С. 8. С рис. [О постановке «Ревизора» Гоголя в Ленинградском Доме печати.]
- Кожевников П., Шабалов И.* Рабкоры о диспуте // Рабочий и театр. Л., 1927. № 5. С. 8. [О постановке «Ревизора» у Мейерхольда.]
- Короленко В.Г.* Трагедия великого юмориста (Несколько мыслей о Гоголе) // Короленко В.Г. Полное собрание сочинений. Посмертное издание, Т. XXIV: Очерки и статьи литературно-критические. Харьков: Гос. изд-во. Украины, 1927. С. 15–88.
- Король М., Коренев Г.* «Ревизор» // Красная звезда. М., 1927. 4 янв. № 2(899). С. 4.
- Крути И.* Гастроли Малого театра: «Ревизор» // Известия Одесского окружкома КП(б) Украины. Одесса, 1927. 7 июля.
- Кубиков И.* Гоголь и царская бюрократия // Красная нива. М., 1927. № 10. С. 14–15.
- Кугель А.* В защиту (Дискуссия о «Ревизоре») // Жизнь искусства. Л., 1927. № 3. С. 5–6.
- Кугель А.* «Ревизор» в студии Акдрамы // Рабочий и театр. Л., 1927. № 12. С. 8–9.
- Кульман Н.* Душевная драма Гоголя (К 75-летию со дня кончины) // Возрождение. Париж, 1927. 6 марта.
[Перепечатано: Трудный Путь. Зарубежная Россия и Гоголь / Сост., вступ. статья и коммент. М.Д. Филина. М.: Русский Мирь, 2002. С. 32–39.]
- Кут А.* Находки в Шереметьевском архиве. Имеются ли неизданные части Мертвых душ // Вечерняя Москва. М., 1927. 26 марта. № 68.
[О возможности найти неизданные отрывки «Мертвых душ» Гоголя в архиве П.Я. Дашкова.]
- Лавренев Б.* Второе пришествие Хлестакова («Ревизор» в Доме печати) // Красная газета. Л., 1927. 14 апр. № 85(2731). С. 2.
[О постановке режиссера И.Г. Терентьева.]
- Летопись жизни Гоголя. 1809–1927 // Красная нива. М., 1927. № 33. С. 18–19.
[С портретами Гоголя (1827, 1834–1841, 1852), факсимиле из «Мертвых душ» и др.]
[См. также: Красная нива. М., 1930. № 33. С. 18–19.]
- Линев Ю.* Споры о «Ревизоре» в театре им. Мейерхольда // Новый зритель. М., 1927. № 2(157) С. 11.
[Письмо правления Дома печати и Ассоциации театра и кинокритиков о выступлении Мейерхольда на диспуте о «Ревизоре» в театре им. Мейерхольда.]
- Литовский.* Споры о «Ревизоре» в театре им. Мейерхольда // Новый зритель. М., 1927. № 2(157). С. 11.
- Ло.* «Ревизор» (театр им. Шевченко) // Звезда. Днепропетровск, 1927. 13 нояб. № 259.
- Ло.* «Сорочинская ярмарка» (по Гоголю) // Звезда. Днепропетровск, 1927. 7 окт. № 230.
[Театр им. Т. Шевченко.]
- Лугин А.* Гоголь о Мейерхольде // Красная газета (веч. вып.). Л., 1927. 22 мая. № 135(1453). С. 4.
[О сборнике статей «Гоголь и Мейерхольд» изд. «Никитинские субботники» под ред. Е. Никитиной.]
- Луначарский А.В.* «Ревизор» Гоголя-Мейерхольда // Новый мир. М., 1927. Кн. 2. С. 187–195.

Луначарский А.В. Театр сегодня: Оценка современного репертуара и сцены. М.; Л.: Изд-во МОДПИК, 1927 (на обложке 1928). 142 с.

Из содерж.:

Кратко о «Ревизоре».

[Впервые: Красная газета (веч. вып.), 1926. 16 дек. № 300; Вечерняя Москва. 17 дек 1926. № 292.]
«Ревизор» Гоголя-Мейерхольда.

[Впервые: Новый мир. М., 1927. № 2.]

Луначарский А. Что вечно в Гоголе (К 75-летию со дня смерти Н.В. Гоголя.) // Заря Востока. Тифлис, 1927. 4 марта. № 1418. С. 5.

Луначарский А. Что вечно в Гоголе (К 75-летию со дня смерти Н.В. Гоголя) // Красная газета (веч. вып.). Л., 1927. 4 марта. № 60(1378). С. 4.

Луначарский А. Что вечно в Гоголе (К 75-летию со дня смерти) // Правда. М., 1927. 4 марта. № 52 (3584). С. 2.

М. А. На диспуте о «Ревизоре» // Известия. М., 1927. 5 янв. № 3. С. 4.

М. Б. Малый театр: «Ревизор» // Молодая гвардия. Одесса, 1927. 7 июля.

[«Жив “Ревизор” Гоголя. И жив “Ревизор” Малого театра. Гоголь наиболее ощутим именно на малой сцене. Это не умаляет ценности работы над «Ревизором» – в свое время Московского художественного театра, и в истекшем сезоне – Мейерхольда».]

Мазинг Б. Доклад Вс. Мейерхольда в Ак. театре драмы // Рабочий и театр. Л., 1927. № 5. С. 8.

М<азинг> Б. Отрывки из «Ревизора» (Доклад Мейерхольда в Акдраме) // Красная газета (веч. вып.). Л., 1927. 25 янв. № 22(1340). С. 4.

Марков П.А. «Ревизор» Мейерхольда // Красная нива. М., 1927. № 5. С. 22. С рис.

[См. также шарж на Мейерхольда в № 1. С. 21.]

Мейерхольд В.Э. Почему и как ставится «Ревизор» (Беседы с Вс. Мейерхольдом) // Вечерняя Москва. М., 1927. № 275. С. 2.

Мейерхольд и критика // Наша газета. М., 1927. 5 янв. № 3(306). С. 4.

[О постановке «Ревизора» Гоголя.]

Мовшенсон А. О «Ревизоре», Чехове, гастрольях и прочем // Рабочий и театр. Л., 1927. № 5. С. 9.

Мочульский К. О Гоголе // Звено. Париж, 1927. 6 марта. № 211(214).

[Переиздано: // *Мочульский К.В.* Кризис воображения. Статьи. Эссе. Портреты. Томск: Томское изд-во «Водолей», 1999. С. 35–37.]

Музыкальная пантомима в «Ревизоре» // Жизнь искусства. Л., 1927. № 1. С. 9–10.

[О постановке В.Э. Мейерхольда.]

Мушников В.Ф. Из литературного прошлого: Материалы для экскурсий по Ленинграду. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 87 с.

[С. 44–50: Гоголь в Петербурге.]

На смерть Гоголя (К 75-летию со дня смерти. 1852–1927) // Наука. Л., 1927. № 5/6. С. 115.

Надель Фредерика. Гоголь в наши дни. К 75-летию со дня смерти // Красный Крым. Симферополь, 1927. 6 марта. № 54(1874). С. 3.

Неизданное письмо Гоголя / Сообщил С. Шпицер // Красная газета (веч. выпуск). Л., 1927. 7 июня. № 151(1469). С. 5.

[Письмо к А.П. Елагиной от ноября-декабря 1841 г. Из архива М.И. Семевского.]

Неизданное письмо Гоголя / Сообщил А.К. Виноградов // Вечерняя Москва. М., 1927. 3 марта. № 51(962). С. 3.

[Письмо Гоголя к С.А. Соболевскому от 17 апреля 1836 г. и факсимиле письма. Записка Гоголя к С.А. Соболевскому, Неаполь, 1847 г. Факсимиле письма (1836 г.) и записки (1847 г.) воспроизведены в кн: *Виноградов А.К.* Мериме в письмах к Соболевскому. М.: Московское художественное изд-во, 1928. С. 55, 118.]

Неизданное письмо Н.В. Гоголя // Руль. Берлин, 1927. 12. марта. № 1910. С. 4.

[Письмо к К.С. Аксакову из Рима от 28 декабря (н. ст.) 1840 г. Впервые опубликовано Н.К. Пиксановым в статье «Гоголь в Италии» (Огонек. 1927. 6 марта. № 10).]

Никанорович И. <*Розанов И.Н.*> Пушкин и Гоголь в марксистской литературе // Родной язык в школе: научно-педагогический сб. М., 1927. Кн. 4. С. 283–293.

[Работы Н. Коробки, В. Переверзева, В. Данилова о Гоголе и их оценка.]

Николай Васильевич Гоголь // Смычка. Оренбург, 1927. 6 марта. № 54(558). С. 3.

Новейшая русская литература: критика – театр – методология. Темы. Библиография / Сост. А.И. Белецкий, Н.Л. Бродский, Л.П. Гроссман, И.Н. Кубиков, В.Л. Львов-Рогачевский. Иваново-Вознесенск: Основа, 1927. 256 с.

[О Гоголе: С. 235–238. Указана литература, вызванная постановкой «Ревизора» в театре В.С. Мейерхольда.]

Розанов И.Н. Путеводитель по русской литературе XIX века. М.: Работник просвещения, 1927 (на обложке: 1928). 340 с. – (Библиотека народного учителя).

[О Гоголе: С. 113–128.]

Новый «Ревизор» // Ленинградская правда. Л., 1927. 5 марта. № 53(3570). С. 6.

[О постановке «Ревизора» Гоголя в Ленинградском Доме печати. Доклад режиссера И.Г. Терентьева.]

О.М. На диспуте о «Ревизоре» // Известия. М., 1927. 5 янв. № 3. С. 3.

[В театре Мейерхольда. Выступления А.В. Луначарского, В.В. Маяковского, А. Белого, В.Э. Мейерхольда.]

О нужнике городничего и нужен ли нам терентьевский «Ревизор» // Смена. Л., 1927. 16 апр. № 87(394). С. 4.

[О постановке «Ревизора» в театре Ленинградского Дома печати.]

[О праздновании 75-летия со дня смерти Гоголя в СССР и за границей] // Плужанин. Харків, 1927. № 7.

Оксенов Ин. Н. Гоголь и современность // Красная газета (веч вып.). Л., 1927. 4 марта. № 60(1378). С. 4.

Орлов А.С., проф. «Призраки» Тургенева (Одоевский – Гоголь – Тургенев) // Родной язык в школе. М., 1927. Кн. 1. С. 46–75.

[«Жизнь» Гоголя и «Призраки» И.С. Тургенева: С. 61–64.]

П.В. Как выходило первое собрание сочинений Гоголя // Смычка. Оренбург, 1927. 6 марта. № 54(558). С. 3.

[Первое собрание сочинений Гоголя (1842) и цензура.]

П-ский И. Великий сатирик Н.В. Гоголь // Орловская правда. Орел, 1927. 4 марта. № 52(2685). С. 3.

Пессимист. Гоголевское // Заря Востока. Тифлис, 1927. 4 марта. № 1418. С. 1.

[Фельетон на тему жизненности творений Гоголя.]

Петров Н.В. Октябрь или упадочность (Дискуссия о «Ревизоре») // Жизнь искусства. Л., 1927. № 3. С. 7.

Петров Н.В. Ревизор в театре-студии Акдрамы // Рабочий и театр. Л., 1927. № 10. С. 11.

Пешковский А.М.. Сборник статей: Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. Л.; М.: Гос. изд-во, 1927. 190, [2] с.

Стихи и проза с лингвистической точки зрения. С. 153–166.

[В качестве примера ритма художественной прозы взят отрывок из «Страшной мести» Гоголя.]

Пиксанов Н. Гоголь в Италии (75 лет со дня смерти писателя) // Огонек. М., 1927. 6 марта. № 10(206). С. 8.

Пиотровский А. «Ревизор» в театре Дома печати // Красная газета (веч. вып.). Л., 1927. 11 апр. № 96. С. 4.

Пяст Вл. «Ревизор» в эпизодах. Впечатления о монтировочной репетиции у Мейерхольда // Красная газета (веч. вып.). Л., 1926. 7 дек. № 298(1296). С. 4.

Р. Забытая лаборатория гения // Красная газета (веч. вып.). Л., 1927. 2 дек. № 324. С. 4.

[О квартире Н.В. Гоголя в Петербурге на Малой Морской (ныне ул. Гоголя).]

Р.С. Н.В. Гоголь (1809–1852) // Смена. Л., 1927. 6 марта. № 54(861). С. 3.

Радлов С.Э. «Ревизор» у Мейерхольда // Красная газета (веч. вып.). Л., 1927. 14 сент. № 248(1566). С. 4.

«Ревизор»: Московский Малый академический театр // Театр. Клуб. Кино. Одесса, 1927. № 4. С. 16.

«Ревизор» в Театре им. Вс. Мейерхольда: сб. статей. Л.: Academia, 1927. 72 с. – (Гос. институт истории искусств. Современный театр. Непериодическая серия по вопросам современного театра, издаваемая отделом истории и теории театра. Вып. 2.)

Содерж.:

Слонимский А.Л. Новое истолкование «Ревизора». С. 5–18.

Гвоздев А.А. Ревизия «Ревизора». С. 18–44.

[Перепечатано: *Гвоздев А.А.* Театральная критика: [сб.]. Л.: Искусство, 1987. С. 72–85.]

Назаренко Я.А. «Ревизор» в мейерхольдовской интерпретации. С. 45–54.

Соловьев В.Н. Замечания по поводу «Ревизора» в постановке Мейерхольда. С. 55–63.

Каплан Э.И. Вещественное оформление «Ревизора» в постановке Вс. Мейерхольда. С. 64–72.

«Ревизор» в театре Мейерхольда // Красная панорама. Л., 1927. С. 15.

«Ревизор» в Париже // Шквал. Одесса, 1927. № 17. С. 4.

«Ревизор» Мейерхольда. За и против // Программы гос. академических театров: еженедельный театральный журнал. М., 1927. № 1(67). С. 14–15.

[Высказывания о постановке А.В. Луначарского, П.С. Когана, Ю. Ларина, С. Буденого, Р.А. Пельше, И.С. Гроссмана-Рошина, В. Плетнева, А.Р. Кугеля, Ю.Э. Гегузина.]

«Ревизор» у Мейерхольда // Рабочий и театр. Л., 1927. № 38. С. 11.

Рейх Б. «Ревизор» у Мейерхольда // На литературном посту. М., 1927. № 1. С. 65–67.

Рогозовский Гр. Гоголь на Полтавщине. К 75-летию со дня смерти // Пролетарий. Харьков, 1927. 4 марта. № 52. С. 3.

Ростиславский В. Гоголь как художник-социолог (75 лет со дня смерти) // Харьковский пролетарий. Харьков, 1927. 4 марта. № 52(865). С. 2.

[С портретом работы А. Зона (1847).]

Рубакин А. «Ревизор» на французской сцене (Письмо из Парижа) // Красная газета (веч. вып.). Л., 1927. 29 апр. № 113. С. 4.

[О постановка Жюве.]

- С. Гоголь под николаевской цензурой // Вечерняя Москва. М., 1927. 2 июля. № 147. С. 4.
- С.Л. В спорах о театре (Диспут в театре им. Вахтангова) // Вечерняя Москва. М., 1927. 18 янв. № 14(925). С. 3.
[Диспут о «Ревизоре» Гоголя.]
- С.Р. Н.В. Гоголь (1809–1852) // Смена. 1927. 6 марта. № 54.
- Словохотов Л.А. О классиках русской литературы. Саратов: изд. автора, 1927. 196 с.
[О Гоголе: С. 88–91.]
- Слонимский А.Л. Два Хлестакова // Жизнь искусства. Л., 1927. № 4. С. 8–9.
- Слонимский А.Л. Новая интерпретация «Ревизора» (Дискуссия о «Ревизоре») // Жизнь искусства. Л., 1927. № 2. С. 10–11.
- Слонимский А. «Ревизор» // Жизнь искусства. Л., 1927. 20 сент. № 38. С. 7.
- Слонимский А. «Ревизор». Студия академических театров // Жизнь искусства. Л., 1927. № 12. С. 12–13.
- Слонимский А. «Ревизор» Гоголя в постановке Мейерхольда // Звезда. Л., 1927. Кн. 2. С. 142–153.
- Смирнов Б. Григорий Иванович Спасский (Материалы к биографии) // Сибирские огни. Новосибирск, 1927. № 1. С. 110–122.
[Письмо Гоголя к Г.И. Спасскому от 1 июня 1835 г. из Васильевки и ответ Спасского от 22 июля. С. 117–118.]
- Смирнов Л. Гоголь в Абрамцеве // Известия. М., 1927. 4 марта. № 52(2986). С. 4.
- Смирнов Л. К 75-летию со дня смерти Гоголя // Народный учитель. М., 1927. № 4. С. 99–100.
- Соловьев В.Н. Еще раз в защиту «Ревизора» (Дискуссия о «Ревизоре») // Жизнь искусства. Л., 1927. № 5. С. 5.
- Спор о «Ревизоре» // Прожектор. М., 1927. № 1(85). С. 25.
[Дискуссия о постановке Мейерхольда. Шарж Д. Моора с кратким текстом.]
- Стойчев Ст. Н.В. Гоголь (К 75-летию со дня смерти) // Нижегородская коммуна. 1927. 4 марта. № 52(2495). С. 2.
- Т.М. Н.В. Гоголь (К 75-летию со дня смерти) // Призыв. Владимир, 1927. 6 марта. № 54(2187). С. 7.
- Т.Х. <Холодный Т.> Митинг у Гоголя. – Подпись: Т.Х. // Правда. 1927. № 54. 6 марта.
[Выступление Е. Ярославского на митинге.]
- Тальников Д. Новая ревизия «Ревизора» // Красная новь. М., 1927. Кн. 3. С. 204–233.
- Тальников Д. Новая ревизия «Ревизора»: Опыт литературно-сценического изучения театральной постановки. М.; Л.: Госиздат, 1927. 97, [2] с.
- Три Хлестакова // Рабис: журнал Всесоюзного профсоюза работников искусств. М., 1927. 18 янв. № 1. С. 14.
[М. Чехов, Э. Гарин, С. Кузнецов о роли Хлестакова.]
- Тур. Глазами потомков // Ленинградская правда. Л., 1927. 6 марта. № 54.

<Тургенев И.С.> Письма И.С. Тургенева к П.В. Анненкову (с предисловием П.Е. Щеголева) // Новый мир. М., 1927. Кн. 9. С. 155–168.

[Письмо от 15 июня 1855 г. о статье Дружинина в «Библиотеке для чтения» в связи с отзывом Дружинина о Гоголе: С. 162.]

Ф.А. К истории роли Хлестакова // Театральный тиждець. Одесса, 1927. 9 февр. № 9(98).

Фельетон о «Ревизоре» // Рабочий и театр. Л., 1927. № 16(135). С. 8–11.

[О постановке «Ревизора» Гоголя в театре Дома печати.]

Хвойник Игн. «Ревизор» Вс. Мейерхольда (По поводу оформления «Ревизора» в театре им. Мейерхольда) // Советское искусство. М. 1927. 4 янв. № 1. С. 13–20.

Чаговец Вс. Шевченко и Гоголь // Вечерний Киев. Киев, 1927. 11 марта. № 10.

Черниховченко М. Памяти гениального земляка // Наука. Л., 1927. № 5/6. С. 116–123.

[К 75-летию со дня смерти Гоголя.]

Чарный М. «Капитал» Маркса и «Ревизор» Мейерхольда // На литературном посту. М., 1927. 10 апр. № 7. С. 55–57.

Черский П. Классический «Ревизор» (Спектакль в Большом театре) // Красная газета (веч. вып.). Л., 1927. 2 февр. № 30(1348). С. 4.

[«Ревизор» в Московском Большом театре с участием Кузнецова, Чехова, Яблочкиной, Массалитиновой и др.]

Черский П. У гоголевского камина // Вечерний Киев. Киев, 1927. 7 марта. № 6.

Чужак Н. Опыт ревизии «Ревизора». О нем и по поводу // Жизнь искусства. Л., 1927. № 2. С. 9–10.

Шебалков Н., Соколов И., Михайлов М. Работы о «Ревизоре» // Рабочий и театр. Л., 1927. № 12. С. 10.

Шкловский В. В защиту социологического метода (Из доклада, читанного в Ленинграде 6 марта 1927 г.) // Новый Леф. М., 1927. № 3. С. 20–25.

[О книге В.Ф. Перверзева «Творчество Гоголя».]

Эйхенбаум Б. Гоголь и «дело литературы» (К 75-летию со дня смерти) // Красная газета (веч. вып.). Л., 1927. 4 марта. № 60(1378). С. 4.

[Перепечатано в кн.: Эйхенбаум Б.М. Мой современник. Л., 1929. С. 89–92.]

Яковлев М.А. Теория драмы (Главные этапы ее исторического развития). Л.: изд. автора, 1927. 164 с.

Гл. 10: Высказывания о реалистической драме Пушкина, Гоголя и Островского.

La Veto I. Театр им. К. Либкнехта. «Тарас Бульба», музыка Н. Лисенко, опера в 5 действиях // Вечерний Киев. Киев, 1927. 17 окт.

Spectafor. Наш Гоголь // Руль. Берлин, 1927. 3 мая.

1928

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вий. Коляска: [повести] / Вступ. статья И. Машбиц-Верова. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 91 с. – (Дешевая библиотека классиков). 30000 экз.

Заколдованное место. Майская ночь: [повести]. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 58, [2] с. – (Дешевая библиотека классиков). 25000 экз.

Мертвые души: поэма. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 299 с. – (Дешевая библиотека классиков). 30000 экз.

Невский проспект. Нос: [повести] / Вступ. статья И. Машбиц-Верова. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 111 с. – (Дешевая библиотека классиков). 30000 экз.

Загл. вступ. статьи: О характере гоголевского юмора.

Ночь перед Рождеством: [повесть]. 2-е изд. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 56 с. – (Дешевая библиотека классиков). 35000 экз.

Портрет: [повесть] / Гравюры на дереве А.И. Кравченко; вступ. статьи П.С. Когана и А.В. Бакушинского. М.; Л.: Гос. изд-во в Нижнем Новгороде, 1928. 93, [2] с.: ил. 4000 экз.
Загл. вступ. статей: *Коган П.С.* «Портрет». *Бакушинский А.В.* Иллюстрации А.И. Кравченко к повести Гоголя «Портрет».

Пропавшая грамота; Иван Федорович Шпонька и его тетушка; Заколдованное место: [повести] / [Предисл. В.Т.] М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 79 с. – (Дешевая библиотека классиков). 30000 экз.

Сорочинская ярмарка: [повесть]. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 37 с. – (Дешевая библиотека классиков). 30000 экз.

Сорочинская ярмарка; Старосветские помещики: [повести]. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 63 с. – (Дешевая библиотека классиков). 35000 экз.

Сочинения / Вступ. статья Л.Н. Войтоловского; ил. Д. Митрохина. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. XVI, 662, [2] с.: ил. 10000 экз.

Загл. вступ. статьи: Н.В. Гоголь. С. III–XV.

[Текст и примеч. соответствуют изданиям сочинений Гоголя в 3-х томах под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927.]

[2-е изд.: М.; Л., 1928; 3-е изд.: М.; Л., 1929; 4-е изд.: М.; Л., 1930.]

Сочинения: [В 3 т.] / Под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. [2-е изд.] М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 10000 экз.

Т. 1. Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород / Вступ. статья Л.Н. Войтоловского. XXI, 422, [2] с.
Загл. вступ. статьи: Н.В. Гоголь. С. III–XXVIII.

Т. 2. Повести. Комедии. 489, [3] с.

Т. 3. Мертвые души: поэма. Т. 1–2. 398, [2] с.

[Первое за советский период критическое издание художественных произведений Гоголя. Тексты печатаются по прижизненным изданиям; частично использованы рукописи. Устранены цензурные искажения в повести «Нос» и поэме «Мертвые души».]

Старосветские помещики: повесть. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 31 с. – (Дешевая библиотека классиков). 30000 экз.

Шинель: [повесть]. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 52 с. – (Дешевая библиотека классиков). 25000 экз.

ЛИТЕРАТУРА

Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. Берлин, 1928. 11 апр.

[Гоголь, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой]

Анненков П.В. Литературные воспоминания / Предисл. Н. Пиксанова; вступ. статья, ред. и примеч. Б.М. Эйхенбаума. Л.: Academia, 1928. – (Памятники литературного быта). 659 с.: ил.

Н.В. Гоголь в Риме летом 1841 года. С. 3–157.

Замечательное десятилетие. С 161–601

Молодость Тургенева. С. 603–649.

[Первая статья напечатана по изд.: «Воспоминания и критические очерки» (Т. I. СПб., 1877) с исправлениями по «Библиотеке для чтения» (1857. № 2, 11); вторая – по изд.: «Воспоминания и критические очерки» (Т. III), с исправлениями по «Вестнику Европы» (1880. № 1–5); третья – по «Вестнику Европы» (1884. № 2).]

Апостолов Н.Н. Лев Толстой и его спутники. М.: Комиссия по ознаменованию столетия со дня рождения Л.Н. Толстого, 1928. 259 с.: ил.

[С. 19–25: Гоголь в восприятии Л.Н. Толстого.]

Б-к И. Театр Ленинградского Дома печати // Гудок. М., 1928. 19 мая. № 115(2399). С. 4. [О постановке режиссером И.Г. Терентьевым «Ревизора» Гоголя.]

Бабель, Гоголь и... Буденный // Последние новости. Париж, 1928. 30 окт. № 2778.

Бем А.Л. Гоголь и Пушкин в творчестве Достоевского // Slavia. Прага, 1928. Т. 7. Вып. 1. С. 86; Т. 8. Вып. 1. С. 82–100; Вып. 2. С. 297–311.

Бем А.Л. К вопросу о влиянии Гоголя на Достоевского. Прага: Уния, 1928. 32 с.

Богданов-Березовский В. «Нос», опера Д.Д. Шостаковича // Музыка и революция. М., 1928. № 7–8 (31–32). С. 54–55.

Боцяновский В.Ф. Один из вещных символов у Гоголя // Сборник статей в честь академика А.И. Соболевского / Под ред. В.Н. Перетца. Л.: Академия наук, 1928. – (Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР; Т. 101. № 3). С. 103–106.

[Фрак Чичикова.]

[Отд. оттиск: Л., 1928. 4 с.]

Браудо Е. «Майская ночь» в постановке Станиславского // Правда. М., 1928. 7 февр. № 32. С. 5.

Браудо Е. «Нос» Шостаковича (концерт Софила) // Правда. М., 1928. 13 дек. № 289. С. 5.

Буш В.В. Заметки об «Очерках гоголевского периода русской литературы» // Николай Гаврилович Чернышевский 1828–1928. Неизданные тексты, материалы и статьи / Под общ. ред. проф. С.З. Каценбогена. Саратов, 1928. С. 3–15.

В.Б. Театр Ленинградского Дома печати. «Ревизор» и «Наталья Тарпова» // Комсомольская правда. М., 1928. 27 мая. № 122(907). С. 3.

В. И. «Ночь перед Рождеством» // Правда. М., 1928. 26 апр. № 97.

[Постановка пьесы Массэ и Тикота кружком музыкальной сатиры при Центральном клубе работников связи в Москве.]

Вигель Ф.Ф. Записки / Ред. и вступ. статья С.Я. Штрайха. М.: Артель писателей «Круг», 1928. Т. I. 377 с.

[О Гоголе: С. 24–26, 353.]

Т. 2. 355 с.

[О Гоголе: С. 327–329.]

Виноградов А.К. Мериме в письмах к Соболевскому / [Худож. ред. С.А. Абрамова.] М.: Московское художественное изд-во, 1928. 272, [4] с.

[Письмо Гоголя к С.А. Соболевскому от 17 апреля 1836 г. и факсимиле письма: С. 55. Записка Гоголя к С.А. Соболевскому (Неаполь, 1847 г.) и факсимиле записки: С. 118.

[Впервые: Неизданное письмо Гоголя / Сообщил А.К. Виноградов] // Вечерняя Москва. М., 1927. 3 марта. № 51(962). С. 3.]

Виноградов В. О «литературной циклизации» («Невский проспект» Гоголя и «Confession of english opium eater» Де-Квинси) // Поэтика: сб. статей (Временник отдела словесных искусств, IV). Л.: Academia, Гос. институт истории искусств, 1928. С. 114–125.

[Перепечатано с дополнениями в кн.: *Виноградов В.* Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский. Л.: Academia, 1929.]

Владиславлев И.В. Литература великого десятилетия (1917–1927): Художественная литература. Критика. История литературы. Литературная теория и методология. Т. I. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 229, [1] с.
[О Гоголе: С. 78–80.]

Войтоловский Л.Н. Очерки история русской литературы XIX и XX веков. Ч. I: Пушкин – Достоевский. 3-е изд., испр. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 244 с.
Н. Гоголь. С. 81–97.

Гвоздев А. «Ревизор» на Удельной // Жизнь искусства. Л., 1928. № 16. С. 5.

<Гоголь Н.В.> Н.В. Гоголь. М.: Кооперативное изд-во писателей «Никитинские субботники», 1930. 254 с. – (Библиотека писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф. Никитиной. III серия: Классики в марксистском освещении.)

Содерж.:

Хронологическая таблица жизни и творчества Н.В. Гоголя. С. 5–10.

Переверзев В.Ф. Гоголь (Эволюция творчества, стиль и композиция). С. 11–99.

Луначарский А.В. Гоголь. С. 101–118.

Соловьев (Андреевич) Е. Н.В. Гоголь (1809–1852). С. 119–131.

Войтоловский Л. Н.В. Гоголь. С. 133–172.

Коробка Н.И. Н.В. Гоголь. С. 173–226.

Зонин А. Трагедия Гоголя. С. 227–247.

Библиографический указатель. I. Произведения Н.В. Гоголя. II. Биографические сведения. III. Библиография марксистской критики о творчестве Гоголя. С. 248–254.

[2-е изд.: М., 1930.]

Городской Я. «Вий» (Театр им. Шевченко) // Красный Николаев. Николаев, 1928. 5 мая. № 2208.

Городской Я. «Сорочинская ярмарка» (Театр им. Шевченко) // Красный Николаев. Николаев, 1928. 26 апр. № 2194.

Григорович Д.В. Литературные воспоминания, с приложением полного текста воспоминаний П.М. Ковалевского / Вводная статья, ред. и примеч. В.Л. Комаровича. Л.: Academia, 1928. XXXII, 515 с. – (Памятники литературного быта).

[О Гоголе: С. 144–147, 361–363 и др.]

Гроссман-Роцин И. Художник и эпоха. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 257 с. – (Критическая библиотека «На литературном посту»).

В.Ф. Переверзев. «Творчество Гоголя». С. 215–226.

[Положительная оценка книги.]

Данилов В. Украинские рассказы Куприяенка 1840 года // Юбілейний збірник на пошану акад. М.С. Грушевського. II. Частина історично-літературна. Київ, 1928. С. 64–71.

[С. 70–71: О влиянии Гоголя на творчество Куприяенко.]

Достоевский Ф.М. Письма. Т. 1: 1832–1867 / Под ред. и с примеч. А.С. Долинина. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. VI, 590 с.

[О Гоголе: Примечания к письмам Ф.М. Достоевского к М.М. Достоевскому от 24 февраля 1845 г., 1 февраля, 16 мая и 5 сентября 1846 г. С. 75, 86, 93, 478–479, 492.]

Дурылин С.Н. Из семейной хроники Гоголя. Переписка В.А. и М.И. Гоголь-Яновских. Письма М.И. Гоголь к Аксаковым. М.: Гос. академия художественных наук, 1928. 110 с. – (Гос. Академия художественных наук. Тексты и материалы. Вып. 4).

[Исследование социальной и хозяйственной среды, окружавшей Гоголя в его молодые годы, изучение личностей его отца и матери на основании впервые публикуемых переписки В.А. и М.И. Гоголь-Яновских (1822–1825 гг.) и писем М.И. Гоголь к Аксаковым (1842–1844 и 1859 гг.).]

[Рец.: *Переверзев В.* // Печать и революция. М., 1929. Кн. 4. С. 122.]

Живой Гоголь // Минувшие дни: иллюстрированный исторический альманах / Под ред. М.А. Сергеева и П.И. Чагина. Л.: Красная газета, 1928. № 3.
[Перепечатано: Возрождение. Париж, 1928. 3 мая. Т. 3. № 1066.]

Зеньковский В.В. Гоголь // Русская земля: альманах для юношества (Ко дню русской культуры) / Ред. А. Черный и В. Зеньковский. Париж, 1928. С. 88–91.

Зуммер В.С. Книга Боткина как материал для биографии Ал. Иванова. Харків, 1928. 15 с. – (Мистецтвознавство. Збірник 1-й Харківської секції науково дослідчої катедри мистецтвознавства. – Додаток матеріяли).
[Гоголь и А.А. Иванов.]

Кассиль Л. Гоголевские дни в Ульяновске // Красное студенчество. М., 1928. № 7. С. 22–23.
[Фельетон из студенческой жизни на материале произведений Гоголя.]

Кашин Н.П. Островский и Гоголь // Родной язык и литература в трудовой школе. М., 1928. № 4–5. С. 19–41.

Коган П.С. История русской литературы с древнейших времен до наших дней (В самом сжатом изложении). 2-е изд. М.; Л.: Молодая гвардия, 1928. 272 с.

[О Гоголе: С. 68–73.]

[Указ имен.]

[1-е изд.: М.; Л.: Молодая гвардия, 1927; 3-е изд.: М.; Л.: Молодая Гвардия, 1930.]

Луначарский А.В. О «Ревизоре» Мейерхольда // Вечерняя Москва. М., 1928. 17 дек. № 292. С. 3.

Лютин В.С. «Майская ночь (студия им. К.С. Станиславского) // Музыка и революция. М., 1928. № 4(28). С. 33.

Мандельштам Р.С. Художественная литература в оценке русской марксистской критики: Библиографический указатель / Под ред. Н.К. Пиксанова. 4-е изд., перераб. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. – (Гос. академия художественных наук. Библиографический отдел). 224 с.

[Указ. имен.]

[1-е изд.: Саратов: Гос. изд-во. Саратовское отделение, 1921; 2-е изд., доп. М.; Пгр.; 1923; 3-е изд., перераб. М.: Гос. изд-во, 1925.]

Маркович С. Русский язык (Литература) / Под ред. Л. Резцова. Ташкент: Изд-во Среднеазиатского бюро пролетарского студенчества при Среднеазиатском бюро ВЦСПС, [1928]. 88 с. – (Серия конспектов, составленных применительно к программе испытаний в Среднеазиатском гос. ун-те. № 4).

[Н.В. Гоголь: С. 29–32.]

Мацуев Н.И. Художественная литература и критика русская и переводная 1926–1928 гг.: Библиографический указатель. Статьи и рецензии о книгах, теория и история литературы, критика, иконография писателей / С предисл. Н.К. Пиксанова. М.: Изд-во книжно-библиотечных работников, 1929. 296 с.

[Указ. имен.]

Недоброво В. ФЭКС [Фабрика эксцентрического актера]: Григорий Козинцев, Леонид Трауберг / Вступ. статья В. Шкловского. М.; Л.: Кинопечать, 1928. 79, [1] с.: ил.

[«Шинель»: С. 32–49.]

Ник П. «Вий» // Кочегарка. Артемовск, 1928. 28 дек. № 300.

«Нос» // Красная газета (веч. вып.). Л., 1928. 24 июня. № 202. С. 4.

[Д.Д. Шостакович о своей опере.]

Панаев И.И. Литературные воспоминания. Первое полное издание под ред. и с примечаниями Иванова-Разумника. Л.: Academia, 1928. 568 с. – (Памятники литературного быта). [Текст сверен с рукописью и журнальным текстом. Впервые: Современник. 1861.] [Указ. имен.]

Переверзев В.Ф. Творчество Гоголя. 3-е изд. Иваново-Вознесенск: Основа, 1928. 183 с.

Переверзев В.Ф. Творчество Гоголя. 4-е изд. Иваново-Вознесенск: Основа, 1928. 183 с. [1-е изд.: 1924; 2-е изд.: 1926; 3-е изд.: 1928. Изданиям 2, 3 и 4 предпослано предисловие: «Гоголевская критика за последнее десятилетие». Переиздано: *Переверзев В.Ф.* Гоголь. Достоевский. М.: Советский писатель, 1982.]

[Рец.: *Глаголев А.* // Новый мир. М., 1926. № 6. С. 183–184; *Гроссман-Роцин И.* // На литературном посту. М., 1926. № 4. С. 21–24; *Ю.Д.* // Книгоноша. М., 1926. № 33. С. 24; *Тимофеев Л.И.* // На литературном посту. М., 1928. № 22. С. 25–30; № 24. С. 26–39; *Динамов С.С.* // Красная новь. М., 1930. № 2. С. 211–219; *Анисимов И.Д.* // Там же. С. 220–230; *Усиевич Е.Ф.* // Литература и искусство. М., 1930. № 1. С. 54–67; *Бочарев М.* // Там же. С. 181–183; Литература и искусство. М., 1930. № 2. С. 45; *Тамарченко Д.Е.* // Литературная учеба. М., 1931. № 7. С. 77–85; *Татаров И.Л.* // Историк-марксист. М., 1931. Т. 21. С. 140–142. Отз.: *Цейтлин А.Г.* Марксисты и «формальный метод» // Леф. М.; Пгр., 1923. № 3. С. 114–130; *Гроссман-Роцин И.С.* Художник и эпоха. М.; Л., 1928. С. 215–226; Против механистического литературоведения. Дискуссия о концепции В.Ф. Переверзева. М., 1930; *Щукин С.Е.* Две критики. Плеханов – Переверзев. М., 1930. С. 33–35, 69–75; Литературные дискуссии. М.: Изд. Комакадемии, 1931. С. 4–10.]

Петрич Н. «Вий» // Красный горняк. Кривой Рог, 1928. 21 июля.

[О постановке театра им. Т.Г. Шевченко.]

Пиксанов Н.К. Областные культурные гнезда: историко-краеведный семинар. Введение в изучение. Темы для культурно-исторических краеведных работ. Систематическая библиография. Руководящие вопросники. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 148 с.

Из содерж.:

Украинская стихия в творчестве Гоголя. С. 90–93.

Культура Полтавщины во времена Гоголя. С. 95–96.

Миргород литературный и Миргород исторический. С. 96.

Письмо Н.В. Гоголя к А.Н. Отяевой / Примеч. В. Смирнова // Литературный сборник. 1. (Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. XII). Кострома, 1928 С. 11–12.

[Адресат (А.Н. Отяева) указан ошибочно: письмо адресовано Н.Н. Шереметевой; напечатано П.А. Кулишом, а затем В.И. Шенроком в собрании писем Гоголя.]

<*Пушкин А.С.*> Сочинения Пушкина. Т. IX. Л.: Изд. Академии Наук СССР, 1928 (Ч. 1) и 1929 (Ч. 2).

[О Гоголе: Ч. I. С. 254–255, 304, 376, 445–450 (критические и полемические статьи и заметки); Ч. 2. С. 791–795, 830–831 и 909–917 (комментарий к ним Н.К. Козмина).]

Скабичевский А.М. Литературные воспоминания / Ред., вступ. статья и примеч. Б. Козьмина. М.; Л.: Земля и Фабрика, 1928. 355 с. – (Литературные памятники и мемуары).

[Указ. имен.]

Соболев Ю. «Женитьба» в Гос. педагогическом театре // Вечерняя Москва. М., 1928. 30 апр. № 100. С. 3.

Соболев Ю. Новаторство во что бы то ни стало. «Ревизор» Ленинградского театра Дома печати // Вечерняя Москва. М., 1928. 8 мая. № 105(1315). С. 3.

Тимофеев Л. К. проблематике марксистского литературоведения // На литературном посту. М., 1928. № 22. С. 25–30; № 24. С. 26–39.

[По поводу книги В.Ф. Переверзева «Творчество Гоголя».]

Февральский А. «Ревизор» Ленинградского театра Дома печати // Правда. М., 1928. 24 мая. № 119. С. 8.

Хазат. «Вий» // Луганская правда. Луганск, 1928. 7 окт. № 234.

<*Чернышевский Н.Г.*> Н.Г. Чернышевский. Литературное наследие. Т. 1. Из автобиографии. Дневник 1848–1853 г. / Под ред. и с примеч. Н.Л. Алексеева, М.Н. Чернышевского и проф. С.Н. Чернова. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 748 с.

[Указ. имен в приложении к III тому «Литературного наследия Н.Г. Чернышевского» (М., 1930).]

<*Щепкин М.С.*>. Записки крепостного актера М.С. Щепкина / Предисл., примеч. и статья А.Б. Дермана. М.: Книгоизд-во «Современные проблемы», 1928. 266 с.

Дерман А.Б. Щепкин и Гоголь. С. 205–215.

[Указ. имен.]

Юргис. «Женитьба» в Гос. педагогическом театре // Советский театр. М., 1928. № 20.

Автор-составитель:

Владимир Алексеевич Воропаев,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Vladimir A. Voropaev,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

voropaevvl@bk.ru

Программы

Programs

Н.В. Николенкова (Москва, Россия)

Программа учебной дисциплины «История русского научного текста»
для направления подготовки 45.04.01 – «Филология»
(магистратура МГУ, квалификация «магистр»)

N.V. Nikolenkova (Moscow, Russia)

The Program of the Academic Discipline
“The History of the Russian Scientific Text”
for the direction of preparation 45.04.01 – “Philology”
(Moscow State University Master’s degree)

1. Цели освоения дисциплины

- сформировать у студентов комплекс знаний об истории русской научной мысли, об этапах развития русской науки, отраженной в текстах до начала XX в.;
- сформировать у студентов комплекс умений и навыков в области анализа научного текста исходя из его принадлежности к определенной эпохе развития как письменности, так и науки;
- сформировать представление об истории терминологической системы русской науки в разные периоды развития языка.

Задачи освоения дисциплины

Ознакомить студентов с текстами, представляющими основные этапы формирования русской научной мысли, основными этапами развития и формирования научной терминологии в гуманитарных и естественных науках, а также с принципами изучения этого научного материала в аспекте современных подходов.

2. Место дисциплины в структуре ООП

Курсы по выбору

Данная дисциплина предназначена для магистров профиля «Русский язык в функционально-коммуникативном аспекте» и изучается параллельно дисциплине «Актуальные задачи лингвистики и функционально-коммуникативный подход». Ее изучение необходимо для формирования у магистров навыков создания собственного научного текста и умения анализировать разные научные тексты с лингвистической позиции, что будет актуализировано в учебном плане магистратуры при теоретическом изучении методики преподавания дисциплины «Русский язык и культура речи» и при прохождении учено-педагогической практики для студентов разных специальностей.

ностей. Дисциплина преподается в I семестре 1 курса. Достаточными являются знания, умения и навыки, приобретенные в бакалавриате при изучении лингвистических дисциплин.

3. Требования к результатам освоения дисциплины

Процесс изучения дисциплины направлен на формирование следующих компетенций:

- знание основных понятий и терминов современной филологической науки, представление о структуре и перспективах развития филологии как области научных знаний, о важнейших филологических (лингвистических) отечественных научных школах периода до первой четверти XX в. (ОПК-1 формируется частично);
- владение терминологическим аппаратом современной науки о языке и приемами научного исследования языка; понимание тенденций и перспектив развития языка; знание современных подходов к анализу текста (ОПК-2);
- знание терминологической системы языка науки (филология, история, естественные науки) периода XVIII–XX вв. и принципов ее организации; представление об истории развития разных терминосистем (профильная компетенция формируется частично).

В результате освоения дисциплины обучающийся должен:

ЗНАТЬ

специфику научного текста как объекта лингвистического анализа, особенности коммуникативных условий возникновения и восприятия этого текста в разные периоды развития русского языка.

УМЕТЬ

выявить и охарактеризовать языковые средства, актуализированные в научном тексте определенной эпохи как нормативные / устаревающие / новые; определить характер появления новаций, их необходимость с точки зрения дальнейшего развития языка науки; классифицировать характер новаций с точки зрения развития литературного языка соответствующего периода.

ВЛАДЕТЬ

навыками комплексного анализа научных текстов различного типа (в том числе и текстов разных наук).

4. Структура и содержание дисциплины

Общая трудоемкость дисциплины составляет 2 зачетных единицы, 72 часа, в том числе 36 часов аудиторной нагрузки.

РАЗДЕЛ ДИСЦИПЛИНЫ И ВИДЫ УЧЕБНОЙ РАБОТЫ

№ п/п	Раздел дисциплины	Семестр	Неделя семестра	Виды учебной работы, включая самостоятельную работу студентов (с.р.с.) и трудоемкость (в часах)				Формы текущего контроля успеваемости (по неделям семестра). Форма промежуточной аттестации (по семестрам)
				лекция	с.р.с.	семинар	с.р.с.	
1	Наука и научный стиль в представлениях XVII – начала XVIII в.	1	1			2		
2	Появление научных текстов в Московской Руси XVII в. (лингвистика, география, история). Влияние латинского, греческого и европейских языков	1	2			2		Анализ текста
3	Начальный этап формирования терминологии: выработка принципов	1	3			2		Тест
4	Научный текст начала XVIII в.: влияние европейских языков. А.Д. Кантемир, переводы математических и естественно-научных сочинений	1	4			2		Анализ текста
5	Язык М.В. Ломоносова. Труды в разных областях науки. Современные подходы к исследованию языка Ломоносова	1	5–6			4		Реферат / учебно- методическая разработка
6	Лингвистические труды XVIII – начала XIX в.; традиции и новации. Словари лингвистические и энциклопедические. САР	1	7			2		Тест

7	Лингвистическая мысль XIX – начала XX вв. Наивная этимология А.С. Шишкова. Концепция языка в работах К.С. Аксакова. Филологические труды Я.К. Грота. Работы А.А. Шахматова	1	8–9			4		Рефераты / выступления с докладами
8	Язык науки XIX в. Обзор научных и научно-популярных журналов XIX – начала XX в.	1	10–11			4		Выступления с докладами; свободная дискуссия с обсуждением
9	Развитие языка русской истории: переводные и оригинальные сочинения. Влияние языка русской летописи	1	12			2		Анализ текста
10	Политика и международная ситуация в статьях XIX в. «Вестник Европы». Юридические тексты, юридическое красноречие	1	13			2		Анализ текста
11	Научный стиль медицинских текстов XIX в. Военно-медицинский журнал. Работы Н.И. Пирогова.	1	14			2		Анализ текста
12	Богословие в XIX веке. Журналы богословские, статьи и книги русских религиозных философов.	1	15			2		
13	Ненаучная составляющая научного текста в XX–XXI вв. Идеологическая часть в научном и учебно-научном тексте в СССР. Бюрократизация процесса создания научного текста.	1	16			2		Анализ текста
14	Псевдонаука. Подделки артефактов. Псевдонаучные теории	1	17			2		
15	Анализ научных текстов разного времени	1	18			2	Итоговая контрольная работа	зачет
Итого						36		

Содержание курса

Наука и научный стиль в представлениях XVII – начала XVIII в. и в современности. Средневековая сущность научного знания, 7 свободных искусств. Образование в Юго-Западной Руси (братские школы, Киевская Академия), начало обучения в Московской Руси. Область научного знания в XVII в. Характер изменений отношения к новому типу познания мира, отражение в языке. Ученый церковнославянский язык.

Появление научных текстов в Московской Руси XVII в. (лингвистика, география, история). Влияние латинского, греческого и европейских языков. Первые грамматические сочинения и их структура. Синтез наук в космографиях, географические, астрономические и исторические сведения. Новые формы текста, появляющиеся вместе с переводами космографий и географий. Параллелизм использования лексем в научной терминологии.

Начальный этап формирования терминологии: выработка принципов. Заимствования, создание новых слов, создание устойчивых сочетаний. Глоссы как начальный этап толкований. Формирование лексиконов, вариативность толкований. Работа над точным словом в практике Епифания Славинецкого.

Научный текст начала XVIII в.: влияние европейских языков в условиях разрушения церковнославянского научного языка. Переводы математических и естественно-научных сочинений. Перевод А.Д. Кантемира («Разговор о множестве миров»). Преемственность и новаторство. Новые формы презентации научной информации. Дальнейшая трансформация этих форм (научно-популярная литература).

Язык М.В. Ломоносова. Труды ученого в разных областях науки. Используемые М.В. Ломоносовым языки в контексте общего владения иностранными языками в середине XVIII в.. Создание собственного текста и/или редакция. «Российская грамматика» – преемственность и новаторство. Труды в области естественных наук, терминосистема Ломоносова, создание терминов и следование традиции. Современные подходы к исследованию языка Ломоносова – словарь языка Ломоносова (ИЛИ РАН). Обучение чтению ломоносовского текста с прикладными целями в рамках преподавания дисциплины «Русский язык и культура речи» на филологических факультетах МГУ. Подготовка проектной деятельности по научному языку Ломоносова в старших классах школ естественно-научного и технического профиля.

Лингвистические труды XVIII – начала XIX в. Труды В.К. Третьяковского, грамматики А.А. Барсова, Н.И. Греча, А.Х. Востокова как научные сочинения, реализующие новые подходы к описанию языка. Система словарей, представленная в грамматиках. Словари разных типов (тематические, географические, исторические и т. д.). Лингвистические принципы составления словарей, отраженные в первом и во втором издании САР. Участие А.С. Шишкова в создании САР.

Лингвистическая мысль XIX – начала XX вв. Наивная этимология А.С. Шишкова. Начало сравнительно-исторического языкознания и признание достижений русской науки. Концепция языка в работах К.С. Аксакова. Философско-филологические концепции. Филологические труды Я.К. Грота. Методология и история науки в трудах Грота. Работы А.А. Шахматова. Историко-филологический подход. Poleмика о словарях; вопросы истории и диалектологии русского языка как основы изучения актуальных аспектов современного русского языка. Ученые о преподавании русского языка в школах.

Язык науки XIX в. Обзор научных и научно-популярных журналов XIX – начала XX в. Структура журналов, освещаемые вопросы. Разделы, связанные с обзором новинок и открытий, язык этих разделов как научно-публицистический. Собственно научные статьи (лингвистика, история, краеведение, литературоведение, фольклористика). Публикации текстов и комментарии. ЖМНП как обращенный к педагогическим кадрам. Требования к размещенным публикациям: вопрос о формализации представления научной информации и свободе научной мысли. Ссылки как ориентация на знания читающего.

Развитие языка русской истории: переводные и оригинальные сочинения. В.Н. Татищев, Н.М. Карамзин, исторические статьи в журналах. Влияние языка русской летописи на формирование языка исторических сочинений. Стык истории и филологии в работах А.А. Шахматова. Развитие терминосистемы собственных исторических научных сочинений.

Политика и международная ситуация в статьях XIX в. «Вестник Европы». Юридические тексты, юридическое красноречие. Словари и справочники, собирающие политическую и юридическую терминологию, характер толкования ее. Используемые языки. Стык филологии и правоведения (изучение Русской Правды и т. д.).

Научный стиль медицинских текстов XIX в. Военно-медицинский журнал. Работы Н.И. Пирогова. Публичные выступления Н.И. Пирогова.

Богословие в XIX в. Журналы богословские, статьи и книги русских религиозных философов. Терминология как индивидуальное творчество, толкование собственной терминосистемы. Дискуссии о церковнославянском и русском языке как языке богослужения конца XIX – начала XX в. Тезисы «за» и «против» с позиций научного подхода.

Ненаучная составляющая научного текста в XX–XXI вв. Идеологическая часть в научном и учебно-научном тексте в СССР. Ссылки на классиков марксизма-ленинизма как часть текста. Появление в ряде наук идеологической терминологии (партийность, народность, классовость, социалистический реализм и т. д.). Бюрократизация процесса создания научного текста, разработка специальных правил построения текста (диссертация, диплом), формализация списков литературы. Правила цитирования. Пособия по подготовке научного текста.

Псевдонаука. Подделки артефактов. Дискуссии о подлинности. Псевдонаучные теории. Борьба ученых с псевдонаучными теориями, лекции и выступления, посвященные научному обоснованию их ненаучности.

АННОТАЦИЯ

Курс «История русского научного текста» формирует у магистрантов критическое отношение к научному тексту разного времени создания. Знание истории русского научного текста, умение читать и анализировать тексты по разным научным специальностям необходимы для преподавания дисциплины «Русский язык и культура речи» для студентов-нефилологов.

5. Рекомендуемые образовательные технологии

Курс предполагает использование студентами в рамках самостоятельной работы сети Интернет и иных информационных технологий для поиска и анализа информации.

6. Учебно-методическое обеспечение самостоятельной работы студентов. Оценочные средства для текущего контроля успеваемости, промежуточной аттестации по итогам освоения дисциплины

ВИДЫ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ОБУЧАЮЩЕГОСЯ

1. Реферирование рекомендованной научной литературы.
2. Составление словаря терминов разных периодов развития русской научной мысли.
3. Подготовка к докладам, свободной дискуссии.
4. Аспектный анализ рекомендованного текста (3–4 работы в течение семестра).
5. Комплексный сопоставительный анализ научных текстов разного времени (задание выполняется в конце семестра и защищается как зачетное).

ПРИМЕРНЫЕ ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ

Цель работы – аргументированное описание особенностей конкретного научного материала.

«Описание Каспийского моря» 1763 г. как образец географического труда XVIII в.

«Фармакопея Российская» издания 1802 г. и ботаническая терминология конца XVII – начала XVIII в.

«Известия византийских историков, объясняющие древнюю историю российскую» 1771 и современные публикации (Древняя Русь в свете зарубежных источников).

«Морской словарь» А.С. Шишкова и естественно-научная терминология в нем.

Медицинская лексика и ее описание в САР.

«География» Н.И. Соколовского и особенности учебно-научного стиля XIX в.

Корнеслов А.С. Шишкова как образец первого этимологического рассуждения. Лингвистическая терминология А.С. Шишкова.

«Разговор об орфографии» В.К. Тредиаковского и разбор этого труда в статье Г.О. Винокура: акценты автора и исследователя.

Геометрические переводы и сочинения XVIII в. (предполагается поиск материала на сайте любой библиотеки).

Язык «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина (анализ любого фрагмента).

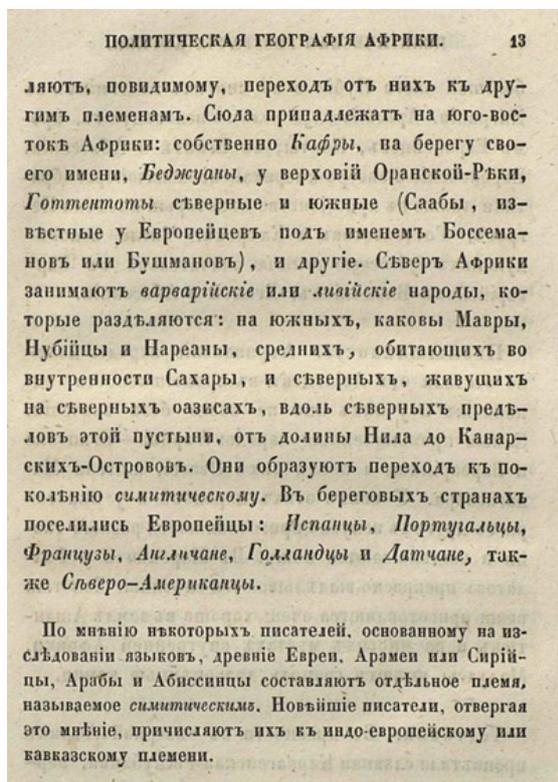
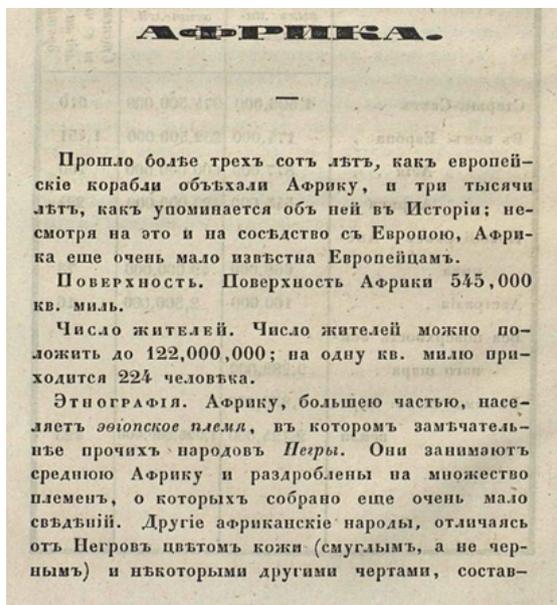
Лингвистические взгляды К.С. Аксакова (анализ любой главы грамматических сочинений).

Лекция академика А.А. Зализняка «О любительской лингвистике» и структура научного обоснования в ней.

Произведения для анализа подбираются индивидуально в соответствии с учетом интересов магистранта.

Образец текста для анализа № 1

Прочитайте фрагменты текста:

А. К какому периоду развития русской научной мысли относится данный фрагмент? Является ли он оригинальным или переводным? Докажите свою точку зрения.

Б. Типичен ли язык текста для географического сочинения данного времени? Сравните с рассмотренными на занятиях материалами.

В. Есть ли в тексте научная терминология? Докажите свою точку зрения.

Образец текста для анализа № 2

Прочитайте фрагменты текста:

СУСПЕНСИИ И СИГЛИ

Суспенсия, как мы указывали выше, представляется самой естественной, самой простой и самой ранней из всех возможных систем сокращений. Следует заметить, что исследования последнего времени все более подчеркивают значение системы римских юристов, так наз. *Notae iuris*, в истории сокращений. Переходным моментом явилась здесь система островных сокращений, усвоившая их с большей широтой, чтобы в каролингскую эпоху передать континенту самый ранний и простой ее символ: знак, являющийся нам уже в надписях и ранних унциалах: это точка, которая ставится на месте сокращения, вверху строки (или в ее середине). С течением времени знак этот начинает разнообразиться: суспенсия выражается коротким апострофом, косой чертой, петелькой, крючочком, завитком, наконец, горизонтальной или волнистой черточкой, которая покрывает или слегка перечеркивает последние буквы слова {см. хотя бы в словаре А. Capelli. *Dizionario di abbreviature*, XII (*abbreviature per troncamento*) различные знаки суспенсии. См. также нашу табл. IV, 2-я половина 1-й строки}. Последний

знак, в основе, имеет другой смысл; он попал в суспензию из чужеродной ей системы контракции и, как в настоящее время ясно из исследований Траубе, выражал не сокращение, но подчеркивание значения слова. Самая осторожная суспензия это та, которая отбрасывает только флексию, лишая слово его грамматического определения, но сохраняя всю основную часть, в расчете, что форма (падеж, лицо, число и даже «часть речи») могут быть восстановлены читателем из контекста.

Это отрывок из книги О.А. Добиаш-Рождественской «История письма в средние века»; издана в 1922 г. Найдите сведения об авторе книги.

Найдите термины, объясните их (общеизвестные / специальные, однозначные / многозначные, известные вам / нет).

Оцените степень читабельности текста.

Оцените синтаксис главы, является ли он сейчас возможным для научного текста.

Составьте несколько вопросов к этому фрагменту и, если выйдет, практическое задание.

Образец текста для анализа № 2

Прочитайте фрагменты текста:

До сих пор еще ни разу не приходилось наблюдать, что разь развившійся ракъ самъ собою уменьшился и совершенно исчезъ. Правда, во всѣхъ болѣе или менѣе большихъ раковыхъ опухоляхъ наблюдается обширный регрессивный метаморфозъ и обильное образование рубцовой ткани, что можетъ повести къ довольно значительному уменьшению опухоли, но полного исчезанія никогда не замѣчалось. Приходилось дѣйствительно наблюдать, что не всѣ попадающія въ кровь раковыя клѣтки ведутъ къ образованию рака, но разь опухоль начала развиваться, то она неудержимо растетъ дальше. Уже изъ этого факта можно заключить, что нельзя ожидать излеченія отъ внутреннихъ средствъ, т. е. такихъ, которыя укрѣпляютъ организмъ и тѣмъ сообщаютъ нормальнымъ тканямъ способность преодолевать патологическон раковое разроженіе. Наблюдается даже какъ-разъ обратное, ибо извѣстно, что ракъ, развившійся у молодыхъ и крѣпкихъ субъектовъ, растетъ быстрѣе, чѣмъ у старыхъ, ослабленныхъ субъектовъ. Въ этомъ направленіи ракъ представляетъ, слѣдовательно, совершенно иное отношеніе, чѣмъ многія инфекціонныя болезни.

Преимущество прижиганія гальванокаутеромъ (см. «Гальванокаустика») по сравнению съ термокаутеро заключается въ томъ, что при немъ инструментъ вводится въ холодномъ состояніи вплоть до мѣста приложенія дѣйствія и можетъ быть приведенъ въ раскаленное соситояніе только въ моментъ примѣненія – обстоятельство, которое очень важно при прижиганіи въ узкихъ каналахъ и полостяхъ (носъ, зѣвъ, гортань, мочевоу пузырь). Термокаутеръ примѣняется поэтому преимущественно для прижиганій на поверхности тѣла (Реальная энциклопедія практической медицины. Медико-хирургическій словарь для практическихъ врачей. Переводъ с немецкаго изданія, съ дополненіями русскихъ авторовъ. Томъ IX; СПб., 1912, с. 107; с. 211)

Попробуйте определить характер словарных статей в данном словаре. Насколько однородным кажется вам организация словника данного словаря?

Сформулируйте характер различий между первым и вторым текстом из словаря.

Можно ли говорить об особой медицинской терминологии в связи с этим словарем? Каков характер образования врача, которому адресован текст?

Составьте несколько вопросов к этому фрагменту и, если выйдет, практическое задание.

Форма промежуточной аттестации – зачет.

ВОПРОСЫ К ЗАЧЕТУ

Понятие науки в средние века. Структура науки, место каждой дисциплины в этой структуре.

Определение «научного» текста в пирамиде жанров древнерусской литературы. Древнерусская космология, ее изучение.

Появление переводов научных текстов в Московской Руси: грамматические сочинения, грамматики.

Появление переводов научных текстов в Московской Руси: география и история.

Лексиконы, азбуковники, глоссарии в Юго-Западной и Московской Руси XVII в.

Сочинения иностранцев о Москве и русском языке как вид научного текста.

«Ученый» регистр церковнославянского языка второй половины XVII в.

Изменение представлений о науке в Петровское время. Издание «Геометрии» и «Географии». Язык первых печатных текстов».

Научные и научно-популярные тексты начала XVIII в. А.Д. Кантемир и перевод «Разговора о множестве миров».

Грамматические сочинения первой половины XVIII в.: Адодуров и Тредиаковский. Построение трактата об орфографии В.К. Тредиаковского и язык этого сочинения.

Язык лингвистических сочинений М.В. Ломоносова. Принципы построения терминологии.

Язык исторических сочинений М.В. Ломоносова. Принципы построения терминологии.

Язык естественно-научных сочинений М.В. Ломоносова. Принципы построения терминологии.

«История государства Российского» Н.М. Карамзина. Язык и стиль.

Словари и лексиконы XVIII в. Структура словарных статей. Лингвистические пометы.

Словарь Академии Российской (САР) и принцип его составления. Иллюстрации САР.

Развитие языка науки в XIX в. (выбор научного направления – на усмотрение отвечающего).

Журнал Министерства народного просвещения. Общий обзор, анализ любого номера.

Военно-медицинский журнал. Развитие медицинской терминологии в работах ведущих медиков – ученых и практиков.

Язык русской религиозной философии.

Аттестация по итогам освоения дисциплины (зачет) проводится по результатам выполнения зачетного задания с учетом текущего контроля успеваемости обучающегося, а также оценки за комплексный разбор выбранного текста.

7. Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины

А) ЛИТЕРАТУРА

- Аксаков К.С.* Сочинения филологические. Часть 1. М., 1875.
- Алпатов В.М.* Вопросы лингвистики в работах М.М. Бахтина 40–60-х гг. // Вопросы языкознания. 2001. № 6. С. 123–137.
- Алпатов В.М.* Пятьдесят лет журнала «Вопросы языкознания» // Вопросы языкознания. 2002. № 1. С. 4–35.
- Арнольд И.В.* Основы научных исследований в лингвистике: Учебное пособие. М., 2018.
- Востоков А.Х.* Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. 12-е изд. СПб., 1874.
- Грановская Л.М.* Русский литературный язык в конце XIX и XX в. М., 2005.
- Грекова О.К., Кузьмина Е.А.* Обсуждаем, пишем диссертацию и автореферат. М., 2014.
- Греч Н.И.* Пространная русская грамматика, изданная Николаем Гречем. Т. 1. 2-е изд., испр. СПб., 1830.
- Громов М.Н.* Своеобразие древнерусской философской мысли // Идеиные течения древнерусской мысли. СПб., 2001. С. 10–102.
- История русской лексикографии. СПб., 2001.
- Кравецкий А.Г., Плетнева А.А.* История церковнославянского языка в России (конец XIX–XX в.). М., 2001.
- Кузьмина Е.А.* Развитие грамматической мысли России XVI–XVIII вв. М., 2012.
- Кузьмина Е.А., Пентковская Т.В.* Пути формирования русского научного дискурса в XVII в. // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 4(59), С. 221–229.
- Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч.. М.; Л., 1950–1983.
- Лысова Т.В., Попова Т.В.* Культура научной и деловой речи: Учебное пособие. М., 2011.
- Макеева В.Н.* История создания «Российской грамматики» М.В. Ломоносова. М.; Л. 1961.
- Мечковская Н.Б.* Грамматические рукописи и лингвистические идеи Федора Поликарпова [Grammatical Manuscripts and the Linguistic Ideas of Fedor Polikarpov // Russian Linguistics]. 2002. Vol. 26. Issue 3. P. 363–376.
- Мильков В.В.* Космологические концепции и сведения в книжности Древней Руси // Древнерусская космология. СПб., 2004. С. 26–153.
- Миркович Г.* О школах и просвещении в патриарший период // Журнал Министерства народного просвещения. Июль 1878. Часть СХСVIII. С. 1–62.
- Николенкова Н.В.* Русская географическая терминология во «Введении в Космографию»: Лингвистический аспект // Историческая география. Т. 3. М., 2016. С. 121–123.
- Симонов Р.А.* Предыстория рукописной и печатной русской математической книги (древнерусский учебно-математический «фольклор» и «пособия» табличного типа) // Рукописная и печатная книга. М., 1975. С. 205–212.
- Словарь языка М.В. Ломоносова. Минералогия: Словарь-справочник. Вып. 5. СПб., 2010.
- Смирнов С.В.* Философские грамматики в России // Сравнительно-исторические исследования русского языка. Воронеж, 1980. С. 41–48.
- Райнов Т.* Наука в России XI–XVII веков: Очерки по истории донаучных и естественно-научных воззрений на природу. М.; Л., 1940.

Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова / Под ред. Б.А. Успенского. М., 1981.

Филонов А. Русские учебники по теории прозаических сочинений // Журнал Министерства народного просвещения. 1856. № 4. Апрель. С. 1–60.

Флоря Б.Н. Славянский мир и его судьбы в древнейшую эпоху его истории в первой редакции «Хроники» Мартина Кромера // *Slovĕne*. 2017. № 1. С. 381–392.

Что думают ученые о Велесовой книге? Сб. статей. СПб., 2004.

Б) ПРОГРАММНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

КАТАЛОГ ССЫЛОК НА САЙТЕ КАФЕДРЫ РУССКОГО ЯЗЫКА МГУ

<http://www.philol.msu.ru/~ruslang/links/>

Национальный корпус русского языка:

<http://www.ruscorpora.ru/>

Электронные ресурсы Института русского языка РАН имени В.В. Виноградова

<http://www.ruslang.ru/agens.php?id=res>

Электронный ресурс JStor:

<http://www.jstor.org/>

Электронный ресурс РГБ:

<https://www.rsl.ru/>

Журнал Министерства народного просвещения и другие издания:

<http://www.runivers.ru/>

8. Материально-техническое обеспечение дисциплины

- а) аудитория, оборудованная проектором для презентаций лекционного материала;
- б) компьютеры с доступом в Интернет для самостоятельной работы студентов;
- в) комплекты учебно-методической и научной литературы.

Программа составлена в соответствии с требованиями ОС МГУ по направлению подготовки «Филология».

Автор выражает благодарность первым слушателям курса – магистрантам групп 602 (русский язык) и 634 (РЯФКА), закончившим обучение в 2019 г., и группы 534, которые перешли сейчас на 2 год обучения. Автор хочет выразить благодарность всем магистрантам, посещавшим этот курс, поскольку без них данная концепция не сложилась бы в законченном виде.

Автор-разработчик:

Наталья Владимировна Николенкова,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Natalia V. Nikolenkova,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
natanik2004@mail.ru

Критика. Библиография

Critique. Bibliography

С.В. Алпатов, О.А. Кузнецова (Москва, Россия)

Проблемы польско-русских литературных связей в изданиях серии «Biblioteka przekladow rosyjskich XVII–XVIII wieku z literatury staropolskiej»

Аннотация. Вышедшие на протяжении последнего десятилетия восемь томов серии «Библиотека русских переводов XVII–XVIII вв. древнепольской литературы» не только представили научному сообществу стандарт современного издания старопечатных и рукописных источников переводного происхождения, но обозначили ряд новых аспектов в изучении российской переводческой техники раннего Нового времени, а также в специфике восприятия произведений старопольской литературы отечественной читательской аудиторией XVII–XVIII вв.

Ключевые слова: польско-русские литературные связи, переводы

S.V. Alpatov, O.A. Kuznetsova (Moscow, Russia)

Problems of Polish-Russian Literary Relations in Series “Biblioteka przekladow rosyjskich XVII–XVIII wieku z literatury staropolskiej”

Abstract: Published over the past decade eight volumes of the series “Library of Russian Translations from Old Polish Literature of the 17–18th centuries” presented not only a standard of the modern edition of old-printed and manuscript sources to the scientific community, they also outlined new aspects in the study of Russian translation techniques of the early Modern Times, as well as those of old Polish literature perception by the Russian readership of the 17th–18th centuries.

Key words: Polish-Russian literary relations, translations

Многолетние плодотворные разыскания профессора Лодзинского университета Элизы Малэк в области польско-русских литературных, фольклорных и культурных связей подготовили концептуальную, текстологическую и методологическую основу для интенсивной работы над фундаментальным проектом «Библиотека русских переводов XVII–XVIII вв. древнепольской литературы». В течение 2011–2018 гг. увидели свет восемь книг серии, не считая отдельных выпусков, связанных с основной тематикой издания.

Первые тома серии были посвящены исследованию и публикации трех переводов (двух древнерусских и одного Петровского времени) «Апофегмат» Беняша

Будного¹. Скрупулезное изучение судеб «Кратких и витиеватых повестей» в российской культуре XVII–XVIII вв. было мотивировано отсутствием полноценных научных изданий переводов памятника на русский язык, многочисленными неверными атрибуциями конкретных рассказов из «Апофегмат» в исследовательской литературе, а также слабой изученностью вопросов переводческой техники и механизмов рецепции значимых произведений европейской ренессансной и барочной словесности в России раннего Нового времени.

Наблюдения над переводческими стратегиями неизвестных древнерусских авторов позволили установить как традиционные для книжников того времени алгоритмы (христианизация древности, сокращение авторских комментариев политического характера, деполонизация перевода), так и специфические приемы, обусловленные необходимостью передачи разнообразных собственных имен, а также стихотворных цитат из классических авторов. Характерны выводы, полученные в результате сравнения петровского перевода «Апофегмат» с двумя предыдущими: новый переводчик не просто опускает этноспецифичные или политически ангажированные комментарии Будного, но и в целом стремится освободить древнюю апофегму или исторический анекдот от назидательных обобщений и деклараций [Архангельская, Алпатов 2014].

В каждом из указанных томов серии в самостоятельные разделы аккумулярованы выявленные по многочисленным владельческим записям и маргиналиям следы рецепции перевода, позволяющие охарактеризовать социальный и образовательный статус, а также локальную и временную стратификацию читательской аудитории. Ярким образцом восприятия переводных апофегм служит использование фрагментов из второго древнерусского перевода в челобитных А.С. Матвеева царю Федору Алексеевичу: сосланный в 1676 г. в Пустозерск опальный боярин добивался справедливого суда, опираясь на цитаты не только из Священного Писания и Отцов церкви, но также из «кратких повестей» об Александре Македонском и Тите Веспасиане.

Афористический потенциал «Кратких и витиеватых повестей» Б. Будного, включавших наряду с латинскими сентенциями множество оригинальных польских поговорок, оказался востребован в устной российской коммуникации, что побудило Э. Малэк посвятить самостоятельный экскурс сравнению паремий из петровского перевода «Апофегмат» (1711) и «Собрания 4291 древних российских пословиц» (1770), традиционно атрибутируемого А.А. Барсову². Проведенное исследование не только продемонстрировало стабильность отечественного паремиологического фонда (большинство пословиц дожило до нашего времени в той форме, в какой внес их в свой сборник составитель), но и позволило отодвинуть нижнюю границу функционирования рассматриваемых паремий в русском языке с эпохи публикации барсовского «Собрания» ко времени появления петровского перевода «Апофегмат» Будного [Алпатов 2016].

Предметом самостоятельного исследования стала изданная в серии «Повесть утешная о купце, который заложился с другим о добродетели жены своя» Б. Буд-

¹ *Malek E.* Первый древнерусский перевод «Апофегмат» Беняша Будного: Исследование и издание текста. Łask: Oficyna Wydawnicza LEKSEM, 2011. 216 s.; *Malek E., Nikolajew S.* «Апофегматы» Беняша Будного в переводе Петровского времени. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2012. 417 s.; *Malek E.* «Второй» древнерусский перевод «Апофегмат» Беняша Будного: Исследование и издание текста. Warszawa: BEL Studio, 2016. 320 s.

² *Malek E.* Собрание 4291 древних российских пословиц и «Апофегматы» Беняша Будного (Из истории русской паремиологии). Warszawa: Nowy świat, 2016. 62 s.

ного, восходящая к девятой новелле второго дня «Декамерона» Дж. Боккаччо¹. В монографии устанавливается источник древнерусского перевода, характеризуются стратегии анонимного переводчика, списки повести систематизируются в пять редакций, на основе которых прослеживаются фазы адаптации памятника на русской почве: от типичной ренессансной новеллы (Первоначальная и Краткая редакции) через амплифицирующую переработку (Распространенная редакция) к смене функциональной рамки (Назидательная редакция) и включению фольклорных компонентов (Сказочно-былинная редакция) [Алпатов 2015].

Особый том серии посвящен судьбам плутовского романа о Совиздрале-Совизжале-Уленшпигеле в России². Народная книга XVI в. о похождениях остроумного пройдохи была полностью переведена на русский язык с польского лишь во второй половине XVIII в. Однако прежде, чем попасть в печатную литературу, отдельные сюжеты этого популярного сочинения, несомненно, бытовали в сборниках рукописных фацеций, а также в виде устных анекдотов о шпынях, прикидывающихся дураками. Амплификация текста перевода за счет включения в книгу устных анекдотов, песен, пародийных курантов и иных форм массовой смеховой культуры России XVIII в. одновременно отражает характерные запросы читательской аудитории, на которые ориентировался переводчик-адапатор [Космолинская 2015].

В 2017 г. вышел шестой том³ серии «Библиотека русских переводов», посвященный романной и драматической версиям «Истории о Генрике и Меленде» – русским адаптациям неизвестного пока польского оригинала. Роман о злоключениях и чудесной встрече влюбленных был переведен в начале XVIII в., распространялся в списках, редактировался, а затем, как и ряд других переводных произведений этого времени, послужил материалом для инсценировки: пьеса оставалась в репертуаре любительских театров до середины столетия. Публикация текстов трех редакций романа (Первоначальной, Распространенной и Сокращенной) в сопоставлении со сценической версией («Комедии об Индрике и Меленде») отражает поэтапное встраивание переводного произведения в литературный контекст начала XVIII в.: фиксируются, с одной стороны, процесс освобождения от полонизмов, а с другой стороны, процесс проникновения характерных канцеляризмов, а также фольклорных элементов, попытки русифицировать некоторые реалии, придать событиям дополнительную мотивировку и большее правдоподобие. Каждый из поздних редакторов «Истории» выбирает свою стратегию изложения, дополняя текст оценочными замечаниями (Тверской список) или опуская подробности, делая язык романа афористичнее или кропотливо излагая звенья причинно-следственных связей. Однако вместе эти редакции хорошо отображают динамику формирования художественного языка эпохи. Э. Малэк запечатлен процесс утраты связи романа с историческим контекстом, польским церемониальным этикетом XVII в., и нанизывания шаблонов любовно-авантюрного сюжета. Попав на сцену, «История» испытывает на себе мощное влияние образцовых текстов эпохи (пьесы о Дафне и Аполлоне, любовной лирики петровского времени [Перетц 49]). Обнаруживаются отдельные пересечения формульных реплик с

¹ *Małek E.* «Повесть утешная о купце» Беньша Будного в Польше и на Руси (между ренессансной новеллой и назидательной повестью). Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2013. 272 s.

² *Małek E.* Русский перевод плутовского романа о Совизжале и его судьба в России. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2014. 372 s.

³ *Małek E.* «История о Генрике и Меленде» и ее драматическая обработка. К вопросу о судьбе древнепольского романа в России. Warszawa: BEL Studio, 2017. 260 s.

текстом пьесы «О князе Петре Златых Ключах». В то же время романная версия «Истории о Генрике и Меленде» сама становится образцовым текстом для поздней редакции «Повести о Петре Златых Ключей».

Одним из наиболее интересных вопросов, возникающих в связи с исследованием Э. Малэк, является характер взаимодействий романа и комедии. Обе поздние редакции «Истории» обладают сценическим потенциалом: в них появляются уточнения о перемещении героев, близкие к ремаркам; реплики становятся более емкими, повествование о событии может заменяться прямой речью персонажа. Исследовательница справедливо замечает, что автор «Комедии об Индрике и Меленде» почти не использует цитат из романа, хотя точечные последовательные текстологические пересечения безусловно свидетельствуют о прямой связи драматургического произведения с прозаическим источником. При этом во всех редакциях романа возникает спонтанная рифмованная речь. Некоторые стихотворные фрагменты разных редакций находят отклик в драматургическом тексте. Но самый показательный пример соотносится с Сокращенной редакцией. Он связан с предложением саксонского правителя Меленде: «Буди ты мне женою / И всей Саксонии госпожею» [Ранняя русская драматургия 513]. На приблизительное сходство реплик героини романа и комедии обращала внимание С.А. Щеглова [Щеглова 1956: 269], но благодаря публикации всех редакций проявилось полное соответствие стихотворных вариантов и стал понятен путь перехода от прозаического варианта к рифмованному через синонимическую замену «государыня» – «госпожа». В целом для Сокращенной редакции особенно характерно появление анафорических повторов, параллелизмов и уникальной рифмованной речи: и авторский текст, и реплики героев то и дело звучат раешным стихом.

Отчасти публикация романских версий проливает свет на появление в комедии аллегорического персонажа Сетование, связанного со школьной драматической традицией. Он задействован единственный раз в моменте завязки. В романе эмоциональное напряжение сцены отъезда Генрика достигается при помощи монологов матери, которая чувствует, что расстанется с сыном навсегда. Мотив предвидения усиливается в поздних редакциях. В комедии же персонаж матери является внесценическим, но в соответствующий момент Сетование предупреждает о наступлении несчастий, благодаря чему ощущение фатальности событий сохраняется.

Уже на примере изменения круга цитируемых источников от романа в Первоначальной редакции к комедии хорошо видна смена культурной парадигмы: опускаются отсылки к Библии, «Домострою», притче «Физиолога». Вместе с репликами Аполлона и Дафны, которые вкладываются в уста Саксонскому королю и Меленде соответственно, в комедии актуализируется сюжетный код куртуазного преследования, который не был заложен в романе. Противостояние отца и сына намечается в завязке пьесы: в отличие от читателя, зритель впервые видит героя именно предстоящим перед отцом – подобным образом будет построена сцена с Адольфом в народной драме о Царе Максимилиане. Сюжет о Генрике и Меленде уверенно встраивается в популярную литературу о могущественных королях, коварных советниках, заграничных путешествиях и испытаниях чувств.

Вышедший в 2017 г. седьмой том¹ серии посвящен исследованию переводного образца еще одного популярнейшего жанра литературы Нового времени – кален-

¹ *Malek E. Marcina Stanisława Słowakowica «Nowy i stary kalendarz świąt rocznych i biegów niebieskich na Rok Pański MDCLXXXIX». Próba rekonstrukcji. Warszawa: BEL Studio 2017. 120 s.*

даря Словаковица на 1689 г. Календарь за этот год не сохранился на языке оригинала, поэтому Э. Малэк использует русский перевод в сочетании с текстами календарей других лет для реконструкции польского источника. Показательны наблюдения исследовательницы над переводческой техникой С. Лаврецкого, служившего в Посольском приказе: перевод очищен от сомнительных с ортодоксальной точки зрения фрагментов, астрологическая терминология строится по греческим моделям древнерусской книжной традиции (Ермис вместо Меркурия, Ефродита вместо Венеры, Арис вместо Марса). Вторая часть календаря Словаковица построена как серия литературных новелл, сходная с комплексами четьих текстов, уже известных русской аудитории и вызывавших живую читательскую реакцию [Шамин 2018]. Любопытно сравнить рассказы календаря о польке, родившей «36 сынов в Кракове в лето 1269», и о голландке, которая «в лето 1276 родила 364 робенка», с аналогичными по содержанию выписками «из газет» в сборнике третьей четверти XVIII в.¹ о немке, которая «единым рождением роди 150 детей», и другой жене, что «на всяко лето по 5 детей раждаше» (всего – 60), а также польке, матери 36 детей, и «дщи кесаря брабантского жене короля немецкого», родившей 364 младенца в Страстной Пяток, увенчанных комментарием – «сушая ложь и сонные бредни» (л. 216 об.–217). В то же время неизвестный читатель и переписчик заграничных новостей предлагает взамен «отсюда принимай взаправду, в Московскую губернскую канцелярию написано»: «минувшаго 1754 году Шуйскаго уезду села Веденского у крестьянина одна Кириллова с первой женою 21 брюхо, в том числе четверо четверних, семеры троинних, деветеры двоинних, итого 57 человек. 3 другою женою 7 брюх, в том числе шестеры двоинных, одне троиннии, итого 15 человек. Всего от обеих жен 72 человека, а ему Кириллову от роду 70 лет, в живых ныне 51 человек, а померло 21 человек» (л. 217–217 об.).

Сделанное Э. Малэк еще в первом томе серии предположение, что автором первого древнерусского перевода «Апофегмат» Б. Будного мог быть князь Михаил Кропоткин, побудило ее обратиться к исследованию автографов других переводов Кропоткина с польского языка, в числе которых публикуемое в восьмом томе «Библиотеки переводов» сочинение Шимона Старовольского «Двор цесаря турецкого»².

В первой части монографии характеризуется творчество Старовольского, включавшее значительное число произведений турецкой тематики, среди которых в 1646 г. увидел свет и «Dwór cesarza tureckiego i rezydencyja jego w Konstantynopolu», восходящий к сочинению Альфонсо Кьериччи «Vera relatione della gran città di Costantinopoli et in particolare del serraglio del Gran Turco», изданному дважды – в 1621 и 1639 г.

Аmplифицированная версия польского священника не только формировала представления читателя о Константинополе, быте, нравах и политике султанского двора, но и преследовала цель пробудить патриотические чувства в соотечественниках, зачастую уступавших в ревности и благочестии грозному и фанатичному противнику. Адаптация Старовольского выдержала множество переизданий (1647, 1649, 1657, 1695, 1708 и 1715 гг. – все в Кракове) и вызвала активный интерес в России: во второй половине XVII в. появилось 8 русских переводов [Янссон 2019].

Исследуемый перевод Михаила Кропоткина создан около 1717 г., однако полностью сохраняет композицию оригинала полувековой давности. Техника Кро-

¹ РГАДА. Ф.188. Оп. 1. Ед. хр. 1363. 241 л.

² Malek E. «Двор цесаря турецкого» Шимона Старовольского в переводе кн. Михаила Кропоткина (исследование и издание текста). Warszawa: BEL Studio, 2018. 220 s.

поткина сродни алгоритмам книжников конца XVII в.: перевод насыщен лексическими, грамматическими, синтаксическими полонизмами, тюркизмы оригинала транскрибируются, в частности, следом за Старовольским, сохраняется форма именованя мусульманского храма «мосхей» (*moschea*), хотя в русском языке уже функционировал термин «мечеть».

Яркий пример адаптации текста перевода под влиянием отечественных бытовых реалий обнаруживается в 22-й главе, где рассказывалось о том, что в жарких восточных странах магометане носят одежду с широкими рукавами, чтобы обмывать руки, не раздеваясь: «I dlatego we wschodnich krajach, kędy jest gorąco wielkie, wszyscy machometani **w koszulach z szerokimi rękawami chodzą**, a w deliach tylko, aby się zawsze mogli kąpać po łokcie, kiedy potrzeba, nie rozbierając się z telejów». Кропоткин же, припоминая боярскую одежду допетровского времени, заменяет *koszule* (рубахи) – *шубами* с широкими рукавами.

Переводчик также счел лишними для русского читателя публицистические инвективы польского автора в адрес соотечественников, оставив в тексте лишь то, что прямо относилось к описанию турецких реалий.

В отдельной главе монографии «Князь Михаил Кропоткин – человек и писатель» систематизируются имеющиеся биографические сведения об авторе перевода и делается попытка охарактеризовать на их основе его литературную культуру.

Исследовательница прежде всего указывает на факт принадлежности Кропоткина к кругу царевны Софьи и князя В.В. Голицына. Подобно другим отечественным эрудитам рубежа XVII – начала XVIII в., Кропоткин сочинял силлабические стихи, используя, в частности, маркирующий становление авторского самосознания мотив Зоила. Вместе с тем в топике и поэтике его прозаических и стихотворных опусов отчетливо проявляются черты книжника-традиционалиста, сознающего свое «убожество», но стремящегося с пользой для себя и читателя употребить праздное время.

Из польских сочинений Кропоткину были известны «Апофегматы» Беняша Будного, которые он перевел в 1690 г., хроники Матвея Стрыйковского и Александра Гвагнаина, польское издание «Космографии» Джованни Ботеро, фрагменты которых он переводил в 1691 г. Суммарно уровень работы Кропоткина в качестве переводчика оценивается как любительский, не превышающий средней планки синхронных ему непрофессиональных переводов.

Охватывая мысленным взором многообразие подготовленных Э. Малэк томов серии «Библиотека русских переводов XVII–XVIII вв. древнепольской литературы», следует подчеркнуть, что рассмотренные книги объединяет цельность издательского замысла, строгость исследовательской методологии, точность аналитических инструментов и выверенность текстологического аппарата. Выходившие на протяжении десятилетия выпуски серии не только сформировали стандарт современного издания старопечатных и рукописных источников переводного происхождения, но обозначили ряд новых аспектов в изучении российской переводческой техники раннего Нового времени, а также специфики восприятия произведений старопольской литературы отечественной читательской аудиторией XVII–XVIII вв.

ЛИТЕРАТУРА

Алпатов С.В. Научная серия «Biblioteka przekladow rosyjskich XVII – XVIII w. z literatury staropolskiej». Т. 1–4 // Традиционная культура. 2015. № 1. С. 177–181.

Алпатов С.В. Этюд по русской паремииологии (Eliza Małek. Собрание 4291 древних пословиц и Апофегматы Беняша Будного) // Живая старина. 2016. № 4. С. 60–61.

Архангельская А.В., Алпатов С.В. Biblioteka przekladow rosyjskich XVII–XVIII wieku z literatury staropolskiej: Т. 1. Eliza Małek. Первый древнерусский перевод апофегмат Беняша Будного. Исследование и издание текста. Łask, 2011; Т. 2. Eliza Małek, Siergiej Nikołajew. Апофегматы Беняша Будного в переводе Петровского времени. Łódź, 2012 // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. 2014. № 1. С. 239–244.

Космолинская Г.А. [Рец.] Małek Е. Русский перевод плутовского романа о Совизжале и его судьба в России. Łódź: Wydawnictwo uniwersytetu Łodzkiego, 2014 (Biblioteka przekladow rosyjskich XVII–XVIII wieku z literatury staropolskiej) // Новое литературное обозрение. 2015. № 2(132). С. 404–407.

Перетц В.Н. Очерки по истории поэтического стиля в России. (Эпоха Петра Великого и начало XVIII ст.). Вып. I–IV. СПб., 1905.

Ранняя русская драматургия. XVII – первая половина XVIII в.: В 5 т. Т. 5. Пьесы любительских театров / Под ред. К.Н. Ломунова, А.Н. Робинсона, О.А. Державиной. М., 1976. 860 с.

Шамин С.М. [Рец.] Е. Małek. Marcina Stanisława Słowakowica. Nowy i stary kalendarz świąt rocznych i biegow niebieskich na rok pański MDCLXXXIX. Proba rekonstrukcji. Warszawa, 2017 // Российская история. 2018. № 3. С. 212–215.

Щеглова А.С. Разночинно-демократический театр начала XVIII в. и его репертуар // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 12. М.; Л., 1956. С. 263–283.

Янсон О. Проблемы исследования первого русского перевода «Двора цесаря турецкого» Ш. Старовольского // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Материалы X Международной научной конференции. М.: Индрик, 2019. С. 241–242.

REFERENCES

Alpatov S.V. Scientific Series “Biblioteka przekladow rosyjskich XVII–XVIII w. z literatury staropolskiej”. Vols. 1–4. *Traditsionnaya Kul'tura (Traditional Culture)*. 2015. No 1, pp. 177–181.

Alpatov S.V. Etude on Russian Paremiology (Eliza Małek, Collection of 4291 of ancient proverbs and Apofhegmata by Benyash Budny). *Zhivaya Starina*. 2016. No 4, pp. 60–61.

Arkhangel'skaya A.V., Alpatov S.V. Biblioteka przekladow rosyjskich XVII – XVIII wieku z literatury staropolskiej: Vol. 1. Eliza Małek. The First Ancient Russian Translation of Apofegmat by Benyash Budny. Research and Publication of the Text. Łask, 2011; Vol. 2. Eliza Małek, Siergiej Nikołajew. Apofegmata by Benyash Budny in the Translation of Peter the Great Time. Łódź, 2012. *Moscow State University Bulletin. Series 9, Philology*. 2014. No 1, pp. 239–244.

Kosmolinskaya G.A. [Rev.] E. Małek. Russian Translation of the Rogue Novel about Sovizzhal and Its Fate in Russia. Łódź: Wydawnictwo uniwersytetu Łodzkiego, 2014 (Biblioteka przekladow rosyjskich XVII–XVIII wieku z literatury staropolskiej). *Novoe Literaturnoe Obozrenie*. 2015. No 2(132), pp. 404–407.

Peretz V.N. (1905) Essays on the History of Poetic Style in Russia (The Era of Peter the Great and the beginning of the 18th century). Vols. I–IV. St.-Petersburg.

Early Russian Drama. The 17th – the first half of the 18th century: In 5 vols. Vol. 5. Amateur Theater Pieces / Eds.: K.N. Lomunov, A.N. Robinson, O.A. Derzhavina. Moscow. 1976. 860 p.

Shamin S.M. [Rev.] E. Małek, Marcina Stanisława Słowakowica Nowy i stary kalendarz świąt rocznych i biegow niebieskich na rok pański MDCLXXXIX. Proba rekonstrukcji. Warszawa, 2017. *Rossiyskaya Istoriya*. 2018. No 3, pp. 212–215.

Shcheglova A.S. The Democratic Theater at the beginning of the 18th century and its Repertoire. In: Transactions of the Department of Old Russian Literature. Vol. 12. Moscow; Leningrad. 1956, pp. 263–283.

Jansson O. Problems of Researching the First Russian Translation of “Court of the Caesar of Turkey” by S. Starovolsky. In: An Integrated Approach to the Study of Ancient Russia. Proceedings of the X International Scientific Conference. Moscow. Indrik Publ. 2019, pp. 241–242.

Сведения об авторах:

Сергей Викторович Алпатов,
доктор филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Sergey V. Alpatov,
Doctor of Philology
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
alpserg@gmail.com

Ольга Александровна Кузнецова,
канд. филол. наук
директор Школы юного филолога
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Olga A. Kuznetsova,
PhD
Director of the School of Young Philologist
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
o_kuznetsova@mail.ru

ISSN 2309-9917
DOI 10.24249/2309-9917-2019-37-5-1-208

STEPHANOS
2019
№5 (37)

Номер подготовлен
на филологическом факультете
МГУ имени М.В. Ломоносова

Issue prepared
at the Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Москва — Moscow
2019
Сентябрь — September